ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Владимир Бешанов

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ОБОРОНА

Бешанов В. В.

Ленинградская оборона/В. В. Бешанов.—М.: ООО «Издательство АСТ», Мн.: Харвест, 2005.— 480 с— (Военно-историческая библиотека).

Эти книга интересна тем, что автор сделал главным предметом своего рассмотрения не жизнь блокадного Ленинграда (чему посвящено множество публикаций), а боевые действия на дальних и ближних подступах к северной столице России. Он начинает свой анализ с момента вторжения германских войск на территорию Прибалтики в июне 1941 года и заканчивает его Мгинской операцией в июле — августе 1943 года.

Книга написана с использованием мемуаров советских и немецких военачальников; воспоминаний рядовых участников боев; официальных документов, в том числе документов НКВД, рассекреченных лишь в последние годы. Она наглядно показывает, сколь огромную цену пришлось заплатить народам СССР за победу в Великой Отечественной войне и дает объяснение причин этого.

Рукопись книги получила одобрение ряда ветеранов, участников героической обороны Ленинграда, а также научных сотрудников музеев Санкт-Петербурга, изучающих данный вопрос. Она рассчитана на широкую читательскую аудиторию.

Содержание

Предисловие автора 6

Глава 1. **Разгром РККА в Прибалтике** (июнь — август 1941 г.) 6

Глава 2. **Таллинский прорыв КБФ** (август 1941 г.) 30

Таллинский переход 37

Глава 3. **Бои на подступах к Ленинграду** (август — начало сентября 1941 г.) 44

«Финский фронт» 44

«Немецкий фронт» 48

Глава 4. **Штурм Ленинграда** (9—25 сентября 1941 г.) 65

Глава 5. **Блокада и контрблокада** (октябрь — декабрь 1941 г.) 85

Глава 6. **Эвакуация Ханко** (ноябрь 1941 г.) 129

Глава 7. **Зимнее наступление РККА** (январь — февраль 1942 г.) 135

Для советских солдат нет преград 141

Глава 8. **Любанская операция** (февраль — июль 1942 г.) 157

Глава 9. **Усть-Тосно — Синявинская операция** (июль — октябрь 1942 г.) 194

Глава 10. **Балтийский флот в 1942 году** 222

Глава **11. Операция «Искра»** (12—25 января 1943 г.) 231

Глава **12. Продолжение операции «Искра»** (февраль — апрель 1943 г.) 253

Глава **13. Мгинская операция** (июль — август 1943 г.) 263

В заключение 273

Использованные источники 278

Предисловие автора

БЛОКАДА — особая форма ведения военных действий, которая заключается в изоляции блокируемого объекта путем нарушения его внешних связей. Целями блокад являются: принуждение противника к капитуляции, подрыв военно-экономической мощи вражеского государства, истощение сил и средств блокируемой группировки вооруженных сил противника и СО здания благоприятных условий для ее последующего разгрома и овладения объектом блокады.

Всем известно, что город на Неве немцы собирались удушить блокадой. Даже не овладеть, а просто уничтожить, не принимая капитуляции. О блокадном Ленинграде написано множество книг. В основном о стойкости его жителей, о бомбежках, артобстрелах, голоде, Дороге жизни, о радости прорыва и повышения хлебного пайка. Но крайне мало вразумительного можно найти в литературе о военных аспектах ленинградской битвы, за исключением первой фазы операция «Искра».

Германская армия, по определению, применила блокаду — «особую форму» ведения военных действий.

А чем занимались части Красной Армии, в большом количестве сосредоточенные вокруг Ленинграда? Сказать, что «обороной» будет неправильно. Профессор Военной академии Генштаба РККА, Александр Иванович Верховский (1886—1938), дал в свое время классическое определение обороны:

«***Бой называется оборонительным, когда войска, расположившись на месте, добровольно уступают неприятелю инициативу действий и за счет выигранного таким образом времени производят:***

1) заблаговременную организацию огня;

2) укрепление местности и маскировку;

3) подготовку встречных ударов.

Такая предварительная организация позволяет меньшими силами связать крупные силы врага, а освободившиеся за счет обороны силы использовать для нанесения решающего удара там, где старший начальник хочет добиться победы».

Под Ленинградом все было наоборот: советские войска не стояли на месте, инициативу противнику не уступали и обладали силами, гораздо более крупными, чем враг.

«Война за Ленинград» — это уникальное в своем роде сражение, это одно сплошное наступление, немыслимо кровавое, безуспешное, зачастую бессмысленное. **Участвовавшие в нем войска Ленинградского и Волховского фронтов не оборонялись никогда**. Они непрерывно наступали, а немцы вели преимущественно «оборонительный бой», связывая «крупные силы врага». Советские армии месяцами атаковали на одних и тех же направлениях. **Численно**

они всегда превосходили противника. В полном соответствии с военной теорией, наступавшие войска несли потери более значительные, чем оборонявшиеся войска противника.

Но эти **потери увеличивались десятикратно за счет необученности красноармейцев, слабой профессиональной подготовки их командиров и полного пренебрежения высшего командования к жизни соотечественников**. «Старшие начальники» очень хотели побыстрее добиться победы, посему битва продолжалась три года и обошлась в три миллиона убитых, пропавших без вести, получивших ранения военнослужащих. Более миллиона гражданских лиц погибло за это время в самом городе.

Тайну того, как это у них получилось, именитые «красные полководцы» унесли с собой в могилу. Советские «историки в погонах» писали свои сочинения на основе их мемуаров, из которых можно почерпнуть байки о героизме красноармейцев, вырубавших топорами (!) немецкие танки вместе с экипажами или под ураганным огнем искавших на нейтральной полосе потерянный партийный билет, но порой трудно понять, с кем данный генерал воевал.

Большинство из них, складывается впечатление, были по жизни пацифистами и, увлеченные карьерой, мало интересовались военным делом. К примеру, генерал В.С. Попов (1894-1967), командовавший в 1944 году 70-й армией, все этапы операции «Багратион» помнил только по банкетам, устроенным в честь освобождение того или иного города.

Лишь в последнее десятилетие был опубликован ряд документов на тему ленинградского «сидения», переведены воспоминания участников событий с той стороны.

И уж совсем недавно, благодаря современным питерским энтузиастам, появилась возможность увидеть войну снизу, «с точки зрения солдата, ползущего на брюхе по фронтовой грязи, а иногда и уткнувшего нос в эту грязь». Их осталось мало, но те, кто остался, надеются, что мы их услышим.

Глава 1. РАЗГРОМ РККА В ПРИБАЛТИКЕ

(июнь — август 1941 г.)

Как известно, план «Барбаросса» предусматривал одновременное нанесение Вермахтом сокрушающих ударов на трех стратегических направлениях: Ленинградском, Московском и Киевском. При этом взятие Ленинграда и овладение побережьем Балтийского моря рассматривались как важнейшая цель наступления германских войск.

Нацистское руководство, стремясь захватить «колыбель русской революции», учитывало не только стратегическое, но также огромное экономическое значение города на Неве. Здесь находились ведущие заводы важнейших отраслей промышленности, в том числе авиамоторной, машиностроительной, оптической, радиотехнической, судостроительной, танковой, электромеханической и других. Примерно 75% выпускаемой продукции приходилось на оборонный комплекс.

Кроме того, Ленинград являлся крупнейшим транспортным узлом.

Успех на этом направлении позволял немцам добиться господства в обширном регионе от Прибалтики до Скандинавии, надежно обеспечивал морские пути для вывоза в Рейх шведской руды и финского никеля, устанавливал контакт на сухопутном театре с потенциальным союзником в войне — Финляндией.

Для наступления на Ленинград в Восточной Пруссии была развернута группа армий «Север» под командованием генерал-фельдмаршала Вильгельма-Йозефа-Франца фон Лееба (1876-1956). В нее вошли 18-я и 16-я полевые армии и 4-я танковая группа. Она имела 29 дивизий (в том числе 3 танковые и 3 моторизованные), в которых насчитывалось 787 тысяч человек личного состава, 8348 орудий и минометов, 679 танков и штурмовых орудий. Действия наземных сил должны были поддерживать 830 самолетов 1-го воздушного флота генерал-полковника Келлера, в их числе 203 истребителя и 271 бомбардировщик.

Директива № 21 от 18 декабря 1940 года поставила группе «Север» задачу: уничтожить находившиеся в Прибалтике части Красной Армии и, овладев портами Балтийского моря, Ленинградом и Кронштадтом, лишить советский флот опорных пунктов. В рамках этой задачи группа армий наносила главный удар в направлении Двинска (Даугавпилса), выдвигая как можно быстрее свое усиленное правое крыло в район северо-восточнее Опочки чтобы не допустить отход советских войск из Прибалтики. К нанесению первоначального удара на северо-западном направлении привлекалась и часть сил группы армий «Центр», размешенных в Восточной Пруссии: два армейских корпуса 9-й полевой армии и 3-я танковая группа.

Вся немецкая группировка, сосредоточенная на границе Литвы, насчитывала 43 дивизии, в том числе 7 танковых и 6 моторизованных, свыше 13 тысяч орудий и минометов, около 1500 танков, более 1000 самолетов.

С советской стороны группе армий «Север» противостояли войска Прибалтийского особого военного округа, с началом войны преобразованного в Северо-Западный фронт. Ими командовал генерал-полковник Федор Исидорович Кузнецов (1898—1961), до 1941 года **ничем выше полка не командовавший** (!). В его 8-й, 11-й и 27-й армиях состояли 25 дивизий (в том числе 4 танковые и 2 механизированные), 1 стрелковая и 3 воздушно-десантные бригады. Всего 440 тысяч человек, 7467 орудий и минометов, 1514 танков, 1814 самолетов.

На территории Восточной Финляндии разворачивались три группировки: немецкая армия «Норвегия», финские Юго-Восточная и Карельская армии. Немцы должны были наступать на ухтинском, кандалакшском и мурманском направлениях, а финны — на Карельском перешейке и севернее его, чтобы соединиться с войсками группы армий «Север» в районе Ленинграда и на реке Свирь. На финские части возлагалась также ликвидация советской базы на полуострове Ханко и прикрытие армии «Норвегия» с юга. Всего в Финляндии были сосредоточены 21,5 расчетные дивизии, в которых насчитывалось 407,5 тысяч человек, 3.084 орудий и минометов, 192 танка, 424 самолета 5-го воздушного флота и финских ВВС.

Таким образом, германское командование рассчитывало захватить Ленинград двойным ударом: с севера — финскими войсками, с юга — силами немецкой группы армий «Север». При этом германский генштаб понимал, что наличных сил Вермахта может не хватить для успешных действий сразу на всех стратегических направлениях. Поскольку Гитлер считал захват Ленинграда «неотложной задачей», в плане «Барбаросса» была заложена идея остановки наступления группы армий «Центр» на рубеже Днепра и переброски части се сил на север для победоносного завершения операции по овладению северной столицей СССР. Наступление на Москву — мечта германского генералитета — до взятия Ленинграда не планировалось.

Защиту «города имени великого Ленина» с суши, в первую очередь, от посягательств со стороны «фашистской Финляндии», должны были обеспечить войска Ленинградского военного округа под командованием генерал-лейтенанта Маркиана Михайловича Попова (1902—1969). Они насчитывали 15 стрелковых дивизий, средняя укомплектованность которых составляла 12 тысяч человек — значительно выше, чем в других приграничных округах. Артиллерийские части стрелковых соединений были полностью укомплектованы личным составом и боевой техникой.

Накануне войны округ имел 436 тысяч бойцов и командиров, 9599 орудий и минометов. В его состав входили 1-й и 10-й механизированные корпуса. Бронетанковые войска в июне 1941 года насчитывали 1857 танков и 514 бронемашин, а военно-воздушные силы — 2104 самолета. Кроме того, на северо-западном направлении находились 656 самолетов ВВС Балтийского флота (из них 172 бомбардировщика и 353 истребителя) и 115 самолетов Северного флота.

Две истребительные дивизии (3-я и 54-я), выделенные для ПВО города, насчитывали 200 самолетов. С 19 июня из частей истребительной авиации началось формирование 7-го авиакорпуса ПВО. Шесть артиллерийских полков 2-го корпуса

ПВО, прикрывавшие Ленинград, имели на вооружении около 600 новых 85-мм зенитных орудий 52К образца 1939 года.

Балтийский флот имел в своем составе 2 устаревших линейных корабля (Марат, Октябрьская Революция), 2 новейших крейсера (Киров, Максим Горький), 2 лидера (Ленинград, Минск), 21 эскадренный миноносец, 66 подводных лодок, 6 минных заградителей, 33 тральщика, 7 сторожевых кораблей, 48 торпедных катеров, несколько десятков вспомогательных судов. Береговая оборона насчитывала 424 орудия крупных калибров. В системе ПВО флота было 352 орудия.

Всем этим хозяйством руководил вице-адмирал Владимир Филиппович Трибуц (1900—1977), за два года чисток в вооруженных силах шагнувший **с мостика эсминца на должность командующего флотом** — четвертый флагман за четыре с половиной предвоенных года*. Товарищ Сталин смело выдвигал новые кадры, впрочем, без колебаний он их и «задвигал».

В общем, силы у большевиков в «колыбели революции» и вокруг неё были немалые. Так что **рассказы советских маршалов и генералов о количественном превосходстве противника — сказки для советских же граждан, от которых вышеприведенные цифры скрывали полвека, как величайший государственный секрет**.

Лишь в силу означенной причины (невежества широкой публики) бывший начальник Генштаба маршал Александр Михайлович Василевский (1895—1977) мог авторитетно рассуждать о «целых армадах фашистской авиации» и «трехкратном превосходстве» группы армий «Север» с ее 679 танками и 830 самолетами над Прибалтийским округом, имевшим 1514 танков и 1814 самолетов. Надо же было как-то объяснить, почему начало войны для войск и для этого округа (т.е. Северо-Западного фронта) и для всей «непобедимой легендарной» ознаменовалось серией катастрофических поражений.

Уже к концу дня 22 июня 1941 года немцы, продвинувшись на 20—70 км, захватили переправы через Неман. Советская оборона оказалась прорванной на нескольких направлениях, система связи нарушена, централизованное управление войсками потеряно. В ответ на наступление войска генерала Ф.И. Кузнецова, не ориентировавшиеся в реальной обстановке и не взаимодействовавшие между собой, пытались осуществить довоенные планы по освобождению заграничных пролетариев от гнета тамошних капиталистов и помещиков.

Авиация, вместо того, чтобы поддерживать наземные силы, совершала налеты на объекты в Восточной Пруссии и, в условиях хорошо организованной системы ПВО противника, несла большие потери. А механизированные корпуса получили приказ нанести контрудар в полосе 8-й армии генерал-полковника П.П. Собенникова, вдоль шоссе Шауляй—Тильзит.

С декабря 1936 — начальник отдела штаба КБФ; с 1938 — начальник штаба; с 1939 — командующий Балтийским флотом.

В трехдневном встречном сражении с 41-м моторизованным корпусом генерала Георга Рейнгардта (1-я и 6-я танковая, 36-я моторизованная, 269-я пехотная дивизии

— около 400 танков), советские 12-й и 3-й мехкорпу-са, действовавшие без поддержки пехоты, авиации, тылового обеспечения и связи друг другом, были разгромлены, потеряв почти 1300 танков. В донесении начальника автобронетанкового управления Северо-Западного фронта от 2 июля говорилось:

«3-й механизированный корпус не существует. Остатки 12-го механизированного корпуса и остатки чинного состава 3-го механизированного корпуса необходимо вести вместе, расположив их в районе города Луга для нового формирования».

Разбив советские части, Рейнгардт направил свой корпус к Западной Двине.

Дивизии 11-й армии генерал-лейтенанта Василия Ивановича Морозова (1897—1964) тоже не выдержали сосредоточенного удара бронетанковых кулаков противника. Армия, понесшая тяжелые потери и рассеченная на две части, начала откатываться на северо-восток. Направление Каунас — Двинск оказалось практически без прикрытия. Сюда вклинились 8-я танковая и 3-я моторизованная дивизия из 56-го корпуса генерала Эриха фон Манштейна (1887-1973), насчитывавшие около 200 танков.

Под давлением соединений 4-й танковой группы, поддержанных бомбардировочной авиацией, войска Северо-Западного фронта отходили по расходящимся направлениям: дивизии 8-й армии — к Риге, части 11-й армии — в направлении Свентяны — Дисна. Требовалось проведение срочных мероприятий по организации обороны на реке Западная Двина и ликвидации прорыва на центральном участке фронта.

Оборону на рубеже Двины командование фронта решило организовать силами 8-й армии генерала Собенникова и выдвигаемой из глубины 27-й армии под командованием генерал-майора Николая Эрастовича Берзарина (1904—1945). Согласно приказа командующего фронтом 8-я армия, в которую входили остатки 10-го, 11-го стрелковых корпусов и 202-й механизированной дивизии, должны были занять оборону на рубеже от Риги до Ливани. Левее от Ливани до Краславы отступали соединения 16-го стрелкового корпуса.

Для объединения действий этих соединений командующий фронтом решил выдвинуть вперед управление 27-й армии с частями обслуживания. Штаб генерала Берзарина на автомобилях перебазировался в район Резекне и с вечера 28 июня вступил в командование частями на даугавпилском направлении. Из Московского военного округа Ставка перебрасывала сюда недоукомплектованный 21-й механизированный корпус генерал-майора Дмитрия Даниловича Лелюшенко (1901—1987) — «всего лишь» 175 танков и 129 орудий. Однако генерал Берзарин не успел организовать оборону до подхода противника.

Уже утром 26 июня, на четвертый день войны, 8-я танковая дивизия генерала Брандербергера, преодолев около 400 км, прорвалась к Даугавпилсу, захватила неповрежденными два больших моста через Западную Двину и заняла плацдарм на правом берегу. На следующий день реку форсировала 3-я мотодивизия генерала Яна.

28 июня немцы успешно отбили контратаку корпуса Лелюшенко и брошенного

в «пехотный бой» 5-го воздушно-десантного корпуса, оттеснив их на 40 км от Даугавпилса. Генерал Манштейн всей душой стремился продолжить лихой рейд по советским тылам, но командующий танковой группой приказал ему остановиться. Генерал Хёпнер опасался, что 56-й мотокорпус, оторвавшийся от основных сил на 100—130 км, может оказаться в окружении, и потому решил подождать выхода к Двине войск 16-й армии генерал-полковника Эрнста Буша (1885—1945) и корпуса Рейнгардта.

В полосе обороны 8-й армии до 29 июня противник активных боевых действий не вел, подтягивая войска к Западной Двине. Отдельные советские части прорывались на восток, в частности остатки 12-го механизированного корпуса, в котором еще имелось около 40 танков, отошли за реку в районе Риги. Штаб корпуса, потерявший связь с высшим командованием и собственными частями, в этот день был окружен в лесах южнее Борисели и уничтожен немцами. Командир корпуса генерал-майор Н.М. Шестопалов попал в плен и умер от ран 6 августа в лагере военнопленных в Шауляе.

29 июня немецкий 41-й моторизованный корпус форсировал Двину в районе Крустпилса. А 30 июня передовой отряд 26-го армейского корпуса 18-й армии генерал-полковника Георга фон Кюхлера захватил мосты в Риге. Все это исключительно осложнило положение 8-й советской армии, которая отступала на правый берег медленнее, чем наступал противник. 1 июля немцы полностью заняли Ригу.

• • •

В период с 29 июня по 1 июля командование группы армий «Север» накапливало силы на плацдармах для последующего наступления и приводило соединения в порядок. Согласно приказу верховного командования сухопутных войск (ОКХ), соединения 4-й танковой группы должны были повести стремительное наступление через Резекне в направлении Остров — Псков с целью отрезать советским войскам путь отхода южнее Чудского озера.

Корпус Манштейна за это время полностью сосредоточился в районе Даугавпилса, включив в себя третье моторизованное соединение — дивизию СС «Мертвая голова»; корпус Рейнгардта — в районе Крустпилса. Одновременно к Двине подтянулась пехота 18-й и 16-й армий. Всего в конце июня в группе армий «Север» насчитывалось 25 дивизий, в том числе 3 охранные, входившие в состав 101-го тылового корпуса.

Казалось бы, у командования Северо-Западным фронтом появилась возможность укрепить свои позиции и организовать прочную оборону за водной преградой. Именно этого опасался Манштейн:

«После внезапного рейда корпуса на Даугавпилс прошло уже шесть дней. Противник имел время преодолеть тот шок, который он получил при появлении немецких танков на восточном берегу Двины».

Однако советское командование делало одну ошибку за другой. Вначале войскам 24-го и выделенного из резерва Ставки 41-го стрелковых корпусов 29 июня было

приказано сосредоточиться в районе Виляка — Остров, доукомплектоваться и быть готовыми нанести контрудар на Даугавпилс с целью восстановления обороны 27-й армии по Западной Двине. На другой день Ф.И. Кузнецов отменил это решение и принял другое. Он дал приказ на отход в Псковский, Островский и Себежский укрепленные районы. Видимо, это было самое правильное решение в данной обстановке.

1 июля немцы не вели активных боевых действий. Советская фронтовая разведка доложила, что численность войск противника на даугавпилском плацдарме составляет около пехотной дивизии, усиленной танками. Узнав об этом и учитывая требования Ставки о ликвидации вражеских плацдармов, генерал Кузнецов отменил свой приказ и от 30 июня. Он снова велел войскам подготовиться к наступлению, которое должно было начаться 2 июля. На подготовку отводилось девять часов, исходное положение для удара надо было занять к 10 часам утра. 8-й армии надлежало ликвидировать крустпилский плацдарм, 27-й — уничтожить противника в районе Даугавпилса.

В армиях в первую очередь приняли меры к тому, чтобы остановить отход войск и возвратить части на рубеж Западной Двины в ранее занимаемые ими районы. Утром 2 июля войска фронта все еще находились в движении и не были готовы ни к наступлению, ни к обороне. Но в 5 часов утра при поддержке всей авиации нанесли свой удар немцы. В итоге советским армиям так и не удалось закрепиться на рубеже реки Западная Двина, их остатки с арьергардными боями отходили по расходящимся направлениям: 8-я армия — в Эстонию, 27-я — на восток, к реке Великая, 11-я — в районе Невеля.

Завершался полный разгром Северо-Западного фронта. На псковском направлении образовалась брешь, в которую устремилась 4-я танковая группа. К исходу дня немецкие подвижные соединения, продвигаясь по шоссе Даугавпилс — Остров, вышли в район 20—25 км южнее Резекне и на следующий день заняли город.

Следя за развитием событий на данном направлении, Ставка Главного командования еще 29 июня дала указание заблаговременно организовать оборону на рубеже река Великая и прочно закрыть направление на Ленинград. Она приказала сосредоточить в районе Псков — Остров — Порхов четыре корпуса: 22-й, 24-й, 41-й стрелковые и 1-й механизированный. Опираясь на укрепленные районы, эти соединения должны были подготовить прочную оборону на ленинградском направлении.

1-й механизированный корпус, которым командовал генерал-майор М.Л. Чернявский, был полностью укомплектован и поначалу имел 1039 танков. Однако к моменту развертывания боевых действий на псковско-островском направлении он был раздерган по частям и потерял свое значение как крупное подвижное соединение. Его 1-ю Краснознаменную танковую дивизию перебросили на Северный фронт, а 163-ю механизированную переподчинили командованию 27-й армии. Фактически у генерала Чернявского осталась только 3-я танковая дивизия генерал-майора И.М. Кузнецова, разместившаяся в лесу в 20 км северо-западнее Пскова, но и из ее состава один танковый и один механизированный полки

передали 41-му стрелковому корпусу.

41-й корпус под командованием генерала И.С. Кособуцкого (90-я, 111-я, 118-я, 235-я стрелковые дивизии) с 1 июля начал выгружаться на станциях Псков, Карамышево, Черская. По окончании сосредоточения он должен был занять Старо-Псковский, Ново-Псковский и Островский укрепрайоны. Все его дивизии были полностью укомплектованы личным составом, но как и абсолютное большинство соединений Красной Армии, не имели инженерного имущества и средств связи, во всяком случае радиостанций не было ни одной. 22-й стрелковый корпус сосредоточивался в районе Порхова, 24-й — в районе Острова.

Вечером 3 июля генерал Собенников неожиданно получил с мотоциклистом предписание вступить в командование Северо-Западным фронтом. 8-ю армию у него принял генерал-лейтенант Ф.С. Иванов. В этот же день на должность начальника штаба фронта был назначен генерал-лейтенант Николай Федорович Ватутин (1901—1944). Прежнее командование сгинуло в окружении, об его судьбе ничего не было известно. Позже выяснилось, что генерал-полковник Ф.И. Кузнецов остался жив, в конце июля он выбрался к своим.

Тем временем танковая группа Хёпнера разделилась: корпус Манштейна, передав 3-ю мотодивизию в подчинение генерала Рейнгардта, резко повернул в направлении Себеж — Опочка; 41-й моторизованный корпус наносил удар на Остров. Немцы выигрывали в темпе: оборону в Островском районе в этот момент занимали лишь 154-й отдельный пулеметный батальон и 398-й стрелковый полк 118-й дивизии, не имевшие артиллерии, гранат, противотанковых мин. Сюда должна была прибыть 235-я стрелковая дивизия, но её эшелоны, следовавшие от Иваново, задержались в пути.

Между тем утром 4 июля 1-я танковая дивизия генерал-лейтенанта Кирхнера достигла южной окраины Острова, с ходу форсировала реку Великая и к вечеру овладела городом. Маневр был значительно облегчен тем, что «красные герои» опять не успели взорвать автомобильный и железнодорожный мосты, захваченные немецкими мотоциклистами. Советские части, вступавшие в бой с колес, противостоять противнику не смогли и поспешно оставили оборонительные позиции. Германский 56-й моторизованный корпус в это время, с трудом преодолевая болотистую местность, продвигался к Себежскому укрепрайону, где закрепились части 21-го механизированного корпуса генерал-майора Д.Д. Лелюшенко.

Оценив обстановку, Собенников приказал командирам 41-го стрелкового и 1-го механизированного корпусов с рассветом 5 июля уничтожить немецкие части в районе Острова и восстановить оборону по реке Великая. Генерал Ватутин в телефонном разговоре предупредил генерала Кособуцкого: "***Имейте в виду, ликвидация и уничтожение врага возлагаются персонально на вас, под вашу личную ответственность. За выполнение этого приказа вы отвечаете своей головой***"

Для решения поставленной задачи были выделены 468 п стрелковый полк 111-й дивизии и 3-я танковая дивизия с тяжелыми машинами КВ-1 и КВ-2.

В 16.00 советские танкисты ворвались в город, обратив противника в бегство. На

следующий день бои в районе Острова разгорелись с новой силой, приняв ожесточенный характер. Однако, по уже ставшей традицией привычке, красные командиры не организовали взаимодействие, вследствие чего дрались в отрыве друг от друга. То есть, танки без пехоты, пехота без танков, и каждый сам ПО себе. Поэтому закрепить успех им не удалось. Дважды танкисты врывались в Остров, потеряли в атаках 140 боевых машин, но без поддержки пехотных соединений удержать его не смогли.

Немцы, подтянув дополнительные силы, сломили 6 июля сопротивление обескровленных советских частей и вынудили их к отходу. 1-я танковая дивизия начала быстро отходить к Пскову, а 6-я — на Порхов. В докладной записке на имя члена Военного совета Северо-Западного фронта корреспондент газеты «Красная Звезда» М. Косарев писал:

«Командир 5-го танкового полка Посенчук рассказывал о бое за Остров. Из его рассказа следует, что сил у немцев на островском направлении очень мало и что захват города нашими частями сорвался только лишь потому, что с поля боя постыдно дезертировала III-я стрелковая дивизия, ее командиры бежали первыми, споров петлицы и сняв знаки различия. Наших сил под Островом сосредоточено очень много, но все они действуют вразнобой, не осуществляя никакого взаимодействия».

7 июля германским танкам удалось прорваться через боевые порядки корпуса Кособуцкого и стремительно двинуться к южным окраинам города. Для ликвидации этого прорыва советское командование утром 8 июля при казало 41 -му стрелковому и 1 -му механизированному корпусам нанести контрудар и уничтожить противника.

Ход боевых действий в Прибалтике (22 июня — 9 июля 1941 г.)

Однако, пока они готовились к контратаке, германские войска в 12 часов дня возобновили наступление. Соединения 41-го германского мотокорпуса обрушились на части 41-го советского стрелкового, которые в беспорядке отошли за реку Великая.

К тому времени артиллерия советских стрелковых дивизий осталась без боеприпасов, личный состав был деморализован видом отступавших на восток через их боевые порядки тылов 8-й и 27-й армий и нередко самовольно оставлял позиции, присоединяясь к бегущим. Положение усугублялось безнаказанностью действий вражеской авиации. Остатки 1-го мехкорпуса отступали к Порхову.

Весь этот погром немцы учинили силами трех дивизий!

Правда, им не удалось ворваться в Псков с ходу. На этот раз мосты через реку Великая и ее притоки советские саперы **успели взорвать, не дожидаясь даже отхода своих частей**. Оставшиеся на западном берегу подразделения 118-й, 111-й стрелковых дивизий и 25-го укрепрайона, бросив всю технику и тяжелое вооружение, форсировали реку на подручных средствах.

8 июля генерал Собенников приказал войскам фронта перейти к упорной

обороне на рубеже Псковский укрепрайон — река Великая — река Череха — Опочка. Одновременно с этим он потребовал создать группировки на флангах порховского направления для нанесения контрудара с целью уничтожения прорвавшегося противника.

Такие маневры в советской военной науке получили название «активная оборона». Генералу В.И. Морозову, уже растерявшему все войска 11-й армии, 9 июля было приказано прибыть в Дно, чтобы объединить под своим командованием действия 41-го, 22-го стрелковых и 1-го механизированного корпусов.

И снова немцы опередили. К вечеру 9 июля моторизованный корпус Рейнгардта обошел Псков с востока, начав развивать наступление на Лугу. Никем не управляемые войска 41-го советского корпуса разбегались. Его разрозненные части, потерявшие связь с вышестоящими штабами, были обнаружены командованием только 13 июля под Стругами Красными и Лугой. Генерал И.С. Кособуцкий и отвечавший за оборону Пскова командир 118-й стрелковой дивизии генерал-майор Н.М. Гловацкий «за трусость, бездействие власти, развал управления войсками, сдачу оружия противнику без боя и самовольное оставление боевых позиций» пошли под трибунал — отвечать головой.

К этому времени немецкому командованию стало ясно, что Манштейну с двумя дивизиями не прорвать Себежский укрепрайон, и его войска перебросили обратно в район Острова.

Падение Пскова означало, что группа армий «Север» успешно выполнила первую половину своей стратегической задачи, вторгшись подвижными соединениями в пределы Ленинградской области. Сражение в Прибалтике заняло всего-навсего 18 суток. В нем приняли участие 40 советских дивизий, в том числе 7 танковых и 4 механизированные, но, несмотря на превосходство своих сил, Красная Армия проиграла это сражение вчистую. Ее потери составили почти 90 тысяч человек (большей частью пленными), 2523 танка (по 140 машин в сутки!), 3651 орудие и миномет, 990 боевых самолетов. Советские войска отступили на 400—450 км, кораблям Балтийского флота пришлось перебазироваться из Либавы (Лиепаи) и Виндавы (Вентспилса) в Таллин.

• • •

8 июля 1941 года в ставке фюрера прошло совещание верховного главнокомандования германских вооруженных сил (OKB), на котором одним из главных обсуждавшихся вопросов был вопрос о наступлении Вермахта на Ленинград и начале наступления финских войск с севера. Гитлер утвердил предложенный начальником генерального штаба сухопутных войск генерал-полковником Францем Гальдером (1884—1972) план дальнейших действий, подчеркнув необходимость отрезать Ленинград с востока и юго-востока силами 4-й танковой группы генерала Хёпнера.

Именно на этом совещании фюрер объявил свое твердое решение «сровнять Москву и Ленинград с землей, чтобы воспрепятствовать там остаться населению, которое мы должны будем кормить зимой». Уничтожение двух столиц России, по разумению Гитлера, символизировало победу «высшей расы» и должно было

нанести в сердца "недочеловеков" неотразимый морально-психологический удар, вызвать «народное бедствие, которое лишит центров не только большевизм, но и русских вообще».

В условиях непосредственной угрозы выхода противника к Ленинграду Ставка решила привлечь для защиты юго-западных и южных подступов к городу часть сил Северного фронта. 4 июля генерал М.М. Попов получил приказ организовать глубокоэшелонированную оборону на рубеже по реке Луга от Финского залива до озера Ильмень. Ставка потребовала создать на этом рубеже предполье глубиной 10—15 км со сплошными заграждениями, оставив лишь пути отхода для войск Северо-Западного фронта.

На Лугу к 10 июля были спешно выдвинуты 177-я и 191-я стрелковые, 24-я танковая дивизии, 1-я отдельная горнострелковая бригада, ленинградские стрелково-пулемётное и пехотное училища и почти все артиллерийские ПОЛКИ РГК. Эти части составили Лужскую оперативную группу. Ее возглавил заместитель командующего фронтом генерал-лейтенант Константин Павлович Пядышев. По воспоминаниям маршала артиллерии Г.Ф. Одинцова, Пядышев — «талантливый военачальник, строго придерживался суворовских принципов обучения войск, обладал исключительным даром интуиции и предвидения, так много значащих в бою» — выдвинув передовые отряды к реке Плюссе, немедленно приступил к созданию прочных заслонов на Киевском шоссе и по обеим сторонам Варшавской железной дороги.

В Лужскую группу включались и отходившие на север части 41-го стрелкового корпуса. В целях централизации боевой деятельности авиации военно-воздушные силы Северного и Северо-Западного фронтов, Балтийского флота и 7-й авиакорпус ПВО подчинили единому командованию в лице генерала Александра Александровича Новикова (1900-1976).

Руководство военными действиями Северного, Северо-Западного фронтов, Балтийского и Северного флотов с 10 июля осуществляло главное командование Северо-Западного направления. Штаб направления поспешно сколотили в основном из преподавателей ленинградских военных академий. Главнокомандующим стал «непобедимый маршал рабочего класса», как его величали в довоенных публикациях, Климент Ефремович Ворошилов (1881-1969)*.

* Стоит напомнить, что именно К.Е. Ворошилов был председателем военного трибунала, по приговору которого в 1937 году были казнены высшие командиры РККА — маршал М.Н. Тухачевский, командарм 1 ранга И.П. Уборевич, командарм 2 ранга А.И. Корк, комкор В.П. Примаков, комкор Р.П. Эйдеман и ряд других.

Еще 27 июня 1941 года Военный совет Северного фронта принял **постановление о привлечении жителей Ленинграда и его пригородов к трудовой повинности**. **Каждый ленинградец «обоего пола», не связанный с военным производством, направлялся на строительство оборонительных сооружений**. Ежедневно работало около 150 тысяч человек. **За уклонение от трудовой повинности полагалось 6 месяцев тюремного заключения или штраф до 3000 рублей**.

Основная тяжесть в деле создания фортификаций выпала на плечи женщин. Они рыли траншеи, окопы, противотанковые рвы и эскарпы, устраивали лесные завалы.

Немецкие летчики бросали им листовки: «***Дамочки! Не копайте ямочки! Всё равно пройдут наши таночки***!»

Если верить мемуарам партийного пропагандиста А.Д. Окорокова, листовки вызывали смех. Так прямо и «шпарит» генерал-комиссар: мол, **женщины, оставившие дома малых детей и престарелых родителей, лопатами и кирками роют противотанковый ров**. Под самым Ленинградом. В туфельках. Над ними летают немецкие самолеты, иногда они сбрасывают листовки, чаще бомбы. Мимо бегут разбитые советские дивизии, спасающиеся от германских «таночков». Но всем весело: «**Под Лугой меня окружили смеющиеся женщины... Я тоже не мог не рассмеяться**».

На окраинных улицах города возводились баррикады, все гражданские стройки свернули, чтобы нацелить людские и технические ресурсы на создание военно-инженерных сооружений, прежде всего Лужской линии обороны. На ближних подступах к Ленинграду с юго-запада и юга строились Красногвардейский и Слуцко-Колпинский укрепленные районы, на севере совершенствовался Карельский УР. Пояс оборонительных сооружений с узлами сопротивления создавался также по линии Петергоф — Пулково.

• • •

Наряду с призывом военнообязанных, с 29 июня развернулось форсированное создание, в помощь кадровым частям, Ленинградской армии народного ополчения (ЛАНО) численностью 200 тысяч человек. Военный совет фронта поначалу просил 100 тысяч «физически выносливых и политически надежных» добровольцев в возрасте от 18 до 35 лет. Но ленинградский партийный вождь и член Военного совета направления Андрей Александрович Жданов (1896—1948) своей рукой увеличил «квоту» вдвое, а возраст до 50 лет.

Истинную цену боеготовности Красной Армии и лозунга про победу «малой кровью» он узнал еще в финскую компанию. Советские полководцы в 1930-е годы были приведены к похвальному послушанию и единообразию, воспитаны в беспредельной преданности делу Ленина—Сталина, но **владели только одним «тактическим приемом» — заливать врага кровью красноармейцев по самые ноздри**.

Были организованы Военный совет и штаб ЛАНО. Командующим армией назначили генерал-майора А.И. Субботина. 4 июля приняли решение сформировать 15 дивизий народного ополчения по 12 тысяч человек и немедленно отправить их на фронт. Обязанность по отбору добровольцев возлагалась на райкомы партии. К 10 июля удалось набрать 110 тысяч человек. Большинство ополченцев составили рабочие, представители интеллигенции и студенчества. **В добровольцы вступили 80 ленинградских писателей и композитор Д.Д. Шостакович.** За короткий срок в Кировском, Московском, Дзержинском, Куйбышевском и Фрунзенском районах сформировали первые три дивизии общей численностью 31 тысяча человек и 15 отдельных артиллерийско-пулеметных батальонов — еще около 15 тысяч человек.

Поспешность, с которой создавались эти формирования, не могла не отразиться

на их качестве. Ополченцы почти не имели тяжелого вооружения, количество пулеметов в подразделениях было гораздо ниже штатного, поскольку формировавшие дивизии территориальные районы сами, в силу своих возможностей, обеспечивали их снаряжением, оружием и боевой техникой. Бойцы получали залежавшиеся на складах с 1916 года винтовки канадского производства, иногда даже учебные — с просверленной казенной частью, а иногда и вовсе ничего. В принципе, **это не имело значения, поскольку на передовой патронов к ним было взять негде**.

Личный состав ЛАНО, демонстрировавший исключительно высокий моральный дух, никакой военной подготовки не имел. Многие раньше не служили в армии и никогда не держали в руках оружие. 1-я дивизия народного ополчения на 60% состояла из запасников и людей, не имевших военной подготовки; во 2-й дивизии «рядовых необученных» было 3894 человек, младших командиров — 205; в 3-й дивизии 50% личного состава не имело военной подготовки.

Обучение приходилось начинать с правильного наматывания портянок и умения есть ржаные сухари, не превращая рот в кровоточащую рану, но даже это нехитрое искусство осваивали по пути на передовую. Например, 1 -я ДНО генерал-майора Ф.П. Родина формировалась неделю, с 4 по 10 июля, а уже 11 июля она заняла оборону на одном из участков Лужского рубежа; 2-я ДНО полковника Н. Угрюмова закончила формирование 12 июля, сутки спустя она прибыла на фронт и заняла позиции по реке Луге в районе Поречье — Ивановское — Сабек.

Командный состав дивизий народного ополчения в своем подавляющем большинстве пришел из запаса, был слабо подготовлен к руководству ведением боевых действий. Так, **на всю 3-ю дивизию имелось шесть кадровых командиров**. Вот что вспоминает бывший боец Ижорского батальона СВ. Сорокин: «**Мы**, бойцы маленького заводского отряда, **пошли на войну, где смерть на каждом шагу, где нужно самому бить врага. Как бить — мы сами не знали**. Бить и всё. Хоть кулаком, хоть винтовкой, но только бить! И в самом деле, что мы тогда могли противопоставить врагу? Свои военные знания? Их у нас не было. Боевой опыт? Его тоже не было. Оружие? Сначала оно у нас было очень плачевным. Что же тогда? Грудь! И мы ее подставили».

В период 10—14 июля 1-я Кировская, 2-я Московская и 3-я Фрунзенская дивизии народного ополчения были переданы Лужской оперативной группе и «выбыли на боевые рубежи». Несколько позже укомплектовали 4-ю ДНО под командованием полковника П.И. Радыгина численностью 4267 человек, которую называли еще **«легкострелковой» или «дивизией облегченного типа по вооружению и численному составу».** Что это означает можно легко представить, а можно и прочесть в воспоминаниях П.А. Чугая, бывшего механика-водителя 84-го танкового батальона: «3-го или 4-го подошли ополченцы 4-й дивизии. **Вид у них был плачевный**: многие без обмундирования, **винтовка — только у старшего, у остальных — ничего**».

Во второй половине июля началось формирование четырех «гвардейских» дивизий народного ополчения. Почетное наименование, по мысли Жданова и Ворошилова, должно было означать, что эти дивизии укомплектованы «подлинной гвардией рабочего класса». Утверждается, что рабочая гвардия была «вооружена несколько лучше», но все же **главным оружием по-прежнему оставалась грудь**.

Со временем дело с вооружением поправили, дивизии народного ополчения переименовали в стрелковые, но принципы формирования новых соединений не изменились. **К концу 1941 года немцы разгромили и уничтожили 186 советских дивизий — это 109% от имевшихся на 22 июня**! **От кадрового состава Красной Армии осталось не более 8 %.**

Новые дивизии «лепили» пачками. Только в 1941 году большевистское руководство государства сформировало 419 дивизий и 305 бригад, немедленно бросив их на фронт. А там командующие как раз проводили очередные важные операции, обещая товарищу Сталину непременно разгромить какого-нибудь «подлеца Гудериана» или взять Киев к годовщине пролетарской революции, жалуясь при этом на нехватку своих сил и непомерную мощь неприятеля, и **требуя от Верховного пополнений, пополнений, пополнений.**

Снова свежеиспеченные солдаты уже в эшелонах учились наматывать портянки, впервые узнавали о существовании воинского Устава, вступали в бой и погибали, не успев запомнить фамилию своего непосредственного начальника. Поскольку потери при таком методе были огромные, боевой опыт накапливался мучительно долго. Подобная практика сохранялась до самой Победы. В этом смысле **всю Красную Армию периода 1941—1945 гг. можно назвать Армией Народного Ополчения**.

• • •

Помимо дивизий и бригад народного ополчения в Ленинграде в июле—августе создавали и другие добровольческие формирования: истребительные и партизанские отряды, рабочие батальоны.

Были также сформированы семь партизанских полков общей численностью 6600 человек, в состав которых, помимо гражданских добровольцев, милиционеров, сотрудников НКВД, вошли около 1000 пограничников. Шесть таких полков самоубийц направили в тыл врага уже в первой половине июля. Это была непродуманная авантюра, обреченная на закономерный финал.

Во-первых, **громоздкие формирования, не имевшие ни замаскированных баз, ни средств связи, были лишены маневренности и скрытности, не умели, да и не имели возможности использовать партизанскую тактику**, их легко выявлял противник. Во-вторых, **задачи им ставили совершенно не партизанские, а именно «борьбу с частями вражеской армии»**. В результате вооруженные лишь стрелковым оружием, слабо подготовленные в военном отношении полки действовали в основном в прифронтовой полосе, где насыщенность немецких войск была максимальной, вступали в открытый бой с регулярными частями противника, использовавшими танки, артиллерию и авиацию, и быстро погибли, не принеся особой пользы. Позже из их остатков, вернувшихся в Ленинград, создали отдельные диверсионно-разведывательные группы.

В целях подготовки необходимого резерва защитников города 13 июля было принято **постановление об обязательном военном обучении всех мужчин в возрасте от 17 до 55 лет**.

•••

В соответствии с решением Совнаркома СССР от 8 июля в городе, как и во всей стране, была введена карточная система распределения продуктов. Рабочие получали 800 грамм хлеба в день, служащие — 600 грамм, иждивенцы и дети — 400 грамм. По карточкам выдавали установленные нормы крупы, мяса, жиров и кондитерских изделий.

Однако многие виды товаров еще свободно продавались в магазинах по твердым государственным ценам, а некоторые основные продукты можно было приобрести по коммерческой цене. Для большинства обывателей война еще казалась чем-то далеким и не страшным:

«Ожидали скорых побед нашей армии, непобедимой и лучшей в мире, как об этом постоянно писали в газетах. Первые военные дни в городе сложилась своеобразная праздничная обстановка. Стояла ясная солнечная погода, зеленели сады и скверы, было много цветов. Город украсился бездарно выполненными плакатами на военные темы. Улицы ожили. Множество новобранцев в новехонькой форме деловито сновало по тротуарам. Повсюду слышалось пение, звуки патефонов и гармошек: мобилизованные спешили последний раз напиться и отпраздновать отъезд на фронт».

Несмотря на то, что ход войны уже явно не вписывался в сюжет военно-патриотических утопий писателей Петра Павленко и Николая Шпанова, советский народ еще верил, что вот-вот «наши стальные полки принесут свободу и счастье всему трудящемуся человечеству»*.

* Именно Шпанову принадлежит крылатая фраза об «умных, усталых глазах майора госбезопасности Пронина».

•••

10 июля 1941 года является официальной датой начала битвы за Ленинград. В этот день немецкие и финские войска одновременно нанесли удары на лужском, новгородском и старорусском направлениях, в Эстонии и Восточной Карелии.

На Онежско-Ладожском перешейке перешла в наступление финская армия «Карелия».

Фюрер германской нации в деле скорейшего овладения Ленинградом возлагал большие надежды на «смелый народ» Финляндии, «преисполненный желанием мести». Хотя **никакого формального соглашения с Рейхом подписано не было, и ничего конкретно финны немцам не обещали**. Однако оказавшаяся после падения Норвегии и Франции между германским молотом и советской наковальней страна Суоми с четырехмиллионным населением **при всём желании не имела никаких шансов на сохранение нейтралитета**.

Горький опыт Зимней войны 1939/40 года, непрерывное политическое давление и угрозы Кремля, бесцеремонное вмешательство во внутренние дела лишь укрепили убежденность финского народа во враждебности СССР. Финны стали искать политическую поддержку везде, где ее можно было найти. **Неизгладимое впечатление произвели на них оккупация и присоединение к «счастливой семье**

советских народов» независимых прибалтийских республик, осуществлённые Красной Армией летом 1940 года. Финское правительство воочию увидело уготованное стране будущее. К тому же, до финской стороны уже **дошли сведения о требованиях относительно Финляндии, предъявленных Молотовым во время ноябрьского визита в Берлин**.

Финны опасались, что **безусловный нейтралитет**, которого они придерживались ранее, приведет лишь к войне одновременно против Германии и СССР. Следовало вовремя выбрать одну из сторон. Перспективы дружбы со Сталиным вырисовывались достаточно ясно, к тому же абсолютное **большинство «белофиннов» категорически не желало перекрашиваться в «красных»**. Верховный главнокомандующий маршал Карл Густав Маннергейм (1867—1951) в одном из интервью сказал, что с точки зрения финнов переход на сторону Советского Союза означал бы «то же самое, что поражение»: «***Не было ничего удивительного в том, что настроения в народе отличались глубоким недоверием к Советскому Союзу. Могли ли мы доверять такому соседу, который начал войну с целью подчинить себе нашу страну и который после определения основных условий для мирного соглашения*** ***СТАЛ ПРЕДЪЯВЛЯТЬ НОВЫЕ ТРЕБОВАНИЯ?»***

Западные державы помочь Финляндии ничем не могли. В то же время Германия сама протянула руку, предложив заключить транзитное соглашение и организовать поставки военной техники. **С осени 1940 года финны взяли курс на сближение с Рейхом**. Маннергейм позже писал: «***Каждый понимал, что интерес Германии к Финляндии являлся для нас той соломинкой, за которую хватается утопающий***, хотя никто не знал, как она нас сможет выдержать. Инициатива Германии дала Финляндии долгожданную передышку после более чем полугодового непрерывного на неё давления. На какое-то время требования русских прекратились».

Еще более тесному сотрудничеству двух стран весьма способствовали **действия советского руководства, которое внезапно в одностороннем порядке разорвало торговое соглашение, лишив финнов поставок зерна, топлива и сырья. Вскоре после этого более 90% финского импорта приходилось уже на долю Германии**.

В конце мая 1941 года в Зальцбурге состоялись финляндско-германские военные консультации, в ходе которых немцы намекнули на возможность вооруженного конфликта между Германией и СССР. Генерал Дитмар привел мнение разработчиков плана «Барбаросса»: «Решающей предпосылкой для ведения операций против Ленинграда с севера, а также операции по захвату Мурманской железной дороги было вступление Финляндии в войну на стороне Германии.

Советский Союз сам способствовал этому. Затеянная под пустячным предлогом зимой 1939/40 года война, суровые условия Московского мира, которым она закончилась, и почти открытые угрозы самому существованию Финляндии со стороны Советского Союза явилось причиной возникновения в финском народе чувства такого отчаяния и тревоги, что **присоединение к сильной, стоявшей тогда в зените свое го могущества Германии казалось для финнов единственным выходом из создавшегося положения**».

Впрочем, **немцы на финнов не давили, конкретными планами не делились, беседы проводили в сослагательном наклонении**, да и **Финляндия не спешила с**

заверениями в союзнической верности, избегая любых обязательств. В начале июня была достигнута договоренность о перемещении германских войск из Норвегии в финское Заполярье, а также о совместном ведении боевых действий в случае нападения Советского Союза на Финляндию. При этом президент страны Ристо Рюти особо подчеркнул, что Финляндия намерена оставаться нейтральной до тех пор, пока сама не станет жертвой агрессии русских. Гитлер на сей счет не беспокоился, не сомневаясь в том, что таковая состоится. Знал об этом и маршал Маннергейм:

«Поле для маневра во внешней политике, если вообще можно было говорить о каком-либо поле, было очень ограничено. На самом деле, можно было сказать, что всё зависело и независимость Финляндии в том числе, от отношений с Германией... Выбор между Германией и Советским Союзом завел нас в тупик... Финляндия не имела возможности свободно распоряжаться своей судьбой. В практическом плане не было никакой возможности остаться в стороне от приближающегося конфликта».

15 июня 1941 года финское правительство получило телеграмму генерал-фельдмаршала Вильгельма Кейтеля (1882-1946), сообщавшую, что война с СССР неизбежна. Двое суток спустя, в стране была объявлена всеобщая мобилизация. В армию мобилизовали «все людские резервы страны, в том числе и призывников самых старших возрастов».

Нейтралитет Финляндии к тому времени стоял под вопросом, чему способствовала переброска германских войск в Лапландию, разрешение немецким минным заградителям укрываться у финского побережья, а бомбардировщикам Люфтваффе приземляться 22 июня на аэродроме в Куовола.

В первый же день германского нападения на Советский Союз советские самолеты атаковали финские военные корабли и береговые укрепления. Артиллерийские батареи советской базы на полуострове Ханко начали обстрел финской территории, а доблестные пограничники в нескольких местах нарушили границу. Финны в безнадежных попытках сохранить остатки нейтралитета три дня терпели эти безобразия. Армия получила приказ «избегать любых действий, которые могли бы дать русским повод для провокации». **Финские дипломаты во всех столицах выражали протесты и разъясняли позицию своего правительства**. В результате 24 июня и Лондон, и Берлин признали Финляндию нейтральной страной. **Но Москву мирное разрешение ситуации не устраивало**.

Несмотря на военные приготовления Финляндии, поводом к началу войны стали массированные советские бомбардировки, начавшиеся 25 июня 1941 года. Конечно, без объявления войны. Это только правительства помещиков и капиталистов должны были соблюдать нормы международного права, а первая в мире «республика трудящихся» ни с кем не воевала, она лишь «оказывала помощь» угнетенным классам. «История Ленинградского военного округа» с гордостью сообщает:

«24 июня (**финский посол в это время пытался выяснить у Вячеслава Молотова, может ли Финляндия считать себя нейтральным государством**) Ставка Главнокомандования Вооруженных сил СССР информировала Военные советы Северного фронта, Северного и Балтийского флотов, что на территории

Финляндии сосредоточиваются немецкие войска и авиация для нанесения ударов по Ленинграду и захвата Мурманска и Кандалакши.

Чтобы предупредить их нападение, советская авиация по указанию Ставки на рассвете 25 июня нанесла удары по восемнадцати аэродромам противника, совершив **487 самолетовылетов. Было уничтожено 30 вражеских самолетов на земле и 14 сбито в воздушных боях**. Удары по вражеским аэродромам продолжались и в последующие дни».

Заодно успешно отбомбились по финским городам, включая Хельсинки и Турку. Финны засчитали себе 26 сбитых бомбардировщиков, вылетавших на боевые задания, **как правило, без истребительного прикрытия**. Примечательно, что **буквально за три дня до этого Сталин еще «боялся» всяческих провокаций**. А вот теперь он приказал бомбить северного соседа, ничего на самом деле не зная о каких-либо планах «захвата Мурманска и Кандалакши». Но зато **он еще свято верил, что Красная Армия могучими ударами перенесет боевые действия на чужую территорию**. В тот же вечер на заседании финского парламента было заявлено, что война начинается с того же, с чего началась Зимняя война — с нападения СССР. **26 июня президент Рюти в выступлении по радио объявил о состоянии войны между Финляндией и Советским Союзом, а финским войскам было разрешено открывать огонь по нарушителям границы**. Однако согласно советской трактовке событий, агрессором — ясное дело — выступила Финляндия:

«Советское правительство и Верховное Командование, не желая дать финской армии повод для открытия военных действий, приказали своим войскам не открывать огня до тех пор, пока финские сухопутные части не перейдут в наступление... 23 и 24 июня финская авиация **пыталась** бомбардировать Ленинград, Кронштадт и города Карело-Финской ССР».

Все это просто вранье. Финны на СССР первыми не нападали, а Ленинград и Кронштадт за всю войну принципиально не бомбили ни разу. **Специальный приказ категорически запрещал их военно-воздушным силам даже полеты над городом**.

• • •

Главной целью Талвисоты (войны-продолжения) было объявлено возвращение утраченных в результате Московского мира территорий. Далее все зависело от хода войны и желания немцев делиться приобретенным с «братьями по оружию». План кампании предусматривал три этапа:

а) наступление севернее Ладоги с выходом к реке Свирь и Онежскому озеру;

б) освобождение Карельского перешейка;

в) вступление в Карелию.

Поскольку никаких наступательных планов финский Генштаб до этого не имел, ему потребовались три недели на разработку операций и перегруппировку войск.

Для решения первой задачи была сосредоточена 100-тысячная группировка под

командованием начальника Генерального штаба генерал-лейтенанта Хейнрихса. В ее состав вошли 6-й и 7-й армейский корпуса, а также группа «О» генерал-майора Ойнонена. Всего 5 пехотных дивизий, 1 кавалерийская и 2 пехотные бригады.

Им противостояли 54, 71-я и 168-я стрелковые дивизии, 26-й (Сортавальский) укрепленный район и 55-я смешанная авиадивизия, входившие в 7-ю армию генерал-лейтенанта Филипп Данилович Гореленко (1888-1956).

Выдвинувшиеся на линию государственной границы советские войска особых сюрпризов от финнов не ожидали, оборонительных рубежей не готовили, информации о противнике не имели никакой, даже не заметили сосредоточение 100-тысячной ударной группировки вдоль единственной в данном районе железнодорожной линии. 10 июля армия генерала Хейнрихса перешла в наступление, имея ближайшей целью выход к северо-восточному побережью Ладожского озера, а в дальнейшем развитие успеха на Петрозаводск и Олонец. Главный удар в стык 71-й и 168-й дивизий наносил усиленный пехотной бригадой 6-й корпус генерал-майора Хягглунда.

Войска генерала Гореленко, растянутые на широком фронте (так, 71-я дивизия «держала» 125 км границы), отразить удар не сумели и начали отходить в восточном и юго-восточном направлениях. Через образовавшуюся брешь противник выдвинулся к станции Лоймола и 14 июля перерезал единственную железнодорожную коммуникацию в полосе 7-й армии.

16 июля финны захватили Питкяранту, достигли берега Ладоги, а следовавшая в авангарде 1-я пехотная бригада полковника Лагуса вышла к реке Тулокса. Армия Гореленко оказалась расчлененной на две части. Сортавальская группа (168-я стрелковая дивизия, 74-й отдельный разведывательный батальон, один полк 71-й стрелковой дивизии и ее части усиления) оказалась отрезанной от основных сил и 21 июля была подчинена 23-й армии. Финны продолжали развивать наступление на трех направлениях: петрозаводском, олонецком и сортавальском.

В сложившейся обстановке Военный совет Северного фронта усилил 7-ю армию одним полком 198-й механизированной дивизии, полком 36-й противотанковой бригады, двумя горнострелковыми батальонами, двумя танковыми ротами и бронепоездом.

Для ликвидации прорыва противника из частей и подразделений, направленных на Онежско-Ладожский перешеек, сформировали две оперативные группы: Петрозаводскую — генерал-лейтенанта М.А. Антонюка и Южную — генерал-лейтенанта Вячеслава Дмитриевича Цветаева (1893—1950). Эти группы ударами с востока и юго-востока должны были уничтожить части врага, прорвавшиеся в район Веддозеро — Сальми и в дальнейшем овладеть станцией Лоймола.

23 июля войска 7-й армии после артиллерийской подготовки перешли в контрнаступление. Частям петрозаводской оперативной группы за два дня боев удалось продвинуться на несколько километров в западном направлении. Войска южной группы продвинуться вперед не смогли, а 24 июля были отброшены на восточный берег реки Тулокса.

Чтобы оказать содействие группе Цветаева, в тыл и фланг финского 6-го корпуса, на острова Лункулунсари и Мантинсари, катера Ладожской военной флотилии высадили два батальона из состава 4-й бригады морской пехоты генерал-майора Б.Н. Ненашева. Десанты высаживались в спешке, без подготовки, без огневого обеспечения и, что характерно, без оперативного взаимодействия с генералом Цветаевым, ради помощи которому всё это затеяли.

Правда, что само по себе редкость, была проведена предварительная воздушная и наземная разведка (при этом одна разведгруппа бесследно исчезла), но неприятеля на островах она не обнаружила. Между тем он там был, успел оборудовать на Лункулунсари, соединявшимся с материком дамбой, береговую батарею. Итак, 24 июля морские пехотинцы высадились на остров Мантинсари, 27-го — на Лункулунсари. Однако финны имели возможность беспрепятственно наращивать свои силы, а десантники никакой поддержки не получали. Дальнейшие подробности историки нашего флота опускают, но, конечно же, «десанты оттянули на себя часть вражеских сил», а в 4-й бригаде стало на два батальона меньше.

К концу июля линия фронта стабилизировалась на рубеже реки Тулокса.

•••

Северо-Западный фронт в середине июля располагал 23 стрелковыми, 5 танковыми, 4 механизированными дивизиями, одной стрелковой и тремя воздушно-десантными бригадами. Правда, в 22 дивизиях потери в личном составе и технике составляли более 50%. Всего в этих 32 дивизиях и 4-х бригадах состояло около 300 тысяч человек.

В распоряжении фон Лееба для действий в Эстонии и нанесения удара по Ленинграду были 23 дивизии, в том числе 3 танковые и 3 моторизованные. Группа армий «Север» должна была правым флангом 4-й танковой группы отрезать Ленинград с востока и юго-востока. Закрепление успеха ударной группировки возлагалось на 16-ю армию. Фон Кюхлер получил задачу отсечь и уничтожить советские войска в Эстонии, захватить Моонзундские острова и главную военно-морскую базу Балтийского флота — Таллин.

Без оперативной паузы немецкие моторизованные корпуса с рубежа Псков — река Великая устремились к Луге и Новгороду.

Соединения 56-го мотокорпуса продвигались в направлении Порхов — Шимск — Новгород, нацеливаясь перерезать железнодорожную линию Москва—Ленинград в районе Чудово. Для глубокого обходного маневра Ман-штейн имел только две дивизии — 8-ю танковую и 3-ю моторизованную. Им предстояло преодолеть сильно заболоченную и лесистую местность, неблагоприятную для действий бронетехники. Тем не менее, уже 10 июля 3-я мотодивизия в ожесточенном бою взяла Порхов, а 8-я танковая двигалась на Сольцы. Оборонявшийся на этом направлении 22-й стрелковый корпус (180-я и 182-я стрелковые дивизии) задержать противника не сумел. Корпус был эстонский, значительная часть командиров и рядовых бойцов из его состава перешла на сторону противника.

41-й корпус Рейнгардта, прорвав оборону советских войск северо-восточнее

Пскова, тремя дивизиями выходил на Струги Красные.

Все это время ленинградцы, местное население и выдвигавшиеся войска на северном берегу реки Луги строили оборонительный рубеж, протянувшийся от Финского залива до озера Ильмень. Он состоял из двух полос протяженностью около 175 км, глубиной 10—15 км. Перед передним краем и в глубине обороны устанавливали мины, копал» противотанковые рвы, эскарпы, устраивали лесные завалы. Одновременно с оборонительными работами войска Лужской оперативной группы усиленно готовились к предстоящим сражениям, а некоторые части с 12 июля уже вели бои в предполье.

Чтобы выиграть время для подготовки обороны на Лужском рубеже, Военный совет Северного фронта создал несколько отрядов заграждения и направил их на шоссе Луга — Псков. В эти отряды были включены стрелковые, артиллерийские и инженерные части. Здесь же с боями отходили соединения 11-й армии.

Поддержанные активными действиями авиации и сильной артиллерийской группировкой, советские части оказали упорное сопротивление 41-му моторизованному корпусу, вынужденному из-за сильно пересеченной и заболоченной местности, действовать исключительно вдоль единственной дороги на Лугу. 12 июля лобовое немецкое наступление, лишившись внезапности и маневра, завязло в районе Плюссы. Это заставило генерала Хепнера отказаться от прямого прорыва на Лугу и повернуть главные силы Рейнгардта на северо-запад, оставив под Лугой только 269-ю пехотную дивизию генерала фон Лейзера.

Боевые действия на лужском и новгородском направлениях (10-30 июля 1941г.)

Немецкие танкисты, совершив 170-километровый форсированный марш по лесным дорогам, считавшимся у нас непроходимыми для тяжелой техники, в ночь с 13 на 14 июля скрытно вышли к реке в районах Ивановского и Сабека, в 20-25 км юго-восточнее Кингисеппа. Хотя перед подходом 1-й танковой дивизии мост у Сабека был разрушен, ей удалось захватить здесь плацдарм. Переправы у Ивановского, благодаря действиям диверсионных подразделений полка «Брандербург», 6-я танковая дивизия генерала Ландграфа заняла неповрежденными и тоже перебралась на противоположный берег. Однако развить наступление с плацдармов не удалось. Российский историк пишет:

«Упорной и активной обороной выдвигавшихся от Ленинграда войск наступление германских подвижных частей было остановлено»

Хотя, если быть точным, дело было совсем наоборот. Форсировав Лугу, Рейнгардт оказался в той же ситуации, что и Манштейн под Двинском, серьезного противника впереди практически не было, Ленинград лежал в двух переходах, «панцеры» ждали приказа атаковать. Однако вести дальнейшее наступление лишь подвижными соединениями без поддержки пехоты фон Лееб счел слишком рискованным предприятием. Основные силы группы армий «Север» и почти вся авиация, в соответствии с планом глубокого флангового охвата противника с юго-востока, были нацелены на озеро Ильмень и Новгород. Генерал Рейнгардт получил стоп-приказ.

Это позволило советскому командованию подтянуть к плацдармам дополнительные силы, которые выгружались из эшелонов прямо на глазах у немцев.

Их немедленно бросал в бой лично примчавшийся из Новгорода К.Е. Ворошилов. В небе господствовали советские самолеты, для нанесения ударов по переправам были привлечены авиация Балтфлота и 7-го истребительного корпуса ПВО. Дело дошло до того, что под брань маршала залез в танк и ринулся «разведывать врага» сам командующий Северным фронтом, но «тридцатьчетверку» быстро подбили, а чудом спасшийся генерал М.М. Попов тут же получил фитиль «за безрассудную удаль».

Впрочем, и маршалу СССР там делать было нечего, но не мог он руководить войной по карте, не той закалки был человек. Бывший командующий 23-й армией генерал А.И. Черепанов утверждал:

«На стиль деятельности Ворошилова конечно же влияли привязанности и представления периода гражданской войны, в ходе которой он сформировался как зрелый и крупный советский военачальник Он и тогда, мы знаем это, не отсиживался в штабах и не кланялся пулям. Но тогда и природа боя была иной. А его и теперь, в новых условиях, влекло в войска, на поле боя, хотя, конечно, увидеть, схватить здесь можно было не всю широкомасштабную картину происходящего, а только небольшую ее часть». Слова из песни **«первый маршал в бой нас поведет» Климент Ефремович воспринимал буквально**. Отсюда родился в Красной Армии целый Ворошиловский эпос:

«Рассказывают, что в 1941 году Ворошилов, чтобы предотвратить отход отдельных наших подразделений на направлении главного удара немцев, бросился с группой офицеров наперерез отступавшим и тем восстановил положение, предотвратив прорыв фронта».

В отчете за этот период командир германского 41-го моторизованного корпуса писал: «***Для частей у предмостных укреплений наступило время упорной борьбы, связанной с большими потерями. Противник начал беспрерывно атаковать их. Потом четыре недели солдаты основных дивизий, привыкшие к стремительным атакам и прорывам, вели здесь, глубоко зарывшись в землю, позиционную войну***».

Поэтому правильней будет сказать, что две дивизии Рейнгардта «упорной и активной обороной» сумели не только удержать, но и, отбив все атаки, расширить захваченные плацдармы. Ворошилов и Жданов быстро «назначили виновных»: командующего Лужской опергруппой «талантливого военачальника» К.П. Пядышева сначала сняли с должности «за неумелое руководство войсками, нераспорядительность и безынициативность», а потом арестовали и отдали под суд за «контрреволюционные высказывания» и «неверие в наши силы» (в хрущевские времена казнь этого генерала свалили на «бериевскую клику»). Полковника Н.С. Угрюмова отстранили от командования 2-й ДНО.

36-я моторизованная дивизия генерал-лейтенанта Оттенбахера, очищая от советских войск восточное побережье Чудского озера, вышла к Гдовскому боевому

участку, который сопротивлялся недолго.

• • •

Генерал Манштейн, оказавшийся вследствие задуманного Хёпнером маневра в еще более изолированном положении, продолжал наступать. Его войска прорвались к Лужскому рубежу западнее Шимска.

Обстановка здесь резко обострилась. В приказе войскам Северо-Западного фронта от 14 июля главком направления Ворошилов подчеркнул, что над Ленинградом направлена прямая угроза вторжения и потребовал от командиров всех уровней самых решительных мер:

«В то время как войска Северного фронта мужественно бьются с озверелыми фашистско-шюцкоровскими полчищами на линии от Баренцева моря до Ханко и Таллина, героически защищают каждую пядь нашей родной советской земли, войска Северо-Западного фронта, не всегда давая должный отпор противнику, часто оставляют свои позиции, даже не вступая в решительное сражение, чем еще больше поощряют обнаглевшего врага.

Отдельные паникеры и трусы не только самовольно покидают боевой фронт, но и сеют панику среди честных и стойких бойцов. Командиры и политработники в ряде случаев не только не пресекают паники, не организуют и не ведут свои части в бой, но и своим позорным поведением иногда еще больше усиливают дезорганизацию и панику на линии фронта.

Обнаглевший враг продолжает продвигаться вперед. Мною даны указания провести строжайшее расследование всех преступных случаев самовольного оставления фронта отдельными частями, командирами и бойцами и всех виновных, невзирая на ранги и старые заслуги предать суду полевых трибуналов с применением самого сурового наказания, вплоть до расстрела...

Навести воинский порядок на фронте и в тылу, положить конец безволию, нерешительности и медлительности в действиях, не останавливаться перед крайними мерами, уничтожать трусов и паникеров на месте».

Поскольку «обнаглевшая» 16-я германская армия наступала южнее озера Ильмень в направлении на Холм и Старую Руссу, между ее соединениями и 56-м моторизованным корпусом образовался разрыв в 200 километров.

Эту брешь советское командование решило использовать для срыва вражеского наступления на Новгород и разгрома прорвавшихся к Шимску соединений противника. В период с 14 по 18 июля по приказу Ворошилова силами нескольких соединений 11-й армии был подготовлен и осуществлен контрудар с севера и с юга по флангам войск Манштейна в районе Сольцы.

С воздуха операцию поддерживали 235 самолетов четырех авиационных дивизий и дальнего бомбардировочного авиакорпуса.

Немецкие 8-я танковая и 3-я моторизованная дивизии были практически окружены и отрезаны от своих коммуникаций. С советской стороны их пытались уничтожить 3 стрелковые дивизии и переброшенная с Карельского перешейка 21-я танковая дивизия полковника Л.В. Бунина. Кроме того, операцию 11-й армии с юга обеспечивала 202-я механизированная, с запада 182-я стрелковая дивизии. Манштейн вспоминал:

«Нельзя сказать, чтобы положение корпуса в этот момент было весьма завидным... Последующие несколько дней были критическими, и противник всеми силами старался сохранить кольцо окружения».

Ожесточенные бои продолжались пять суток, в иные дни немцы отражали до семнадцати атак в день. Но войска Манштейна, получая снабжение по воздуху, сумели продержаться до 18 июля, когда им на помощь подоспела дивизия СС «Мертвая голова». Кольцо окружения было прорвано, фронт восстановлен на рубеже Дно. Тем не менее, немцев отбросили на 40 км, опасность их прорыва к Новгороду удалось временно ликвидировать. В этой связи маршал

Василевский объяснил обстановку на уровне пропагандистских штампов ротного замполита: «*Кичливый враг был вынужден несколько отступить, а остатки его моторизованных соединений бежали в панике*».

19 июля германское командование приказало войскам группы армий «Север» приостановить наступление на Ленинград и возобновить его только после подтягивания к Лужскому рубежу соединений 18-й армии и приведения в порядок частей 4-й танковой группы, которая потеряла к тому времени до 50% материальной части.

В конце июля Манштейн жаловался обер-квартирмейстеру Генштаба генерал-полковнику Фридриху фон Паулюсу (1890—1957), что в результате неправильного использования танковых войск на неподходящей для этого местности людские потери в трех его дивизиях «за прошедшее время» достигли «уже 600 человек». Неясно, какой отрезок времени имел ввиду танковый генерал, зато известно, что войска советского Северо-Западного фронта теряли до 2 тысяч человек убитыми, ранеными и пленными ежедневно.

Вынудив противника прекратить наступление на рубеже реки Луги, советские войска выиграли почти три недели для организации обороны на ближних подступах к Ленинграду, а также на подтягивание на это направление свежих сил.

• • •

В Эстонии 8-я армия под командованием генерала Ф.С. Иванова, переданная приказом Ворошилова от 14 июля в состав Северного фронта, двумя потрепанными стрелковыми корпусами успешно отражала атаки двух пехотных дивизий противника из 26-го армейского корпуса на рубеже Пярну — Тарту.

Для содействия советским войскам и обеспечения озерных коммуникаций приказом от 3 июля была сформирована Чудская военная флотилия с главной базой в Гдове. Основу ее боевой «мощи» составили **пять учебных колесных и винтовых пароходов дореволюционной постройки**, принадлежавшие военно-морскому училищу имени Дзержинского. 10—12 июля на эти ржавые посудины, спущенные на воду до 1914 года, установили две 76-мм пушки Лендера и девять 45-мм «пукалок», **снятых с крейсера «Аврора»**. В результате такой модернизации получили канонерские лодки «Нарова», «Исса», «Эмбах», «Плюсса» и посыльное судно «Уку». Имелось также несколько катеров и буксиров.

Генерал Ф.С. Иванов, не обладая информацией о силах и намерениях противника, умозрительным путем пришел к выводу, что немцы будут изо всех сил рваться к Таллину. Поэтому две трети армии он сосредоточил на своем правом фланге. Но противник решил иначе. 22 июля, подтянув еще три пехотные дивизии, он возобновил наступление в Эстонии, ударом в стык 10-го и 11-го корпусов по направлению Пыльтсама — Мустве.

Это направление с оперативной точки зрения считалось «важным», ибо за эстонскими городками открывалась дорога на Нарву и далее в Ленинград. Но советских войск там «не стояло». Быстро продвигаясь на восток, практически не встречая сопротивления, немцы 25 июля достигли западного побережья Чудского озера в районе Мустве, отрезав 11-й стрелковый корпус от главных сил. Командование Северного фронта направило Военному совету 8-й армии вразумляющую шифрограмму: «Перед фронтом вашей армии действуют дивизии резервного 26-го корпуса, имеющие чрезвычайно растянутые и пустые тылы. Противник действует дерзко, нахально, выходя небольшими частями на ваши

коммуникации, создавая лишь видимость окружения.

Этот противник при умелом активном руководстве может и должен уничтожаться. Однако вместо активных действий командование всех степеней крайне болезненно реагирует на появление в своем тылу небольших группировок противника и отводит войска, вместо того чтобы их организовать для активного разгрома противника, выходящего на тылы....

Приказываю:

1). Прекратить необоснованный отход войск, не допускать оборону кордонным расположением и перейти к активным действиям ударными группировками по флангам и тылам прорывающегося противника.

2). На участке 10 ск создать ударную группу с целью противодействия прорывам противника и его решительного подавления».

Днем 22 июля четыре немецких истребителя из пушек и пулеметов обстреляли корабли Чудской флотилии. Несколько моряков погибли, на «Нарове» была пробита палуба. Этот налет произвел столь сильное впечатление на командира флотилии капитана 1 ранга Н.Ю. Авраамова, что он запросил разрешение затопить корабли. Из Ленинграда последовал категорический отказ, но деятельность флотилии все равно была парализована.

Остатки 11-го стрелкового корпуса к 30 июля пробились из окружения на север вдоль берега озера и попытались закрепиться на рубеже реки Мустве.

Генерала Ф.С. Иванова на посту командарма-8 сменил генерал-майор И.М. Любовцев, которые **«рулил» ровно неделю**. Несмотря на прибывающие маршевые пополнения и технику, свежую 268-ю стрелковую дивизию и 4-ю дивизию народного ополчения, армия продолжала отступать. К исходу 7 августа немцы вышли на побережье Финского залива.

8-я армия оказалась рассеченной на две изолированные части, 10-й стрелковый корпус (10-я, 16-я, 22-я стрелковые дивизии) генерал-майора Ивана Федоровича Николаева (1890-1944) откатывался к Таллину. Вновь назнаенный командарм генерал-лейтенант Петр Степанович Пшенников (1895-1941) получил задачу сформировать ударную группировку, «уничтожить и разгромить впереди стоящего противника» и восстановить положение. Но вместо этого он отводил остатки армии, получившие в боевых приказах наименование «Восточной группы» на восточный берег реки Кунда. '

Единственный боевой выход судов Чудской флотилии состоялся 12 августа, когда канонерка «Эмбах» с четырьмя моторными катерами произвела высадку 60-и десантников в тылу немцев. Судя по всему, экипажи вышли в озеро под прицелом автоматов десантников. На следующий день (13 августа) они бросили все суда и плавсредства флотилии в устье реки Ала-Иыги, а сами убежали в лес.

Глава 2. ТАЛЛИНСКИЙ ПРОРЫВ КБФ (август 1941 г.)

На случай войны с Германией нарком ВМФ СССР Николай Герасимович Кузнецов (1902—1974) поставил Балтийскому флоту следующие задачи: а) быть готовым к отражению морских десантов на острова Эзель и Даго; б) совместно с военно-воздушными силами уничтожить флот противника при попытке его проникновения в Рижский и Финский заливы; в) содействовать флангам сухопутных войск, которые должны были громить врага на его же территории.

Штурманы 1-го минно-торпедного, 37-го и 73-го бомбардировочных полков КБФ на полетных картах прокладывали курсы к Мемелю, Тильзиту, Пиллау, Кенигсбергу и Данцигу.

Основная мощь Кригсмарине была направлена против Англии. Уничтожение Балтийского флота германское верховное командование планировало достичь путем за-хвата его баз с суши и нанесения ударов с воздуха. До этого момента следовало блокировать советские корабли и обеспечивать свои коммуникации на морском театре.

Для действий на Балтике немцы выделили 28 торпедных катеров, 10 минных заградителей, 7 сторожевых кораблей, 15 тральщиков и 5 подводных лодок. Оперативные замыслы германского командования сводились к тому, чтобы «слабыми силами, но очень искусно поставить русский флот в неблагоприятные условия путем применения активных минных заграждений».

Для этих целей оно сформировало три минно-заградительные группы, придав им две флотилии торпедных катеров и две флотилии тральщиков. В период с 20 по 23 июня 1941 года эти группы скрытно выставили 1062 мины и 368 минных защитников в операционной зоне (!) Балтийского флота. Как противнику удалось все это проделать в условиях абсолютного превосходства советского флота, под самым его носом, причем в условиях белых ночей, — тайна сия велика есть. Ни советские корабельные дозоры, ни вылетавшие на разведку по несколько раз в сутки гидросамолеты МБР-2 ничего подозрительного не обнаружили.

Как утверждает контр-адмирал Н.М. Соболев, служивший в оперативном управлении Главного морского штаба, советская разведка выявила немецкие минные заградители в финских портах и командованию «было понятно», что они прибыли туда «не на прогулку, а с определенной военной целью». Однако «мы этому факту не придали должного значения. Окончательно оценили его лишь после того, как минные заградители выполнили свою боевую задачу».

В дальнейшем немцы продолжали «минную войну». До 10 июля, не встречая абсолютно никакого противодействия, только в Финском заливе они поставили 1738 мин и 1659 минных защитников. Советские корабли на основании указания Главного Морского штаба «ставить мины круглосуточно, использовать всё, что можно» занимались тем же самым, выстраивая в устье залива минно-артиллерийскую позицию по планам времен адмиралов Н.О. Эссена и А.В. Колчака.

Лишь совсем недавно российские военно-морские историки признали, что «создание минно-артиллерийской позиции у входа в Финский залив не имело смысла. В очередной раз мы оказались в плену шаблона».

При этом ни до войны, ни с ее началом никто не организовал разведывательное траление, ведь согласно все того же «шаблона», это вражеские корабли с десантами на борту должны были рваться к советским берегам и гибнуть на советских минах. В действительности получилось наоборот. Уже в ночь с 22 на 23 июня, вышедший из Таллина для постановки мин отряд кораблей, оказался на немецком минном заграждении. Вот что пишет об этой операции контр-адмирал Н.М. Соболев:

«Корабли ставили мины в Финском заливе у главной базы флота — Таллина. Действовали они ночью. Противника в районе не было, минным постановкам никто не препятствовал. И в этих условиях командование КБФ направило крейсер «Максим Горький» и эсминцы для прикрытия минных заградителей. Требовалось ли такое прикрытие? Вряд ли. Тем не менее, корабли прикрытия вышли в море, потому что это предусматривалось планом и классической схемой. А **вот отдать приказ протралить район маневрирования отряда кораблей никто не догадался**. Такого пункта в планах не было».

В итоге тяжелые повреждения получили крейсер «Максим Горький», которому оторвало носовую часть до 60-го шпангоута, и эсминец «Гордый», погибли эсминец «Гневный» и тральщик Т-208 «Шкив».

Тральщиков с первых дней войны не хватало катастрофически. **В соответствии с самой наступательной в мире доктриной их почти не строили**. Флоту требовалось примерно 200 кораблей этого класса, но в наличии к 22 июня были всего 25 единиц. Пришлось мобилизовать на военную службу буксиры и рыболовные траулеры, переоборудовав их в тральщики. Но и они чаще всего использовались не по назначению: несли дозорную службу, перевозили бомбы и авиационное топливо на остров Эзель, обеспечивая деятельность дальней авиации, наносившей удары по Берлину, и непрерывно гибли.

Противоминное вооружение оставалось на уровне Первой мировой войны. Оно было представлено подсекающими тралами Шульца образца 1898 года, змейковыми тралами образца 1911 года и параванами-охранителями типа К-1. **Что такое неконтактные магнитные и антенные мины противника вроде ЕМС, ТВМ или LMA и как с ними бороться, в РККФ не знали и знать не хотели**, своих образцов не производили. Правда, истины ради отметим, что были у балтийцев индукционные мины МИРАБ отечественного производства, принятые на вооружение в 1939 году, **аж целых 20 штук**, поэтому, **когда «петух клюнул», пришлось покупать такие мины у англичан**.

Проводку конвоев выполняли непосредственно за тралами без положенной по Наставлению предварительной минной разведки. Не столько даже из-за нехватки противоминных кораблей, сколько с параноидной целью «маскировки фарватеров» от взоров супостата. Это нововведение было закреплено приказом командующего флотом от 10 августа, хотя Трибуц в мемуарах сам же отметил его идиотизм: «***Навигационные особенности (банки, мели, острова) дают возможность плавать в Финском заливе строго по определенным направлениям, которые в силу знания***

географии были хорошо известны противнику. Поэтому для засорения минами наших коммуникаций он имел идеальные условия».

Другим «сюрпризом» стали эффективность и безнаказанность действий немецкой авиации — с одной стороны, беспомощность «сталинских соколов» — с другой. А советские корабли отличались мощным артиллерийским и торпедным, но слабым зенитным вооружением.

Командование КБФ не видело в море не только равноценного, но вообще никакого противника, а между тем теряло корабли чуть ли не ежедневно. Так, 23 июня на переходе из Либавы в Усть-Двинск торпеда немецкой субмарины U-144 потопила подводную лодку М-78.

24—26 июня при оставлении Либавы пришлось взорвать находившиеся там эсминец «Ленин», подводные лодки С-1, М-71, М-80, М-83, «Ронис» и «Спидола». Командира эсминца капитан-лейтенанта Ю.М. Афанасьева, руководившего уничтожением стоявших в ремонте кораблей, за несанкционированную, а значит, наказуемую инициативу позже по приговору военного трибунала расстреляли. Командование и политотдел базы с чистой совестью эвакуировались на торпедных и сторожевых катерах, оставив гарнизон «отражать бешеные атаки фашистов» и прорываться на Виндаву. Из окружения мало кому удалось вырваться. Бывший начальник штаба КБФ, адмирал Юрий Александрович Пантелеев (1901—1983), сообщает и своих мемуарах: «**Мы никогда не готовились к эвакуации наших баз, и потому отступление из Либавы было трагическим. Осуждать за это кого-либо я не берусь. Мы пожинали плоды того, что посеяли, ведь мы собирались воевать «только на чужой территории**»

С падением Либавы **флот потерял передовую военно-морскую базу;** армия — 67-ю стрелковую дивизию и ее командира генерал-майора Н.А. Дедаева, погибшего при обороне города. По поводу дальнейшей судьбы защитников адмирал Ю.А. Пантелеев ОТКРОВЕННО ФАНТАЗИРУЕТ: «***Большинство моряков и пехотинцев остались во вражеском тылу, примкнули к партизанам и самоотверженно боролись с захватчиками до освобождения Прибалтики нашими войсками***» (!)

Ушедшую из Либавы на прорыв, неспособную погружаться, подводную лодку С-3 перехватили «шнелльботы» S-35 и S-60 из состава 3-й флотилии и потопили двумя торпедами после 35 минут артиллерийского боя. На месте ее гибели немцы подобрали 20 человек.

27 июня в Рижском заливе торпедные катера 2-й флотилии атаковали эсминец «Сторожевой». Взрыв торпеды оторвал носовую часть корабля вместе с надстройкой и мачтой, погибли командир капитан 3 ранга И.Ф. Ломакин и 84 члена экипажа, но вторая половина эсминца осталась на плаву, ее отбуксировали в Таллин, затем в Кронштадт. В тот же день германские катера повредили и захватили торпедный катер ТКА-47, а самолеты потопили ТКА-27.

28 июня в районе острова Даго германская подводная лодка U-149 торпедировала советскую лодку М-99; в Данцигской бухте пропала без вести лодка С-10.

В оставленной Виндаве немцам достались пять транспортов (в сумме около 10 тысяч тонн).

1 июля у острова Вормси от взрыва донной мины затонула лодка М-81, спаслись два человека; у острова Сааре-ма — «приватизированный» в 1940 году вместе с Латвией тральщик Т-299 «Иманта». 6 июля подорвался на мине и мгновенно затонул Т-216, 7 июля — ТЩ-101 «Петрозаводск», 9-го — ТЩ-89 «Налим».

16 июля подорвался эсминец «Страшный», взрыв полностью разрушил носовую часть, корабль с трудом удалось отбуксировать в Кронштадт, до конца войны в море он не выходил. 18 июля на советской мине подорвался сторожевик «Туча», корабль лишился руля и винтов, погибли 8 человек. При атаке конвоя противника артиллерийским огнем был уничтожен ТКА-123. Сутки спустя в Моонзунд-ском проливе в результате прямого попадания авиабомбы в котельное отделение затонул эсминец «Сердитый», погибли 35 членов экипажа, ранения получили более 100 человек. 10 июля подорвался на мине и выбросился на берег транспорт «Расма» водоизмещением 3200 тонн.

21 июля немецкая подводная лодка U-140 торпедировала советскую лодку М-94 старшего лейтенанта Н.В. Дьякова, чудом спаслись одиннадцать моряков. В тот же день на минах погиб танкер «Железнодорожник». 22 июля в Рижском заливе в бою с немецкими катерами погиб ледокол «Лачплесис» и сопровождавший его ТКА-71. На следующий день подорвался, но остался на плаву минный заградитель «Ристна».

26 июля финская канонерская лодка артиллерийским огнем потопила ТЩ-238. 27 июля в Ирбенском проливе, прикрывая корабли, ставившие минные заграждения, подорвался и был добит торпедами эсминец «Смелый». 29 июля подорвался на мине и затонул со всем экипажем ТЩ-51 «Змей», 30 июля — Т-201 «Заряд». 31 июля финская артиллерия тяжело повредила Т-203 «Патрон».

Удрученное каждодневными потерями, флотское начальство в том числе и флагманский минер (!), никак не могло найти ответ на вопрос, почему корабли взрываются, даже если следуют непосредственно за тральщиками? Они пребывали в глубокой задумчивости до тех пор, пока вызванные из Ленинграда «самые квалифицированные специалисты» по борьбе с минной опасностью не разъяснили, что есть, мол, у врага (да и у нас тоже, на складе у того же флагманского минера) такие мины — электромагнитные и акустические, а для борьбы с ними нужны специальные тралы. «Вот оно как! — удивилось «командование» Где же нам взять эти тралы?»

Адмирал Ю.А. Пантелеев вспоминает: «***Выяснилось, что Морским научно-техническим комитетом давно разработаны отечественные электромагнитные и акустические тралы. Они уже прошли все испытания и получили самые высокие оценки. Сейчас оба трала еще более совершенствуются. Эта справка поразила нас всех. Мы, оказывается, имеем хорошие тралы, но хотим сделать их еще лучше, а тем временем подрываются и тонут наши корабли, гибнут люди! Командующий флотом затребовал через Москву хотя бы два экземпляра тралов***»...

2 августа на донных минах погибла лодка С-11, которой командовал капитан-лейтенант А.М. Середа, 3 августа на минах погиб тральщик Т-212 «Штаг», 7-го

пикировщики утопили танкер «Спиноза», повредили эсминец «Энгельс». Ушла в боевой поход и больше не вышла на связь лодка С-6. 8 августа авиация противника потопила ТЩ-76 «Вал» и эсминец «Карл Маркс», на котором погибли 38 человек. Рядом с эсминцем ушел на дно катер-охотник МО-229 со всем экипажем. 10 августа затонул транспорт ВТ-572 «Бартава».

11 августа подорвался на мине и погиб Т-213 «Крамбол». Тяжелые повреждения от подрыва на минах получили эсминец «Стерегущий» и транспорт «Вячеслав Молотов». Авиация утопила транспорт «Алтай». В Ирбенском проливе со всем экипажем погибли заградитель «Суроп» и обеспечивающее судно.

13 августа немецкие и финские торпедные катера потопили транспорт «Ленводпуть-12» и ТЩ-41. Подорвался на мине и затонул ТЩ-68. 15 августа погибли на минах Т-202 «Буй» и транспорт «Креченга», 16 августа — посыльное судно «Артиллерист».

18 августа от подрыва на минах погиб эсминец «Статный» вместе с ним погиб командир, капитан 3 ранга Н.Н. Алексеев; 19-го торпедные катера потопили ледокол «Мерикару» и ТЩ-80. 20 августа погиб на минах катер МО-207, 21-го — транспорт «Леени» и гидрографическое судно «Норд». От удара с воздуха затонуло госпитальное судно «Сибирь», вместе с ним погибли более 600 человек.

23 августа в Выборгском заливе, получив повреждения, выбросился на берег и попал в руки финнов бронекатер БКА-215. Еще через сутки, сопровождая конвой, на минном заграждении у мыса Юминда погибли эсминец «Энгельс» (спаслись всего лишь 11 человек из 180 членов экипажа), тральщики Т-209 «Кнехт» и Т-214 «Бугель»...

За тот же период Балтийской флот смог записать на свой боевой счет вспомогательной судно и танкер, потопленные лодками С-11 и С-4, германскую подводную лодку U-144, уничтоженную Щ-307, а также погибшие на минах вражеский тральщик и сторожевик.

• • •

С выходом противника на южное побережье Финского залива советские морские коммуникации оказались под ударами вражеской авиации, а корабли Балтийского флота—в Таллинской ловушке. 14 августа ответственным за оборону главной базы флота маршал Ворошилов назначил командующего Балтийским флотом вице-адмирала В.Ф. Трибуца, подчинив ему войска 10-го стрелкового корпуса.

Ни теоретически, ни практически флот ни к чему подобному готов не был. Никто и в страшном сне не мог узреть, что **военно-морской базе, находящейся за сотни километров от государственной границы, противник будет угрожать с сухопутного направления**.

Быстрое отступление Красной Армии из Прибалтики создало для флота чрезвычайно тяжелую обстановку. Вслед за Либавой пали Виндава и Рига, вся система базирования оказалась нарушенной и находилась под непрерывными ударами, в руки противника попали две трети флотских запасов топлива.

Положение 50-тысячного советского гарнизона в Таллине, блокированном частями четырех немецких пехотных дивизий, тоже не вызывало оптимизма. Уже в первой декаде августа стало очевидно, что войска и флот придется выводить, тем не менее**, задача подготовки к эвакуации перед морским командованием не ставилась**.

19 августа противник вышел на передовой рубеж обороны Таллина. Утром следующего дня после артиллерийской подготовки немцы перешли в наступление по всему фронту. Главный удар наносился с востока на прибрежном участке обороны. В течение трех дней при поддержке авиации и 270 орудий корабельной, береговой, железнодорожной, корпусной и зенитной артиллерии защитники базы отражали атаки противника.

25 августа советские войска отошли на главный рубеж обороны. С этого времени город и порт простреливались на всю глубину. Прямые попадания артиллерийских снарядов получили лидер «Минск» и эсминец «Славный», затонул транспорт «Луначарский». Положение становилось безнадежным, однако адмирал Трибуц получил строжайший приказ Ворошилова: **об отходе не может быть и речи**, наоборот, противнику надо «нанести удар во фланг и тыл». В этот день Военный совет флота, докладывая обстановку главкому направления, вновь запросил указаний на случай прорыва немцев в город, специально отметив, что **при подобном раскладе посадка сухопутных войск на транспорты будет уже невозможна.** Ворошилов переадресовал вопрос в Кремль. Сталин удивился: «**А что, разве корабли еще в Таллине**?»

Еще до этого дня, на свой страх и риск, флотское командование постепенно вывозило из Таллина материальные средства на одиночных судах и мелкими конвоями. Чтобы не попасть в списки «паникеров», **эти перевозки приходилось скрывать** не только от противника, но и **от собственных бдящих «органов**». Так удалось «**втихую**» вывезти часть арсенала, часть судоремонтного предприятия, до 15 тысяч тонн технического имущества и других грузов, эвакуировать около **17 тысяч женщин и детей, 9 тысяч раненых военнослужащих**. Тем не менее, в главной базе оставалось много береговых учреждений, больших и малых гражданских судов. Утром 26 августа адмирал Трибуц получил, наконец, **запоздавшую по крайней мере на неделю директиву эвакуироваться в Кронштадт. На подготовку операции отводились одни сутки**!

При разработке плана перехода предстояло выбрать один из трех существовавших фарватеров. Южный проходил между берегом и южной кромкой немецкого минного заграждения «Юминда». До середины августа по этому маршруту прошли свыше 220 транспортов, из которых только один подорвался на мине. Но 12 августа директивой Военного совета Северо-Западного направления, не спрашивая мнения моряков, маршал Ворошилов, опасаясь возможного наличия артиллерийских батарей противника в районе поселка Кунда, **закрыл этот район для плавания**. Северный фарватер, проходивший по кромке финских шхер, был наиболее безопасен: здесь мин почти не было. Однако предложивший этот маршрут **автоматически оказывался под подозрением** в желании сдать советские корабли противнику. Кроме того, флотская разведка понятия не имела, какие силы немцы успели сосредоточить в финских шхерах.

Поэтому волей-неволей пришлось выбрать центральный фарватер, проложенный в средней части Финского залива, наиболее опасный в минном отношении. Здесь было выставлено заграждение «Юминда», которое немцы постоянно усиливали. За период с 11 по 27 августа по нему прошли 9 конвоев. При этом из 40 кораблей и судов 14 (35%) погибли или получили повреждения от подрыва на минах и действий авиации противника. Заграждение «Юминда» советские корабли ни разу не протраливали и не разведывали, границы его были неизвестны, количество мин «нам никто не мог сообщить».

Как выяснилось после войны, гигантскому каравану предстояло «в лоб» форсировать минное заграждение, состоявшее из 30 линий мин и минных защитников! Плотность его на была не менее 150 мин и 105 минных защитников на милю по фронту, на каждый кабельтов (185 м) тральной полосы приходилось не менее 15—16 мин. Заграждение такой плотности можно нормально форсировать только при условии проводки в светлое время суток, позволяющее обнаруживать и уничтожать подсеченные мины, за двумя-тремя рядами контактных тралов, с обязательным обвехованием кромки тральной полосы.

Но обеспечивавших переход 10 базовых, 18 мобилизованных и 26 катерных тральщиков для этого явно не хватало (по прикидкам минеров, для такой операции тральщиков требовалось не менее 100). Реально корабли и суда могли идти только за одним-двумя рядами тралов, а некоторые из них вообще предстояло следовать самостоятельно. Фарватер «из соображений секретности» не был обвехован. Сделать это по ходу прорыва не представлялось возможным, так как тральные вехи, в том числе светящиеся, уже погрузили на один из транспортов. Причем никто не знал — на какой именно. Не имелось и необходимого количества запасных тралов.

Из 26 катеров типа «Рыбинец», вооруженных тралами Щульца, и нескольких катеров типа КМ и КЛТ с катерными тралами, по прямому назначению были использованы только два. Что касается подсчета вероятного количества потерь в корабельном составе в ходе прорыва, то, по признанию адмирала Пантелеева, «под грохот рвущихся в га-пани снарядов мы не особенно старались заострять внимание на столь неприятных цифрах».

Прорыв из Таллина в Кронштадт предполагалось совершить в походном порядке, состоявшем из отряда главных сил, отряда прикрытия, арьергарда и четырех конвоев. В отряде главных сил под командованием вице-адмирала В.Ф. Трибуца вошли 28 боевых кораблей, в том числе флагманским крейсер «Киров», 3 эскадренных миноносца, 4 подводные лодки, 6 малых охотников. Отрядом прикрытия, состоявшим из лидера «Минск», двух эсминцев, одной подводной лодки, сторожевых и торпедных катеров, командовал контр-адмирал Ю.А. Пантелеев, арьергардом — контр-адмирал Ю.Ф. Ралль, державший флаг на эсминце «Калинин».

Отряд главных сил должен был прикрыть первый И второй конной на переходе от мыса Юминда до острова Гогланд; отряд прикрытия - защитить второй и третий конвой на переходе от острова Кери до острова Вайндло; арьергард - прикрыть с тыла третий и четвертый конвои. Вместо того, чтобы создать один сильно охраняемый конной из кораблей основных классов и наиболее крупных судов,

советские адмиралы разделили свои силы на семь групп совершенно разнотипных судов — от шхун до эсминцев — нарушив тем самым важный принцип военного искусства (принцип концентрации сил и средств на главном направлении).

Из состава сил Кронштадтской военно-морской базы сформировали специальный отряд под командованием капитана 2 ранга И.Г. Святова. Он состоял из 12 тральщиков, 4 сторожевых кораблей, 6 торпедных катеров, 8 малых охотников, 2 буксиров, 4 мотоботов и был развернут в районе острова Гогланд. Он должен был защищать конвои от атак торпедных катеров и подводных лодок на конечном участке пути, обеспечить их проводку за тралами, оказывать помощь судам, терпящим бедствие.

На позиции к маяка Порккала и к Хельсинки были направлены подводные лодки М-98 и М-102 с задачей «топить военные и торговые суда противника», прикрывая отходящий флот с запада. Обеспечить постоянное воздушное прикрытие на всем маршруте из-за удаленности береговых аэродромов не представлялось возможным. Лишь в конце маршрута предусматривалось поднять в воздух 65 истребителей с задачей всемерно оберегать в первую очередь боевые корабли.

• • •

27 августа в 11 часов Трибуц отдал приказ об отходе войск и посадке их на суда. Отход прикрывали береговая артиллерия и заградительный огонь кораблей. В первую очередь суда заполняли ранеными, служащими учреждений флота и отдельными подразделениями; одновременно грузили боевую технику, наиболее ценные материальные средства На крейсере «Киров» разместили золотой запас Эстонской ССР, Военный совет флота и тех членов правительства и ЦК ВКП(б) советской Эстонии, которые не сбежали к немцам.

Противник вел интенсивный огонь по городу и порту, его авиация небольшими группами (5—9 самолетов) на протяжении всего светлого времени наносила бомбовые удары по транспортам и кораблям. В 18 часов подрывные команды приступили к уничтожению ценных объектов и материальных средств. В Русско-Балтийской гавани и у маяка Пакри паровозы и вагоны (более тысячи) по колее просто скатывали в море (позже немцы почти все их подняли) В Купеческой гавани сначала взрывали вагоны с боеприпасами, затем арсенал. В Минной гавани подняли на воздух нефтехранилище. В порту еще оставалось немало плавсредств, часть из которых уничтожил противник, часть затопили команды, часть просто бросили.

Таллинский переход

Посадка на суда основных сил 10-го корпуса началась около 22 часов и продолжалась до наступления рассвета. Для обеспечения их отхода артиллерия флота и корпуса в течение двух часов вела массированный неподвижный заградительный огонь.

Всего на борт кораблей и судов было принято свыше 20 тысяч военнослужащих и вольнонаемных, а также около 7,5 тысяч гражданских лиц. С помощью буксиров суда, набитые людьми и техникой, выходили в район сбора и формирования конвоев. После полуночи на причалах Беккеровской гавани остались еще около 4000

бойцов и командиров. За ними так и не пришли, несмотря на то, что четыре транспорта ушли из Таллина незагруженными.

Первый конвой должен был начать движение 27 августа в 22 часа, а последний — покинуть рейд 28 августа в 10.30. Но помешал ветер, усилившийся до 7 баллов. Тральщики не могли идти с тралами. Трибуц приказал до улучшения погоды всем кораблям и судам стать на якорь у островов Найсаар и Аэгна. До съемки с якоря к конвоям присоединились еще до 30 шхун, буксиров, мотоботов и возвратившаяся из боевого похода подводная лодка Щ-301.

Из-за вынужденной стоянки отодвинулись сроки выхода, поэтому форсировать минные заграждения пришлось не днем, как то предусматривал план, а ночью. Но германское командование по каким-то причинам не сумело воспользоваться ситуацией и массированного воздушного удара по огромному скоплению кораблей, катеров и судов (228 вымпелов) не нанесло.

28 августа в 11.35, после того как ветер стих, суда стали сниматься с якорей. Отряд главных сил начал движение около 16 часов. В 17.15 выступил отряд прикрытия, обгоняя транспорты и одновременно прикрывая их с запада. Арьергард держался на выходе с Таллиннского рейда до наступления темноты, прикрывая общий отход. В это время заградительный отряд минировал гавани, рейды и район у острова Аэгна.

Конвои следовали за тихоходными тральщиками со скоростью не более 6 узлов. Отряды главных сил и прикрытия, каждый за 5 тральщиками, шли со скоростью 10—12 узлов. Через 3 часа после съемки с якорей корабли и суда вытянулись в одну линию протяженностью более 15 миль (28 км). Всего в прорыве, по данным контр-адмирала Р.А. Зубкова, участвовали 153 боевых корабля и катера и 75 судов, в том числе один крейсер, 10 эсминцев, 9 сторожевиков, 3 канонерские лодки, 11 подводных лодок и 10 базовых тральщиков. Впереди шел отряд главных сил, затем первый конвой, отряд прикрытия, третий и четвертый конвои, а параллельно, чуть севернее, шел второй конвой.

Во второй половине дня несколько налетов произвела авиация противника. В районе острова Мохни в 18.30 немецкие самолеты атаковали транспорт «Кришьянис Вальдемарс». Уклоняясь от бомб, он вышел из протраленной полосы, подорвался на мине и затонул. У мыса Юминда получил повреждения в результате воздушной атаки штабной корабль, транспорт «Вирония», на котором эвакуировались отделы штаба и политуправления флота. Около 22-х часов он погиб от подрыва на мине вместе с буксиром-спасателем «Сатурн».

При налёте получил повреждения транспорт «Алев», который вскоре после этого тоже подорвался на мине и затонул. На его борту находились 1280 человек, в том числе более 800 раненых. Удалось спасти только 6 человек. В районе мыса Юминда в 18 часов подорвался ВТ-530 «Элла» из состава первого конвоя, имевший на борту 905 человек, в том числе 693 раненых. Когда к месту гибели «Эллы» подошло судно «Нептун», на поверхности воды плавали лишь 49 человек.

В районе к северу от мыса Юминда лидер «Минск», эсминец «Скорый» и «Славный» артиллерийским огнем отбили две ночные атаки, как думали моряки, пяти немецких или финских торпедных катеров. Но, как выяснилось позже,

вражеские торпедные катера в ночь на 28 августа и море не выходили. Советские корабли вели огонь по своим торпедным катерам ТКА-73, 74, 94, 103, 113, пытавшимся присоединиться к главным силам. При этом ТКА-103 был потоплен.

За несколько минут до наступления темноты в районе острова Кери отряд главных сил, а за ним другие, вошли на минное заграждение «Юминда». Ночь на 29 августа оказалась самой тяжелой. Строй из пяти базовых тральщиков обеспечивал надежное прикрытие проводимых кораблей в полосе шириной до 3 кабельтов (560 м). Однако он был хорош лишь до тех пор, пока караван-тралы не перебили взрывы мин либо минных защитников. Около 20 часов на мине погиб ТЩ-71 «Краб», затем ТЩ-56 «Барометр». Неразрывность протраленной полосы нарушилась, в темноте не удавалось расстреливать все подсеченные и всплывшие мины, их отталкивали от бортов шестами и руками. Уклоняясь от мин, корабли выходили из строя и подрывались.

В отряде главных сил первой погибла подводная лодка С-5, с нее спаслись лишь 9 моряков. Потом взорвался и затонул с большей частью экипажа эсминец «Яков Свердлов», а эсминец «Гордый» получил тяжелые повреждения.

В критическом положении оказался отряд прикрытия. Около 21 часа из пяти базовых тральщиков, осуществлявших проводку кораблей, четыре оторвались от отряда и присоединились к главным силам. Попытка адмирала Пантелеева вернуть их на свое место закончилась безрезультатно, адмирал Трибуц, более всего озабоченный судьбой флагмана, поставил отбившиеся тральщики в охранение крейсера «Киров».

Оставшиеся без противоминного обеспечения, корабли один за другим подрывались на минах. Серьезные повреждения получили лидер эсминцев «Минск» и эсминец «Славный». При попытке взять на буксир дрейфовавший по минному полю лидер погиб эсминец «Скорый»; новейший корабль, успевший прослужить всего-навсего 28 дней, переломился пополам и затонул через 15 минут после взрыва в районе кормового машинного отделения.

Наиболее тяжелые потери понес арьергард, так как он с самого начала следовал без противоминного обеспечения Вся надежда была только на параваны, которые, как выяснилось на практике, на малой скорости не отводили мины, а наоборот, подтягивали их к борту. С 22 до 24 часов из состава арьергарда на минах погибли старые эсминцы «Калинин», «Артем», «Володарский», сторожевые корабли «Циклон», «Снег» и «Топаз».

Конвои из-за слабого противоминного охранения, отсутствия навыков совместного плавания с тральщиками и большого количества плавающих мин тоже понесли значительные потери. В первом конвое взрыв оторвал корму подводной лодки Щ-301, были спасены 13 членов экипажа. Из состава второго конвоя быстро затонул ВТ-545 «Эверита», имевший на борту гарнизон с острова Найсаар численностью около 1500 бойцов. Спасти удалось всего 10 человек. Погиб на минах ВТ-584 «Найсаар» с 2500 тысячами человек на борту.

В третьем конвое подорвался и был оставлен командой транспорт «Луга», перевозивший почти полторы тысячи раненых. Большую их часть принял на борт

ВТ-529 «Скрунда», ушедший из Таллина пустым. Погиб транспорт «Балхаш», вместе с ним около 2000 человек. В четвертом конвое взорвалась на мине мобилизованная канонерская лодка И-8 «Кронштадт».

В этих условиях около полуночи Трибуц приказал всем кораблям и судам встать на якорь и ждать восхода солнца, чтобы утром продолжить движение на восток. Решение, в общем правильное, было вызвано исключительно незнанием обстановки, поскольку к тому времени минное заграждение корабли фактически преодолели.

С наступлением рассвета боевые корабли снялись с якорей и, бросив конвои, максимально возможным ходом пошли к Кронштадту. Тихоходные и маломаневренные, практически безоружные суда с войсками на борту остались без охранения. Истребители отсутствовали. В 7.15 над ними появилась вражеская авиация. Немецкие летчики действовали как на учениях, выбирая наиболее крупные цели. Это привело к тяжелым потерям, особенно в личном составе.

Так, вместе с транспортом «Калпакс», на который было произведено 40 воздушных атак ('), погибли более 900 человек, в том числе 700 раненых бойцов. Катера подобрали с него всего 70 человек. Возле острова Родшер от авиабомб погиб транспорт «Аусма». Шесть поврежденных транспортов затонули на Западном Гогландском плесе, два транспорта и плавучая мастерская «Серп и Молот» выбросились на камни у южной оконечности Гогланда. На «Аусме» эвакуировался гарнизон Палдиски — 1200 человек. Весьма ощутимой была потеря плавмастерской «Серп и Молот». Она имела новейшее по тому времени оборудование и огромное количество запасных частей для корабельных механизмов, особенно для подводных лодок.

Отряды боевых кораблей прибыли в Кронштадт 29 августа в 18 часов. Утром 30-го числа пришли остальные уцелевшие корабли и суда. Всего при прорыве погибли 46 транспортных судов.

Отдельно отметим судьбу транспорта «Казахстан на котором находились до 5000 военнослужащих и гражданских лиц. В результате воздушного налета он потерял управление и ход, несколько суток дрейфовал в районе острова Вайндло. Но второй помощник капитана Л.Н. Загорулько и оставшиеся на судне члены экипажа сумели исправить рулевое управление и машину, довели избитое судно до Кронштадта. За это все они были награждены орденами и отмечены в приказе Верховного Главнокомандующего № 303 как «группа смельчаков, беззаветно преданных Родине». А **капитан «Казахстана» В.С. Калитаев**, **выброшенный за борт взрывной волной и подобранный из воды подводной лодкой Щ-322**, прибыл в базу на неделю раньше своего теплохода, за что его **расстреляли «как труса и дезертира**».

Много лет спустя **его посмертно наградили орденом Боевого Красного Знамени**.

Отряд капитана 2 ранга Святова собирал людей с терпящих бедствие транспортов и с островов вплоть до 8 сентября!

Бывший начальник штаба флота Ю.А. Пантелеев писал в своих мемуарах: «***Все воинские подразделения, вышедшие из боя, были посажены на транспорты и***

вывезены из Таллина и Палдиски, ни одного корабля или воинской части в Таллине не осталось».

Нарком Кузнецов 31 августа доложил Сталину, что при прорыве из Таллинна в Кронштадт погибли 8 боевых кораблей, 12 транспортов и 8 вспомогательных судов, противнику не оставлено пи одной исправной пушки, ни одного подразделения — все либо вывезено, либо уничтожено. Но **всё это ложь чистой воды**. В ходе эвакуации были потеряны 68 единиц: 22 боевых корабля и вспомогательных судна (в том числе 5 эсминцев, 3 сторожевика, 3 тральщика, 2 подводные лодки) и 46 транспортов. Кроме того, **еще 28 судов были оставлены или затоплены в Таллине**.

В Таллине немцы взяли в плен 11.432 советских бойца, захватили 293 исправных орудия (144 зенитных, 97 полевых, 52 противотанковых), 304 пулемета, 91 бронеавтомобиль, 2 бронепоезда, 4000 якорных мин, 3500 торпед, более 1000 авиабомб.

В Кронштадт и Ораниенбаум были доставлены 12.738 военнослужащих и вольнонаемных Балтийского флота и 10-го стрелкового корпуса, которые впоследствии включились в оборону Ленинграда. Примерно 18 тысяч погибли на переходе. К ним надо добавить членов команд 88 погибших в пути кораблей и судов, как минимум, три тысячи человек. Что касается гражданских лиц, то их никто не считал. По некоторым данным, на суда село до 15 тысяч «штатских». Спаслось не более трех — четырех тысяч. Таким образом, общее число жертв этой бойни составляет от 30 до 40 тысяч человек!

Своим «беспримерным в истории прорывом» Балтийский флот, потеряв в общей сложности 106 кораблей и судна (вместе с потерянными в Таллине), а также **не менее 35 тысяч человек** военнослужащих (вместе с попавшими в плен), как водится**, снова «сорвал планы противника**». Правда, Сталин поначалу раздумывал, а не отправить ли за столь сомнительные достижения под трибунал командование флота в полном составе? Следователи и прокуроры как дважды два доказали бы, что именно моряки виноваты не только в сдаче Таллина, но и в поражениях Красной Армии на сухопутном фронте: «***Всем хотелось отыскать реального виновника наших неудач, провала всех наших победных планов и расчетов. Даже большие люди еще не сознавали, что мы переживаем крах некоторых положений нашей довоенной доктрины, не до этого было! Нужен живой виновник***!».

Но, в конце концов, он махнул на них рукой.

• • •

Как отмечает профессор Санкт-Петербургской военно-морской академии В.Д. Доценко, общие итоги военной кампании Краснознаменного Балтийского флота за период с 22 июня по 3 декабря были таковы: «**К концу 1941 года флота на Балтике практически не существовало**»*.

* Доценко В.Д. Мифы и легенды Российского флота. Изд. 4-е, испр. и доп. СПб., 2004, с. 213.

На языке статистики это выглядело следующим образом. В указанный период

флот потерял:

1 лидер (Минск);

16 эсминцев (Артем, Володарский, Гневный, Гордый, Калинин, Ленин, Маркс, Свердлов, Сердитый, Скорый, Смелый, Сметливый, Статный, Стерегущий, Суровый, Энгельс,);

28 подводных лодок (Л-1, Л-2, М-74, М-76, М-78, М-80, М-81, М-83, М-94, М-98, М-99, М-103, П-1, П-2, С-1, С-3, С-5, С-6, С-8, С-10, С-11, Щ-301, Щ-319, II 1,-322, Щ-324, Калев, Ронис, Спидола);

43 тральщика (погибли Т-201 «Заряд», Т-202 «Буй», Т-203 «Патрон», Т-206 «Верп», Т-208 «Шкив», Т-209 «Кнехт», Т-212 «Штаг», Т-213 «Крамбол», Т-214 «Бугель», Т-216, Т-297 «Вирсайтис», Т-299 «Иманта», ТЩ-32 /Озерной/, ТЩ-36 «Молотов», ТЩ-41 /Ижорец-12/, ТЩ-42 /Ижорец-13/, ТЩ-43 /Ижорец-65/, ТЩ-48 /Ижорец-33/, ТЩ-49 /Ижорец-31/, ТЩ-51 «Змей», ТЩ-53, ТЩ-54 «Клюз», ТЩ-56 «Барометр», ТЩ-64 /Ижорец-71/, ТЩ-67 /Ижорец-53/, ТЩ-68, ТЩ-71 «Краб», ТЩ-73 «Менжинский», ТЩ-74 «Киров», ТЩ-76 «Вал», ТЩ-80 /Ижо-рец-21/, ТЩ-81 /Ижорец-22/, ТЩ-85 /Ижорец-29/, ТЩ-89 «Налим»; ТЩ-101 «Петрозаводск», ТЩ-122, ТЩ-177 «Белуга», ТЩ-178 «Ульянов», ТЩ-238).

Кроме того, тральщики ТЩ-82 /Ижорец-23/, ТЩ-85 /Ижорец-29/, ТЩ-87 /Ижорец-34/, ТЩ-89 /Ижорец-83/ удрали в Швецию, где были интернированы до конца войны.

5 сторожевых кораблей (Буря, Вихрь, Снег, Топаз, Циклон);

5 гидрографических судов (Астроном, Базис, Вест, Волна, Норд);

3 заградителя (Азимут, Амур, Суроп);

4 канонерские лодки («Красная Горка», «Кронштадт» /И-8/, «Ораниенбаум», «Пионер»);

23 торпедных катера (ТКА №№ 12, 12 (2-й), 13, 21, 24, 27, 34, 42, 47, 52, 64, 71, 72, 74, 88, 91, 102, 103, 114, 123, 131, 141, 151).

25 катеров-охотников (МО-102, 109, 143, 173, 174, 202, 205,206, 208, 239, 301, 303,304,305,306,307,310,311,401, 402, 405, 406, 407, 410, 412).

Некоторые из этих кораблей позже удалось отремонтировать и снова ввести в строй, однако это произошло нескоро. Например, лидер «Минск» был готов к боевым действиям в ноябре 1942 года. Эсминец «Стерегущий» восстановили лишь в 1948 году. Тральщик ТЩ-36 «Молотов», затонувший на Неве 20 сентября, вернулся в строй в конце февраля 1942 года. И т.д.

Получили серьезные повреждения и надолго вышли из строя линкор «Марат» (в строй больше не вступил), крейсер «Максим Горький», эсминцы «Грозящий» (в строй не вступил), «Сильный», «Сторожевой» (вошел в строй в сентябре 1943 г.), «Страшный» (отремонтирован к октябрю 1942 г.), заградитель «Ристна», десятки

других боевых кораблей и катеров, вспомогательных судов, плавсредств.

Что касается транспортных судов, то до конца 1941 года било потеряно 131 судно только из числа тех, которые принадлежали Министерству морского флота. Из них: 57 судов захватил враг в иностранных и советских портах; 37 судов потопила авиация; 21 судно затонуло в результате подрыва на минах; 16 судов погибли по иным причинам. Были также потеряны десятки судов, принадлежавших другим ведомствам.

Глава 3. БОИ НА ПОДСТУПАХ К ЛЕНИНГРАДУ

(август — начало сентября 1941 г.)

«Финский фронт»

Напряженная обстановка сложилась к концу июля севернее Ленинграда. На Карельском перешейке 31 июля начала общее наступление финская Юго-Восточная армия. В нее входили 2-й армейский корпус (2, 15, 18-я пехотные дивизии) генерал-майора Лаатикайнена, 4-й армейский корпус (4, 8, 12-я пехотные дивизии) генерал-лейтенанта Оеша, 5-й армейский корпус (10-я пехотная дивизия и кавалерийская бригада), Кроме того, на Сортавалу должны были наступать 11-я и 7-я пехотные дивизии 7-го корпуса, вскоре образовавшие специально для этой цели 1-й армейский корпус под командованием генерал-майора Мякинена.

Финнам противостояла 23-я советская армия в составе 19-го стрелкового корпуса (142, 115-я стрелковые дивизии), 50-го стрелкового корпуса (43, 70, 123-я стрелковые дивизии), 27-го (Кексгольмского) и 28-го (Выборгского) укрепрайонов.

В 23-ю армию также входили 24, 28, 43, 573-й корпусные артполки, 101-й гаубичный артполк, 108-й и 519-й гаубичные артполки большой мощности РГК, 20-й отдельный минометный батальон (48 минометов калибра 120 мм), 27-й и 241-й отдельные зенитные дивизионы, 198-я механизированная дивизия из состава 10-го мехкорпуса.

Приданная армии авиация включала в себя 5-ю смешанную авиадивизию, 41-й бомбардировочный авиаполк, 15-ю и 19-ю корректировочные эскадрильи.

Главный удар финны наносили 2-м армейским корпусом на кексгольмском направлении с целью выйти к западному побережью Ладожского озера, занять железнодорожный узел Хийтола, отрезать с юга группировку советских войск в Сортавале и расчленить 23-ю армию. В дальнейшем Маннергейм планировал развивать наступление по направлению к реке Вуокса, форсировать ее и выйти в тыл Выборгской группировке Северного фронта. На выборгском направлении готовился вступить в дело 4-й армейский корпус.

142-я и 115-я советские дивизии, обороняясь на фронте в 106 километров, ничего не смогли противопоставить тактике противника. Финны отдельными группами просачивались к ним в тыл, выходили на коммуникации, нарушали связь, срывали подвоз боеприпасов, блокировали опорные пункты. Вообще бои на Карельском перешейке в нашей истории не освещены вовсе. Что, например, можно почерпнуть из коллективного труда «Непокоренный Ленинград», кроме ряда невнятных историй о героизме:

«Так, солдаты и офицеры 461-го стрелкового полка 142-й стрелковой дивизии 23-й армии под командованием полковника В.А. Трубачева за десять дней боев на

Карельском перешейке уничтожили почти половину (?) наступавших на них солдат противника. За мужество и храбрость полковник В.А. Трубачев и пулеметчик А.И. Заходский были удостоены звания Героя Советского Союза».

Половина — это сколько? А что из себя представляло «целое»? Каковы были наши потери?

5 августа 198-я механизированная и 142-я стрелковая дивизии попытались нанести контрудар, но понесли большие потери и отошли на исходные рубежи. 6 августа финны — видимо, силами «не уничтоженной половины» — продолжили наступление и к исходу 9 августа вышли в район Лахденпохья — Куркиёки — Хийтола, то есть, к Ладоге. В результате правый фланг 23-й армии оказался рассеченным на три изолированные друг от друга и прижатые к Ладожскому озеру группировки. Их общая численность составляла около 40 тысяч командиров и красноармейцев.

Первая группа, окруженная севернее и северо-западнее Лахденпохья, представляла собой «смесь» из частей 23-й и 7-й армий (полки 168-й, 71-й, 115-й стрелковых дивизий). Вторая группа (142-я стрелковая и 198-я механизированная дивизии) оказалась в районе севернее и северо-восточнее Хийтола. Сводная группа пограничников под командованием полковника С.И. Донского попала в окружение западнее Кексгольма.

На помощь этим частям пришла Ладожская военная флотилия. Приказ об ее создании на базе Учебного отряда ВМУЗ был подписан на третий день войны. В состав флотилии вошли 8 канонерских лодок (шесть из них, это вооруженные грунто-возные шаланды), 10 тральщиков (мобилизованные речные буксиры), 5 бронекатеров (БКА №№ 97, 98, 99, 100, 102) и 8 катеров-охотников. С 12 по 22 августа корабли ЛВФ произвели эвакуацию войск 142-й стрелковой и 198-й механизированной дивизий в район старой советско-финской границы. Части 168-й дивизии сначала перебросили на близлежащий остров Валаам, а затем — в район Колпино.

Эвакуацию прикрывали своим огнем канонерские лодки «Бира», «Бурея», «Олекма», «Селемджа», «Шексна», два тральщика и десять катеров. Всего с изолированных плацдармов за десять дней удалось вывезти 26 тысяч бойцов, 155 орудий, до 800 автомашин и тракторов. Кто руководил морской частью операции точно сказать трудно, так как в августе у флотилии сменились три командующих.

• • •

Чтобы предотвратить дальнейшее продвижение противника в юго-восточном направлении командующий 23-й армией генерал-лейтенант М.Н. Герасимов бросил в брешь прибывшую из резерва Ставки 265-ю стрелковую дивизию.

10 августа финны отразили советский контрудар у Хийтолы и на следующий день возобновили наступление по всему Карельскому перешейку. 4-й армейский корпус начал активные боевые действия против Выборгской группировки. В тыл ей, форсировав Вуоксу, выходил 2-й армейский корпус. Теперь угроза окружения нависла над тремя дивизиями левого крыла 23-й армии. 16 августа 7-я похожая

дивизия полковника Свенсона взяла Сортавалу. В общем, **финны грамотно били «красных» по частям, а те «героически отражали наступление превосходящих по численности неприятельских войск»**.

20 августа советские войска на левом фланге начали отступление **к бывшей линии Маннергейма**, одновременно взрывая фортификационные сооружения, свертывая и эвакуируя подразделения береговой обороны. Батареи на островах Выборгского залива, корабли шхерного отряда кораблей и посланные на помощь эсминцы «Сильный» и «Стойкий» своим огнем прикрывали отход войск и отражали десанты противника. Для действий на приморском участке фронта был создан сводный полк моряков.

Однако **планомерного отхода не получилось. 24 августа финны высадили южнее Выборга один полк и перерезали приморскую железную дорогу и шоссе**, ведущие в Ленинград. Попытка уничтожить десант успеха не имела. Выборгская группировка советских войск была обойдена с юга и юго-востока; 43-я Краснознаменная, 115-я, 123-я и 265-я стрелковые дивизии оказались в окружении. С помощью сводного полка моряков отдельные части, потеряв все танки и большую часть артиллерии, пробились к Финскому заливу в районе Койвисто.

Здесь при поддержке береговых батарей с островов Бьёркского архипелага они несколько дней удерживали плацдарм. 31 августа началась их эвакуация в Ленинград, для чего были выделены корабли и баржи. Всего флот вывез 27 тысяч бойцов и командиров, 188 артиллерийских орудий, 950 автомашин.

Недовольство Сталина действиями командования Ленинградского фронта, запросившего разрешение на перегруппировку сил, было выражено в требованиях Ставки от 28 августа: «Ваши сегодняшние представления напоминают шантаж. Вас запугивают командующие армиями, а Вы, в свою очередь, решили, видимо, запугивать Ставку всяческими ужасами насчет прорывов, обострения положения и прочее. Конечно, если Вы ничего не будете делать для того, чтобы требовать от своих подчиненных, а будете только статистом, передающим жалобы армий, Вам придется тогда, через несколько дней, сдавать Ленинград, но Ставка существует не для того, чтобы потакать шантажистским требованиям и предположениям.

Ставка разрешает Вам отвести части с линии Выборга, но Ставка вместе с тем приказывает Вам, чтобы части ни в коем случае не покидали подготовленного рубежа линии Маннергейма. Ставка запрещает Вам оголять Лужскую губу и отдавать ее противнику. Если даже придется 8-й армии чуточку отступить, то она все же во что бы то ни стало должна прикрыть Лужскую губу вместе с полуостровом.

Ставка требует, чтобы Вы, наконец, перестали быть статистом и специалистом по отступлению и вошли в подобающую Вам роль командующего, вдохновляющего армии и поднимающего дух войск».

Уже через два с половиной часа после этого Военный совет 23-й армии получил «ценные указания» Военного совета фронта:

«Характерной особенностью в вашем управлении армией Военный Совет Фронта отмечает незнание обстановки, отсутствие точных данных о противнике и

положении своих войск, неуверенность в действиях и нетвердое управление войсками. Все это вы прикрываете разговорами о принятии мер, об отсутствии резервов и, как вывод из всего этого, обращаетесь к Военному совету фронта за разрешением отвести войска армии к старой госгранице.

Оборонительная операция 23-й армии на Карельском перешейке (июль — сентябрь 1941 г.)

Странно и чудовищно звучит это ваше пораженческое заявление об отводе войск к старой госгранице. В этом решении вы проявляете неустойчивость, которая граничит с трусостью, и вместо максимальной мобилизации своей воли и воли подчиненных войск на борьбу за Ленинград вы поддаетесь воле обнаглевшего врага.

Военный совет требует перестать быть специалистами по отступлению, требует от вас и члена Военного совета встать по-настоящему во главе армии, переломив в себе эти отступательные настроения, по-настоящему, по-большевистски взяться за поднятие духа и воли подчиненных войск на защиту Ленинграда»

Пока красные генералы собирали в кулак свою большевистскую волю, финны 29 августа взяли Выборг и Кивеннену, 30 августа — Райволу, 31 августа — Териоки.

Под натиском противника отступление не попавших в «котлы» советских дивизий превратилось в бегство, во время которого части и соединения потеряли почти все оружие и боевую технику. Например, 198-я механизированная дивизия генерал-майора В.В. Крюкова из всего своего арсенала сохранила лишь 6 станковых пулеметов.

Откровенное поражение на финском фронте советская пропаганда объясняла «огромным численным превосходством противника» и тем, что на стороне финнов сражались «отборные гитлеровские войска». Августовские бои на Карельском перешейке газеты расписывали примерно в таком ключе: «В орудийных расчетах оставалось мало солдат. **Младший лейтенант командовал боем и в то же время стрелял сам, попеременно из двух пушек**. Гитлеровцы предложили артиллеристам сдаться в плен, обещая сохранить им жизнь. В ответ гремели залпы. Гитлеровцы **в суеверном ужасе отступили от батареи**...

Кокорин терял последние силы, когда **здоровенный фашистский офицер** (?) сбил его с ног и навалился всей тяжестью тела: «Сдавайся, русс»! «**Как бы не так!» — крикнул Кокорин** и выдернул кольцо гранаты. **Герой-санитар погиб не-побежденным**».

(После войны **советские историки путем кропотливых исследований установили**, что пограничник-санинструктор **на самом деле кричал: «Чекисты в плен не сдаются**!». См. «Историю Ленинградского военного округа»). По решению Военного совета Ленинградского фронта, принятому 1 сентября, 23-я армия, в командование которой ступил генерал-майор А.И. Черепанов, заняла рубеж Карельского укрепрайона (№ 22), проходившего по границе 1939 года, от Финского залива вдоль реки Сестры к Ладожскому озеру. Относительно дальнейшего хода событий мнения летописцев расходятся. Советская версия такова:

«В течение сентября 23-я армия во взаимодействии с Краснознаменным

Балтийским флотом и Ладожской военной флотилией отразила все попытки финских войск прорвать нашу оборону на рубеже Карельского укрепленного района и, нанеся врагу большой урон, заставили его перейти к обороне. Закрепившись на этом рубеже, советские войска успешно отбивали атаки противника. План немецко-фашистского и финского командования ударом через Карельский перешеек прорваться к Ленинграду и совместно с войсками группы армий «Север» овладеть им потерпел крах».

Нетрудно сорвать действия противника, которые он не собирался предпринимать. Только на это и была способна наголову разбитая 23-я армия. **Финны вовсе не планировали «овладеть» Ленинградом, ни вместе с немцами, ни без них**. Правда, в августе и сентябре сначала генерал-фельдмаршал Вильгельм Кейтель (1882—1946), затем начальник штаба верховного главнокомандования Вермахта генерал Альфред Йодль (1899—1946), **дважды обращались к высшему финскому руководству с предложениями принять участие «в данном предприятии», но оба раза получили твердый отказ**. Об этом сделал запись в своем дневнике и генерал Гальдер:

«**Командование финской армии не хочет, чтобы ее войска наступали с Карельского перешейка дальше старой государственной границы**».

Маршал Маннергейм, ПОМНЯ ОБ ОГРАНИЧЕННОМ ЛЮДСКОМ ПОТЕНЦИАЛЕ СТРАНЫ, стремился сохранить жизни своих солдат. Атаковать Ленинград в обстановке, когда исход мирового конфликта был еще туманен и победитель не определился, представлялось **невыгодным и с политической точки зрения**.

Определенную роль сыграло также оказанное по просьбе Кремля дипломатическое давление на Хельсинки. В начале сентября британский премьер сообщил Сталину:

«**Мы окажем любое возможное давление на Финляндию, включая немедленное заявление, что объявим ей войну, если она будет продвигаться за старые границы**. Мы просим Соединенные Штаты предпринять все необходимые шаги, чтобы повлиять на Финляндию».

Финны и сами вполне **сознательно дистанцировались от немцев**, демонстрируя миру, что **ведут с Советами свою собственную справедливую войну**. (Эта позиция оправдала себя в будущем: в отличие от других союзников рухнувшего в 1945 году «тысячелетнего» Рейха, заключенных в «социалистический концлагерь», Финляндия не подверглась оккупации и сохранила свою независимость).

Лишь поэтому войска генерала Черепанова, подкрепленные 265-й и 291-й стрелковыми дивизиями, успешно «отбили все атаки» перешедшего к обороне противника. Фронт на Карельском перешейке стабилизировался до июня 1944 года.

«Немецкий фронт»

Верховное командование Вермахта все это время планировала новое

наступление на Ленинград, прекрасно сознавая, что время работает на русских. Однако из-за трудностей в снабжении и в осуществлении перегруппировки сил, сроки отодвигались шесть раз. Еще в середине июля командование группы армий «Север» пришло к выводу, что наличных сил недостаточно для овладения Ленинградом с ходу. Поэтому оно предполагало вначале овладеть рубежом Новгород — Нарва.

Но и к этой операции, по мнению Лееба, можно было приступить не раньше, чем 16-я армия закончит разгром советских войск под Невелем и надежно обеспечит его правый фланг, а 18-я армия — подтянет пехотные дивизии. Гитлер директивой № 33 от 19 июля утвердил данное решение, но его нервировали проволочки и неопределенность положения на флангах советско-германского фронта. 21 июля он сам прилетел в штаб-квартиру Лееба и потребовал от фельдмаршала как можно быстрее взять город и уничтожить Балтийский флот.

На этом совещании Гитлер заявил, что Ленинград — это «колыбель революции», а Москва — лишь «географическое понятие». «Овладению Москвой фюрер не придает никакого значения», — записал Гальдер.

Кроме того, фюрер считал очень важным не дать советскому командованию возможности вывести войска из Ленинграда с целью использования их на других направлениях. Поэтому он настаивал на сосредоточении основных усилий группы армий «Север» в направлении Новгород — Ладожское озеро для перехвата основных коммуникаций и требовал привлечь сюда 3-й танковую группу генерала Гота, которая, в то время, вела бои северо-восточнее Смоленска. Фон Лееб с фюрером соглашался, однако настаивал на том, что новгородское направление непригодно для действий танковых соединений.

Свои идеи Гитлер повторил затем главнокомандующему сухопутными войсками генералу-фельдмаршалу Вальтеру фон Браухичу (1881—1948), определив Ленинград — «бастион большевизма», важнейший промышленный центр и базу для господства на Балтике — в качестве первой ближайшей цели наступления Вермахта. И Браухич, и его начальник штаба генерал Гальдер были согласны с фюрером, однако категорически возражали против переброски 3-й танковой группы и ослабления натиска на московском направлении.

Тем не менее, 23 июля Гитлер подписал «дополнение к директиве № 33», в котором приказал 3-ю танковую группу временно подчинить группе армий «Север» с задачей «обеспечения правого фланга последней и окружения противника в районе Ленинграда». Гальдер, фактически саботируя этот, по его мнению, «бессмысленный приказ», 25 июля сообщил Леебу, что он получит дивизии Гота, но не ранее 5 августа; спустя три дня этот срок был отодвинут до 15 августа.

Конкретная задача группе армий «Север» была поставлена в директиве ОКВ № 34 от 30 июля, отменившей предыдущую. Директива предписывала фельдмаршалу Леебу очистить от противника Эстонию, продолжить наступление на Ленинград, нанося главный удар между озером Ильмень и рекой Нарвой и установить связь с финской армией. Для поддержки Лееба из группы армий «Центр» выделялся 8-й авиационный корпус.

В дополнении к директиве ставка подчеркивала, что завершить операцию против Ленинграда необходимо «до начала наступления на московском направлении». Немецкое командование стремилось быстрее «покончить» с Ленинградом, до которого осталось пройти 100 км, чтобы затем всей мощью обрушиться на Москву. 4 августа в штабе группы армий «Центр» фюрер заявил, что, по его расчетам, задача по овладению Ленинградом будет выполнена к 20 августа, а переброска танковой группы Гота на север «больше не является необходимой».

Оборонительная операция на Красногвардейском направлении (8—21 августа 1941 г.)

Настроение генерала Гальдера менялось от радужного к унынию и обратно:

«2 августа. Главком был на совещании в группе армий. После его посещения я лишился последних признаков ясного представления о происходящем. Группа армий не добилась никаких успехов в наступлении...

11 августа. В сражение брошены наши последние силы. Каждая новая перегруппировка внутри групп армий требует от нас крайнего напряжения и непроизводительного расхода человеческих сил и технических ресурсов. **Всё это вызывает** нервозность и недовольство у командования и все **возрастающую склонность вмешиваться во все детали**. **Всякое же вмешательство** в детали, которое в данном случае носит характер отнюдь не приказа (!), а пожеланий и рекомендаций, **естественно**, **связано с большой опасностью**.

Мы не знаем конкретных условий, при которых развиваются события. Когда они развиваются медленнее, чем мы хотим, тогда мы сразу думаем о недостаточном желании и рвении или даже о злостном самоуправстве на местах... Общая обстановка все очевиднее и яснее показывает, **что колосс-Россия, который сознательно готовился к войне, несмотря на все затруднения, свойственные странам с тоталитарным режимом, был нами недооценен**...

12 августа. Группа армий «Север»: Войска продолжают успешно наступать»...

Английский военный историк Алан Кларк очень точно подметил:

«Реакция Гальдера была типична для всех немцев, столкнувшихся лицом к лицу с необычайной расточительностью русских в бою. **В начале у немца был восторг**: считал головы врагов, измерял пройденные мили, сравнивал со своими достижениями на Западе и **пришел к выводу, что победа уже за углом**. **Затем недоверие**: такие безрассудные траты не могут продолжаться, русские, бесспорно, берут на пушку, через сколько-то дней дни выдохнутся. **Затем какая-то щемящая тренога**: бесконечное, бесцельное повторение контратак, стремление **отдать десять русских жизней за одну немецкую**, необъятность территории, ее пасмурный горизонт».

• • •

Военные советы Северо-Западного направления и Северного фронта предпринимали экстренные меры для укрепления ближних подступов к Ленинграду и усиления оборонявшихся там войск. Лужскую оперативную группу еще 23 июля разделили на три самостоятельных участка — кингисеппский, лужский

и восточный, с подчинением их непосредственно фронту.

Кингисеппский участок обороны возглавил генерал-майор В. В. Семашко, получивший задачу не допустить прорыва противника с юга вдоль Гдовского шоссе на Нарву и через Кингисепп к Ленинграду. В его участок входили: 90, 118-я и 191-я стрелковые дивизии, 2-я и 4-я дивизии народного ополчения, части береговой обороны Балтийского флота, 14-я артиллерийская бригада ПТО, бронепоезд № 60, 519-й гаубичный артполк РГК, курсанты пехотного училища имени СМ. Кирова и учебного танкового полка.

Лужский участок генерал-майора А.Н. Астанина, прикрывавший дороги к Ленинграду с юго-запада, включал в себя 111, 177-ю и 235-ю стрелковые, 24-ю танковую дивизии, 1-й полк 3-й дивизии народного ополчения, полк артиллерийских курсов усовершенствования командного состава, 260-й и 262-й пулеметно-артиллерийские батальоны, дивизион Ленинградского артиллерийского училища.

В восточный участок обороны генерал-майора Ф.Н. Старикова вошли 70, 237, 128-я стрелковые и 21-я танковая дивизии, 1-я дивизия народного ополчения, 1-я горнострелковая бригада, 261-й и 263-й пулеметные батальоны.

С 10 июля в системе сухопутной обороны Ленинграда началась установка морских береговых батарей. Десятки тысяч моряков переводились на берег в состав морских стрелковых бригад, которые вливались затем в армейские соединения.

Из своего резерва для защиты Ленинграда Ставка Верховного Главнокомандования передавала Северному фронту 265, 268, 272-ю и 291-ю стрелковые дивизии. 31 июля восточный участок был преобразован в Новгородскую армейскую группу, а 4 августа — в 48-ю армию Северо-Западного фронта под командованием генерал-лейтенанта С.Д. Акимова.

С огромным напряжением сил, **но без единого плана**, **без учета характера местности и без увязки с соседними участками**, под руководством случайных людей, осуществлялось строительство укрепленных районов полевого типа, в частности Красногвардейского — одного из важнейших звеньев обороны. **Во все эти мероприятия изначально был заложен кордонный принцип**, что делало советскую оборону неэффективной.

Два года наблюдая за действиями Вермахта в Европе, советские полководцы так ничего и не поняли. Они **равномерно распределяли силы и средства по всему фронту**, хотя дороги, позволявшие использовать подвижные соединения, можно было сосчитать по пальцам одной руки, не имели оперативных резервов в глубине, **игнорировали инженерное обеспечение** и **подготовку войск**. Женщины копали рвы и окопы, **а солдат этому не учили; шанцевый инструмент у них отсутствовал**, да и **не предусматривали советские уставы «оборончество**».

Война считалась делом несложным: атака, разгром врага, прием пищи, комсомольское собрание или митинг.

В итоге «начальствующие товарищи», прибывшие в конце июля проверять

состояние укреплений установили, что окопы вырыты неполного профиля, проволочные заграждения поставлены не на тех участках, огневые позиции для артиллерии и пулеметов выбраны неудачно, а «оборудование полосы взрывными заграждениями носит случайный характер».

• • •

Кроме того, Ставка запланировала к 3—4 августа организовать контрнаступление, целью которого являлся разгром противника ударами от Старой Руссы и с Лужского рубежа, выход на реку Великая, возврат Пскова и Остропа. Затем срок перенесли на 12 августа.

Немцы начали на четыре дня раньше (не учли, подлецы, что как раз и это время газета «Правда» публиковала серию материалов, авторитетно доказывавших, что «в ближайшее время крушение вермахта неизбежно»). 8 августа с плацдарма на реке Луга в направлении Красно-гвардейска перешел в наступление 41-й моторизованный корпус Рейнгардта, поддержанный 1-й пехотной дивизией 38-го армейского корпуса.

Хотя атаковал супостат с плацдармов, на которых накапливал силы в течение четырех недель, противостояли ему на этом участке только 90-я стрелковая и 2-я дивизия народного ополчения. Остальные соединения группы генерала Семашко бездействовали, ожидая своей очереди получить по морде.

10 августа под Лугой ударил Манштейн, в подчинении у которого после всех перегруппировок остались 3-я моторизованная, 269-я пехотная и полицейская дивизия СС, состоявшая, по выражению газеты «Правда», из «цепных псов кровавого Гитлера». 8-ю танковую дивизию Хёпнер забрал в свое распоряжение и использовал для «зачистки» тылов.

Попытки врага преодолеть с ходу кингисеппский участок и оборону под Лугой советские войска отбили. По признанию немцев, бои здесь завязались тяжелые и стоили им значительных потерь. В частности, дивизия СС, устроившая психическую атаку в полный рост, с развернутыми штандартами, потеряла до 2000 чистопородных арийцев убитыми и ранеными. **Погиб и командир дивизии генерал Мюльферштедт, устроивший сей идиотский спектакль.** К тому же, Кингисеппскую группировку генерал М.М. Попов усилил еще двумя дивизиями — 1-й Краснознаменной танковой (370 танков, конечно же «устаревших», и 53 бронемашины) и 1-й гвардейской дивизией ЛАНО.

Однако 12 августа на южном фланге Лужского рубежа два армейских корпуса 16-й армии генерала Буша и приданная им дивизия СС «Мертвая голова» после трехдневного сражения протаранили в районе Шимска оборону вновь сформированной 48-й армии и устремились к Новгороду. Советские части, дезорганизованные ударами 8-го авиакорпуса Люфтваффе и понесшие большие потери, начали отход на север и позже были переданы в состав Северного фронта.

Все попытки генерала Акимова организовать силами 70-й, 237-й стрелковых дивизий и 1-й дивизии народного ополчения контрудар от станции Батецкой во фланг немцам провалились. С выходом противника на железнодорожную линию

Ленинград — Дно оказалась отрезанной от основных сил и почти целиком погибла Кировская дивизия народного ополчения.

Поражение на новгородском направлении было обусловлено не столько германским превосходством в силах, сколько дефектами в организации обороны. Пять советских дивизий и одна бригада держали против семи дивизий противника фронт протяженностью 60 км. Согласно довоенным взглядам, стрелковая дивизия могла прочно оборонять полосу шириной 10 км. Так что это было вполне приемлемое соотношение сил для обороняющейся стороны, если бы она умела обороняться или хотя бы окапываться.

На деле советские позиции были слабо оборудованы окопами, блиндажами и ходами сообщения. На всю армию имелись лишь 705 стрелковых (') и 328 пулеметных ячеек. Почти не использовались проволочные и минные заграждения. Возможно, их не хватало, зато ничем нельзя объяснить полное пренебрежение маскировкой и ведением разведки. Отсутствовали отсечные позиции, в системе огня применялись огневые точки исключительно фронтального действия. Противотанковые рвы войска не обороняли, поэтому немецкие танки легко их преодолевали (на данном направлении танков у немцев практически не было, но это замечание касается почти всех рвов, вырытых «смеющимися женщинами»). Немногочисленные фортификационные сооружения создавались без учета возможности использования огневых средств и взаимодействия родов войск. Впрочем, никакого взаимодействия и не было.

Так выглядела главная полоса обороны, она же единственная. Советские дивизии располагались в два эшелона, однако второй эшелон оборудованных позиций не имел вовсе. А кроме того, командование 48-й армии, в соответствии с директивами Ставки, все предыдущие дни готовилось не к защите выгодного естественного рубежа по рекам Шелонь и Мшага, а к наступательной операции с целью разгрома противника в районе Сольцы — Дно.

В ночь на 19 августа две немецкие дивизии 28-го корпуса генерала Викторина, продравшись через леса и топи, достигли станции Оредеж, заходя в тыл Лужской оперативной группе. Разбитые части 237-й стрелковой дивизии в панике бежали, не приняв боя. Южнее озера Ильмень 10-й армейский корпус генерала Хансена штурмовал Старую Руссу. Бои за город, по свидетельству немецкого историка Пауля Кареля, разгорелись жестокие:

«Молодые ленинградские рабочие, никогда прежде не бывавшие на передовой, вместе с обстрелянными солдатами частей советской 11-й армии оказали упорное сопротивление, отражая атаки немцев **в рукопашном бою**. Каждый метр земли доставался с боем, в ход шло все — ружейные приклады, штыки, лопатки, пистолеты и огнеметы. Врытые в землю советские танки, бьющие продольным огнем пулеметы и снаряды тяжелой артиллерии, в конечном итоге, заставили немцев остановиться».

Тем не менее, через четыре дня части 10-го корпуса город взяли и вышли к реке Ловать, прикрыв тем самым правый фланг группы армий «Север».

В этой обстановке маршал Ворошилов 12 августа осуществил внезапный контрудар под Старой Руссой силами 11-й армии и прибывшей из резерва 34-й

армии генерал-майора К.М. Качанова. Последняя имела в своем составе 6 дивизий (245, 254, 257, 262-я стрелковые, 25 и 54-я кавалерийские), 264-й и 644-й корпусные артполки, 171-й и 759-й противотанковые артполки, бронепоезда №№ 16 и 59. Кроме того, за счет средств фронта армию усилили 181-й стрелковой дивизией, 270-м и 264-м корпусными артиллерийскими полками, дивизионом реактивных установок и отдельным танковым батальоном.

Поскольку войскам двух советских армий противостояли только три немецкие дивизии (30-я, 290-я и 126-я пехотные), наступление на первых порах имело успех. За три дня 34-я армия при поддержке дальней бомбардировочной и фронтовой авиации продвинулась на 60 км и, отжимая 10-й армейский корпус противника к озеру Ильмень, **стала угрожать тылу всей немецкой новгородской группировки**. Впрочем, это не помешало дивизиям 1-го армейского корпуса 15 августа занять Новгород, а 20 августа — Чудово, перерезав железную дорогу, связывавшую Ленинград с Москвой.

Однако под впечатлением Ворошиловского удара Гитлер **приказал немедленно снять с московского направления и передать** группе армий «Север» один моторизованный корпус из состава 3-й танковой группы, чем поверг в глубокую скорбь генерала Гота, считавшего, что «**корпус был использован не на том месте, где решался исход операций**».

На севере после четырехдневных ожесточенных боев 1-й танковой дивизии удалось нащупать слабое место в советской обороне. В образовавшийся прорыв Рейнгардт направил 6-ю танковую и 1-ю пехотную дивизии. Туда же Хёпнер приказал перебросить 8-ю танковую. 16 августа советские части оставили Кингисепп. 1-я и 8-я танковые дивизии противника двинулись на Красногвардсйск, а 6-я танковая, 36-я моторизованная и 1-я пехотная дивизии вышли к шоссе Ленинград—Нарва.

Чтобы избежать окружения, 8-й армии генерал-лейтенанта Петра Степановича Пшенникова (1895—1941) пришлось в спешном порядке покинуть территорию Эстонии и отойти на Копорское плато. Коммуникации армии от ударов с юга обеспечивали 281-я стрелковая, 2-я дивизия народного ополчения и поднятые по тревоге курсанты Ново-Петергофского пограничного военно-политического училища НКВД имени К.Е. Ворошилова (**из 700 человек курсантского батальона через полтора месяца в живых остались 72, им и вручили лейтенантские «кубари»**).

О состоянии дел в 8-й армии писал из госпиталя «лично товарищу Сталину» сержант СИ. Шилов: «***На Эстонском участке фронта боевые действия проходят в паническом настроении. Большая часть командиров убегает с передовой линии в тыл. Бойцы посмотрят: нет командира роты и командира взвода — и в панике отступают.***

Командование рот и взводов отойдут от передовой линии огня метров на 600-700, и когда бойцы за ними кинутся бежать и дойдут до них, то командиры приказывают бойцам вернуться обратно, а сами бойцов не ведут вперед. Командиры взводов в это время производят массовые расстрелы бойцов, а противник этим моментом пользуется...

Среди командования идут споры, кому вести бойцов в атаку, ***приказы перепоручают вышестоящего начальства один другому, и поручение доходит вплоть до младшего комсостава*** и бойцов... Дивизия потерпела поражение ввиду того, что ***очень плохо работала связь с соседями*** и не могли своевременно маневрировать на другие позиции. ***Есть большие неурядицы между командным составом, убийства между собой при спорах и ряд есть случаев, когда расстреливают бойцов, которые в панике отступают, видя, что их командиры убегают***. Много и еще творится безобразий, о которых все не напишешь, а вся вина валится на бойцов, т. е. как в пословице говорится — ***стрелочник виноват***»...

Суда оказавшейся в изоляции Чудской флотилии еще раньше бросили сбежавшие команды. В последующем противник активно эксплуатировал их для военных перевозок. В официальной истории флота эта история изложена, **конечно, более героически**: «В связи с отходом советских войск к Ленинграду корабли Чудской флотилии по приказу командования были затоплены, а экипажи с боями пробились в район города Нарва».

Предпринятые частями 8-й армии и Кингисеппской группы контрудары с целью отбросить противника от шоссе и железнодорожной линии Ленинград—Нарва и железной дороги Красногвардейск—Кингисепп результатов не дали, если не считать того, что в окружение попала 4-я ДНО.

К 19 августа все три танковые дивизии Рейнгардта вышли к Красногвардейскому укрепрайону, который успели занять части 1-й танковой, 2-й и 3-й гвардейских дивизий народного ополчения, а вслед за ними — 291-й стрелковой дивизии. Здесь же для борьбы с танками были установлены 150 зенитных орудий, выделенных из состава 2-го корпуса ПВО. Начались оборонительные бои на ближних подступах к городу. Именно здесь в эти дни был зафиксирован **уникальный результат, достигнутый старшим лейтенантом З.Г. Колобановым: у совхоза Войсковицы на своем КБ, действуя из засады, он подбил 22 немецких танка**.

На центральном участке, сражаясь с двумя пехотными дивизиями противника, продолжала удерживать Лужский рубеж с открытыми флангами — фактически в «мешке» — оперативная группа Астанина. В это время она имела 45 тысяч человек, 97 исправных танков и 38 бронемашин, 355 орудий, 140 минометов, 930 пулеметов. Проанализировав сложившуюся обстановку, штаб Северного фронта 19 августа докладывал главкому:

«Противник, силами до двух дивизий, сковывая нашу группировку на Лужском направлении, силами пяти пехотных дивизий, двух моторизованных дивизий, двух-трех танковых дивизий развивает наступление на Красногвардейск, Красное Село и из района Волосово на станцию Сиверская с целью — во взаимодействии с группировкой в районе станции Батецкая — окружить нашу Лужскую группировку для дальнейшего развития наступления в направлении на Ленинград».

Но Ворошилов посчитал эти выводы паническими и никаких мер по перегруппировке войск не принял. Что ж, уже на следующий день Рейнгардт перерезал Лужское шоссе южнее Красногвардейска. Но Ворошилов и Жданов, не решаясь испросить у Сталина разрешения на оставление Луги, продолжали ждать, что все «рассосётся само собой» — враг со дня на день окончательно выдохнется.

Только утром 22 августа генерал Астанин получил директиву об отводе своих дивизий «на заблаговременно подготовленный рубеж», при этом в качестве ближайшей задачи войскам группы приказывалось уничтожить южнее Красногвардейска корпус Рейнгардта! Выставив арьергарды, командующий повел группу, переименованную в Южную, вдоль железной дороги на север. А 24 августа немцы вошли в Лугу.

• • •

Для преодоления кризиса южнее озера Ильмень фельдмаршал Лееб перебросил к Старой Руссе из-под Луги и с Новгородского направления 3-ю мотодивизию и дивизию СС «Мертвая голова», объединив их под командованием генерала Манштейна и его штаба.

На смену 56-му мотокорпусу в район Луги прибыл из Смоленска штаб 50-го армейского корпуса генерала Георга Линдеманна, объединивший 269-ю пехотную дивизию и полицейскую дивизию СС. Одновременно германское командование спешно перебрасывало через Вильнюс на старорусское направление 39-й моторизованный корпус генерала Шмидта в составе 12-й танковой дивизии (96 танков), 18-й и 20-й мотодивизий.

С **19 по 22 августа** две моторизованные дивизии Манштейна внезапно ударили в открытый фланг и тыл 34-й армии генерала Качанова и, во взаимодействии с пехотными дивизиями Хансена, наголову разбили советские войска, отбросив их за реку Ловать. При этом 34-я армия фактически бежала с поля боя, потеряв к 25 августа около 60 % личного состава и свыше 80% боевой техники, часть соединений попала в окружение. Манштейн сообщает, что только его **корпус захватил 12 тысяч пленных, 141 танк, 246 орудий и особо ценный трофей — секретную реактивную установку БМ-13***.

* Советская пропаганда много лет **рассказывала сказки о том, как «отборные группы немецко-фашистских агентов» в течение всей войны безуспешно пытались захватить хотя бы одну такую установку**.

Генерала Собенникова за провал операции, потерю Новгорода и неудовлетворительное управление войсками немедленно сняли с должности командующего фронтом.

Его место занял генерал-лейтенант Павел Алексеевич Курочкин (1900—1989). Собенникову сначала дали армию, но потом освободили от должности. В октябре против него возбудили уголовное дело и приговорили к пяти годам лишения свободы. Президиум Верховного Совета его помиловал и снова послал на фронт, лишив генеральского звания и наград. Он воевал в должности заместителя командующего армией и вновь дослужился до генерала.

Командарму-34, генерал-майору К.М. Качанову, «служившему в Красной Армии со дня ее организации», бывшему главному военному советнику в республиканской Испании, повезло меньше. В сентябре, после того, как его армия **не сумела реализовать очередной фантастический план** Ставки и вновь попала в окружение, его арестовали по приказу уполномоченного ГКО армейского комиссара 1-го ранга Л.З. Мехлиса*. Вслед за этим военный трибунал Северо-Западного фронта приговорил его к смертной казни, с потрясающей формулировкой — «**за**

самовольное оставление поля сражения»!

* Лев Захарович Мехлис (1889-1953) **с 1918** года был **политработником** (комиссаром) в Красной Армии. В 1930 году окончил Институт красной профессуры, за что получил ироническое прозвище «профессор». В 1938 году Сталин назначил его начальником Главпура (главного политического управления РККА), присвоив ему звание армейского комиссара 1-го ранга. С 1940 года он также являлся наркомом Госконтроля. **Один из самых кровавых сталинских палачей**.

• • •

20 августа с целью «специальной организации рабочей общественности» был образован Военный Совет Обороны Ленинграда в составе Л.М. Антюфеева, Я.Ф. Капустина, А.А. Кузнецова, П.С. Попкова и А.И. Субботина. После жесткого разговора со Сталиным, обвинившего военно-политическое руководство города в политической близорукости, самодеятельности и безответственности, в этот Совет вошли также Жданов и Ворошилов.

Существовало это новообразование всего десять дней. Самым выдающимся документом, рожденным в его недрах, стало **постановление о формировании для ведения уличных боев 150 батальонов народного ополчения численностью в 600 человек каждый «из числа трудящихся», включая женщин и подростков**. Вооружить эти 90 тысяч бойцов предполагалось винтовками, охотничьими ружьями, бутылками с горючей смесью, **а также саблями, кинжалами и пиками**, которые **сами трудящиеся и должны были изготовить** сверх плановой продукции.

В те же дни на собрании городского партийного актива Ворошилов заявил: «***Артиллерии у нас много. Врага мы не только не пустим в Ленинград, но и расколотим его здесь. Ленинград станет для него могилой***».

В целях улучшения управления войсками на Северо-Западном направлении Государственный комитет обороны 23 августа постановил разделить Северный фронт на два: Ленинградский, под командованием генерал-лейтенанта М.М. Попова, и Карельский, который возглавил генерал-лейтенант Валериан Александрович Фролов (1895-1961).

26 августа в Ленинград прибыла комиссия ЦК ВКП(б) и ГКО в составе В.М. Молотова, Г.М. Маленкова, Н.Г. Кузнецова, А.Н. Косыгина, П.Ф. Жигарева и Н.Н. Воронова. Выданный ей мандат позволял от имени Государственного Комитета Обороны решать все вопросы обороны города и эвакуации предприятий и населения. Комиссия, проработав десять дней, приняла ряд важных решений, большинство из которых осталось лишь на бумаге в силу стремительно менявшейся обстановки.

25 августа противник, сосредоточив в районе Чудово — Кремено части 1-го и 28-го армейских и 39-го моторизованного корпусов без особого труда разметал оборону 48-й армии (которая после всех беспорядочных и неорганизованных контратак наугад превратилась, по существу, в небоеспособную дивизию неполного состава), отбросил советские части на север и стал стремительно развивать наступление вдоль железной дороги и шоссе Москва — Ленинград. Уже к 15.00 немцы захватили Любань. Отсюда 12-я танковая, 121-я и 122-я пехотные дивизии, не встречая сопротивления, двинулись на Тосно, 20-я моторизованная дивизия действовала в направлении станции Мга, 18-я мотодивизия — на Кириши.

На следующий день Сталин разрешил Ленинградскому фронту **оставить себе четырехдневную танковую продукцию ленинградских заводов**, потребовал заминировать Московское шоссе и одновременно «любой ценой и какими угодно средствами» очистить от врага Любань и Чудово.

Под конец разговора, сомневаясь в способности главкома направления разобраться в ситуации, Верховный поинтересовался у генерала М.М. Попова: «Ответьте коротко, Клим помогает или мешает?». Между тем, Клим-батыр, смелый витязь войны (так назвал его казахский акын Джамбул, автор замечательного комплимента Сталину — «счастьеносец») просто не верил, что враг может прийти и Ленинград с востока.

28 августа немцы овладели Тосно и Саблино, подразделения 4-й танковой группы соединились с войсками 16-й армии около станции Слудицы, замкнув кольцо вокруг Южной группы войск. Генерал Астанин, третьи сутки без успешно пытавшийся прорваться сквозь немецкие заслоны, с недоумением читал новое боевое распоряжение штаба фронта, написанное **в духе комиссарских призывов времен Гражданской войны**: «***Противник, заняв небольшими частями Кузнецово, Беково, поселок Дивенский, Новинка, создает видимость окружения вашей группы войск. Уверены, что нахальство и наглость зарвавшегося врага не произведут впечатления на бойцов и командиров частей Лужской группы и на ее славных руководителей, с честью выполнивших свой долг перед Родиной под Лугой. Также уверены, что поставленная задача по перегруппировке войск будет выполнена стремительно и с честью. Приказываю 28 августа 1941 года СМЯТЬ ПРОТИВНИКА в районе Остров, Беково, Кузнецово и наступать в районе Сиверская, Выра***».

29 августа нахальный противник захватил Кириши и вплотную приблизились к Колпино, 30-го он вышел к Неве в районе поселка Ивановского. До Ленинграда **оставались считанные километры**. В посланной на имя Молотова телеграмме Сталин не скрывал своего раздражения: «***Только что сообщили, что Тосно взято противником. Если так будет продолжаться, боюсь, что Ленинград будет сдан ИДИОТСКИ ГЛУПО, а ВСЕ ЛЕНИНГРАДСКИЕ ДИВИЗИИ РИСКУЮТ ПОПАСТЬ В ПЛЕН. Что делают Попов и Ворошилов?.. Откуда у них такая бездна пассивности и чисто деревенской покорности судьбе? ЧТО ЗА ЛЮДИ — НИЧЕГО НЕ ПОЙМУ***.

В Ленинграде имеется теперь много танков КВ, много авиации, эресы... Почему богатая ленинградская техника не используется на этом решающем участке? Не кажется ли тебе, что кто-то нарочно открывает немцам дорогу на этом решающем участке? Что за человек Попов? Чем, собственно, занят Ворошилов и **в чем выражается его помощь Ленинграду**? Я пишу об этом, так как очень встревожен **непонятным для меня** бездействием ленинградского командования».

31 августа моторизованные части противника захватили Мгу, где сходились **две последние железные дороги, связывавшие Ленинград со страной**, и, выйдя к Неве, продвигались вдоль восточного берега реки к Шлиссельбургу. Их здесь не ждали, **ни оборонительных сооружений, ни регулярных войск в этом секторе не было**.

Путь немцам преградила следовавшая в район Мги с задачей «перейти в решительное наступление и отбросить противника» 1-я дивизия НКВД полковника

СИ. Донского (6000 человек), усиленная двумя танковыми ротами, и горнострелковая бригада (800 человек). На рубеж реки Тосна 31 августа была брошена едва вышедшая из окружения 4-я дивизия народного ополчения. Южнее Колпино выдвинулись рабочий батальон Ижорского завода и 84-й отдельный танковый батальон (21 танк КВ, 15 машин Т-50). В тот же день 4-я ДНО получила боевой приказ: «***Сосредоточиться в районе северной окраины Колпино, ст. Понтонная С ЗАДАЧЕЙ НАСТУПАТЬ с целью уничтожения противостоящего противника и овладении Ивановское, Покровское к исходу 31. 8.41 г.***».

От Слуцка в контрнаступление на Тосно перешла прибывшая из Карелии 168-я стрелковая дивизия полковника А.Л. Бондарева (7000 человек), которая вступила во встречный бой с 121-й пехотной дивизией противника. Одновременно части 90-й стрелковой дивизии полковника А.А. Дарьина предприняли попытку пробиться через Сиверскую на соединение с Южной группой войск.

Все снова наступали, претворяя в жизнь категорическое требование «вождя прогрессивного человечества» освободить Чудово и Любань. При этом командование Ленфронта прекрасно знало, что никакого численного превосходства «зарвавшийся враг» не имеет, он «действует незначительными силами на разобщенных между собою и не имеющих тактического локтевого взаимодействия направлениях», коммуникации его растянуты, а значит, можно и нужно бить его по частям. Но на практике у красных командиров это почему-то не получалось. Германские полки «нахально и нагло» **продолжали опрокидывать и крошить в капусту советские дивизии и армии**. И это не преувеличение, а буквальные цитаты из донесений и приказов: «***Противник ДО ПОЛКА ПЕХОТЫ с бронемашинами и артиллерией, отбросив ЧАСТИ 48-Й АРМИИ в северо-восточном направлении, овладел районом Сологубовка»; окруженная группировка Астанина продолжает «упорные бои с противником СИЛОЮ ДО ПЕХОТНОГО ПОЛКА с танками, закрывающими выход войскам группы в северном направлении»; под Тосно и Мгой действуют ПО ОДНОМУ ПОЛКУ ВСЁ ТОЙ ЖЕ 121-Й ПЕХОТНОЙ ДИВИЗИИ***».

• • •

В руководстве советскими войсками произошли новые изменения. 29 августа решением ГКО было упразднено **Главнокомандование Северо-Западного направления**. Его полевое управление **объединялось с Ленинградским фронтом**, а Северо-Западный фронт подчинялся Ставке ВГК. Считалось, что это позволит командованию Ленинградского фронта сосредоточить усилия на решении главной задачи — обороне Ленинграда. 30 августа ГКО ликвидировал Совет обороны Ленинграда, передав его функции Военному совету фронта. Одновременно были приняты срочные меры по усилению группировки войск на ленинградском направлении.

Слуцко-Колпинский сектор Красногвардейского укрепленного района стал самостоятельным укрепрайоном; действовавшие здесь войска объединили в 55-ю армию генерал-майора И.Г. Лазарева (70, 90, 168-я и 237-я стрелковые дивизии, 1-я и 4 дивизии народного ополчения, 2-й стрелковый полк).

Остальные соединения Красногвардейского УР свели в 42-ю армию генерал-майора Владимира Ивановича Щербакова (1900—1981). Это были 291-я стрелковая

дивизия, вскоре убывшая на карельский перешеек, 2-я и 3-я гвардейские дивизии народного ополчения, 6-я бригада морской пехоты.

Военному совету 48-й армии было приказано полностью доукомплектовать маршевыми батальонами и вооружением оставшиеся в ее составе 21-ю танковую, 311-ю, 128-ю стрелковые дивизии и 1-ю горнострелковую бригаду (все вместе они на 1 сентября насчитывали 5838 человек, имея на вооружении лишь 7 орудий, 16 минометов, 46 пулеметов), принять в свое подчинение дивизию НКВД, отбить станцию Мга и отбросить противника в южном направлении.

Борьба за Приморский (Ораниембаумский) плацдарм (22 августа — Р сентября 1941 г.)

8-я армия (11, 48, 118, 125, 191, 268-я стрелковые дивизии) продолжала отступать на рубеж, проходивший по реке Воронке, населенные пункты Тешково, Слободка, Кипень. В ее состав передали оставшиеся бесхозными 281-ю стрелковую дивизию, 1-ю гвардейскую ДНО, 2-ю дивизию народного ополчения, 5-ю бригаду морской пехоты.

Вслед за этим была произведена рокировка командармов: 1 сентября генерал-майор В.И. Щербаков с должности командующего 42-й армией переместился в командующие 8-й армией, на его место был назначен бывший командарм-8 генерал-лейтенант Ф.С. Иванов. Было также принято решение о формировании 6-й и 7-й дивизий народного ополчения и 20-й стрелковой дивизии НКВД.

На восточном берегу реки Волхов развертывались две новые армии — 54-я (285, 286, 310, 314-я стрелковые дивизии, 27-я кавалерийская дивизии, 122-я танковая бригада, 119-й отдельный танковый батальон, 881, 882, 883-й корпусные артполки), под командованием маршала Григория Ивановича Кулика (1890—1950) и 52-я армия (267, 288,292, 310, 312,294, 316-я стрелковые дивизии) генерал-лейтенанта Николая Кузьмича Клыкова (1888—1968).

Кулику ставилась задача в трехдневный срок закончить формирование армии, сосредоточить ее войска и перейти в наступление на Мгу, Погостье и Сальцы. Принимая хозяйство, маршал, к своему удивлению, обнаружил в районе Тихвина две бездействующие авиационные дивизии, о чем информировал Москву. 4 сентября между ленинградскими «сидельцами» и Верховным Главнокомандующим состоялся любопытный разговор:

«СТАЛИН: В Тихвине стоят две авиадивизии — 39-я и 2-я, обе находятся в вашем распоряжении, но они не получают от вас заданий. **В чем дело, неужели вы не нуждаетесь в авиации**?

ВОРОШИЛОВ, ЖДАНОВ: **ДЛЯ НАС ЭТО НЕОЖИДАННАЯ И ПРИЯТНАЯ НОВОСТЬ**... **Нас никто не информировал о дивизиях в Тихвине**. Сегодня же будут отданы распоряжения.

СТАЛИН: **Вы нас не поняли**. **Обе эти авиадивизии являются вашими старыми дивизиями**. **Ваш фронт просто не знает или забыл об их существовании**... Вы просто не знаете или не знали, а теперь от нас узнаете, что в районе Тихвина, а не в самом Тихвине **сидят ваши две дивизии**, **которые до сих**

пор не получали заданий. Кулик нашел эти дивизии».

5 сентября в командование Ленинградским фронтом вступил маршал Ворошилов, а генерал М.М. Попов стал начальником штаба фронта. **Почти сразу Климент Ефремович обратился с просьбой освободить его от должности и назначить «кого-либо помоложе**».

• • •

В ночь на 4 сентября финские войска начали прорыв советской обороны на реке Тулокса. Вечером 5 сентября они взяли город Олонец, пройдя за два дня почти 30 км. 7 сентября 1 -я егерская бригада вышла к реке Свирь в районе Лодейного Поля.

Части 67-й и 314-й советских дивизий заняли оборону по южному берегу реки. Но финнам удалось форсировать реку и захватить плацдарм шириной **до 100 км и в глубину 20 км**. До Тихвина им оставалось пройти 125 км.

Мерецков перечисляет в своих мемуарах недостатки в действиях советских войск:

«Первоначально командование 7-й армии, организуя оборону, стремилось распределить наличные силы и средства **равномерно по всем участкам**. Это давало противнику возможность, сосредоточивая в нужном месте резервы и временно ослабляя прочие зоны, использовать свое материальное и численное преимущество для прорыва обороны **на важнейших направлениях**.

Недостаточно внимания уделяли мы **обеспечению стыков** между соединениями и их флангов. Между тем враг почти никогда не лез в лобовую атаку, а, как правило, применял обходные маневры и проводил операции на окружение. Это обстоятельство приобретало особое значение в лесисто-болотистой местности.

Наконец, **жизнь (!) показала**, что при обороне на широком фронте с одноэшелонным построением войск **необходимо иметь значительные резервы**. Их целесообразно располагать несколько ближе к переднему краю, чем в обычных условиях, преимущественно возле узлов путей сообщения, в населенных пунктах, возле удобных маршрутов и желательно не в одном месте. Вот выводы, которые я сделал для себя из боев у Свири».

Вот какие открытия сделал для себя генерал, до войны командовавший армиями и округами, что-то советовавший республиканцам в Испании и занимавший пост начальника Генерального штаба РККА. **Грустно...**

8 сентября приданный 20-й немецкой мотодивизии 424-й пехотный полк, преодолев Синявинские высоты, овладел Шлиссельбургом. Дивизия НКВД полковника СИ. Донского, несмотря на огневую поддержку крейсера «Максим Горький», эсминцев «Строгий» и «Стройный», потеряла к тому времени более 4 тысяч человек, и ее остатки переправились на правый берег реки. Лишь остров, на котором возвышается Шлиссельбургская крепость, находился в руках советского гарнизона еще почти 500 дней.

Для обоих красных маршалов падение Шлиссельбурга **оказалось полной неожиданностью**: **из донесений штабов следовало, что в этом районе наступают**

как раз наши войска, «всё обстоит благополучно», а 48-я армия вот-вот уничтожит противника и освободит Мгу. Кулик жаловался Ворошилову: «**Люди врут, обманывают друг друга**. На бумаге всё хорошо, а на картах вензеля... Поэтому захват Шлиссельбурга нужно отнести **за счет общего вранья и незнания дел высших начальников,** как обстоит дело на месте».

С выходом немцев к Ладожскому озеру и верховью Невы Ленинград оказался плотно блокированным вражескими войсками. Однако факт блокады города не сразу стал известен советским людям. Даже 12 сентября на очередной пресс-конференции для иностранных журналистов заместитель наркома иностранных дел А.А. Лозовский уверенно заявлял:

«Утверждение немцев, что **им удалось перерезать все железные дороги**, связывающие Ленинград с Советским Союзом, являются **обычным для немецкого командования преувеличением**».

О блокаде города страна узнала только в начале 1942 года, когда из него **началась массовая эвакуация населения**. Вот запись из дневника ленинградца: «Наш народ — долготерпелив! Что делается на фронтах, даже около Ленинграда **— мы не знаем**. **Мы ничего не знаем**! **Мы — скот**. Мы — прах, **с которым не считаются**!»

Попытки противника развить успех, с ходу форсировать Неву и соединиться с финскими войсками на Карельском перешейке отразили развернувшиеся на правом берегу реки части 1-й дивизии НКВД и переброшенной из резерва фронта 115-й стрелковой дивизии генерал-майора В.Ф. Конькова, с приданным ей 107-м танковым батальоном. Вскоре к ним присоединились 10-я стрелковая и 4-я отдельная бригада морской пехоты. Кроме того, в состав 48-й армии, которую возглавил генерал-лейтенант М.А. Антонюк, вошла 286-я стрелковая дивизия из резерва Ставки.

Продвижение немцев от Синявино на восток остановила 54-я армия на рубеже Липки —поселок № 8 — Гайтолово. Но **терпение Сталина**, узнавшего о сдаче Шлиссельбурга из передачи иностранного радио, **окончательно иссякло**: «***Нас возмущает ваше поведение, выражающееся в том, что вы сообщаете нам лишь о потере нами той или иной местности, но обычно ни слова не сообщаете о том, какие же вами предприняты меры для того, чтобы перестать, наконец, терять города и станции. Так же безобразно вы сообщили о потере Шлиссельбурга. Может быть, вы уже предрешили сдать Ленинград?! Куда девались танки КВ? Где вы их расставили? Почему нет никакого улучшения на фронте, несмотря на такое обилие танков КВ, как у вас? Ведь ни один фронт не имеет того количества КВ, как у вас. Чем занята ваша авиация? Почему она не поддерживает действия наших войск?..***»

• • •

Еще 4 сентября немцы впервые обстреляли Ленинград из 240-мм орудий КЗ (дальность стрельбы 152-кг фугасным снарядом — 37,5 км), развернутых в районе станции Тосно. **6 сентября** немецкая авиация двумя группами по 30 самолетов **совершила первый массированный налет на город**.

Ленинградские зенитчики материальной частью были оснащены превосходно. В разное время они имели на вооружении от 700 до 950 орудий, около 150 крупнокалиберных пулеметов, не считая сил ПВО флота и зенитную артиллерию кораблей. **Генерал** Н.П. Мильченко — **в ту пору лейтенант** и командир батареи — не мог нарадоваться, глядя на 85-мм пушку: «***И не только из-за того, что эти орудия мы досконально изучили еще в училище. Просто они были превосходными пушками, обладавшими высокими боевыми свойствами, способными поражать внезапно появляющиеся воздушные цели. Больше того, конструктивные особенности орудия, наличие достаточно эффективной дистанционной гранаты и бронебойного снаряда давали возможность в случае необходимости использовать его также и для стрельбы по воздушному десанту, наземным целям, в том числе по огневым точкам и танкам противника. ЕЩЕ В УЧИЛИЩЕ МЫ ВОСХИЩАЛИСЬ превосходными тактико-техническими данными 85-ММ ОРУДИЯ***».

Работу артиллеристов обеспечивали два прожекторных полка, полк ВНОС, звукометрические станции, установки радиообнаружения РУС-1. Непосредственные подступы к городу и наиболее важные объекты прикрывали группировки аэростатов заграждения. Тем не менее, несмотря на интенсивный заградительный огонь зенитной артиллерии, немецким пилотам удалось прорваться к центру Ленинграда и сбросить большое количество зажигательных бомб. В результате возникло около 180 очагов пожаров. Самый большой бушевал на продовольственных складах имени А.Е. Бадаева. Погибло значительное количество зерна, муки, сахара — в основном **из-за невыполнения элементарных мер** по организации противовоздушной обороны.

Службы ВНОС не обеспечивали своевременность подъема истребительной авиации и наведение ее на цели. Некоторые секторы оказались совсем неприкрытыми, либо отдельные командиры не знали своих секторов и беспрепятственно пропускали вражеские самолеты. **Советские истребители залетали в запретные зоны и попадали под огонь своей же артиллерии. С земли управлять ими было невозможно ввиду отсутствия на самолетах бортовых радиостанций**.

Зенитчики **не умели различать самолеты по силуэтам** и азартно **палили по всему, что летало**. Так в августе **расстреляли дальние бомбардировщики ТБ-7** из дивизии полковника М.В. Водопьянова, стартовавшие с аэродрома в Пушкино на Берлин*. Свою авиацию до войны **не учились опознавать из соображений секретности**, **немецкую — по причине дружбы с Гитлером**: «К моменту нападения фашистской Германии на нашу страну в полку, да и в корпусе, к сожалению, не имелось необходимого для этого материального обеспечения, не было и пособий по изучению немецких самолетов. А все потому, что, как нам пояснили, в предвоенное время в централизованном порядке **запрещалось выпускать литературу** и пособия о вооруженных силах Германии... Когда началась война, разведчиков-наблюдателей мы **стали учить кустарным способом**, **кто как умел**».

* Михаил Васильевич Водопьянов (1899—1980) был известным полярным летчиком, в 1934 году за участие в эвакуации экипажа парохода «Челюскин» он стал одним из первых Героев Советского Союза. В 1936—37 гг. возглавлял полеты в Арктику, в том числе высадил на Северном полюсе полярную экспедицию И.Д. Папанина.

Вся немецкая техника в советских конструкторских бюро давно была разобрана до винтика, внимательно **изучена и скопирована во множестве «отечественных разработок**», но в Красной Армии **не было даже картинок с изображением силуэтов танков и самолетов противника**!

Впрочем, последнюю проблему решили довольно быстро; в экстремальной обстановке русские всегда умели проявить изобретательность, находя простые и оригинальные решения, которые в мирное время им не приходили в голову. Ленинградские рационализаторы, благо имелся свой оптико-механический завод, наладили выпуск биноклей, в **правом окуляре которого были выгравированы точные СИЛУЭТЫ вражеских самолетов**!!! Сложнее было наладить четкую организацию и взаимодействие зенитной артиллерии с истребительной авиацией. На это ушло еще три месяца. Но и в начале декабря 1941 года приказ об освобождении от занимаемых должностей командира и комиссара корпуса ПВО констатировал: «***Войска ПВО со своей задачей по защите Ленинграда справляются слабо, враг нередко безнаказанно бомбит город***».

• • •

С 8 сентября 1941 года сообщение с Ленинградом могло поддерживаться только через Ладожское озеро и по воздуху. Это крайне осложняло организацию обороны. Имевшиеся пути не обеспечивали подвоза необходимых материальных и технических средств ни для населения города, ни для войск, его оборонявших.

Силы группы армий «Север» тоже порядком истощились. Однако моральный дух войск был высок, ибо заветная цель находилась почти рядом, уже можно было драить пуговицы на мундирах для парада на Невском проспекте.

Замкнув кольцо блокады вокруг Ленинграда, гитлеровская ставка считала его участь практически предрешенной. На совещании высшего генералитета 5 сентября был сделан вывод, что для окончания боевых действия под Ленинградом и соединения с финскими войсками генералу-фельдмаршалу Леебу потребуются 6—7 дивизий. Уверенность немцев в захвате Ленинграда была столь велика, что они даже назначили заранее его коменданта и **отпечатали специальные пропуска на автомашины для проезда по городу.**

Глава 4. ШТУРМ ЛЕНИНГРАДА (9-25 сентября 1941)

6 сентября Гитлер подписал директиву № 35. В ней командованию группы армий «Север» предлагалось совместно с войсками Юго-Восточной армии финнов полностью завершить окружение Ленинграда и, ограничившись блокадой города, не позднее 15 сентября передать подвижные соединения группе армий «Центр».

Эта же директива предписывала 8-му авиакорпусу Вольфрама фон Рихтгофена (1895—1945) передислоцироваться из Эстонии на юг для усиления группы армий генерала-фельдмаршала Фёдора фон Бока. В распоряжении Лееба оставалось менее 300 самолетов, считая транспортные и самолеты связи (пока же имелись 468 боевых машин против 420 у ленинградцев). Гитлер объявил, что на северо-западе «цель достигнута» и теперь торопился взять Москву. Ленинград отныне превращался «во второстепенный театр операций».

Учитывая это, фон Лееб 9 сентября после мощной артиллерийской и авиационной подготовки начал прямой штурм города. Главный удар с юга по центру советских оборонительных рубежей наносил корпус Рейнгардта силами 1-й и 6-й танковых и 36-й моторизованной дивизий. По шоссе из Луги наступали на Красногвардейск полицейская дивизия СС и 269-я пехотная. На левом фланге, от Ропши до Керново, разворачивались 1, 58-я и 291-я пехотные дивизии 18-й армии; на правом, южнее Колпино, — ударные силы 16-й армии (121, 96, 122-я пехотные дивизии). В районе Шлиссельбурга вдоль южной оконечности Ладожского озера оперировала 20-я моторизованная дивизия генерал-майора Цорна и полк 126-й пехотной дивизии.

Таким образом, непосредственно в наступлении на Ленинград приняли участие 11 немецких дивизий. Им противостояли силы 42-й и 55-й армий, левого фланга 8-й армии. В тылу противника дивизии Южной группы генерала Астанина (25 тысяч человек и 6 последних танков), измотанные многосуточным пешим переходом по лесам и болотам, непрерывными боями и бомбежками, почти не имея горючего, боеприпасов и продовольствия, все еще пытались пробиться через Вырицу и Мины на соединение с главными силами фронта.

Оставленные под Лугой в качестве сил прикрытия 235-я стрелковая дивизия и полк ополченцев к тому времени уже перестали существовать. Из переговоров между Москвой и Ленинградом создается впечатление, что «прорывались» астанинцы несколько странно — штурмуя населенные пункты. На севере им противостояли части 8-й танковой дивизии, с юга подпирала 285-я охранная.

Немцам, действующим мобильными штурмовыми группами, пришлось шаг за шагом буквально прогрызать оборону. Алан Кларк пишет:

«Обе танковых дивизии вскоре застряли в сети противотанковых рвов и разбросанных полевых укреплений, сооруженных строительными батальонами и ополчением. Эти оборонительные сооружения часто были плохо расположены и **неважно выполнены, но их было много**...

Именно в такого рода действиях — в ближнем бою — типичные русские качества, такие, как храбрость, упорство, смекалка в использовании маскировки и засад, более чем компенсировали те недостатки в руководстве и материальной части, которые приводили к огромным потерям на открытой местности на границе и на Луге.

Немецкие танки, наоборот, страдали, подобно всем бронетанковым войскам, **натыкавшимся на ближние средства обороны**. Танкисты несли тяжелые потери, пока их командиры пытались приспособиться к незнакомому окружению. В первый же день наступления четыре командира 6-й танковой дивизии были убиты».

К вечеру 10 сентября на участке 3-й гвардейской дивизии народного ополчения противнику удалось продвинуться по направлению к Красному Селу на 3 км. Командование Ленинградским фронтом, считавшее наступление 41-го моторизованного и 38-го армейского корпусов отвлекающим маневром, усилило 42-ю армию 1-й танковой дивизией, 500-м стрелковым полком, 1-й бригадой морской пехоты и двумя танковыми батальонами. Генерал Иванов получил приказ лично прибыть на передовую, в течение ночи организовать контрнаступление и «**концентрическими ударами**» уничтожить прорвавшуюся группу противника.

Тыловую укрепленную позицию на Пулковских высотах должна была занять вновь сформированная 5-я дивизия народного ополчения.

В тот же день всеми силами перешла в наступление 8-я советская армия, нанося главный удар на Гостилицы. Однако успеха она не имела, а ее 118-я стрелковая дивизия, сумевшая продвинуться вперед на 3—5 км, была отрезана немцами южнее Михайловского.

«Концентрические удары» не состоялись. Утром 11 сентября генерал Рейнгардт прорвал позиции на правом фланге 2-й гвардейской ДНО и к исходу дня овладел Дудергофом. 12 сентября 58-я пехотная дивизия генерала Хойнерта ворвалась в Красное Село, части 1-й танковой дивизии захватили поселок Большое Виттолово и вышли на подступы к Пулково. Одновременно 6-я танковая обошла Красногвардейск, который пал на следующий день. Вместе с ним погибли два полка 2-й гвардейской ДНО полковника В.А. Трубачева.

Батальоны 96-й и 121-й пехотных дивизий Вермахта ворвались в Слуцк. Под трибунал зашагали командиры и комиссары 90-й и 237-й советских стрелковых дивизий.

Линия фронта вплотную приблизилась к Ленинграду. На город один за одним обрушивались мощные артиллерийские и авиационные удары. Германская удавка постепенно и, казалось, неотвратимо сжималась.

Однако в штабе ОКХ все яснее видели, что на театре военных действий, откуда они рассчитывали взять подкрепления, разворачиваются кровопролитные бои. Генерал Гальдер сообщил Леебу, что город «не должен быть взят, а только окружен. Наступление не должно заходить за рубеж шоссе Петергоф—Пушкин».

Гитлер 12 сентября издал новую директиву, в которой дал указание не снимать

воздушные и бронетанковые силы вплоть до осуществления полного окружения Ленинграда. Поэтому дата, указанная в директиве № 35 для передислокации, «может быть передвинута на несколько дней». Фактически у Лееба оказалось лишь три дополнительных дня, и он спешил ими воспользоваться.

• • •

Тем временем Политбюро ЦК ВКП(б) решило уважить просьбу «первого красного маршала» и назначить командующим войсками Ленинградского фронта генерала армии Георгия Константиновича Жукова (1896-1974), который прилетел из Москвы утром 13 сентября, в самый разгар немецкого штурма. Вместе с ним прибыли генералы Михаил Семенович Хозин (1896—1979) — новый начальник штаба, Иван Иванович Федюнинский (1900— 1977), П.И. Кокорев.

Не вникнув в обстановку, Георгий Константинович первым делом **объявил**, что противника бить «**не только должно, но и можно без особых усилий**», **надо только «действовать напористее**». Но уже в три часа ночи, получив известия о потере Красногвардейска, Жуков докладывал в Москву, что обстановка в Ленинграде «**значительно сложнее, чем казалось Генеральному штабу**». **Начальник Генштаба**, маршал Борис Михайлович Шапошников (1882-1945) **удивлялся**: «Как же так»? Получается так, что **как будто Красногвардейского УР и не было**».

Жуков ему объяснял: «Очень просто. На Красногвардейском УР уровские части и гвардейские части серьезно не дрались, так как противник, **прорвавшись перелесками**, **обошел части с фланга** и с тыла, и под воздействием обхода противника **3-я дивизия полностью разбежалась**. **2-я дивизия разбежалась частично**. И **вот в эту зияющую дыру устремился противник**. Части 42-й армии дерутся исключительно плохо, и, видимо, **настоящей борьбы и расправы с трусами и паникерами в этой армии не было.** Думаю, **в ближайшие дни наведем порядок и заставим драться как полагается**».

На следующий день Военный совет фронта, с участием командующего Балтийским флотом, обсудил создавшееся положение и, чтобы укрепить оборону города, определил дополнительные меры, которые принимались в срочном порядке. В распоряжении командования были 8-я, 42-я, 55-я и 23-я армии, в которых насчитывалось 30 стрелковых дивизий (вместе с дивизиями народного ополчения, официально ставшими стрелковыми с 23 сентября), 6 отдельных бригад морской пехоты, все промышленные и людские ресурсы огромного города.

Полевое управление 48-й армии решили расформировать, ее войска передать Кулику. В течение недели планировалось сформировать еще две стрелковые дивизии и пять стрелковых бригад, создать четыре оборонительных линии. Противотанковую оборону на самых опасных участках усилить зенитными орудиями, огонь всей корабельной артиллерии сосредоточить в полосе 42-й армии от Урицка до Пулковских высот, в район Урицка перебросить часть сил 23-й армии с Карельского перешейка, сформировать новые соединения из моряков, из слушателей ленинградских военно-учебных заведений.

Ход боевых действий на ближних подступах к Ленинграду (сентябрь 1941 г.)

15 сентября Жуков сместил командующего 42-й армией генерала Иванова, «как неспособного руководить армией», назначив вместо него генерал-майора И.И. Федюнинского. Новый командарм **первым делом убедился, что армии у него фактически нет**, а **также нет штаба**, **разведки, связи** и **службы снабжения**; **есть** вооруженная **неуправляемая масса**:

«Прежде всего, следовало восстановить управление войсками, точно определить положение частей и соединений, степень их боеспособности, их возможность к сопротивлению, выяснить, какие направления являются наиболее угрожаемыми и требуют немедленного усиления. Далее требовалось учесть все резервы, предусмотреть возможность и варианты их использования, позаботиться об обеспечении войск достаточным количеством боеприпасов и инженерного имущества, крайне необходимого в обороне».

Фронт усиливался 21-й стрелковой дивизией НКВД, 5-й, 6-й и 7-й дивизиями народного ополчения, 10-й Краснознаменной и 11-й стрелковыми дивизиями и двумя стрелковыми бригадами, укомплектованными моряками и личным составом частей ПВО. Эти соединения образовали второй эшелон обороны, впрочем, скоро ставший первым.

Бои на ближних подступах принимали все более ожесточенный характер.

Попытки немцев прорваться через Неву, а также продвинуться вдоль шоссе Москва —Ленинград и овладеть Колпино удалось отбить. **Преодолеть 800-метровую гладь Невы** под огнем орудий советских боевых кораблей и установленных на правом берегу 180-мм и 120-мм стационарных батарей, **у немцев не было шансов**.

В связи с намерениями противника наладить переправу через Неву на участке Невская Дубровка — Московская Дубровка, Жуков в своих мемуарах поведал душераздирающую историю: «***Впереди немецких частей были выставлены советские женщины, дети и старики, согнанные из ближайших населенных пунктов. Чтобы не пострадали наши люди, надо было особенно четко вести минометный и артиллерийский огонь по противнику, находившемуся в глубине его боевых порядков***».

Может быть, такой факт (выставление заслона из гражданского населения) в самом деле, имел место (хотя **документальные подтверждения отсутствуют**), но вот **запоздавшее жуковское сострадание — ложь**.

Не мучился Георгий Константинович интеллигентскими комплексами, а строго придерживался в этом вопросе указаний товарища Сталина: «Говорят, что немецкие мерзавцы, идя на Ленинград, посылают впереди своих войск делегатов от занятых ими районов — стариков, старух, женщин и детей — с просьбой к большевикам сдать Ленинград и установить мир. Говорят, что среди ленинградских большевиков нашлись люди, которые не считают возможным применить оружие к такого рода делегатам. **Я считаю, что если такие люди имеются среди большевиков, то их надо уничтожать в первую очередь, ибо они опаснее немецких фашистов**.

Мой ответ: не сентиментальничать, а бить врага и его пособников, вольных или невольных, по зубам. **Война неумолима**, и **она приносит поражение в первую очередь тем, кто проявил слабость и допустил колебания**. Если кто-либо в наших рядах допустит колебания, тот будет основным виновником падения Ленинграда.

Бейте вовсю по немцам И ПО ИХ ДЕЛЕГАТАМ, **кто бы они ни были**, костите врагов, все равно являются ли они вольными или невольными врагами. **Никакой пощады** ни немецким мерзавцам, **ни их делегатам, кто бы они ни были**».

По большому счету, **плевать хотели вожди из Кремля и Смольного на всех этих «стариков и старух», пользы от них все равно никакой, только лишние рты**. Поэтому трудно представить Жукова, проявляющим гуманизм и рискующего быть зачисленным в «пособники врага». На самом деле **Жуков, Жданов, Кузнецов и Меркулов не только без промедления довели приказ до сведения всего личного состава, но и дополнили его требованием «немедленно открывать огонь по всем лицам**, приближающимся к линии фронта и препятствовать их приближению к нашим позициям», не глядя, кто там «приближается», **женщины или дети**.

• • •

Новый командующий Ленинградским фронтом **изложил свою стратегию** обороны города **следующим образом**: «Надо было при малейшей возможности **днем и ночью контратаковать врага**, изматывать и наносить ему потери в живой силе и технике, срывать его наступательные мероприятия... **Контрудары и контратаки вынуждали противника наступать в замедленном темпе**».

Уже 14 сентября Жуков доложил маршалу Б.М. Шапошникову, что «**организует удар**» на фронте 8-й армии и **планирует** «**переход в наступление**» 55-й и 42-й армий. Ежедневно советские дивизии «наносили контрудары», «ликвидировали», «восстанавливали положение», **атаковали, атаковали, атаковали**, наступая **по собственным трупам**, **укрываясь собственными трупами** и **заваливая своими трупами противника**. Несколько позже, под Вязьмой и Ржевом, **солдаты дали этому способу ведения военных действий свое определение — «жуковская трехрядка**».

На Тосненском рубеже 4-я дивизия народного ополчения полковника П.И. Радыгина непрерывно отдельными полками безуспешно пыталась форсировать реку Тосна и отбить у противника населенные пункты Усть-Тосно, Ивановское, Покровское на правом берегу. Артиллерии в дивизии практически не было. Более-менее серьезную огневую поддержку оказывали железнодорожные батареи и эсминец, занявший позицию в устье Невы, но стреляли они по площадям, и огонь их не корректировался.

4 сентября 3-й стрелковый полк получил приказ форсировать Тосну и взять поселок Покровское. В начале операции полк понес значительные потери и под огнем противника залег перед рекой. Офицеры под ураганным огнем сумели поднять полк в атаку, форсировать реку и взять с боем Покровское. Но развить успех оказалось нечем. Ожесточенные бои за поселок длились четыре дня. Не получивший поддержки полк был отрезан противником от берега и полностью

уничтожен во главе с командиром полка Чугуновым.

11 сентября полковник Радыгин, отказавшийся выполнять приказ приехавшего с инспекцией члена Военного совета фронта Н.В. Соловьева, которому вздумалось в своем личном присутствии организовать маленькое победоносное наступление, был отстранен от командования дивизией и разжалован в рядовые. Существовала и другая «дисциплинарная практика»: в случае неудачи командира полка привлекали к ответственности «за тяжелое состояние полка и большие потери в боях».

В итоге 4-я дивизия народного ополчения, не выполнив ни одной задачи, оказалась отброшенной за линию противотанкового рва, протянувшегося от Невы до Московского шоссе. Этот ров, имевший ширину 8 м, глубину 3 м, как водится, советские части не обороняли, поэтому в нем прочно обосновались батальоны 122-й пехотной дивизии Вермахта. Немцы, имевшие похвальную привычку закрепляться на каждом занятом рубеже, немедленно начали развивать сеть ходов сообщений, пулеметных дотов и минных полей.

Практически утратившие боеспособность ополченцы залегли в болоте в 100 метрах от рва. Генерал-майор в отставке Л.В. Яковлев так описал состояние «обороны» при своем вступлении в командование одним из полков 4-й ДНО:

«Передний край обороны проходил в сыром торфяном болоте. Бойцы лежали на поверхности болота, и **единственным их укрытием были мох и кустарник ниже человеческого роста**. Полк вынужден был обороняться в этих тяжелых условиях, так как сзади его подпирали стены Ленинграда. В таких условиях трудно было сохранить боеспособность части. Справа в таких же условиях оборонялся 330-й стрелковый полк; слева, на более сухой местности держал оборону 284-й СП.

Прием и сдача полка прошли в считанные минуты. Старый командир полка, находившийся в подавленном состоянии, с трудом доложил обстановку на обороняемом участке. После проведенных боев полк понес большие потери в личном составе и вооружении, а занимаемая им **оборона не имела каких-либо инженерных укрытий**. Состояние полка было тяжелым, люди были обессилены и находились в полной апатии и депрессии. Мы с капитаном Смородкиным обошли участок обороны полка и всюду натыкались на группы солдат, лежавших на мокром торфе и **никак не реагирующих** на обращение к ним... **Люди не мылись с начала войны**».

Армия Федюнинского с переменным успехом вела бои за Урицк и Володарский, по несколько раз переходившие из рук в руки. 8-я армия генерала Щербакова имела задачу «наносить противнику удары во фланг и тыл» и наносила их, не считаясь с потерями.

Южной группе, по совету маршала Шапошникова, 14 сентября было приказано прекратить «изнуряющий бой за захват Вырицы», а обогнуть её с востока и вдоль железной дороги Сусанино — Пушкино выходить в расположение 55-й армии. Плохо представляя себе состояние войск Астанина и предполагая использовать их в запланированном на 17 сентября контрнаступлении, командование фронта требовало: «Всю артиллерию на конной тяге, минометы, пулеметы и конные обозы выводить. Все, что не может быть выведено, — закопать и тщательно замаскировать».

Но к тому времени группа уже распадалась на отдельные неуправляемые части. **Конные обозы существовали лишь в воображении Жукова**. **Имелись 36 орудий без снарядов**, которые артиллеристы вытаскивали на себе. **На следующий день Южная группа как единое целое перестала существовать**. Рвавшаяся к ней навстречу в течение двух недель 90-я стрелковая дивизия была окружена немцами в районе Семрино — Кабралово. Вечером по распоряжению генерала Астанина, доложившего штабу фронта по радио о безнадежности положения, **началось уничтожение техники и военного имущества**.

Спустя несколько часов его войска получили разрешение выбираться из окружения небольшими группами. Во второй половине сентября глухими лесными тропами на север удалось просочиться лишь отдельным сводным подразделениям под командованием полковников М.И. Чеснокова, И.С. Павлова и генерала А.Н. Астанина — всего около двух тысяч человек. Еще триста бойцов вывели из вражеского тыла партизаны.

Полмесяца, обходя крупные населенные пункты, блуждали в тылу противника остатки 111-й стрелковой дивизии под командованием полковника СВ. Рогинского, не имевшего связи с командованием и повернувшего на восток. К началу октября они вышли к реке Волхов в районе Ямно, где на левый берег переправилось лишь три сотни бойцов и командиров. В районе Погостья в расположение 54-й армии вышла группа артиллеристов Г.Ф. Одинцова.

По данным немцев, в ходе ликвидации Лужского «котла» они захватили 21 тысячу пленных, 316 танков и 600 орудий. Только 24-я танковая дивизия полковника М.И. Чеснокова, впервые вступившая в бой 2 августа, **потеряла** 162 танка и 40 бронемашин **— всю боевую технику**.

Однако потери росли и у немцев, а успехи были все менее значительны. 14 сентября ОКБ отдало приказ о немедленном отводе 41-го моторизованного и 8-го воздушного корпусов. Генерал Рейнгард вспоминал: «Когда войска уже вовсю предвкушали торжество заслуженной победы, точно холодный душ из штаба танковой группы пришла новость, что вместо штурма Ленинграда будет его блокада... Мы просто ничего не могли понять. **В самую последнюю минуту солдат, которые делали все для победы, лишили венца победителей**».

В ночь на 17 сентября 1-я танковая дивизия начала грузить свои уцелевшие машины на железнодорожные платформы южнее Красногвардейска, а 36-я моторизованная дивизия направилась своим ходом к Пскову. Только понесшая большие потери 6-я танковая дивизия генерал-майора Ландграфа была задержана на несколько дней, чтобы выйти из боя и привести себя в порядок. **С фронта под Ленинградом уходили 32 тысячи немецких солдат и 260 танков, 18-я армия лишилась своего ударного кулака**. Вечером 18 сентября Гальдер отметил в своем дневнике:

«**Кольцо вокруг Ленинграда пока не замкнуто так плотно, как этого хотелось бы**. Сомнительно, что наши войска сумеют далеко продвинуться, если мы отведем с этого участка 1-ю танковую и 36-ю моторизованную дивизии. Учитывая потребность в войсках на ленинградском участке фронта, где у противника сосредоточены крупные людские и материальные силы и средства, положение здесь будет

напряженным, пока не даст себя знать наш союзник — голод».

С уходом 41-го мотокорпуса плотность немецких боевых порядков снизилась, что позволило 90-й стрелковой дивизии, **потерявшей половину личного состава и орудий**, прорваться через Пушкин на север.

• • •

Почти сразу после выхода немцев к Ладожскому озеру советское командование предприняло попытку восстановить сухопутную связь города со страной ударами с запада войсками Ленинградского фронта и с востока силами 54-й армии.

Эта армия была необычная: в ней было восемь дивизий, 16-я и 122-я танковые бригады, 119-й отдельный танковый батальон, значительное количество артиллерии; подчинялась она непосредственно Ставке, а в командармах ходил маршал Г.И. Кулик, заместитель наркома обороны. Тылы армии были под завязку забиты военным имуществом и техникой, эшелонами с маршевым пополнением, предназначенным как для войск Кулика, так и для всего Ленинградского фронта.

Григорий Иванович начал наступление 10 сентября, и первые его доклады дышали оптимизмом: враг успешно «уничтожался» и «истреблялся», хотя и «перешел к исключительно стойкому сопротивлению», **удалось взять «богатые трофеи**». Однако вскоре Кулик, наносивший удары веером, во все стороны одновременно: на Кириши, По-гостье, Мгу, вдоль берега Ладожского озера — на Шлиссельбург, обнаружил, что у него самого катастрофически быстро заканчиваются люди и техника, а **наступление выдохлось**.

Немцы удерживали фронт мобильными группами 20-й мотодивизии, непрерывно долбили в левый фланг силами 12-й танковой, маневрировали резервами, **одновременно интенсивно укрепляя район** Синявино, рабочие поселки № 5 и № 1. Продвижение 54-й армии на запад за трое суток операции составило в среднем 6—9 км, а противник за это время захватил Вороново.

13 сентября Ворошилов и Жуков потребовали от Кулика, не обращая внимания на положение дел на левом фланге армии, организовать мощный удар на Шлиссельбург, а затем в направлении Мга. Через три дня Сталин и Шапошников приказали маршалу не тратить время на овладение Шлиссельбургом, а сконцентрировать все усилия на освобождении станции Мга, «дабы открыть сообщение с Жуковым».

С Жуковым у Кулика не получилось ни взаимодействия, ни взаимопонимания. Командующий Ленфронтом, считая главным вопросом «ликвидацию красносельской группировки» противника, **выделил для прорыва блокады лишь одну 115-ю стрелковую дивизию** и неукомплектованную морскую бригаду, сам же после войны заявив, что **поставленная перед ними задача** форсирования Невы и прорыва немецкой обороны «**была чрезвычайно тяжелая, можно сказать, непосильная**». . Действительно, **приказ**, полученный комдивом В.Ф. Коньковым, **требовал, ни больше ни меньше, как без переправочных средств, без поддержки артиллерии, танков, авиации форсировать Неву на фронте от Ивановского до Московской Дубровки, захватить плацдарм и вести**

наступление на Мгу. На подготовку операции отводились одни сутки.

При этом **генерал армии не постеснялся обвинить маршала СССР в безразличии к судьбе Ленинграда.** В ночь на 15 сентября между двумя военачальниками произошел характерный телефонный разговор: «Жуков. Приветствую тебя, Григорий Иванович!.. Я бы хотел, чтобы у нас с тобой побыстрее закипела работа по очистке территории, на которой мы могли бы пожать друг другу руки и организовать тыл Ленинградского фронта. Прошу коротко доложить об обстановке. В свою очередь хочу проинформировать, что делается под Ленинградом».

Человеку, служившему в армии хотя бы месяц, совершенно понятно, что **Георгий Константинович откровенно хамит впавшему в опалу, но все же старшему по званию, по должности и по возрасту командиру**. Затем Жуков «**настойчиво попросил» Кулика немедленно перейти в наступление** на станцию Мга и «**скорее двигать конницу в тыл противника**». На это маршал, конечно, **не столь гениальный полководец, чтобы за одну ночь организовать операцию** на новом направлении, **вполне резонно ответил, что ему требуются день-два, чтобы подтянуть артиллерию**, вывести части на исходный рубеж **и отработать** на месте их **взаимодействие**. Тем более что наступать 54-й армии приходилось по тяжелой лесисто-болотистой местности, а противостоит ей мобильный и серьезный противник — танковые и моторизованные дивизии 39-го мотокорпуса. Дальнейшие события показали, что поставленная Кулику задача в тех условиях и вовсе была невыполнима. Но Жукова такая самостоятельность маршала и его приверженность к соблюдению правил военного искусства не устраивала, и он не стал скрывать своего раздражения: «***Ясно, что вы прежде всего заботитесь о благополучии 54-й армии и, видимо, вас недостаточно беспокоит создавшаяся обстановка под Ленинградом... Понял, что рассчитывать на активный маневр с вашей стороны не могу. БУДУ РЕШАТЬ ЗАДАЧУ САМ***».

Об этом разговоре командующий Ленинградским фронтом немедленно проинформировал Верховного Главнокомандующего, и тот принял жуковскую «правду», ведь **у нас всегда прав тот, кто доложил первым**. К тому же **вождь для хорошего дела всегда готов был «пожертвовать несколькими дивизиями**». Сталин нажимал на Кулика и по-своему стимулировал его к активным действиям: «***Имейте в виду, что если вы завтра ударите как следует на Мгу, с том чтобы прорвать или обойти оборону Мги, то получите от нас две хорошие кадровые дивизии и, МОЖЕТ БЫТЬ, новую танковую бригаду. Но если отложите завтрашний удар, даю вам слово, что вы не получите ни двух дивизий, ни танковой бригады***».

Дополнительных «хороших дивизий» Кулик не получил, хотя вполне вероятно, что они могли бы сказать «веское слово» в решающий момент. Войска 54-й армии захватить Мгу так и не смогли, в первый раз умывшись кровью у Синявинских высот. Впрочем, и **Жуков красносельскую группировку не ликвидировал**. Толку от того, что он бросал в бой необученных, плохо вооруженных рабочих, моряков и валаамских юнг, заставляя их «драться как полагается», не обеспечив взаимодействие с артиллерией и авиацией, было немного. **Полки и батальоны гибли целиком, нанося врагу лишь незначительный урон**.

• • •

17 сентября, в день, когда немцы вывели из сражения за Ленинград основные силы 3-й и 4-й танковых групп и 8-й авиационный корпус, генерал армии Жуков издал боевой приказ № 0064: «Учитывая особо важное значение в обороне южной части Ленинграда рубежа: Лигово, Кискино, Верх. Койрово, Пулковских высот, района Московская Славянка, Шушары, Колпино, Военный Совет Ленинградского фронта приказывает объявить всему командному, политическому и рядовому составу, обороняющему указанный рубеж, что за оставление без письменного приказа Военного Совета фронта и армии указанного рубежа **все командиры, политработники и бойцы подлежат немедленному расстрелу**».

И сегодня определенная часть российских историков считает это решение правильным, разъясняя, что Жуков стремился таким образом «вернуть войскам уверенность в своих силах и возможностях», а сам приказ «положил начало моральному перелому»????? Что ж, надо думать, что исключительно ради окончательного морального преображения и творческого развития идей, заложенных в печально известном приказе № 270, командующий фронтом в конце месяца подписал шифрограмму за № 4976, в которой сказано: «Разъяснить всему личному составу, что **все семьи сдавшихся врагу будут расстреляны и по возвращении из плена они также будут все расстреляны**».

А для большей «уверенности» **генерал гнал свои армии в атаку, стреляя им в спины из пулеметов**. Бывший командир роты 42-го стрелкового полка 268-й дивизии А.Ф. Сафронов вспоминает: «***Бугор немец непрерывно обстреливал, много народу здесь полегло. Мы бугор взяли, но немцы открыли такой огонь, что оставшимся в живых пришлось скатиться обратно в овраг, к шоссе. А за шоссе — наш заградотряд с пулеметами «максим». Стреляют и немцы, и наши. Ребята прижались перед бугром — ДЕТЬСЯ НЕКУДА***».

Конечно, проблема **ухудшения морального состояния войск**, **вследствие** непрерывных поражений, огромных потерь, **наглядной бездарности руководства, скотского отношения к солдатам**, имела место, иначе и быть не могло. Росло дезертирство; только за три дня (17—19 сентября) комендатура Ленинграда задержала 4425 военнослужащих. **Были пораженческие настроения, самострелы, случаи перехода на сторону врага и братания с немцами**. Но ведь и **привычные большевистские лекарства, используемые для поднятия морального духа и укрепления дисциплины, были не лучше самой «болезни»**. Бывший рядовой пехоты Н.Н. Никулин пишет: «***Карательные органы работали у нас прекрасно. От Малюты Скуратова до Берии в их рядах всегда были ПРОФЕССИОНАЛЫ, и всегда находилось много желающих посвятить себя этому благородному и необходимому во всяком государстве делу. В мирное время эта профессия легче и интересней, чем хлебопашество и труд у станка. И барыш больше, и власть над другими полная. А в войну — не надо подставлять свою голову под пули, лишь следи, чтобы другие делали это исправно***.

Войска шли в атаку, движимые ужасом. Ужасна была встреча с немцами, с их пулеметами и танками, огненной мясорубкой бомбежки и артиллерийского обстрела. Не меньший **ужас вызывала неумолимая угроза расстрела**. Чтобы держать в повиновении аморфную массу плохо обученных солдат, **расстрелы**

проводились перед боем. Хватали каких-нибудь хилых доходяг или тех, кто что-нибудь сболтнул, либо случайных дезертиров, которых всегда было в достатке. Выстраивали дивизию буквой «П» и **без разговоров приканчивали несчастных**.

Эта профилактическая работа имела следствием страх перед НКВД и комиссарами больший, чем перед немцами. А в наступлении, если повернешь назад, получишь пулю от заградотряда. Страх **заставлял идти на смерть**. На это и рассчитывала наша мудрая партия, руководитель и организатор наших побед. Расстреливали, конечно, и после неудачного боя. А бывало и так, что **заградотряды косили из пулеметов отступавшие без приказа полки**. Отсюда и боеспособность наших доблестных войск. Многие сдавались в плен, но, как известно, у **немцев не кормили сладкими пирогами**»...

• • •

Ни Сталин, ни Жуков ничего не знали о новых директивах Гитлера и по-прежнему полагали, что главной целью группы армий «Север» остается захват города. Командующий фронтом сосредоточил основные силы для отражения немецкого наступления в районе Пулковских высот.

Ну, а Лееб до конца месяца продолжал наступление, и **довольно успешное**, на ближних подступах к Ленинграду, но теперь уже только с целью отвлечь побольше сил Ленинградского фронта с любанского направления, где с целью прорыва блокады города наступала 54-я армия. Жуков же продолжал наращивать силы на Пулковском рубеже, снимая их с Ораниенбаума и Карельского перешейка.

День 17 сентября стал самым кризисным для Ленинграда. 1-я пехотная дивизия генерала Клеффеля вышла на побережье Финского залива у Стрельны, овладев частью Петергофа, 58-я дивизия генерала Хойнерта — заняла Урицк. Правее солдаты фон Лейзера захватили Пушкин.

8-я советская армия оказалась отрезанной от остальных войск Ленинградского фронта. С армией не было связи: немцы перерезали все телефонные провода, **а пользоваться радиостанциями советские войска** даже на уровне армейских штабов **еще только учились**.

Чтобы предотвратить прорыв противника в Ленинград через Урицк, Жуков приказал 42-й армии немедленно организовать контратаку. В бой ушла, отбила поселок, была двинута дальше вперед, отрезана немцами и погибла 21-я мотострелковая дивизия НКВД полковника М.Д. Папченко. «Можно понять гнев Жукова, — сочувствует писатель В. Карпов, который потребовал от командующего 42-й армией во что бы то ни стало вернуть Урицк». В новую атаку были брошены 5-я и 3-я гвардейские ДНО и 51-й отдельный танковый батальон.

Армия Щербакова получила приказ организовать контрудар силами не менее пяти дивизий в направлении на Красное Село и восстановить разорванный фронт. Тридцать лет спустя, вспоминая и размышляя, маршал высоко оценил достигнутый результат: «Чрезвычайно важную роль в срыве планов противника — прорыва в Ленинград через Урицк сыграл контрудар 8-й армии. Её ударная группировка в составе четырех стрелковых дивизий утром 19 сентября перешла в наступление в

общем направлении на Красное Село. Хотя это наступление и не привело к восстановлению здесь обороны, но оно вынудило немцев перегруппировать часть сил с самого опасного для нас направления Урицк—Ленинград на петергофское, что было нами заранее предусмотрено».

Писатель В. Карпов в своей книге «Маршал Жуков», описывая этот контрудар, просто впадает в эйфорию от восхищения:

«**Но Жуков — это Жуков**!... В короткое время — за сутки — Жуков создал ударную группировку. Легко сказать, создал — из чего? Где взял силы? На участке 8-й армии ведь были всё те же оборонявшиеся дивизии. Он только уплотнил их боевые порядки, **отдал на их усиление все, что мог отдать** и 19 сентября ударил во фланг наступающему клину Лееба. Это было совершенно неожиданно для противника. Представьте себе состояние фон Лееба, уже торжествовавшего в душе и видевшего, наверное, перед собой улицы взятого Ленинграда. И вдруг этот удар по флангу, удар буквально под дых! Лееб ведь собрал все, чем располагал, бросаясь в последнее и решительное наступление на пулковском направлении. Отражать удар Жукова на фланге этой группировки было нечем, надо снимать силы оттуда, где наметились удача и победа. Лееб понимал — пока подойдут резервы, части Жукова вырвутся на тылы и перемелют все так, что придется вообще отходить от Ленинграда.

И Лееб дает приказ снять механизированный корпус, уже нацеленный для удара там, где виделся наибольший успех, и бросает этот корпус для спасения фланга. Но именно в этом и состояла цель Жукова. Напор на пулковский рубеж ослаб. 8-я армия хоть и не вонзилась глубоко в расположение противника, но задачу свою выполнила».

В этой оде жуковской гениальности есть как минимум три фальшивых ноты.

Во-первых, **какой моторизованный корпус и откуда «снял» Лееб, если у него не было ни одного**?

Во-вторых, эта **история имела грустное продолжение: 20 сентября немцы ударили в левый фланг наступающих советских войск, нанесли им поражение** и **заставили оставить даже те населенные пункты, которые они занимали до эпического контрудара**, в частности, Стрельну. Тогда, в 1941 году, **Жуков вовсе не считал, что все прошло как «заранее предусмотрено», и дал командованию 8-й армии совсем другую оценку — <u>ПРЕДАТЕЛИ</u>**.

В телеграмме от 22 сентября командующий фронтом **велел Военному совету армии организовать новое наступление под Петергофом, а командарму и его штабу приказал лично вести войска в атаку**, не забывая, как обычно, «вселить уверенность»:

«Если 8-я армия допустит захват немцами Петергофа, немцы нам разгромят Кронштадт.

8-я армия своими действиями не только подводит Ленинградский фронт, но **играет предательскую роль**. В то время как 23, 42, 55 А блестяще отражают все

атаки немцев, нанося им громаднейшие потери, **8-я армия**, имея против себя 3—4 тысячи немцев с 10—20 танками, **позорно разбегается при первом выстреле**. Военный совет бездействует, настроенный больше на эвакуацию, а не на упорный бой. Такой **военный совет вполне заслужил суровой кары, вплоть до расстрела**.

Я требую: Щербакову, Чухнову, Кокореву выехать в 2 дно, 11 сд, 10 сд и лично вести их в бой. Шевалдину и Кокореву предупредить командиров всех степеней, что они за самовольное оставление Петергофа и оборонительных позиций южнее Петергофа будут расстреляны, как трусы и изменники. Всем объявить — **НИ ОДНОГО ШАГУ НАЗАД**».

Еще сутки спустя, после того как немцам был сдан Петродворец, командующий фронтом снял с должностей командарма-8 генерала Щербакова и члена Военного совета дивизионного комиссара И.В. Чухнова, приказал арестовать ряд командиров соединений. Армию принял генерал-лейтенант Т. И. Шевалдин.

В третьих, и красные полководцы, и восторженные летописцы их деяний вполне сознательно пренебрегают арифметикой. **Ответить на риторический вопрос «где Жуков взял силы?» совсем несложно. В его полном распоряжении было полмиллиона бойцов**! Между тем **генерал-фельдмаршал Лееб**, после ухода в середине сентября 41-го моторизованного корпуса на московское направление и 96-й дивизии к Вороново, на восточный участок Синя-винского выступа, **штурмовал Ленинград, имея в активе шесть пехотных дивизий — 291, 58, 1, 269, 121, 122-ю и еще полицейскую дивизию СС**. Это их «яростные атаки» героически сдерживали «активной обороной» **не менее 27 дивизий генерала Жукова**.

Невелика была наука «уплотнять боевые порядки»: только на Ораниенбаумском плацдарме, который немцы называли «Ораниенбаумским котлом», оказались 12 дивизий (10, 281, 48, 191, 125, 268, 118, 261, 11-я стрелковые, 1-я гвардейская и 2-я народного ополчения), а также 5-я и 2-я отдельные бригады морской пехоты, 1-й танковый полк 1-й танковой дивизии.

Правда, **многие их этих соединений, благодаря «самой передовой в мире**» тактике непрерывных атак, без огневой поддержки и закрепления рубежей, **можно было назвать дивизиями лишь условно**: например, в 48-й дивизии подполковника П.С. Романцева осталось 1700 человек, 3 станковых пулемета, 8 минометов и 2 орудия. Но генерал-комиссар Окороков, ставший членом Военного совета 8-й армии, утверждает: «Пополнение боевых рядов армии шло полным ходом». (**Одновременно проводилась «работа по чистке частей от чужаков и скрытых врагов**», **изъятие** из боевых подразделений признанных неблагонадежными «**западников**», то есть тех, кто до войны проживал на территории Западной Украины, Западной Белоруссии и в Прибалтике. Например, **исчез неизвестно куда упоминаемый ветеранами плацдарма 74-й латышский полк**).

Так ведь и у немцев Петергоф брала одна только 1-я пехотная дивизия. Жуков в приказе № 0043 писал: «Перед фронтом 8-й армии действуют части одной-двух пехотных дивизий».

Советские части на плацдарме, имевшем 50 км в длину и 35 км в глубину, поддерживали мощным артиллерийским огнем 12-дюймовые орудия линкоров

«Марат» и «Октябрьская революция», фортов Красная Горка и Серая Лошадь, 180-мм орудия крейсеров и 130-мм — эсминцев, 11-я (356-мм) и 18-я (305-мм) железнодорожные батареи, бронепоезда № 7 «Балтиец» и № 8 «За Родину». И войск, и техники здесь хватало с избытком. 16—18 сентября флот провел операцию по переброске из Ораниенбаума в Ленинград 125-й и 268-й стрелковых дивизий и 47-го полка корпусной артиллерии, которые были выведены в резерв фронта; во второй половине октября было снято еще шесть дивизий.

А блокадой плацдарма и отражением чуть ли не ежедневных советских атак и контрударов в 1941 году занимались две пехотные дивизии немцев. И в 1942-м, и в 1943-м тоже они...

От Урицка до южной окраины Пулково оперировали три немецкие дивизии. Им противостояли пять дивизий: 44-я (бывшая 3-я гвардейская ДНО), 21-я, 56-я (7-я ДНО), 189-я (6-я ДНО) и 13-я (5-я ДНО), 6-я и 7-я стрелковые, 123-я и 124-я танковые бригады 42-й армии, построенные в два эшелона. Боевые действия войск Федюнинского активно поддерживала артиллерия Ленинградской морской обороны, усиленная 12-й и 19-й железнодорожными батареями.

По свидетельству маршала Жукова, только на 17-километровом участке Лигово — Пулково и только на прямую наводку были выведены 529 орудий. В районе Колпино действовало 441 орудие, из них 300 стволов были выставлены на прямую наводку.

Кстати, а для чего пушки выводить на прямую наводку? А для того, чтобы хоть иногда попадать в цель. **Для стрельбы с закрытых позиций необходимо иметь надежные средства связи, отработанные расчеты, обученных корректировщиков, грамотного управляющего огнем**. Всего это не было, поэтому на 100 выпущенных снарядов приходилось два-три попадания, отсюда и вечный «снарядный голод».

Поэтому орудия (иногда даже особой мощности) нередко целыми дивизионами, а то и артиллерийскими полками выкатывали на открытые передовые позиции, **каждый расчет** видел свою цель и **работал самостоятельно**, стреляя по **врагу практически с «дуэльной» дистанции**. При этом были неизбежны значительные потери в людях и материальной части, зато точность вырастала до 8,5 процентов. **Артиллеристы называли стрельбу прямой наводкой: «Прощай, Родина!», было еще и другое обозначение — на языке ненормативной лексики**.

А вот «вражеское командование», в отличие от советского, по наблюдению полковника Георгия Федотовича Одинцова (1900-1972), будущего маршала СССР, «берегло свою артиллерию, батареи противника чаще всего вели огонь с закрытых позиций, на прямую наводку не выдвигались».

• • •

Генерал И.И. Федюнинский позже гордился: «**Несмотря на то, что сил у нас было мало**, мы то и дело наносили противнику чувствительные удары, не позволяя ему снять с фронта и перебросить под Москву, где фашисты развивали наступление, ни одной дивизии... До самой середины октября шли бои в районе Урицка, у Петергофского шоссе, за совхоз «Пролетарский труд». И **они явились для**

нас хорошей школой...

В армии тогда было много командиров, призванных из запаса, не имевших прочной военной подготовки и опыта руководства боем. Наши командиры отличались отвагой, были преданы Родине, но **отсутствие боевого опыта давало о себе знать**... В наступлении иногда отставали тылы, хотя продвижение вперед было незначительным».

Интересно, что **финским командирам**, **спокойно и с минимальными потерями вернувшим себе «линию Маннергейма»**, о которую в кровавых соплях Красная Армия зимой 1939/40 года билась три месяца, **боевого опыта вполне хватало**. **<u>А герой Халхин-Гола все еще учился, добирал опыт</u>**.

На Тосненском рубеже продолжала «учиться» 4-я дивизия народного ополчения. И здесь приказы о наступлении следовали один за другим — с одними и теми же задачами, все с теми же силами:

21 сентября: «4-й ДНО овладеть Ивановское, Покровское, выбить противника из противотанкового рва южнее Колпино»;

23 сентября: «4-й ДНО овладеть противотанковым рвом в районе Колпинская колония, переправами в Усть-Тосно»;

25 сентября: «86-й дивизии (бывшей 4-й ДНО) с бронеплощадками овладеть противотанковым рвом, форсировать реку Тосну, овладеть Ивановское».

Ров этот начинался от поселка Ям-Ижора на Московском шоссе, пересекал Октябрьскую и Кировскую железные дороги и за заводом «Ленспиртстрой» выходил к Неве. Только 2,5 км северного участка рва до грунтовой дороги на Ивановское находились в руках советских войск, остальные 8,5 км до самого шоссе оказались у немцев.

В конце месяца к штурму противотанкового рва присоединили свои усилия снятые с ораниенбаумского плацдарма 268-я и 125-я стрелковые дивизии. Всем им противостояла 122-я пехотная дивизия генерала Махольца.

Правее, от Колпино до Пулково таким же макаром сражались со 121-й пехотной дивизией противника 168-я, 90-я и 70-я стрелковые дивизии, 84-й и 86-й танковые батальоны 55-й армии. Потери армии только на участке от Колпино до Невы в сентябре 1941 года составили более 17 тысяч человек. Дивизия полковника Бондарева в боях за Слуцк потеряла 7.477 бойцов — почти весь свой состав.

Жуков в мемуарах дивизию похвалил, как «особенно отличившуюся». **Непрерывно атакующим дивизиям неизменно придавали «уверенность в силах»** развернутые во втором эшелоне армии **семь пулеметно-артиллерийских батальонов** и **четыре заградительных отряда**.

И **вот это полководческое убожество уже 60 лет нам подают как великую победу великого стратегического гения**. **<u>Была ли победа</u>**? Была, несомненно. **Но есть ли чем гордиться полководцу**?

Кстати говоря, большие потери и одновременно недостаточная «пробивная сила» советских дивизий в наступлении была заложена в Боевом Уставе. Писавшие его генералы, фантазируя на темы будущей Большой Войны, видимо, венцом атаки считали штыковой удар пехотных масс: «**На то у винтовки и ложе, чтобы бить фашиста по роже**»! «Штыком фашистов коли, гони их с родной земли»!

Стрелковая дивизия, получая для наступления полосу в один километр, выстраивала свои полки в два эшелона, стрелковый полк ставил три батальона один в затылок другому. Лишь провоевав год с лишним, разобрались:

«Таким образом, советская стрелковая дивизия, «построенная для наступления, имела в первом эшелоне атаки 8 стрелковых рот из 27. Остальные 19 рот, располагаясь за первым эшелоном на глубину до 2 км, покрывают поле боя сплошными боевыми порядками и полностью лишаются возможности использовать свои огневые средства.

В результате этого мы имеем, во-первых, **исключительно большие, ничем не оправдываемые потери** в личном составе и огневых средствах от огня артиллерии, минометов и авиации противника, которые несут, прежде всего, подразделения вторых и третьих эшелонов еще до вступления их в бой, ввиду чего наступление часто захлебывается у нас на первом же этапе, и во-вторых, **вынужденное бездействие свыше трети** всех пехотных огневых средств дивизии...

При этом подразделения вторых и третьих эшелонов, принимая на себя основной огонь минометов, артиллерии и авиации противника, чтобы не нести больших потерь, вынуждены прижиматься к впереди идущим эшелонам, а затем по той же причине и вливаться в их боевые порядки. А это ведет к неизбежному перемешиванию боевых порядков первого эшелона с последующими, к превращению их в толпу и к невозможности управлять ими».

Поставим сзади заградотряды и получим знаменитую «русскую атаку». **Для противника такая тактика — просто подарок**, ведь немцы главным как раз считали не захват территории, а уничтожение живой силы. Но **тщетно искать хоть какие-то «размышления» о тактике боя у Жукова**. **Он незамысловато считал, что «всего» должно быть много**.

В разговоре с маршалом Шапошниковым, состоявшимся 14 сентября, Георгий Константинович сетовал, что принял на Ленинградском фронте всего 268 самолетов. При этом он как-то «забыл» 287 машин Балтийского флота (в том числе 170 истребителей, 61 бомбардировщик и штурмовик) и почти 300 истребителей 7-го авиакорпуса, регулярно привлекавшиеся для прикрытия боевых порядков войск фронта и нанесения штурмовых ударов.

Ленинградские предприятия с июля по декабрь 1941 года изготовили 713 танков, 480 бронемашин, 58 бронепоездов и бронеплощадок, свыше 3 тысяч полковых и противотанковых пушек, около 10 тысяч минометов, свыше 3 миллионов снарядов и мин. Все это попадало на фронт практически мгновенно. С конца августа по решению ГКО вся бронетанковая продукция оставалась в распоряжении Ленинградского фронта.

Поэтому, потеряв безвозвратно в августе 273 танка и 55 бронемашин, а в сентябре — 262 и 43, к началу октября Ленфронт имел 339 танков (половину из которых составляли КВ и Т-34) и 162 бронеавтомобиля. На базе 1-й Краснознаменной танковой дивизии была сформирована 123-я отдельная танковая бригада (46 танков КВ), на базе 24-й танковой дивизии и других частей — 124-я и 125-я танковые бригады. Последняя отличалась по составу вооружения, она имела 26 машин типа КВ и 11 самоходных 76-мм установок на базе танка Т-26. В сентябре же были созданы и семь отдельных танковых батальонов непосредственной поддержки пехоты.

Балтийский флот для содействия сухопутным войскам выделил 345 стволов морской артиллерии калибра от 100 до 406 мм, в сентябре выпустивших по противнику свыше 25 тысяч снарядов. В систему ПВО Ленинграда включили 349 флотских зенитных орудий. С кораблей на сухопутный фронт сошли 68 тысяч моряков.

• • •

Германское командование отчетливо представляло значение флота, прежде всего крупных артиллерийских кораблей в обороне Ленинграда. В связи с этим оно предприняло во второй половине сентября воздушную операцию по уничтожению базировавшихся в Кронштадте морских сил. Для 2-й эскадры штурмовой авиации Люфтваффе, которой командовал полковник Оскар Динорт, боевые корабли стали главной целью.

Первый удар по Кронштадту группа из пятнадцати бомбардировщиков Ю-87 нанесла 19 сентября. Затем массированные налеты были предприняты 21, 22, 23 и 27 сентября. Они сопровождались артиллерийскими обстрелами кораблей, стоявших на Неве, в морском порту, в морском канале. Многочисленные советские зенитки отвечали плотным заградительным огнем. Самый титулованный ас-бомбардир Третьего рейха Ганс Рудель вспоминал: «**Оборона была просто убийственной, нигде потом в ходе войны я не видел ничего подобного**». Но ничто не смогло остановить пилотов «штук», ветеранов польской, французской, балканской кампаний и битвы за Крит.

В результате прямыми попаданиями бомб они потопили лидер «Минск», эсминец «Стерегущий», сторожевой корабль «Вихрь», подводную лодку М-74, тральщики № 31,33 и 53, транспорт и буксир. Получили повреждения линкор «Октябрьская революция», в который пикировщики влепили шесть бомб, крейсер «Киров», эсминцы «Сильный», «Гордый» и «Грозящий», ряд других кораблей и судов.

У линкора «Марат» в результате попадания двух 500-килограммовых бомб последовала детонация боезапаса. Взрыв оторвал всю носовую часть до 52-го шпангоута, вместе с многоярусной надстройкой и первой дымовой трубой. Оставшаяся часть легла на грунт в Кронштадтской гавани. Погибли 326 членов экипажа, в том числе командир корабля капитан 2 ранга П.К. Иванов и старпом капитан 3 ранга В.С. Чуфистов. Тем не менее, **обрубленный на треть корпус бывшего линкора, лишенный и хода, и боеспособности, продолжал числиться в списках флота «линейным кораблем» до сентября 1951 года**, когда **его официально назвали «несамоходным учебным судном»**.

Даже такой неисправимый оптимист как адмирал Трибуц признал, что Балтийский флот понес тяжелые потери. Один лишь маршал Жуков, успевший побывать и начальником Генерального штаба, и министром обороны, но так **до конца жизни и не понявший, зачем вообще нужен флот**, и, считавший, видимо, что крейсер — это нечто вроде плавающего бронепоезда, авторитетно заявил в своих мемуарах: «***существенный ущерб флоту нанесен не был***».

Более понятным в смысле пропагандистской войны выглядит сообщение советского информбюро от 24 сентября. В ответ на удивительно точную сводку немецкого командования об успехах своей авиации оно выдало разухабистое опровержение под заголовком «Фашистская брехня о советских потерях»:

«**Врет — себя не помнит**», — говорит русская пословица. Так получилось и с гитлеровской брехней. Незачем говорить о том, что никаких «кораблей советского флота» гитлеровцы не потопили и советских пароходов не подожгли».

Впрочем, **вся пропаганда** армейских политработников в первый период войны **отличалась удивительной тупостью.** Вот типичный пример их сочинений: Фашистская басня — чепуха на масле; Солдаты у Гитлера вшивы, сводки у Геббельса лживы,

Немецкая агитация отличалась той же дубовостью: «Бей жида политрука, морда просит кирпича». Правильно подметила Л. Осипова: «**И наши партийцы, и немецкие, ну совершенно одинаковы по узости кругозора и общей безграмотности. Только немцы упитаннее и воротнички чище**».

• • •

25 сентября фельдмаршал фон Лееб вынужден был сообщить в Берлин, что имеющимися силами продолжать наступление он не может. На следующий день он выразил сомнение в способности 39-го моторизованного корпуса удержать Шлиссельбург и охарактеризовал положение как кризисное. Большинство немецких соединений потеряло под Ленинградом 60—70% людей и техники, утратив возможность вести дальнейшие наступательные действия по овладению городом.

26 сентября маршала Кулика, заявившего, что **наличными силами станцию Мга не взять**, отозвали в Москву, а 54-ю армию подчинили Ленинградскому фронту. Ее командующим стал жуковский выдвиженец, генерал-лейтенант М.С. Хозин.

С 29 сентября немецкая авиация прекратила налеты на объекты Кронштадта, оставив их на откуп артиллерии. **К тому времени Балтийский флот по количеству боевых единиц сократился наполовину**: затонули 1 линкор (Марат), 1 крейсер (Петропавловск), 1 лидер (Минск), 13 эсминцев, 20 подводных лодок, 4 сторожевых корабля, 1 минный заградитель и 26 тральщиков.

Так закончился первый и единственный штурм города. Он был отбит дорогой ценой. С 23 августа по 30 сентября общие потери войск Ленинградского фронта составили 116 тысяч человек, из них безвозвратные — 65 тысяч. Противник — наступающая сторона — потерял, как минимум, в пять раз меньше. Но назначенный

Леебом бал в гостинице «Астория» пришлось отменить.

Вообще-то Гитлер, учитывая опыт боев за Мадрид и Варшаву, с самого начала был противником прямого штурма. Он считал, что **уличные бои в мегаполисе, превращенном в крепость**, разделенном на узлы сопротивления, имеющем развитую сеть подземных коммуникаций, множество каналов и прочных каменных зданий, оборудованных огневыми точками, снайперскими позициями, приспособленных для круговой обороны, прикрытых заграждениями и минными ловушками, где в переулке даже необученному бойцу достаточно бутылки с «коктейлем Молотова», чтобы сжечь танк или бронемашину, — такие бои **способны перемолоть** не то что дивизии, но и **целые корпуса**.

Фюрер **мыслил категориями современной войны** и в этом смысле **был абсолютно прав**, но лишь теоретически, потому что **ничего этого в Ленинграде не было**. Не только летом-осенью 1941 года, но до боев за Сталинград **Красная Армия не умела воевать в городе и не вела уличных боев**. **Все города** — Минск, Ригу, Киев, Смоленск и многие другие — **после падения полевых рубежей она сдавала без боя, вывозя или уничтожая материальные ценности**. **Их оборона советской военной доктриной и уставами не была предусмотрена**. Точно так же и **в Ленинграде никаких фортификационных работ** по превращению его в гигантский укрепленный район **не велось, он не был крепостью**. **В сентябре 1941 года у фон Лееба был реальный, а как показали дальнейшие события, и единственный шанс захватить город**.

Зато большевики весной 1945 года никаких блокад затевать не стали и положили в Берлине 360 тысяч человек, потеряли 2000 танков. Стоил ли он того?

• • •

Г. К. Жукову повезло, и за ним закрепилась слава спасителя Ленинграда. **Эта слава оправдала все: и бессудные расстрелы, и драконовские приказы, и «расточительный» метод ведения войны**.

Маршал авиации Александр Евгеньевич Голованов (1904—1975), в послевоенных беседах с писателем Ф.И. Чуевым восхищался твердостью Жукова и его полководческими качествами: «Не зря Сталин послал его в Ленинград вместо Ворошилова, и он, применив там силу, справился! Ведь **он расстреливал там целые отступавшие наши батальоны**! **Он**, как Ворошилов, **не бегал с пистолетом в руке, не водил сам бойцов в атаку, а поставил пулеметный заслон — и по отступавшим, по своим**! Но скажу, **что на его месте я точно так же поступил бы**, коли решается судьба страны».

Из сказанного можно предположить, что **с фронта, бросая оружие, бежали целые батальоны**, а верный присяге Жуков пулеметными заслонами «возвращал войскам уверенность» и «спасал страну». **На самом деле, так расстреливали остатки частей, отходивших после очередной неудачной самоубийственной атаки на какой-нибудь «бугор»**. Не зря писатель-фронтовик Виктор Петрович Астафьев (1924—2002) в переписке с писателем Вячеславом Леонидовичем Кондратьевым (1920—1993) назвал этого «**полководца победы» «браконьером русского народа**»*.

* См. роман В.П. Астафьева «Прокляты и убиты», получивший в 1995 году Государственную премию Российской федерации.

При этом как-то «забылось», что **Жукова послали в Ленинград совсем с другой задачей — прорвать блокаду, и что эту задачу он не решил**.

• • •

Ленинградская оборонительная операция закончилась, 18-я германская армия стала зарываться в землю. Полная блокада так и не была установлена. Группа армий «Север» не только не смогла захватить Ленинград, но и оказалась надолго прикованной к нему. В то же время и на московском направлении дивизии Рейнгардта особой роли не сыграли: «***Получилась почти десятидневная задержка в передислокации группы Хёппера на юг — и это в то время, когда даже сутки начинали принимать огромное значение. И когда немецкие танки ушли от Ленинграда, они были не в состоянии воевать. Им требовалось восстановление, пополнение и отдых. Иначе говоря, им нужно было время***».

В сражение на дальних и ближних подступах к Ленинграду советская сторона бросила 65 дивизий, более 700 тысяч человек. К 30 сентября потери составили почти половину — 345 тысяч командиров и красноармейцев (убитыми, ранеными, пленными, пропавшими без вести), из них 214 тысяч — безвозвратно. Кроме того, противник уничтожил либо захватил 1.492 танка, 9.885 орудий и минометов, 1.702 самолета. Ценой этих потерь Ленинград закрыл путь Вермахту на северо-западном участке советско-германского фронта.

Глава 5. БЛОКАДА И КОНТРБЛОКАДА

(октябрь — декабрь 1941 года)

Положение осажденного Ленинграда и защищавших его войск все время ухудшалось. Огромный город, а также фронт нуждались в своевременном поступлении продовольствия, боеприпасов и других видов обеспечения.

Близость линии фронта к жилым кварталам Вермахт использовал для методичного варварского уничтожения населения и разрушения города. Под Ленинград стягивались дальнобойные пушки, создавалась специальная группировка осадной артиллерии. В директиве от 29 сентября сказано:

«Фюрер решил стереть город Петербург с лица земли. После поражения Советской России нет никакого интереса для дальнейшего существования этого большого населенного пункта. Финляндия точно также заявила о своей незаинтересованности в дальнейшем существовании города непосредственно у ее новой границы... Если вследствие создавшегося в городе положения будут заявлены просьбы о сдаче, они будут отвергнуты».

Начальник оперативного отдела ОКВ генерал Альфред Йодль 7 октября информировал главнокомандующего сухопутными силами генерал-фельдмаршала Вальтера фон Браухича о том, что капитуляцию Москвы и Ленинграда нельзя принимать: «***Следует ожидать больших опасений от эпидемий. Поэтому ни один немецкий солдат не должен вступить в город. Кто покинет город против наших линий, должен быть отогнан назад огнем... Недопустимо рисковать жизнью немецкого солдата для спасения русских городов от огня, точно так же, как нельзя кормить их за счет германской родины***».

Советские историки пишут, что Геббельс для оправдания этой акции получил указание представить мировой общественности некий «русский план», согласно которому советские власти сами намеревались уничтожить Ленинград. Но якобы даже министр имперской пропаганды не сумел состряпать такую фальшивку. Думаю, что Геббельсу ничего не нужно было фабриковать — он знал.

Положение сторон на Ленинградском фронте за две недели до штурма (21 августа 1941 г.)

Еще **6 сентября Сталин утвердил «План мероприятий на случай вынужденного отхода из Ленинграда по кораблям и судам», предусматривавший тотальное уничтожение Балтийского флота**, разрушение «с максимальной степенью» и на возможно длительный период судостроительных заводов, причалов, складов и портовых сооружений, закупорку фарватеров, гаваней и каналов. Началось «конспиративное» минирование объектов, о чем, конечно, было известно всем морякам. Некоторые предлагали не взрывать корабли, а интернироваться в Швецию. Таких «умников» арестовывали и отдавали под трибунал с формулировкой «за намерение сдать немцам корабли Балтийского флота». **Уничтожение и затопление «объектов» должно было начаться по сигналу «Хризантема»**.

Ну, с флотом понятно, спускать флаг перед лицом неприятеля позорно. Хотя **Черчилль, опасаясь, что боевые корабли достанутся немцам, даже предлагал Сталину компенсацию за их потопление**. Но 13 сентября заместитель наркома внутренних дел Всеволод Николаевич Меркулов (1900—1953), уполномоченный ГКО «по специальным делам», **получил мандат на инспекцию подготовительных мероприятий к уничтожению предприятий, мостов, крупных зданий и других «важных сооружений**».

Конечно, на весь город не хватило бы никакой взрывчатки, однако уничтожению подлежали свыше 58 тысяч городских объектов, весь подвижный состав, все стационарные энергетические узлы и установки, железнодорожные депо, телеграфные и телефонные станции, установки водоканала и многое другое.

Сидя на скамье подсудимых в Нюрнберге, генерал Йодль показал, что «**варварство русских» было одной из причин нежелания немецкого командования вводить в Ленинград войска**:

«Незадолго до того русские войска оставили Киев, и едва только мы заняли город, как в нем начались один за другим взрывы чудовищной силы. Большая часть внутреннего города сгорела, 50 тысяч человек остались без крова, немецкие солдаты понесли значительные потери, поскольку подрывались большие массы взрывчатых веществ... **Приказ преследовал только одну цель — оградить немецкие войска от таких катастроф, ибо в Харькове и Киеве взлетали на воздух целые штабы**».

Кстати, **наша военная литература весьма гордится этими «спецоперациями**», в ходе которых впервые были применены мощные радиофугасы полковника Старинова, **умалчивая о том, что на воздух взлетело не конкретное здание вражеского штаба, а весь Крещатик**. Кстати, из Ленинграда тоже неслись радиосигналы в оставленные немцам города: так, в августе были взорваны «три крупнейших здания» в Стругах Красных, под которые саперы заблаговременно заложили 250-килограммовые заряды.

В городе на Неве под «объекты» успели заложить 325 тонн взрывчатки. Адмирал Трибуц заявил адмиралу Пантелееву: «**Если противник ворвется в город, он погибнет под его руинами**». **Жителей, естественно, в подробности секретной операции не посвящали**. Работникам милиции, в ходе оперативно-розыскных мероприятий находивших в подвалах зданий взрывчатку и детонаторы, было приказано «внимания не обращать».

Вот и выходит, что **Гитлер думал о победе**, **Сталин принимал меры на случай поражения**, но **мысли обоих диктаторов текли в одном направлении: и тот и другой обрекали город и жителей на гибель**. «Если всё это так, — комментировал первые публикации об операции «Д» писатель Даниил Гранин, — то **становится понятным, почему городские власти не заготовили запасов продовольствия**. Они были заняты минированием».

И зачем Геббельсу было что-то выдумывать, если Абвер, проанализировав материалы допросов военнопленных, сообщал: 21 сентября: «Проведено крупномасштабное минирование города», 2 октября: «Сообщают, что предусматривается подрыв наиболее важных объектов. В городе заложены мощные

взрывные устройства». 6 октября: «Предприятия, мосты, а также, по-видимому, канализация, как сообщается, заминированы и подготовлены к взрыву представителями центральных органов».

24-м октября. Доклад начальника полиции безопасности: «По данным заслуживающего доверия инженера, ряд высотных зданий на Международном проспекте снабжен взрывными зарядами. Подтверждается намерение забаррикадировать город в случае входа немецких войск путем взрыва этих зданий».

Еще одна байка из тех, которые Жуков после войны щедро скармливал писателю Константину Симонову — о том, как он спас Балтийский флот: «Прилетев в Ленинград, я сразу попал на заседание Военного совета. Моряки обсуждали вопрос, в каком порядке им рвать корабли, чтобы они не достались немцам. Я сказал командующему флотом Трибуцу: «Вот мой мандат», — и протянул ему записку, написанную товарищем Сталиным, где были определены мои полномочия.

Как командующий фронтом, запрещаю вам это. Во-первых, извольте разминировать корабли, чтобы они сами не взорвались, а во-вторых, подведите их ближе к городу, чтобы они могли стрелять всей своей артиллерией». Они, видите ли, обсуждали вопрос о минировании кораблей, а на них, на этих кораблях, было сорок боекомплектов. Я сказал им: «Как вообще и можно минировать корабли? Да, возможно, они погибнут. Но если так, то они должны погибнуть только в бою, стреляя».

Любому военному моряку понятно, что слова о «сорока боекомплектах на кораблях», это просто бред. Впрочем, дело не в них. Наши военные историки, как правило, отставные полковники, воспринимающие жуковские «Воспоминания и размышления» словно Библию для военных, умиляются жуковской принципиальностью: «**Жуков, по существу, отменил решение Сталина**. Последний узнал об этом от А.А. Жданова. Однако Верховный не мог не оценить смелости и дальновидности нового командующего фронтом и дал понять, что пусть останется так, как решил Жуков».

Как бы не так! 20 сентября на стол Жукова легло донесение начальника 3-го отдела КБФ: «Подготовка спецоперации по уничтожению плавсредств и боевых единиц проходит весьма неорганизованно... 18 сентября с.г., неожиданно, по флоту был дан сигнал «Тюльпан», что по ТУ Су, установленному для спецопераций, означает — прекратить проведение мероприятий по уничтожению.

Вскоре выяснилось, что этот сигнал был дан по таблице артиллерийских переговоров, означающий — немедленно прекратить огонь. Мероприятия по подготовке спецоперации, с одной стороны, в большинстве случаев передоверены второстепенным людям, и с другой, — приняли широкую огласку. В результате этого отмечено наличие отрицательных настроений, предрешающих печальный исход обороны Ленинграда».

А вот резолюция командующего фронтом на этом документе:

«т. Исакову.

1. Срочно расследовать, арестовать провокаторов.

2. Доложите, **почему такая ответственная работа проходит преступно плохо**. ЖУКОВ».

Так «дальновидный и смелый» Георгий Константинович «отменял» решения Сталина. Любопытно, что было бы, если бы артиллеристы дали какой-нибудь другой сигнал, например, «**Хризантема**»?

Об этих приготовлениях узнали многие ленинградцы, шила в мешке не утаишь. Знание фактов о том, что «товарищи-комиссары» планомерно готовят уничтожение родного города питали заблуждения многих ленинградцев относительно намерений нацистов. Они не верили сообщениям изолгавшейся советской пропаганды о зверствах, чинимых на оккупированных территориях и наивно считали немцев «культурной нацией». Но в любом случае **ленинградцам «деться было некуда»**. Оставалось только сражаться и выжить.

• • •

К октябрю немцы отказались от мысли взять город штурмом и перешли к позиционной борьбе. Но даже когда под Ленинградом перестали действовать танковые соединения, и резко упала активность авиации, Жуков продолжал контратаковать в районах Пулково и Петергофа.

В конце сентября он решил организовать всеобщее наступление. Главный удар должна была наносить 55-я армия в составе шести дивизий и двух танковых бригад. Причем правым флангом она должна была освободить Пушкин и Слуцк, а левым — выйти к Тосно и во взаимодействии с армией Хозина, наступавшей четырьмя дивизиями, окружить и уничтожить мгинскую группировку противника.

На правом крыле фронта 42-й и 8-й армиям предстояло ударить шестью дивизиями и одной бригадой в направлении Знаменка — Урицк — Новый Петергоф. В помощь пехоте, наступающей в лоб на созданный немцами укрепрайон, Жуков хотел высадить морские десанты на южное побережье Невской губы. При их планировании начальник штаба флота контр-адмирал Юрий Федорович Ралль (1890—1948) высказался за высадку, но только при поддержке корабельной артиллерии. Командующий фронтом с этим не согласился, мотивируя тем, что предварительная обработка плацдармов демаскирует десант. На том и порешили.

Десанты высаживались по команде штаба фронта, внезапно как для немцев, так и для командования Ленинградской военно-морской базы, которому пришлось им организовывать без подготовки, без предварительной разведки, при полном отсутствии сведений о противнике. Просто вечером командующий фронтом вызвал к себе адмирала Пантелеева и, ткнув карандашом в карту, приказал: «Вот сюда высадить роту матросов навстречу сорок второй армии. Никаких там десантных операций не выдумывать. Действовать быстро и скрытно. Перевезите мне роту, и всё».

1 октября 44-я стрелковая дивизия 42-й армии совместно с 6-й бригадой морской

пехоты и 124-й танковой бригадой вновь начали бои за Урицк, Старо-Паново, Ивановку, Сосновую Поляну. 13-я дивизия генерал-майора Зайцева вела активные боевые действия у Кискино и Верхнее Койерово. Одновременно в тылу врага, в Петергофе и Стрельне, были высажены отряды, сформированные из роты морских пехотинцев 6-й бригады. **Десантники** успешно продвинулись в глубину прибрежной полосы, однако, **не получив поддержки сухопутных войск и не имея связи, погибли**.

В ночь на 3 октября катера охраны водного района Ленинградской ВМБ «перевезли» и высадили восточнее стрельнинского завода «Пишмаш» усиленную роту из состава той же 6-й бригады морской пехоты. Десант высадился благополучно, углубился на захваченную противником территорию, затем попал в окружение и полностью погиб.

8-я армия, топтавшаяся на месте, получила приказ организовать к 5 октября наступление силами 10-й и 11-й стрелковых дивизий и отдельного танкового батальона с целью уничтожить противника в районе Троицк, Петергоф.

В ночь перед наступлением в Новом Петергофе был высажен отряд в составе 498 бойцов во главе с полковником А.Т. Ворожиловым и комиссаром А.В. Петрухиным, сформированный из корабельных комендоров, электриков, минеров линейных кораблей, инструкторов школ учебного отряда, курсантов военно-морского политического училища. Десант должен был рассечь петергофский клин противника, облегчив соединение войск 8-й и 42-й армий. Но!

Жуков с удивлением писал в мемуарах: «***Каким-то образом противник обнаружил подход по морю десанта и встретил его огнем еще на воде. Моряков не смутил огонь противника. Они выбрались на берег, и немцы побежали. Увлекшись первыми успехами, моряки преследовали бегущего противника, но к утру сами оказались отрезанными от моря***».

В трехдневном бою **десантники полегли до последнего человека, сполна заплатив за жуковскую любовь к быстрым успехам.** В ночь на 6 и на 8 октября в районе Стрельна — завод «Пишмаш» высаживались десанты, сформированные из подразделений 20-й дивизии НКВД, с тем же результатом, поскольку наступление 8-й и 42-й армий провалилось, едва начавшись, ввиду значительных потерь в личном составе. В последнем случае командование ЛенВМБ все-таки попыталось «выдумать операцию» и подало заявку на авиационное обеспечение высадки. Однако штаб ВВС Балтфлота заявку не принял.

Адмирал В.Ф. Трибуц утешает всех нас: «**Но десантники не даром отдали свои жизни, они нанесли врагу урон в живой силе**»?????.

Ему подпевает генерал-комиссар А.Д. Окороков: «**Десанты**, хотя и **не смогли** полностью **выполнить свои задачи**, потому что нам не удалось соединиться с ними, **все же нанесли противнику значительные потери**».

Какие именно «потери» и в чем заключался «урон» — никто из 1811 десантников нам уже не расскажет!!!

В ходе операции полностью погиб и 124-й танковый полк майора Лукашика. Танкисты, наступая со стороны Ленинграда, 8 октября якобы «прорвали» вражескую оборону. **В действительности немцы, пропустив тяжелые КВ**, отсекли огнем советскую пехоту. Выйдя в район Стрельны, полк получил задачу вести поиски пропавшего десанта. Сутки спустя он был уничтожен, из окружения вышли только три человека.

От устья Тосны до Ям-Ижоры 168-я, 86-я и прибывшие сюда в конце сентября с Ораниенбаумского плацдарма 125-я и 268-я стрелковые дивизии 55-й армии продолжали штурмовать противотанковый ров и село Ивановское. На 3 октября было намечено новое наступление. Генерал В.П. Свиридов вспоминает: «**Времени, отведенного на подготовку, было совершенно недостаточно**, **и штабы не могли в него уложиться**. Но, когда командир одной из дивизий доложил о неготовности своих частей и попросил отсрочки, командующий 55-й армии генерал И.Т. Лазарев ответил: — О часе наступления знает товарищ Сталин, и я не стану откладывать операцию. Если хотите, докладывайте сами».

Столь вескому аргументу возразить было нечего. Вновь по очереди, **без поддержки артиллерии и без взаимодействия между собой ходили в атаки полки и батальоны**.

Рассказывает Ю.И. Смоленский, бывший адъютант 3-го батальона 330-го полка 86-й стрелковой дивизии: «Комбат дал мне задание: вновь поступившее пополнение из казахов переписать поротно и повзводно и развести по местам. Началось что-то ужасное: казахи по-русски не говорят, а я не воспринимаю на слух их фамилий. Кое-как переписал, некоторым поставил лишь номера. Развел по местам. Болото, снег, ночь. Копать нельзя — сразу проступает вода. Солдаты лежат между кочками, где линия фронта — неясно.

Утром приказ: следуя во втором эшелоне, форсировать Тосну; **первый эшелон почти полностью погиб**. На берегу и в воде — множество трупов, наших и немецких. Плавсредств нет. /И правда, сколько той Тосны, всего-то 120 метров/. Поплыли — кто на бревне, кто как. /«**Хоть бы один сука-командующий попробовал под огнем плыть на этих «сподручных средствах**» — писал Виктор Астафьев/.

Преодолели Тосну, выбрались на крутой берег к немецким окопам. Немцы побежали. **Наши, голодные**, вместо того, чтобы закрепляться, начали «трофеить» по офицерским землянкам: там вино, там еда. Немцы тем временем опомнились и пошли в контратаку. Теперь побежали мы — обратно за Тосну. Опять мы на своем берегу, в болоте. Шинели мокрые, обсушиться негде, костра не разведешь»...

Вспоминает Д.В. Иванов, бывшим помощник начальника штаба 947-го СП 268-й дивизии: «30 сентября 41 г. ночным маршем мы прибыли на ст. Понтонная и **получили приказ с ходу, без разведки и артподготовки наступать** на противника, вышедшего на западный берег р. Тосны. Бой начался на рассвете 1 октября в трудных условиях болотистой местности. **Немецкие огневые точки не были подавлены**, и наши атаки не приносили успеха. Действия малочисленной авиации также были неэффективными и не могли помочь пехоте.

За первые три дня боев мы потеряли ранеными и убитыми 50% своего состава. Наступление продолжалось вплоть до 13 октября, но добиться успеха так и не удалось.

С 14 октября дивизия заняла оборону по р. Большая Ижорка на протяжении 5 км... Противник наступательных действий не предпринимал, но беспрестанно обстреливал, и мы теряли от его огня по 15-20 человек в день.

22 октября началось наше наступление на д. Усть-Тосно. Артподготовка проводилась 76-мм пушками образца 1902/30 гг., которые оказались не в состоянии разрушить огневые точки противника — как по времени, так и по количеству выпускаемых снарядов. Каждый раз во время атаки оживали немецкие доты и дзоты и открывали ураганный огонь по атакующим.

3 ноября нас сменили части 70-й и 90-й СД. Им ставилась та же задача: овладеть д. Усть-Тосно и переправиться на восточный берег реки».

А вот что пишет полковник В.Л. Зиновьев, бывший начальник оперативного отдела штаба 125-й стрелковой дивизии генерал-майора П.П. Богайчука: «**Противник, захвативший противотанковый ров, занимал более выгодное положение**, чем подразделения и части нашего соединения. Приспособив ров к обороне, гитлеровцы господствовали над местностью. А **окопы нашей передовой линии проходили по открытому, ничем не защищенному полю, долине**. Она простреливалась всеми видами оружия на большую глубину. Долина вскипала от вражеского артиллерийского и минометного огня, простреливалась пулеметными и автоматными очередями, сеяла смерть. С тем, что у нас не было более надежной и выгодной позиции, приходилось мириться, потому что за нашими спинами были Колпино, Ижорский завод, Ленинград.

...Захватив центральную часть рва, мы рано торжествовали. Перед рассветом фашисты открыли такую орудийно-минометную пальбу по передовой и нашим тылам, что небу было жарко. А со стороны железнодорожного полотна и Ям-Ижоры палили по флангам ударной группы пулеметы. За несколько минут по нам было выпущено столько снарядов и мин, что, казалось, живого места не осталось. Ударная группа 466-го полка и присланная ночью в помощь ей командующим армией рота бойцов оставили противотанковый ров.

Все осталось по-прежнему.

Приказа овладеть противотанковым рвом никто не давал. Это была инициатива нашего комдива, одобренная командующим 55-й армии. Теперь же, когда ров снова заняли фашисты, последовал приказ высшего командования: ров вернуть во что бы то ни стало! **А виновных в потере рва — наказать!**

И началось разбирательство... Велись поиски виновников сдачи рва. В эту неблагодарную работу включилась дивизионная прокуратура. Она нашла «конкретного виновника». Под трибунал отдали командира 466-го стрелкового полка майора Козина... После этого в дивизии родилась поговорка: «**Был бы военный трибунал, а виновники всегда найдутся**».

...С тех пор как ударная группа майора Козина впервые взяла противотанковый ров, он стал переходить из рук в руки. Ночью или перед рассветом мы брали его, а утром ров захватывали фашисты. Так было и в октябре, так было и позже».

125-я стрелковая дивизия потеряла в октябре более 5 тысяч человек.

Во второй половине месяца 86-я и 168-я стрелковые дивизии с Тосненского рубежа были переброшены к Невской Дубровке. На смену прибывали 70, 85 (бывшая 2-я ДНО), 43-я и 90-я дивизии и 7-я бригада морской пехоты. **Им ставилась та же задача: взять противотанковый ров**, овладеть Усть-Тосно и переправиться на восточный берег реки.

С немецкой стороны на этом направлении сидели в обороне все те же 122-я и правофланговый полк 121-й пехотной дивизии.

Общие потери 55-й армии в октябре составили 17.235 бойцов и командиров.

6 октября генерал армии Жуков был отозван на Западный фронт — спасать Москву. Командование Ленинградским фронтом принял генерал-майор И.И. Федюнинский, 42-ю армию возглавил бывший командующий 10-м стрелковым корпусом генерал-майор И.Ф. Николаев.

• • •

Силы группы армий «Север» в начале октября оказались распыленными по нескольким оперативным направлениям. Германские войска вели боевые действия на фронте южнее озера Ильмень, по рекам Волхов и Нева, на южных подступах к Ленинграду, против советских войск на ораниенбаумском плацдарме и Моонзундских островах. Не имея возможности создать достаточно мощную ударную группировку для штурма Ленинграда, немцы, как уже говорилось, решили разрушить город огнем артиллерии и ударами авиации, а его защитников задушить голодом.

Чтобы окончательно лишить Ленинград связи со страной, германское командование по инициативе фельдмаршала Лееба в первых числах октября вернулось к идее полной блокады. Замысел состоял в том, чтобы сломить сопротивление советских войск на Волхове и ударом через Тихвин к реке Свирь перерезать сухопутные коммуникации к Ладожскому озеру, лишить тем самым Ленинград и оборонявшие его войска последней возможности получать помощь по этому озеру и одновременно, соединившись с Карельской армией финнов, единым фронтом образовать внешнее кольцо блокады.

Впервые Гитлер высказал эту мысль 1 октября, в самом начале наступления на Москву. Но операция группы армий «Север» была отложена до появления возможности сосредоточить здесь достаточное количество пехоты и пополнить подвижные войска людьми и материальной частью. Директивой от 7 октября верховное командование Вермахта вновь подтвердило поставленную ранее задачу разрушить Ленинград и истребить его население.

В первой половине октября в полосу группы армий «Север» прибыли 250-я

пехотная дивизия испанских добровольцев-фалангистов, 212-я и 227-я пехотные дивизии из Франции, 7-я парашютно-десантная дивизия из Греции и 2-я пехотная бригада СС из Германии. Теперь группа фон Лееба насчитывала 33 дивизии и 2 бригады. Самолетный парк 1-го воздушного флота имел 250 машин.

Для наступления на свирском направлении противник выделил 39-й моторизованный, 1-й и 38-й армейские корпуса. Остальные силы 16-й армии были задействованы южнее озера Ильмень, а 18-я армия удерживала мгинский выступ и вела борьбу на южных подступах к Ленинграду.

Советские войска на северо-западном направлении занимали следующее положение: 7-я отдельная армия противостояла Карельской армии финнов по реке Свирь, а 23-я армия Ленинградского фронта на Карельском перешейке вдоль старой государственной границы — войскам Юго-Восточной армии финнов.

42-я и 55-я армии обороняли южные подступы к Ленинграду; Невская оперативная группа действовала восточнее — вдоль северного берега Невы, а 54-я армия занимала оборону по восточному фасу мгинского выступа.

8-я армия удерживала приморский плацдарм в районе Ораниенбаума; 8-я отдельная стрелковая бригада продолжала защищать полуостров Ханко, а 3-я отдельная стрелковая бригада и морские части вели бои на Моонзундских островах. Южнее 54-й армии оборонялись 4-я и 52-я отдельные армии, подчиненные непосредственно Ставке, и Новгородская армейская группа Северо-Западного фронта.

Советское командование, в свою очередь, намечало пропссти операцию по деблокаде города. План ее был утвержден Ставкой 14 октября. Цель операции заключалась в том, чтобы встречными «стремительными» ударами 54-й, 55-й армий и Невской оперативной группы в общем направлении на Синявино к исходу второго дня окружить и уничтожить шлиссельбургско-синявинскую группировку противника и восстановить сухопутную связь Ленинграда со страной. Балтийский флот начал осуществлять переброску шести дивизий с ораниенбаумского плацдарма.

Военный совет Ленинградского фронта определил начало операции 20 октября. Для участия в ней привлекались 10 стрелковых дивизий, 2 стрелковые и 4 танковые бригады — всего 70 тысяч человек, 475 орудий (эта цифра дается в источниках почему-то без учета артиллерии усиления и Краснознаменного Балтийского флота), 160 танков. ВВС Ленинградского фронта имели 225 исправных самолетов, ВВС Балтфлота — 134.

Противник, по советским данным, имел на синявинском направлении около 54 тысяч человек и 450 орудий. Он опирался на сильную оборону с большим количеством инженерных сооружений, построенных в лесисто-болотистой местности, прикрытых минно-взрывными и проволочными заграждениями.

Еще в ночь с 19 на 20 сентября по приказу Жукова части Невской оперативной группы, командовать которой был назначен генерал-лейтенант П.С. Пшенников, — 115-я стрелковая дивизия, батальон НКВД и 4-я бригада морской пехоты — на

собранных по всему правобережью рыбацких плоскодонках, доставленных из города прогулочных лодках и самодельных плотах скрытно, без потерь, переправились через Неву и заняли плацдарм на левом берегу в районе Московской Дубровки.

Но дальнейшее продвижение было остановлено упорным сопротивлением и контратаками частей 20-й мотодивизии с приданными ей 426-м полком 126-й и 287-м полком 96-й пехотных дивизий. Наспех задуманное, организованное за одни сутки наступление на Мгу провалилось, однако и обратной дороги не было: командование фронта и группы все время требовало активных действий, неизменно ставя задачи «овладеть» и «очистить». Подразделения таяли в ежедневных атаках, а успех не приходил.

Ночью 20 сентября в районе Шлиссельбурга попыталась преодолеть реку 1-я дивизии НКВД. Полковник Донсков, рассчитывая на внезапность, принял решение переправу организовать ночью, артиллерийскую подготовку перед её началом не проводить. Видимо, сохранения военной тайны ради, не велась также разведка левого берега Невы, не выявлялась огневая система противника. Заодно пренебрегли тренировками личного состава в посадке-высадке и использовании плавсредств. Несмотря на такую секретность, немцы начало переправы своевременно обнаружили и ураганным огнем расстреляли первые два эшелона стрелковых полков на воде. Третьим эшелонам форсировать водную преграду было уже не на чем, да и незачем: сюрприза не получилось.

26 сентября, раздобыв моторные катера, Донсков решил высадить наименее пострадавший 2-й стрелковый полк прямо на пристань Шлиссельбурга. В 6 часов утра две роты первого эшелона ворвались на северо-западную окраину города, завязали бой и пропали без вести, а катера при возвращении сжег противник.

Посильную помощь чекистам в овладении Шлиссельбургом пыталась оказать Ладожская военная флотилия, в период с 19 сентября по 2 октября предпринявшая пять попыток высадить десанты на побережье. В этом деле сухопутное начальство по бездарности исполнения и по равнодушию к жизням подчиненных социалистически соревновалось с начальством морским. Жуков считал, что штормовая Ладога советским «мариманам» не помеха, адмиралы отвечали «есть», без всякой подготовки сажали штурмовые группы па корабли и сбрасывали их в прибой, не доходя до берега.

В итоге большую часть десанта — 105 курсантов Военно-морского пограничного училища, 40 флотских водолазов, 44 краснофлотца караульной роты — попросту утопили. В отчете по итогам боевой деятельности флотилии капитан 1 ранга В.С. Чероков о шлиссельбургских десантах писал:

«Вес они не были удачно выполнены вследствие того, что ПРОВОДИЛИСЬ наспех, без учета метеорологической обстановки. Опыт десантных операций показал на необходимость производства предварительной навигационной разведки, производства более надежного навигационного обеспечения. Нельзя больше допускать, чтобы **высаживающемуся десанту приходилось идти по воде около 3-х километров (!), затрачивая на это 2—2,5 часа**, как это имело место при проведении операции у Шлиссельбурга, **хотя возможности избежать это были**».

Ну, надо же! На немецких картах этот крупнейший в Европе водоем называется «Ладожским морем», в шторм волна здесь достигает 8-и баллов (!), преобладающие глубины — 35—140 метров. Интересно, как это увешанные оружием десантники шагали «по воде»? **Один из выживших пояснил — по шею**.

• • •

В конце сентября была также предпринята попытка силами 10-й стрелковой бригады форсировать Неву в районе Отрадное и захватить еще один плацдарм, но вышло еще хуже. После трехдневного боя почти вся бригада погибла вместе со своим командиром полковником В.Н. Федоровым. Георгий Константинович крепко осерчал, сместил генерала Пшенникова и назначил на его место генерала В.Ф. Конькова с неизменным напутствием: «**Задача прежняя — больше активности**».

На левом берегу удалось зацепиться только за Невский «пятачок», известный мужеством своих защитников и невероятным количеством людских потерь, — клочок земли около полутора километра по фронту, 700—800 метров в глубину. Весь плацдарм и подступы к нему на западном берегу реки просматривались противником и находились под постоянным артиллерийским, минометным и пулеметным огнем. Советские войска гибли и при подходе к Неве, и во время переправы, и на самом плацдарме, который был буквально перепахан снарядами и минами.

Немецкое командование, подкрепив 20-ю мотодивизию частями 8-й танковой дивизии, предприняло усилия для ликвидации «пятачка», но 22 сентября было вынуждено «признать наличие плацдарма на Невском фронте». Русские стояли насмерть. 24 сентября на командный пункт Цорна прибыл представитель верховного командования Вермахта генерал Паулюс, чтобы услышать: «Дивизия отдала последние силы, и она больше не способна на наступательные действия. Всему составу требуется несколько дней на отдых».

Паулюс согласился, измотанную и сократившуюся на треть, 20-ю моторизованную дивизию сменила 96-я пехотная дивизия генерала Шеде. В конце сентября со Средиземного моря на «Невский фронт» начали прибывать подразделения 7-й парашютно-десантной дивизии, и они сразу почувствовали, что здесь им не Крит.

Немецкий военный историк пишет: «30 сентября великолепно вооруженные десантники, с энтузиазмом прибывшие на Невский фронт накануне, начали возвращаться назад на санитарных автомобилях. Их настроение резко переменилось. «**Лучше трижды прыгать с парашютом на остров Крит, чем провести один день в России**!» — говорили они. Очевидно, в столь критической оценке ситуации сказалось отсутствие опыта солдат вести бой на суше.

Пулеметы, винтовки, ручные гранаты, приклады, саперные лопатки и штыки были оружием, с которым бросались друг на друга солдаты с обеих сторон. Страшный исход этих боев и через десятилетия остается в памяти бывших немецких десантников».

В ходе упорных боев два передних края настолько сблизились, что в минуты затишья можно было услышать разговор и кашель солдат противника, ежедневно

немцы расходовали до 8000 гранат. И все же германскому командованию удалось главное: «пятачок» был локализован, пристрелян вместе с местами переправ, обложен минными полями, проволочными заграждениями и оборудованными позициями.

Но именно отсюда генерал Федюнинский запланировал удар навстречу генералу Хозину. На «пятачок», по размерам равный участку обороны стрелкового батальона, втиснули четыре дивизии и эвакуировали штаб уже уничтоженной 4-й бригады. На западном берегу сосредоточивались и ждали своей «очереди» новые соединения.

Для огневой поддержки войск флот организовал специальную артиллерийскую группу, в которую вошли 16 стационарных и 6 железнодорожных батарей, 4 канонерские лодки и 5 эсминцев (это как раз те стволы не самого малого калибра, которые наша историография «не учитывает», так же как бронепоезд «Сталинец-28», оснащенный 100-мм морскими орудиями и 120-мм минометами, или 152-мм гаубицы полков РВГК).

Инженеры ломали головы над проблемой, как доставить на плацдарм тяжелые танки, рассматривая самые экзотические проекты: специалисты ЭПРОНа предлагали перетянуть боевые машины по дну стальными тросами, метростроевцы брались прорыть тоннель под Невой, моряки ратовали за сварные понтоны.

Занимавшие 230-километровый фронт от Ладожского озера до озера Ильмень три советские армии и **Новгородская армейская группа насчитывали 160 тысяч человек**. Их наша военная история тоже «не учитывает», сообщая, что они были слабы, неукомплектованы и «оборонялись на рубежах». Зато генерал Г.Е.Дегтярев, прибывший в 4-ю армию на должность начальника артиллерии, рисует совсем другую картину: «Командарм лично ознакомил меня с районом предстоящих действий, с составом войск, с поставленными перед ними задачами. А задачи эти, по существу, сводились к одному — **наступать с целью прорыва** вражеской блокады Ленинграда!»

Далее следует подробное описание энергичной подготовки к наступлению, которое должно было начаться 18 октября, то есть на два дня раньше ударов Ленинградского фронта.

Однако 16 октября группа армий «Север» развернула наступление на тихвинском направлении. Главный удар моторизованный корпус «матерого волка» генерала Шмидта в составе 8-й и 12-й танковых, 18-й и 20-й моторизованных дивизий наносил с волховского плацдарма на Грузино, Будогощь, Тихвин, Лодейное Поле. В это же время 11-я и 21-я пехотные дивизии повели наступление по обоим берегам реки Волхов в сторону Волховстроя, а 126-я пехотная дивизия — в направлении Малой Вишеры.

• • •

Местность, на которой развертывалось сражение, немецкие топографы определяли, как «практически незакартографированную», а солдаты называли ее «коричневыми джунглями». Непроходимые леса, топи, отсутствие дорог — все это

само по себе представляло труднопреодолимое препятствие для наступающей стороны, ограничивая ее в маневре и делая абсолютно предсказуемыми действия подвижных соединений.

И **сегодня в этом районе не так много найдется мест, где могут пройти танки**. Даже 50 лет спустя единственная коммуникация, связывавшая Чудово и Тихвин, обозначалась на карте как **грунтовая**; почти параллельно ей пролегала железнодорожная ветка Будогощь — Тихвин. Вторая коммуникационная линия, Кириши—Волхов—Новая Ладога, пролегала по левому берегу реки Волхов.

Казалось бы, при таких условиях, имея в составе четырех армий 16 дивизий, одну стрелковую и две танковые бригады, 8 корпусных артполков можно было организовать непреодолимую оборону. Но случилось иначе: растянутые в нитку без вторых эшелонов и резервов на 130-километровом рубеже соединения 4-й и 52-й отдельных армий не сумели сдержать удар германского кулака.

Они к этому и не готовились, увлеченные своим предстоящим «прорывом», безотносительно к намерениям противника, о котором информации имели чуть больше, чем о жизни на Марсе: вроде того, что немцы все-таки где-то есть. Генерал Дегтярев, к примеру, так описывает проверку штабом армии готовности к наступлению 285-й стрелковой дивизии:

«В штабе дивизии были заслушаны краткие доклады начальников оперативного и разведывательного отделений, а затем и начальника штаба дивизии. Все они страдали одним недостатком: слишком поверхностным суждением о противнике, основанном на случайных фактах... Под конец генерал В.Ф. Яковлев задал вопрос командиру дивизии:

«А на каком направлении в вашей полосе наиболее вероятен главный удар противника»?

Командир дивизии стушевался и какими-то невидящими глазами уставился в карту, что лежала перед ним. Наступила неловкая пауза».

Паузу первым нарушил противник.

Вообще сражение Вермахта с Красной Армией в **этот период больше всего напоминает бой боксера легкого веса против деревенского бугая**. Удары «мухача» профессионально точны, **они почти всегда достигают цели, но недостаточно сокрушительны**. Парень в буденовке может добротно засветить в челюсть, **но основном месит кулаками воздух**, так как у него завязаны глаза.

В результате...

К 20 октября немцы прорвали советскую линию войск (**назвать ее обороной вряд ли возможно**) и стали продвигаться по трем направлениям. 22 октября они захватили Большую Вишеру, 23 октября — Будогощь, 24-го — Малую Вишеру. Создалась угроза прорыва к Тихвину. Войска рассеченной на части 4-й армии генерал-лейтенанта В.Ф.Яковлева (285, 311, 292-я стрелковые, 27-я кавалерийская дивизии, 119-й отдельный танковый батальон) **бильярдными шарами**

откатывались в разные стороны.

После войны, анализируя причины поражения, маршал К.А. Мерецков напишет: «Немалую роль в неудачах наших войск сыграло то обстоятельство, что почти все части и соединения 4-й армии, в том числе и ее штаб, **не имели опыта ведения боевых действий в сложных условиях** лесисто-болотистой местности. **Штабы теряли управление**, **войска были беззащитными** перед ударами авиации противника. А местность была действительно труднопроходимой. Леса и болота почти сплошь покрывали пространство между рекой Волхов и Тихвином. Многочисленные реки и ручьи пересекали пути движения войск. Населенные пункты встречались редко. Дорог было мало, обширные болота не замерзали даже в сильные морозы».

Трудно спорить с маршалом, но ведь всё это как раз и приходилось преодолевать противнику, ведь это он наступал, а не 4-я армия. И **откуда, интересно было бы знать, у немцев опыт ведения боевых действий в русских болотах**? Менее чем через год наши полководцы точно так же будут учиться воевать в донских степях и горах Кавказа. На какой местности вообще готовилась вести боевые действия Красная Армия?

Вот в такой обстановке началась наступательная операция войск Ленинградского фронта по деблокаде города. **На Невском «пятачке» был организован «конвейер смерти»: дивизии без танков** (через реку, несмотря на все прожекты, не удалось перебросить ни одной машины) **и авиационного прикрытия** поочередно ходили в лобовые атаки на сильно укрепленные высоты, Они теряли большую часть личного состава, остатки подразделений закапывались в землю, после чего на плацдарм приходила новая дивизия с той же задачей.

К концу октября 4 дивизии (115, 86, 265-я стрелковые и 20-я НКВД), расширив плацдарм на один километр по фронту, все вкупе имели 1500 бойцов.

Боевые действия на тихвинском и волховском направлениях (октябрь — ноябрь 1941 г.)

Навстречу им по кратчайшему пути, через болота, торфоразработки и позиции двух немецких дивизий (126-й и 227-й) пыталась пробиться 54-я армия Хозина (128, 310, 294, 286-я стрелковые, 3-я и 4-я гвардейские, 21-я танковая дивизии, 1-я отдельная горнострелковая, 16-я и 122-я танковая бригады, два полка корпусной артиллерии). Пока советские войска рвали блокаду, нанося удары вдоль берега Ладожского озера, южнее немцы продвигались к Тихвину, накладывая внешнюю петлю удавки.

Для ликвидации прорыва противника на тихвинском направлении Ставка выделила четыре дивизии с Ленинградского фронта, три — из своего резерва и одну — из резерва Северо-Западного фронта.

Две стрелковые дивизии из 8-й и 42-й армий (80-я и 281-я) перебрасывались самолетами. В условиях штормовой погоды Ладожская флотилия переправила с западного на восточный берег озера 191-ю, 44-ю стрелковые дивизии и 6-ю отдельную бригаду морской пехоты — около 21 тысячи человек, 129 орудий, больше сотни танков, автомашин, тракторов и около тысячи лошадей. Войска, сойдя с

кораблей, сразу же направлялись на передовые позиции и с ходу вводились в бой. В Тихвин прибыла 92-я стрелковая дивизия, начала выгрузку 60-я танковая.

Из состава 54-й армии на тихвинское направление передавались 310-я и 4-я гвардейская дивизии. На рубеж реки Малая Вишера выдвигалась 259-я стрелковая дивизия Северо-Западного фронта. Одновременно Ставка потребовала продолжать активные действия на синявинском направлении.

Прибывавшие соединения, не закончив сосредоточение, немедленно по частям бросались в контратаки. Особых успехов они не достигли, но к 28 октября войска 4-й отдельной армии приостановили наступление противника в 40 км юго-западнее Тихвина, а 52-я армия — восточнее Малой Вишеры.

В конце октября, как уверяет Федюнинский, по собственной просьбе, его переместили с поста командующего Ленинградским фронтом на 54-ю армию. Генерал Хозин, соответственно, возглавил фронт.

• • •

28 октября 1941 года считается официальной датой завершения Синявинской наступательной операции 54-й армии и Невской оперативной группы. Официальные потери советских войск составили 55 тысяч человек. **Дата высосана из пальца: якобы в этот день операцию пришлось прекратить «из-за тяжелого положения на тихвинском направлении**». То, что происходило после этого, никакого названия не удостоилось, хотя «конвейер» на Невском пятачке работал непрерывно с повышенной «производительностью», и все также ходили в атаки, но уже под водительством Федюнинского, дивизии 54-й армии.

На это были веские причины. Во второй половине октября немцы оказались у стен Москвы. **В гигантских «котлах» под Вязьмой уничтожались остатки сразу трех советских фронтов**, пали Можайск и Малоярославец. В столице было введено осадное положение, из нее эвакуировались предприятия, дипломатический корпус и правительственные учреждения, в панике бежало население. Перед Сталиным вплотную встала перспектива переселения из уютного кремлевского кабинета **в подземный бункер в окрестностях Куйбышева**.

В этих условиях командование Ленинградского фронта получило 23 октября конкретные указания Верховного: за три дня во что бы то ни стало прорвать блокаду и вывести войска, даже если ради этого придется сдать Ленинград:

«Если вы в течение нескольких ближайших дней не прорвете фронта и не восстановите прочно связи с 54-й армией, которая вас связывает с тылом страны, все ваши войска будут взяты в плен. Восстановление этой связи необходимо не только для того, чтобы снабжать войска Ленфронта, но и особенно для того, чтобы дать выход войскам Ленфронта на восток для избежания плена, если необходимость заставит сдать Ленинград...

Либо вы в эти три дня прорвете фронт и дадите возможность вашим войскам отойти на восток в случае невозможности удержать Ленинград, либо вы все попадете в плен. Сосредоточьте дивизий восемь или десять и прорвитесь на восток.

Это необходимо и на тот случай, если Ленинград будет удержан и на случай сдачи Ленинграда. Для нас армия важней. Требуем от вас решительных действий».

Василевский в тот же день объяснил Хозину еще откровеннее: «Прошу учесть, что **в данном случае вдет речь не столько о спасении Ленинграда, сколько о спасении и выводе армий Ленфронта**».

Таким образом, **Сталин принял «кутузовское решение» — спасать армию**. Минирование Ленинграда было вполне в духе войны, объявленной Отечественной, — французам в 1812 году тоже устроили московский пожар.

Генерал Федюнинский с поставленной задачей не справился, хоть и бросил «на восток» — на Тосненский рубеж и Невский «пятачок» — 8 стрелковых дивизий и 4 бригады. За дело с рьяностью взялся генерал Хозин. 30 октября управлению 8-й армии во главе с генералом Шевалдиным было приказано передислоцироваться в Озерки, принять войска Невской оперативной группы и продолжить форсирование Невы. Вместе с ними убывали 281, 191, 80-я (бывшая 1-я ДНО) и 85-я (бывшая 2-я ДНО) стрелковые дивизии.

На Ораниенбаумском плацдарме была образована Приморская оперативная группа под командованием генерал-майора А.Н. Астанина, в состав которой вошли 48-я имени Калинина стрелковая дивизия (на фронте от Порожек до Финского залива она одна заменила шесть дивизий, то есть **здесь советские войска впервые организовали настоящую, а не активно-фиктивную оборону**), 2-я и 5-я бригады и 3-й полк морской пехоты, 519-й гаубичный артполк и 287-й танковый батальон.

Шевалдина и Окорокова 2 ноября вызвали в Смольный. Новый командующий войсками фронта генерал-лейтенант Михаил Семенович Хозин сказал им: «***Будем прорывать блокаду Ленинграда, причем там, где гитлеровское командование менее всего этого ждет, — с плацдарма на берегу Невы***».

Услышав это, командарм-8, не проникшийся красотой начальственного замысла, **предложил свой план, основанный на элементарных правилах военного дела**: на старом месте, у Невской Дубровки, вести демонстративные действия, **притупить бдительность противника**, в течение недели сосредоточить силы в другом районе и внезапно форсировать реку на новом направлении. Однако Хозин довольно резко прервал выступление генерала Шевалдина: «**Ни о какой отсрочке, ни о каком продлении сроков подготовки не может быть и речи**. Промедление даст фашистскому командованию возможность отвести часть войск из-под Ленинграда для усиления тихвинской группировки».

Ужель Михаил Семенович и вправду думал, что удар с единственного плацдарма, вокруг которого уже полтора месяца кипят бои, подступы к которому насквозь просматриваются противником, и есть **то место, где** немцы «**менее всего ждут**»? Но **о противнике командующий фронтом знал мало конкретного**. **А полководческих мыслей у него просто не было**. Да и **откуда им взяться у человека, выпивавшего бутылку водки ежедневно**, искренне считая это «нормальным явлением». В итоге решили начать операцию уже на следующий день.

В «неожиданном месте» к тому времени сосредоточились шесть стрелковых

дивизий (86, 115, 265, 168-я, 177-я и 20-я дивизия НКВД). На западном берегу Невы выстроились в очередь 10-я стрелковая дивизия, 11-я стрелковая, 123-я Краснознаменная тяжелая танковая и 4-я морская бригады. Один из генералов-мемуаристов жалуется, будто бы в танковой бригаде генерал-майора В.И. Баранова «имелось **всего 50—60 устаревших** БТ-7», но он просто лжет. Согласно данным архива Министерства обороны, бригада именовалась «тяжёлой танковой» и почти на 100% была укомплектована машинами типа КВ-1. Правда, на плацдарме танков по-прежнему не было: переброшенные с неимоверными трудностями семь «бэтушек» немцы быстро сожгли. Переправочных средств не хватало.

Пушек было много, но снаряды расходовались согласно установленным суточным нормам, как хлебные пайки. Вся дивизионная, армейская и фронтовая артиллерия, и все артиллерийские начальники находились на правом берегу, все командиры стрелковых соединений — на левом. Связь между штабом армии, артиллерией, тылами и «пятачком» осуществлялось по единственному телефонному кабелю, проложенному по дну Невы на командный пункт одной из дивизий. Поэтому на артподготовку наступления отводилось 15 минут пальбы в белый свет.

Справа от плацдарма немцы создали опорный пункт в деревне Арбузово, слева — в зданиях 1-го Городка и в непробиваемых железобетонных блоках 8-й ГЭС (в сентябре ее сдали немцам практически без боя, теперь она превратилась в крепость, которую советские войска штурмовали два года), впереди был противотанковый ров, ясное дело, когда-то бывший своим, и ближайшая цель — роща «Фигурная».

В поддень 3 ноября двинулись в наступление свежие полки 168-й дивизии генерал-майора А.Л. Бондаренко совместно с частями 86-й и 177-й дивизий. Огневые точки противника артиллерии подавить не удалось, как только советская пехота поднялась в атаку, немцы встретили ее плотным пулеметным и минометным огнем с фронта и с флангов. Полки таяли на глазах, атака захлебнулась. Вспоминает генерал С.Н. Борщев, бывший тогда начальником оперативного отделения:

«На душе было очень тяжело. Ведь мы потеряли лучших людей, закаленных в боях, а задачу не выполнили. Когда один из штабных работников стал сетовать на трудности наступления с открытого «пятачка», где ни маневра, ни флангового удара нельзя применить, комдив, пристально взглянув на него, ровным, спокойным голосом проговорил: — «**Невский пятачок» отмечен у товарища Сталина** на карте. Думаешь, в Ставке люди понимают меньше твоего?

Беседуя между собой, мы пытались отыскать ошибки и упущения командиров полков, критиковали самих себя за плохую требовательность, но в глубине души понимали, что никто из нас ни в чем не виновен, как не виновны и те командиры частей и соединений, которые пытались прорвать здесь оборону противника до нас».

Виноватыми в собственной глупости признали проклятых фашистов.

Бондаренко — грамотный генерал, прекрасно понимал, что при сложившейся в Красной Армии системе руководства не **следует быть умнее начальства**. Никому не нужно его умение маневрировать и охватывать фланги, **надо лишь беспрекословно повиноваться идиотским приказам** и проявлять «хорошую требовательность».

Быстро сориентировался и командующий армией: утром 4 ноября он позвонил комдиву, приказав ему лично вести полки в атаку. Бондаренко, «усиленный» переброшенными через реку ночью четырьмя танками, повел. Весь день он пытался пробиться к роще «Фигурная» и даже ворвался в противотанковый ров. Боем дивизии управлял начопер Борщев:

«Минут через десять позвонил командующий армией. Докладывая ему обстановку, я сказал, что атака захлебнулась. Генерал-лейтенант перебил меня:

Приказываю вам лично наказать командира четыреста второго полка, командира батальона, наступавшего в первом эшелоне, и танкистов, не выполнивших боевой задачи!

Товарищ генерал-лейтенант, — ответил я, — наказывать некого. Командир третьего батальона старший лейтенант Воробьев пал смертью храбрых, увлекая бойцов в атаку, танки подбиты и горят, танкисты, видимо, погибли. А командир полка Ермаков — герой...

На все мои настойчивые требования подавить огневые точки в роще «Фигурная» и повторить артналет по 8-й ГЭС начальник артиллерии армии полковник С.А. Краснопевцев отвечал, что весь запас снарядов, отпущенных нам на обеспечение сегодняшнего наступления, израсходован, и он ничем не в силах нам помочь. Убедившись, что больше артиллерийского прикрытия ждать нечего, Бондаренко, опасаясь потерять всех людей, приказал прекратить атаки, оставить противотанковый ров и отойти на прежние позиции».

Через день командир 168-й дивизии снова **лично повел бойцов в атаку**. И командир 86-й дивизии полковник А.М. Андреев **тоже лично**...

Рядом билась 177-я стрелковая дивизия полковника Г.И. Вехина (уже один раз погибшая в Лужском котле и заново сформированная по указанию Москвы из остатков 10-й стрелковой бригады и личного состава полков ПВО). Она точно так же в течение нескольких дней безуспешно атаковала в лоб немецкие укрепления и тоже понесла огромные потери. Вот цифры. На 5 ноября соединения-ветераны «пятачка» насчитывали: **115-я стрелковая дивизия — 82 активных штыка** (!); **86-я дивизия — 61 штык**; **265-я дивизия — 60 штыков**! 177-я стрелковая дивизия провела на плацдарме 20 дней. **За это время успели оборудовать одну землянку и потерять почти весь личный состав**.

• • •

На тихвинском направлении 4-я армия генерала Всеволода Федоровича Яковлева (1895—1974), получив подкрепления, 1 ноября нанесла контрудар силами трех пехотных и одной танковой дивизий в общем направлении на Будогощь — Грузино с задачей восстановить оборону на рубеже реки Волхов. Выполнить эту задачу она не смогла. Прибывшие из Ленинграда дивизии подкрепления не имели ни артиллерии, ни транспорта и вступили в бой только со стрелковым оружием. Войска действовали разновременно и несогласованно.

Противник, отразив все атаки, после которых в 44-й стрелковой дивизии осталось

700, а в 191-й — около тысячи бойцов, 5 ноября возобновил наступление. Вечером 8 ноября 12-я танковая дивизия генерала Харпе и 18-я моторизованная генерал-майора Герряйна, **сметая советские части на своем пути, вошли в Тихвин, который никем не оборонялся**. **Немцам удалось перерезать коммуникации** армии Федюнинского **и единственную железнодорожную магистраль**, по которой шли грузы к Ладожскому озеру для снабжения Ленинграда. **Советские потери оценивались в 20 тысяч красноармейцев, взятых в плен, 179 захваченных орудий, почти 100 уничтоженных танков**.

Пять дней спустя в Орше состоялось совещание начальников штабов германских групп армий. В принятом на нем решении говорилось: «***Вопрос об обеспечении питанием больших городов неразрешим. Не подлежит сомнению, что особенно Ленинград должен быть уничтожен голодом, ибо невозможно этот город прокормить***».

Генерал-фельдмаршал Вальтер фон Браухич, **озаботившись моральным состоянием немецких солдат, которые должны были пулеметами пресекать попытки гражданского населения покинуть обреченный «центр большевизма**», предложил вообще отвести войска, а **все выходы из города перекрыть обширными минными полями**:

«Если красные войска в районе Ленинграда и Кронштадта сложат оружие и будут взяты в плен, то главнокомандующий не видит причин продолжать блокаду города.

Невский пятачок в период первых боев (сентябрь — начало ноября 1941 г.)

Войска должны быть передислоцированы в места их постоянного размещения. И в этом случае **большая часть населения погибнет, но по крайней мере, не на наших глазах**».

Легкость, с какой удалось добиться цели, породила у германского командования настолько необыкновенную приятность в мыслях, что оно вполне серьезно стало интересоваться у штаба 39-го мотокорпуса **возможностью совершить 400-километровый марш на Вологду, не размениваясь на всякие мелочи**. Генерал Гальдер в дневнике записал: «***Противник исключительно слабо реагирует на наше наступление на Тихвин. Возможно, у него нет больше резервов***».

Первым забеспокоился и «отреагировал» командующий 7-й отдельной армией генерал-лейтенант Кирилл Афанасьевич Мерецков (1897—1968), получивший сведения, что немцы выходят ему в тыл. Связи с В.Ф. Яковлевым не было, Ставка конкретными сведениями не располагала. Поэтому Мерецков еще 5 ноября послал своего начальника штаба в район боевых действий 4-й армии и быстро выяснил, что обстановка под Тихвином **сложилась довольно мрачная**.

Разгромленный штаб генерала Яковлева, ничем не управляя, отходил на восток отдельными, не имевшими между собой связи группами. Правофланговые соединения 4-й армии (285, 310, 311, 292-я стрелковые дивизии, два батальона 281-й дивизии, 6-я морская, 16-я танковая бригады, 883-й корпусной артполк), обнажив 60 километров фронта, отступали в район Волхова и Кобоны под руководством начальника

штаба армии генерал-майора П. И. Ляпина.

Оный Ляпин не ломал себе голову над тем, как закрыть образовавшуюся 60-км брешь или зацепиться за выгодный рубеж, а был увлечен организацией отхода и эвакуацией тылов. Он так далеко загнал эшелоны с материальными запасами, что позже их пришлось разыскивать с помощью фронтовой авиации, тогда как солдаты на передовой оказались без боеприпасов и продовольствия. Остатки 44-й и 191-й стрелковых дивизий отступали на север вдоль дороги на Лодейное Поле. Остальные соединения армии были разбросаны восточнее и южнее Тихвина.

О сложившейся обстановке генерал Мерецков 7 ноября доложил в Москву и получил приказ: срочно отправиться в 4-ю армию, вступить во временное командование ею, одновременно исполняя обязанности командарма-7, и решить стандартную задачу — «**остановить и разгромить**». Из состава 7-й армии в район Тихвина срочно направлялись 46-я танковая бригада, стрелковый полк, четыре минометных и два саперных батальона. Вечером 8 ноября Мерецков с группой офицеров прибыл в Сарожу, в 22 километрах севернее Тихвина, где встретил своих новых подчиненных, продолжавших отход:

«Узнав о нашем прибытии, в столовую, куда мы пришли, стали собираться офицеры. Настроение у наших собеседников было подавленное. Почти все они отступали через Тихвин. Но **как был сдан город, никто толком объяснить не мог**. По их словам, он был захвачен внезапно. Части и подразделения, потерявшие управление еще на подступах к Тихвину, прошли город, не задерживаясь в нем.

Овладев городом, противник, тоже не останавливаясь, повел наступление на север — к реке Свирь и на восток — вдоль шоссе и железной дороги к Вологде. На этих направлениях группировались и основные силы наших отходивших войск. Вот те немногие сведения, которые удалось узнать вечером в столовой...

Один из командиров предложил переговорить с бойцами, чтобы выяснить их настроение. Так и сделали. Бойцы высказывались неохотно, но довольно откровенно жаловались, что наступили морозы, а они все еще в летнем обмундировании, что у них кончились боеприпасы и стрелять нечем, что немецкая авиация делает, что хочет, а наших самолетов не видно, что **немецкие танки идут и идут, а у них нет даже гранат, пушки же наши молчат**».

Короче говоря, 4**-я армия как единый боевой организм больше не существовала**.

В тот же день крайне неприятный разговор с товарищем Сталиным имели Жданов и Хозин:

«Вам дан срок в несколько дней. Если в течение нескольких дней не прорветесь на восток, вы загубите Ленинградский фронт и население Ленинграда... Надо выбирать между пленом, с одной стороны, и тем, чтобы пожертвовать несколькими дивизиями и пробить себе дорогу на восток, чтобы спасти ваш фронт и Ленинград... Повторяю, времени осталось мало. Скоро без хлеба останетесь.

Попробуйте из разных дивизий выделить группы охотников, наиболее смелых

людей, составьте один или два сводных полка и объясните всем им значение того подвига, который требуется от них, чтобы пробить дорогу. Возможно, что сводные полки смелых людей потянут за собой и остальную пехоту. Всё. Если не согласны или есть какие сомнения, скажите прямо».

Гениально! Как это мы сами «не дотопали» (выражение Хозина)! **Всего-то и нужно — два полка героев**. Руководители обороны Ленинграда прекрасно понимали, что **плен им не светил**, даже если бы очень захотелось. **Только пуля в затылок — от бдительных хранителей тел**.

Сталин посоветовал также переправить тяжелые КВ через Неву **в разобранном виде**, к сожалению не объяснив, кто и каким образом будет их **собирать в аду на левом берегу**. И поскольку **артиллерия все равно стреляет вслепую**, а **вести разведку нет ни времени**, ни умения, ни желания, то **лучше всего — работать по площадям** — выбрать один квадратный километр и сосредоточить на нем огонь всех имеющихся стволов и реактивных установок.

Разумеется, Жданов тут же, не отходя от телефона, заверил Великого Вождя Народов: «**Военный совет фронта не только не имеет никаких сомнений, но целиком с Вами согласен** и ни перед какими мерами ни на минуту не остановимся».

Для совершения подвига буквально в течение суток сформировали из коммунистов три полка по 2750 человек, во главе каждого поставили по командиру дивизии **и «пожертвовав» ими без малейших колебаний.** Против километровой полосы прорыва сгрудили 600 орудий и 120-мм минометов.

Утром 10 ноября на «пятачок» переправился **Первый ударный коммунистический полк** подполковника Н.А. Васильева. Через час полк пошел в бой, **оказался под ураганным огнем противника** и уже к вечеру в нем осталось не более 500 бойцов. 11 ноября прибыл **Второй ударный полк** и с ходу ринулся в наступление при поддержке поредевших 168-й и 177-й стрелковых дивизий. И снова **они уперлись в противотанковый ров «отечественного производства»**. Еще через сутки на плацдарм **бросили Третий полк и 8 танков БТ**, приказав одновременно наступать всем дивизиям и штабам в направлении Синявинских высот. После этих штурмов из трех командиров ударных полков в живых остался только командир Третьего коммунистического генерал-майор П.А. Зайцев, а **уцелевших «смелых людей» влили в дивизию Бондаренко***. **<u>За пять дней боев советские потери составили более 5 тысяч человек</u>**.

* 15 ноября генерала Л.А. Бондаренко отозвали с Невского «пятачка» и назначили командующим 8-й армией вместо Шевалдина. Впрочем, для оставшихся на плацдарме это ничего не меняло. Хотя на левом берегу Невы сгрудились уже семь дивизий и две стрелковые бригады, удалось переправить тяжелые танки (река окончательно встала, к 18 ноября толщина льда достигла 8—10 см), задача по прорыву обороны противника или хотя бы овладению рощей «Фигурная» оставалась невыполненной.

С.Н. Борщев вспоминал: «Еще пройдет долгий месяц, в течение которого мы, изнуренные голодом и боями, испытывая острую нужду в снарядах и боеприпасах, будем каждый день идти на штурм вражеских укреплений, пока не получим долгожданную, **ошеломляюще радостную весть о разгроме немецко-фашистских войск под Москвой**».

В конце ноября немецких десантников на Неве сменила **1-я пехотная дивизия**.

Чтобы придать сегодня хоть какой-то смысл бойне на «пятачке», в которой ежедневно гибли до 1.000 советских солдат, **российские «историки в погонах»** **пространно рассуждают о неких «значительных силах фашистов», которые удалось сковать**, и об «**уроне**», нанесенном **12-и немецким дивизиям**. Перечислением этих вражеских соединений никто из них себя не затрудняет вполне сознательно, **поскольку дивизия всегда была одна**, просто **немцы регулярно сменяли свои части для отдыха и пополнения**.

Оптимист А.Д. Окороков уточняет также, что в боях «**росли и крепли наши военные кадры**. Все сражавшиеся на Неве, от рядовых до военачальников, **приобрели бесценный боевой опыт**». Что ж, **вот как приобретал боевой опыт Ю.И. Смоленский**: «В октябре двинулись на Невскую Дубровку, переправились на лодках и понтонах. Начались дни и ночи на невском «пятачке», слившиеся в один бесконечный бой, в результате которого от батальона **осталось шесть активных штыков**. Меня ранило в голову, вышибло левый глаз, и в ледоход, на шлюпке, доставившей продовольствие, я возвратился на правый берег. Можно сказать — **повезло**». А весь 3-й батальон, да и весь 330-й стрелковый полк 86-дивизии с «выросшими и окрепшими военными кадрами» остался лежать в перепаханных немецкой артиллерией окопах. Ровно за двадцать дней растаяла 177-я дивизия, в конце ноября с плацдарма сняли лишь ее штаб, командиров и комиссаров полков.

Да, опыт, действительно, бесценный. Только никому он оказался не нужен, как и знания военачальников. Выводы из этих «опытов» стесняются сделать и сегодня.

«**Кто под Дубровкой смерть миновал, тот во второй раз рожден**», — **вот весь солдатский опыт**. А вот и солдатское мнение, которым в советские времена не интересовались никакие Воениздаты (и сегодня не интересуются, если оно не совпадает с генеральским): «Если бы немцы заполнили наши штабы шпионами, а войска диверсантами, если бы было массовое предательство и враги разработали бы детальный план развала нашей армии, **они не достигли бы того эффекта, который был результатом идиотизма, тупости, безответственности начальства и беспомощной покорности солдат**...

На войне особенно отчетливо проявилась подлость большевистского строя. Как в мирное время проводились аресты и казни самых работящих, честных, интеллигентных, активных и разумных людей, так и на фронте происходило то же самое, но в еще более открытой, омерзительной форме... Гибли самые честные, чувствовавшие свою ответственность перед обществом люди. Шло глупое, бессмысленное убийство наших солдат».

• • •

Южнее продолжались «опыты» над шестью дивизиями 55-й армии (43, 85, 90, 70, 125, 268-я), пытавшимися при поддержке 123-й танковой бригады КВ и двух танковых батальонов овладеть Усть-Тосно и клятым рвом. Здесь наблюдалась идентичная картина: героизм без снарядов, требовательность вместо разведки, трибунал взамен грамотной подготовки и организации взаимодействия.

Вдоль Кировской железной дороги на Усть-Тосно наступала 85-я стрелковая дивизия генерал-майора Любов-цева. Вспоминает бывший командир 103-го стрелкового полка СМ. Бардин:

«Наступление, если на него смотреть со стороны, было впечатляющим и, пожалуй, устрашающим. Через наши головы с воем и свистом летели снаряды и там, за р. Тосной, в стане врага с грохотом рвались, поднимая вверх куски мерзлой земли, перемешанной со снегом. Передний край немцев окутался сплошным облаком густого дыма. Все это хорошо нам было видно, еще больше будоражило. Мы ускорили шаг. В эти минуты никто из нас ни о чем не думал, кроме предстоящего боя. Одно было на уме: выиграть его! С каждым пройденным метром возрастал азарт, ведь враг молчал. Значит, был ошеломлен, прижат артиллерийским огнем к земле. Наверняка **были и прямые попадания в расположение фашистов**.

Я с надеждой смотрел на своих бойцов. Почти трехтысячная масса вооруженных людей, верилось мне, могла сокрушить на своем пути все, выйти на заветный противоположный берег реки и вторгнуться в расположение противника. И кое-кто уже пересек ледовый рубеж, стал метать гранаты. «Заговорил», устроившись за бугорком на берегу, и один из наших пулеметов. Но в это самое время артиллерийская подготовка закончилась и стало тихо. Тишина пугала. Показалось, она оголила нас.

Я обернулся, посмотрел на ряды наступающих и ужаснулся: основная масса бойцов все еще находилась на середине пути. И **в это время на ряды наступающих полетели вражеские крупнокалиберные снаряды**. Фашисты, как выяснилось потом, открыли массированный артиллерийский огонь с правого фланга. Стреляли с ожесточением, одновременно из нескольких батарей. **Гибельным для нас оказалось то, что им никто не мешал: ни наша артиллерия, ни авиация**. Налет вражеской артиллерии произошел так неожиданно, что мы растерялись. Вмиг была нарушена стройность движения.

Под огнем противника начали гибнуть уже поверившие в свою победу командиры и бойцы.

Вражескими снарядами **были накрыты почти все девять рот**. Местность заволокло дымом. Над болтом стоял оглушительный грохот. Крики командиров и вопли раненых были едва слышны.

Я с оцепенением смотрел на расстреливаемые ряды рот, на взлетавшие вместе с землей тела убитых, на корчившихся от боли раненых. **Меня охватил озноб. Атака в мгновение захлебнулась.** Полк на глазах стал таять... Пришла мысль связаться с артполком и попросить их подавить батареи противника. Но мне ответили, что еще не подвезены снаряды, а **те, что были, израсходованы во время артиллерийской подготовки**».

Зато набрались боевого опыта, выросли и окрепли кадры! Вот что пишет полковник В.К. Зиновьев:

«Узнав о трагическом наступлении в соседней дивизии, я в беседе с подполковником Сенкевичем неодобрительно отозвался о подготовке и

осуществлении таких малоэффективных операций. Ян Петрович посмотрел на меня прищуренными глазами и ничего не ответил. Вскоре после разговора с подполковником Сенкевичем меня вызвал генерал Богайчук. Поздоровавшись, он без всяких обиняков спросил: «Вы утверждаете, товарищ Зиновьев, что неправильно планируются и осуществляются операции по использованию ударных частей?»

Я понял, что мое мнение по этому вопросу генералу доложил начштаба. Будучи уверенным в своей правоте, ответил: «Очень неправильно, товарищ генерал. Вот бы собрать все ударные части в один кулак! И Красный Бор не устоял бы»...

Генерал заинтересованно посмотрел мне в глаза, а потом сказал: «Вот взгляните, товарищ Зиновьев, на мою карту. Может быть, таким образом надо было бы использовать наши силы? Не находите ли вы такой кулак на моей карте?»

Я был потрясен. На карте генерала было отражено мое решение...

«Точно так и я думаю», — пролепетал. «Вот так, товарищ Зиновьев! **Мы с вами окончили одну и ту же академию. Вот наши решения и совпали**. **Но нашего с вами мнения никто не спрашивает**. И это диктует очень сложная обстановка. **Все стремятся побыстрее избавиться от блокады и голода**. **Об академических решениях мало кто думает**. **Это**, конечно, **трагедия**. Но в этой трагедии есть и положительное. Мы не даем фашистам покоя. Ни на шаг не отступили, а, наоборот, стараемся у них отвоевать»...

После этой беседы с генералом я стал относиться к нему с еще большим уважением. Он стал спрашивать иногда, глядя на меня: «А как бы вы решили в академии?».

Но **если быть точным**, то это немцы — 122-я и 121-я пехотные дивизии**, бывшие оборонявшейся стороной, не отступили ни на шаг**.

Боевые действия велись круглосуточно. В 55-й армии тоже подбирали «смельчаков для подвигов». Каждую ночь на передовую выходили так называемые блокировочные группы по 10—12 человек. Вооруженные гранатами и автоматами, они были призваны разрушать вражеские доты, которые не могла нейтрализовать советская артиллерия. Из **блокировщиков мало кто оставался в живых**. А утром на немецкие пулеметы снова шла в атаку пехота с винтовками наперевес.

Танки, прибывавшие с Кировского завода, вязли в трясине, не доходя до переднего края, если же доходили — не могли преодолеть противотанковый ров. Их подбивали, после чего новой заботой становилась эвакуация бронированных машин в тыл, иначе **противник превращал эти танки в свои огневые точки**.

Из донесения 70-й стрелковой дивизии от 5 ноября:

«Сформированы две блокгруппы, имеющие три танка с бронесалазками, десять автоматчиков, пять саперов. 252-й и 329-й полки с блокгруппами пытались уничтожить дзот на южной окраине Усть-Тосно. Танки подбиты огнем до проволоки. Пехота залегла под артиллерийско-минометным огнем перед проволочным заграждением».

К 18 ноября в 70-й дивизии осталось: в 252-м полку 42 активных штыка, в 329-м — 70, в 8-м — 130 штыков. Итого — 242 штыка, то есть рота вместо полка!

Из доклада начальника штаба 90-й стрелковой дивизии полковника Цуканова:

«Опыт предыдущих боев показал, что метод использования наших сил в настоящее время не дал нужных результатов, поэтому должен быть пересмотрен. Части дивизии несли большие потери, не выполнив поставленных задач. Не учитывался противостоящий противник, организация обороны, не уточнялись огневые средства. Отсюда — наступление вслепую. Неясности в обстановке пытались компенсировать введением в бой больших сил, что не оправдывалось обстановкой и приводило к большим потерям и нарушению в управлении».

Снова Д.В. Иванов:

«27 ноября поступил новый приказ штаба армии: «268-й СД захватить противотанковый ров, сделать проходы танкам, овладеть сараями у отметки 12,7». Атака, рассчитанная на внезапность, не принесла успеха: слишком малочисленны были наши полки, слишком хорошо организован пулемет-но-ружейный огонь фашистов. Наши подходили ко рву на 50-100 м, но в стрелковых взводах оставалось по 10—15 человек, и атаковать было уже некому».

Из донесения 268-й стрелковой дивизии:

«76-миллиметровые пушки образца 1930 г. не смогли разрушить огневые точки противника. Во время атаки ОТ были живы и открыли ураганный огонь по атакующим. Приданные три танка не смогли преодолеть противотанковый ров».

• • •

Если «введение в бой больших сил» можно назвать хоть и неэффективным, но все же «методом использования» сил, то **чем можно объяснить отсутствие** на стороне советских войск хотя бы как-нибудь **оборудованных позиций с укрытиями для личного состава**: абсолютным равнодушием к жизни солдат? военной безграмотностью? **непрерывным «наступательным порывом**»?

Немцы на любой занятой ими территории создавали разветвленную сеть глубоких траншей, пулеметных гнезд, блиндажей в два-три наката, **с отоплением и мебелью**, месили глину и выкладывали все это кирпичами, **использовали железнодорожные рельсы и** даже захваченный **каучук для укрепления дотов.** Некоторые их сооружения сохранились до сих пор.

Между тем красноармейцы **сидели в мелких ячейках** под обстрелом из всех видов оружия, не имея возможности в светлое время справить нужду или получить паек **За комфорт красноармейцы «фрицев» особенно ненавидели**, но никогда не упускали шанса «потрофеить». Писатель Даниил Гранин рассказывал: «Когда мы впервые взяли немецкие землянки, **нашли там горячий кофе**. Я помню, как нас возмутило: **термос с горячим кофе и рулон туалетной бумаги**! Мы понятие не имели, что такое туалетная бумага, — мы и газетами не могли подтираться, потому что **газеты нужны были для самокруток**. **С первого дня войны мы испытывали**

унижение от своей нищеты».

Добавлю от себя: **что такое туалетная бумага, Советская Армия так и не узнала до последнего дня своего существования.**

Бывший командир отдельного лыжного батальона А.Ф. Забара удивлялся обстоятельности «фрицев»: «Вскочив в ров, я увидел огневую точку противника, расположенную прямо перед нашим подкопом.... Обращаю внимание как устроена огневая точка. **Она выложена маленькими мешочками с песком**. **Мешочки, словно кирпичики**, сложены один на другой, образуют не только бруствер, но и амбразуру в бруствере, через которую и вел огонь фашистский пулеметчик по нашим позициям, а сам практически оставался невидимым. **Мешочки сверху присыпаны снегом**, огневая точка сливается с местностью, с заснеженным полем. **Такого я еще никогда не видел... Умеют, гады, воевать!**»

Советские «отцы-командиры» даже не делали попыток создать хоть что-то похожее на настоящую оборону. Вот, к примеру, СМ. Бардин принимает позиции у 86-й СД:

«Пошли принимать район обороны, **расположенный фактически в болоте**. Землянки оказались низкими, **с тонким, ненадежным перекрытием**. Они спасали людей только от пуль. Даже **самая маленькая мина их пробивала насквозь**. Участок этот все время обстреливался противником из минометов, станковых пулеметов и автоматов. В таких ненадежных условиях части, занимавшие оборону, все время несли потери.»

Это описание относится к декабрю 1941 года. Добавим, что **70% потерь советские части несли от артогня противника**. И через 60 лет поисковики сразу определяют на глаз, чьи были позиции — Красной Армии или Вермахта.

Вот запись в армейском журнале боевых действий:

«В ходе операции по очищению западного берега штабы частей и стрелковых дивизий показали свою беспомощность и слабое управление».

Последовала смена командующего, 55-ю армию принял генерал-майор В.П. Свиридов. Однако тактика не изменилась: штаб фронта требовал продолжения наступления, и лобовые атаки пехоты на неподавленные огневые точки противника продолжались. Потери армии в ноябре составили более 20 тысяч человек. В полках осталось по 70—80 штыков. Донесение 268-й стрелковой дивизии от 1 декабря гласит:

«В дивизии осталось 138 человек. Боевых действий дивизия вести не может».

«Развить успех в направлении станции Мга» не получилось.

• • •

54-я армия до 9 ноября пыталась взять Синявино. Продвинуться не удалось ни на метр, поэтому генерал Федю-нинский, вступивший в командование 26 октября, ни словом не вспоминает в мемуарах об этой операции и своем в ней участии. Тем

временем 21-я пехотная дивизия генерала Шпонхаймера вышла к Волховской ГЭС — «враг протянул кровавую лапу к этому детищу советского народа, к этому памятнику гению Ленина». Сюда же от Тихвина нацеливались части 8-й танковой дивизии. Стоило немцам преодолеть еще 30 км от Волхова до Новой Ладоги, и 54-я армия оказывалась в «котле».

12 ноября ответственность за оборону Волхова Ставка возложила на Федюнинского, передав ему в подчинение соединения оперативной группы Ляпина. «Памятник гению», волховский алюминиевый завод, мосты в случае оставления города подлежали уничтожению.

Генерал Мерецков со своими офицерами собирал рассыпавшиеся по лесам и дорогам части 4-й армии, сколачивал их в организованные отряды, разыскивал начальников, налаживал связь и снабжение войск, ставил конкретные задачи. К северу от Тихвина нашлись остатки 44-й и 191-й стрелковых дивизий, командиры которых, не имея руководящих указаний, никак не могли решить, что им делать дальше:

«Они очень обрадовались, увидев перед собой генерала и прекратили спор».

На вологодском направлении имелись всего два стрелковых полка общей численностью в 400 человек, но уже 11 ноября на станцию Большой Двор прибыли из Забайкалья эшелоны с полнокровной кадровой 65-й стрелковой дивизией полковника Петра Кирилловича Кошевого (1904—1976)*. На подходе были два отдельных танковых батальона.

* П.К. Кошевой позже стал генералом, командовал 63-м, 71-м и 36-м стрелковыми корпусами. Дважды получил звезды Героя — в 1944 и 1945 гг. С 1968 г. — маршал.

Южнее Тихвина, от Мулева до Ворожбы, оборонялись 27-я кавалерийская и 60-я танковая дивизии. Мерецков отметил, что в последней было всего 70 «устаревших танков Т-26 низкой проходимости». Это что-то новенькое.

Удивляет не тот факт, что **большинство наших военачальников так или иначе, прямо или косвенно, дают понять, что германская техника в начальном периоде войны была и новее советской**, и лучше бронирована, и горела неохотнее — это дело обычное. Но **никогда раньше не доводилось слышать или читать, что немецкие и чешские танки, при всех прочих достоинствах, могли вдобавок похвастать повышенной проходимостью**!

Еще южнее, в районе Неболчи, «сдерживали натиск моторизованной дивизии противника» части 4-й гвардейской и 92-й стрелковой дивизий. Все три группировки действовали самостоятельно и разобщено. Тем не менее, непрерывно контратакуя имеющимися силами и подходившими резервами, генерал Мерецкое в период с 11 по 14 ноября сумел остановить дальнейшее продвижение противника. Немцы откатились к Тихвину и принялись строить вокруг города оборону: каменные здания приспособили под огневые точки, на окраинах вырыли траншеи, установили минные и проволочные заграждения. Через два дня фельдмаршал Лееб предложил Генеральному штабу ОКХ вообще оставить Тихвин. Однако генерал Гальдер потребовал удерживать город во что бы то ни стало. В конце ноября, чтобы высвободить подвижные соединения, к Тихвину, частично по воздуху, частично

своим ходом, была переброшена 61-я пехотная дивизия.

В то же время более перспективным немцы признали волховское направление, куда решили дополнительно направить части 254-й пехотной дивизии. Она, наряду с 11-й, 21-й и 191-й пехотными дивизиями, должна была войти в состав группы «Бекман», которой ставилась задача захватить населенный пункт Шум и станцию Войбокало на железнодорожной линии Мга — Волхов. Генерал Федюнинский, имея в своем распоряжении 13 дивизий (3-ю гвардейскую, 128, 294, 286, 198, 115, 80, 311, 285, 292, 281, 310-ю стрелковые, 21-ю танковую) и 4 бригады (1-ю горнострелковую, 6-ю морскую, 16-ю и 122-ю танковые), сумел отразить этот удар 4-х немецких дивизий.

Таким образом, наступление германских войск во второй половине ноября было остановлено. Попытки немцев прорваться через Тихвин к реке Свирь, а также через Волхов и Войбокало к Ладожскому озеру провалились. Их замысел соединиться с финнами и полностью блокировать Ленинград так и остался неосуществленным. Советские войска, потеряв более 40 тысяч человек убитыми и ранеными, измотали ударную группировку врага, растянувшуюся на фронте до 350 км с необеспеченными флангами. Такое оперативное положение войск противника благоприятствовало переходу советских войск в контрнаступление с целью отбросить ударные соединения группы армий «Север» на исходный рубеж — за реку Волхов, обеспечить бесперебойную работу участка железной дороги, по которой доставлялись грузы к Ладожскому.

В довершение всего, на немецкие войска, рассчитывавшие спокойно зимовать в Москве и Астрахани, «неожиданно» обрушилась ранняя и суровая русская зима. У солдат не оказалось теплого обмундирования, начались массовые обморожения, автомобильные и танковые моторы не запускались, в орудиях замерзала противооткатная жидкость. Вся подготовка к боевым действиям в зимних условиях свелась к покраске касок в белый цвет и к откомандированию дивизионных снабженцев в «фатерлянд» для сбора теплых вещей у населения.

• • •

Красной Армии следовало перейти в контрнаступление как обычно — срочно и без подготовки. К.А. Мерецков пишет в своих мемуарах: «Тяжелое положение в Ленинграде и настойчивые требования Ставки как можно скорее освободить Тихвин вынуждали к переходу к решительным действиям. Поэтому пришлось отдать приказ о переходе к контрнаступление до того, как мы получили материальные средства и пополнение».

Замысел операции заключался в нанесении нескольких ударов по сходящимся направлениям на Кириши и Грузине Главный удар наносила из района Тихвина 4-я армия с задачей соединиться в районе Киришей с войсками 54-й армии и в районе Грузино с войсками 52-й армии. С последней взаимодействовала Новгородская армейская группа, наступавшая на Селище.

Армии переходили в наступление порознь отдельными полками и дивизиями по мере готовности, вернее сказать, в разной степени неподготовленности. Поэтому до конца ноября в штабах противника эти боевые действия проходили под рубрикой «атаки местного значения».

Так, 10 ноября севернее Новгорода нанесла контрудар Новгородская армейская группа (305, 180-я стрелковые, 3-я танковая, 25-я кавалерийская дивизии); 12 ноября севернее и южнее Малой Вишеры — 52-я армия (288, 259, 111, 267-я стрелковые дивизии). Наступление Новгородской группы против 250-й пехотной дивизии захлебнулось сразу. Испанцы, хотя и произвели поначалу на дисциплинированных немцев впечатление «цыганского табора», оказались храбрыми вояками, проявив «выдающиеся боевые качества и готовность к самопожертвованию».

Войска 52-й армии генерала Клыкова, которым противостояли части 126-й пехотной дивизии генерала Лаукса, только 18 ноября сумели ночными атаками прорвать оборону противника и лишь 20 ноября овладели Малой Вишерой. Советский командарм, организуя наступление, не имел понятия о создании ударных группировок. Его четыре дивизии атаковали «цепью» на 48-километровом фронте. Хорошо укрепленную немцами Малую Вишеру штурмовали в лоб два полка 259-й дивизии. До конца ноября «клыковцам» удалось продвинуться на 10—15 км, затем противник ввел в сражение 215-ю пехотную дивизию.

19 ноября перешла в наступление 4-я армия (4-я гвардейская, 44, 191, 65, 97-я стрелковые, 27-я кавалерийская, 60-я танковая дивизии, 46-я танковая бригада, 120-й отдельный танковый батальон), стремясь при поддержке 608 орудий и минометов фланговыми ударами своих северной и южной оперативных групп под основание тихвинского выступа перехватить коммуникации группировки противника, а лобовыми атаками свежей дивизии Кошевого выбить врага из города.

Немцы везде оказывали упорное сопротивление, и сами атаковали на ряде участков.

В полосе 54-й армии Хозин и Жданов, не терявшие надежды порадовать Вождя успехами, задумали провести отдельную «очень интересную и способную принести быстрое решение операцию». Суть идеи заключалась в том, чтобы воспользоваться установившимся на Ладоге ледовым покровом и силами одной стрелковой дивизии с лыжным полком, без тяжелого вооружения, нанести удар со стороны озера навстречу войскам, атакующим с Невского «пятачка».

Командир 80-й стрелковой дивизии полковник И.М. Фролов получил устный приказ командующего фронтом и сутки на подготовку к операции, назначенной на 23 ноября. За несколько часов до начала наступления комдив посмел выразить сомнения в успешном исходе генеральской затеи и **был немедленно смещен с должности**. Операцию отложили на сутки, из Ленинграда прислали нового командира, майора Брыгина.

Подробности этого «ледового похода» не сохранились, достоверно известно лишь то, что он с треском провалился, **как и предсказывал Фролов**. Майор Брыгин был тяжело ранен в бою и скончался в санитарном самолете на пути в Москву. Полковника И.М. Фомина и комиссара К.Д. Иванова обвинили в измене и срыве операции по прорыву блокады, **судили и с личного одобрения Сталина расстреляли**.

К этому времени на фронте от Ладожского озера до озера Ильмень против 14-и немецких действовали 28 советских дивизий и 6 бригад — около 300 тысяч бойцов,

2120 орудий и минометов, 200 танков. Силы противника оценивались в 130 тысяч человек, 1000 орудий и минометов, примерно 200 танков и штурмовых орудий.

Численное превосходство РККА уравновешивалось нехваткой боеприпасов, необходимостью действовать исключительно вдоль дорог, извечным «как можно скорее» и «любой ценой», неумением командиров решительно сосредоточивать силы на главном направлении, а также «отсутствием у нас четкой организационной структуры войск». Как это выглядело под Тихвином, уже после войны описал маршал П.К. Кошевой:

«С нашей стороны произвели несколько артиллерийских выстрелов. Снаряды разорвались в траншее противника. Это, как мне объяснили, была артиллерийская подготовка. Затем в сторону врага полетели три красные ракеты, и четыре-пять танков с десантом вышли на средней скорости на указанную им дорогу в колонне с интервалом 25-30 м.

Признаюсь, что ни до, ни после подобной атаки танков с десантом я не видывал, хотя и прошел всю войну. Как только БТ были замечены противником, по ним был открыт артиллерийский огонь. Через минуту головной танк запылал. Пехота десанта разбежалась по полю и залегла. Остальные танки остановились, дали задний ход и на предельной скорости убрались обратно в лес. Враг преследовал их огнем.

В лесу поднялся шум. Кто-то поносил танкистов отборными словами. Те не остались в долгу. В результате танки с десантом в таком же строю вновь показались на злополучной дороге, но уже без артиллерийской подготовки атаки: снарядов для нее не имелось. Все повторилось сначала. Запылали еще два танка; десант, потеряв несколько человек, рассыпался по полю. Оставшиеся машины повернули назад...

Сердце мое и сознание протестовали против того метода наступления, свидетелем которого мне довелось быть. **Не так следовало атаковать и готовить бой**. Не были продуманы ни подготовка, ни обеспечение успеха. Бойцов и технику бросили на съедение врагу, понесли ничем не оправданные потери и не добились ни малейшего положительного результата. **Боем** по-настоящему **никто не управлял**. Представлялось, что никто из командиров должным образом не подумал о том, что **побеждает живой, а не мертвый воин**».

Как и на маловишерском направлении, соединения 4-й армии упрямо ходили в фронтальные атаки на вражеские опорные пункты, не пытаясь отыскать в обороне противника слабые места или совершить обходной маневр. Например, северная и восточная оперативные группы пять дней штурмовали соответственно совхозы «Смычка» и «1-е Мая», пока не решились их обойти. К тому же, имея трехкратное превосходство над противником в артиллерии, наступающая сторона распределила ее равномерно по всему фронту полуокружения, умудрившись достигнуть оперативной «плотности» 3-4 ствола на километр. Боевые действия по-прежнему велись вслепую, с «невидящими глазами». Пушкари, не получая данных от разведки, стреляли наугад и только по переднему краю.

Начальник армейской артиллерии попытался было привлечь к корректировке огня авиацию — приём, известный со времен Первой мировой войны, но получил от представителя ВВС удивительный ответ: «Для наших летчиков это дело

непривычное». Единственная разведывательная эскадрилья имела на вооружении одномоторные гидросамолеты МБР-2 с двумя пулеметами и крейсерской скоростью 160 км/ч.

Будучи легкой добычей для немецких истребителей и зениток, днем они летать не могли и использовались исключительно для ночных бомбардировок. Зато в этом качестве, судя по сводкам политотделов, **урон врагу наносили страшный, укладывая немцев целыми полками**. Вот как описывала в ноябре 1941 года действия 41-й эскадрильи газета «На страже Родины»:

«Эскадрилья ночью пересекла линию фронта и ворвалась в тыл противника, где немцы чувствовали себя в безопасности. Вражеские автоколонны шли с горящими фарами. Подожженные немцами деревни ярко пылали, освещая всю местность далеко кругом. **Шагающие по дорогам отряды вражеской пехоты были хорошо видны сверху**.

Тут наши летчики разгулялись, наши стрелки-радисты понатешились. Уничтожая бомбами танки, машины, батареи, наши самолеты переходили на бреющий полет и поливали мечущиеся полчища врага пулеметными струями. Разгром был полнейший. Враг бежал в разные стороны, оставляя тысячи трупов. А эскадрилья, исчерпав свои боеприпасы, вернулась к себе на аэродром за новым грузом. Этот груз она тоже обрушила на головы врага. На утро весь личный состав эскадрильи ликовал».

Невозможно представить, что здесь описан рейд на Любань четырех летающих лодок, способных поднять в воздух по шесть 100-кг бомб. Жаль, мало было у Красной Армии такой «грозной» техники.

Все четыре года войны советские наземные войска проклинали германские «рамы» и «костьми», не дававшие покоя ни на передовой, ни в тылу. Удивляет то, что за всё это время красные генералы так и не заказали подобные машины советской авиапромышленности. Когда армии понадобился фронтовой бомбардировщик, конструктор В.М. Петляков (1891—1942) «сконструировал» его за месяц, **срисовав купленные в Рейхе чертежи дальнего истребителя Ме-110**. Получился широко известный Пе-2. В том же «сейфе» лежала документация на недоброй памяти двухфюзеляжный Фокке-Вульф-189, но до неё руки дошли лишь после падения Берлина. До конца войны корректировка артиллерийского огня с воздуха так и осталась для сталинских «соколов» непривычным делом.

В ходе тихвинской операции выяснилось также, что в стрелковых подразделениях, целиком положившихся на «богов войны», которые постоянно жаловались на нехватку боеприпасов, боезапас к ротным и батальонным минометам оставался неиспользованным. Как поясняют наши историки, недооценивали, оказывается, комбаты эффективность минометного огня (хотя о немецких минометах существовало противоположное мнение), а **главное — не умели их применять**. Пришлось изъять из батальонов минометные роты, из полков минометные батареи, свести их в минометные батальоны и минометные дивизионы и использовать централизованно, под руководством более обученных товарищей.

Вскоре, несмотря на очередную директиву Ставки от 24 ноября, приказывавшую

развить наметившийся успех и разгромить совместными усилиями «всю вражескую группировку восточнее реки Волхов», прибытие из Москвы в помощь Мерецкову маршала Кулика, и без того неспешное продвижение советских войск совершенно прекратилось, составив в среднем 5—8 км. Более того, еще 27 ноября генерал Гальдер считал, что наступление группы «Бекман» на Шум развивается достаточно успешно, и лишь 30 ноября в дневнике появилась запись:

«Теперь становится все более очевидным, что предпринятое нами наступление на Шум было ошибкой. Главный удар группы Бекмана должен быть направлен на Волховстрой. Отдан соответствующий приказ».

Но было поздно. Фронт ненадолго замер в шести километрах к югу, юго-востоку от Волхова и непосредственно у станции Войбокало, а 3 декабря 54-я армия, получив из Ленинграда тяжелые танки КВ, переправленные по льду Ладожского озера, нанесла контрудар по левому флангу группы «Бекман». Войскам ударной группировки, в которую входили 311, 285, 80-я стрелковые дивизии, 6-я бригада морской пехоты и 122-я танковая бригада, ставилась задача выйти в район Кириши и отрезать противнику пути отхода. Немцы отчаянно сопротивлялись, опираясь на систему взводных и ротных опорных пунктов, созданных в деревнях и поселках, на высотах и перекрестках дорог.

5 декабря, перегруппировавшись, сосредоточив главные силы на своем левом фланге и получив пополнение людьми и боеприпасами, продолжила наступление армия Мерецкова. Советские войска продвигались очень медленно. Перелом наступил 7 декабря, когда левофланговые соединения 4-й армии прорвали оборону противника западнее Тихвина и, выйдя к Ситомле, создали угрозу перехвата единственной коммуникации его тихвинской группировки. Он совпал с переходом Красной Армии в контрнаступление под Москвой. 191-я и 65-я стрелковые дивизии вплотную подошли к Тихвину, огневые позиции заняли 200 орудий и два дивизиона гвардейских минометов. Гальдер отметил:

«Противник производит массированные артиллерийские налеты на город. Наши войска физически переутомлены. Это состояние усугубляют морозы, достигающие 30—35 градусов. Из пяти наших танков только один может вести огонь. В 8-й танковой дивизии наличествовало 28 офицеров, 146 унтер-офицеров, 750 солдат».

8 декабря германское командование приняло решение об эвакуации Тихвина и отводе своих войск на расстояние, «с которого можно воздействовать артиллерийским огнем по городу». 9 декабря, после жестокого ночного штурма, советские войска вошли в Тихвин. О победе немедленно возвестило Советское информбюро:

«В боях за Тихвин разгромлены 12 танковая, 18 моторизованная и 61 пехотная дивизии противника. Немцы оставили на поле боя более 7.000 трупов. Остатки этих дивизий, **переодевшись в крестьянское платье** и бросив вооружение, разбежались в лесах в сторону Будогощь. Захвачены большие трофеи, которые подсчитываются».

Интересно, что из этого же сообщения сталинские «братья и сестры» впервые узнали, что Тихвин был захвачен немцами «**дней десять назад**». Кстати, и 12-я

танковая, и 18-я моторизованная дивизии, и остальные соединения корпуса Шмидта (и сменившего его генерала Арнима) уже были **один раз «разгромлены»** в сообщении Совинформбюро от 22 августа вместе с еще несуществовавшими в 1941 году 11-й и 30-й дивизиями СС. И все же, на этот раз им сильно досталось: в Тихвинской авантюре 18-я мотодивизия потеряла почти 9.000 человек, к Волхову вышел 741 человек. Добавим, что от 65-й стрелковой дивизии Кошевого тоже мало что осталось.

35 декабря с вводом в бой двух свежих дивизий (115-й из Ленинграда и 198-й с Карельского перешейка), успешнее стало развиваться наступление 54-й армии. Её войска, продвинувшись на 20 км, вышли в район Оломны, охватив левый фланг волховской группировки противника. К тому времени части 4-й армии охватили ее правый фланг. Дивизии 52-й армии штурмовали Большую Вишеру.

16 декабря Гитлер утвердил предложение командования группы армий «Север» об отводе германских войск за реку Волхов, который предполагалось завершить к 22 декабря. Немцы «**разбегались» планомерно**, **удерживая в своих руках тыловые коммуникации**, **оставляя сильные арьергарды в опорных пунктах**, которые долго и кроваво штурмовала русская пехота, **минируя дороги и взрывая мосты** (которые не взорвали советские части при своем отступлении). Как и под Москвой, **противника, даже «в крестьянском платье» и «бросившего вооружение», нигде не удалось ни окружить, ни отрезать**.

По существу, происходило медленное выталкивание немецких частей за Волхов. Это признает генерал Федюнинский, назвавший главным недостаток:

«**Наше неумение осуществлять энергичный и дерзкий маневр для обхода и охвата населенных пунктов противника.** Поэтому в ряде случаев борьба за эти пункты затягивалась».

На усиление 1-го армейского корпуса из района Ораниенбаума была переброшена 291-я пехотная дивизия генерала Герцога. Темп советского наступления значительно снизился. Генерал Гальдер, внимательно следивший за событиями на северо-западном направлении, ежедневно отмечал:

«Отход от Тихвина совершается в полном порядке. **Мат-часть вывезена целиком**. Удалось **организовать снабжение горючим**. **Русские противодействия не оказывают**... На фронте группы армий «Север» идут бои местного значения, **которые не мешают** спокойному и планомерному отходу наших частей на волховском участке фронта».

• • •

17 декабря Ставка образовала Волховский фронт под командованием генерала армии К.А. Мерецкова. В него включили 4-ю и 52-ю армии, а также вновь сформированную 59-ю и резервную 26-ю, вскоре переименованную во 2-ю ударную.

На 52-ю армию и 4-ю (которую возглавил генерал-майор П.А. Иванов) возлагалось преследование отступавшего противника. 59-я армия генерал-майора И.В. Галанина и 2-я ударная генерал-лейтенанта войск НКВД Г.Г. Соколова

выдвигались к Волхову из районов формирования. Правый фланг нового фронта проходил севернее Киришей, левый упирался в озеро Ильмень. Как ни настаивал Мерецков о передаче в подчинение ему действовавших с ним бок о бок войск Федюнинского, по требованию Хозина и Жданова 54-я армия осталась в составе Ленинградского фронта.

Командующим двух фронтов, как длительное время утверждали советские источники, была поставлена задача нанести поражение вражеской группировке, вышедшей к Ладожскому озеру в районе Мги, и снять блокаду с Ленинграда. Но на самом деле, **в эйфории от московской победы** Сталин приказал окружить, «пленить, а в случае отказа сдаться в плен, **истребить всю группу армий «Север» разом**.

Основную роль в «пленении и истреблении должен был сыграть Волховский фронт. Его войскам предписывалось очистить от противника всю территорию восточнее Волхова, с ходу форсировать реку и разбить немецкие дивизии, оборонявшиеся на западном берегу. Затем в ходе наступления в северо-западном направлении предстояло окружить и уничтожить противника, действовавшего под Ленинградом. Главный удар наносился в центре, в направлении на Грузино — Сиверскую — Волосово — Луга, глубоко обходя Ленинград с юга.

Для выполнения этой задачи предназначались 59-я армия (366, 372, 374, 376, 378-я и 382-я стрелковые, 78-я и 87-я кавалерийские дивизии, два танковых и шесть лыжных батальонов) и 2-я ударная армия (327-я стрелковая дивизия, 22, 23, 24, 25, 53, 57, 58, 59-я стрелковые бригады, два танковых и шесть лыжных батальонов). Правофланговой 4-й армии (4-я гвардейская, 191,44,65,377,92, 310-я стрелковые, 27-я и 80-я кавалерийские, 60-я танковая дивизии, 46-я танковая бригада, три отдельных танковых батальона) предстояло наступать в общем направлении на Кириши — Тосно и во взаимодействии с 54-й армией Ленинградского фронта окружить и уничтожить противника, выдвинувшегося севернее Мги к Ладожскому озеру.

Генералу Федюнинскому этот приказ поставил совершенно новую задачу. Всю осень его армия вела наступление в западном направлении, стремясь соединиться с частями, сражавшимися на Невском «пятачке». Теперь же войскам 54-й армии следовало перенести усилия в юго-восточном направлении, в район Тосно — Любани, **оставляя защитников левобережного плацдарма предоставленными самим себе** (остатки советских соединений были выведены на правый берег Невы, их сменила 10-я стрелковая дивизия).

Одновременно командующему 52-й армии с переходящими в его подчинение частями Новгородской оперативной группы предписывалось разгромить новгородскую группировку противника и освободить Новгород. На втором этапе предполагалось ввести в дело еще одну общевойсковую армию и 18-20 лыжных батальонов.

Па правофланговую 11-ю армию Северо-Западного фронта возлагалась задача нанести удар в направлении Старой Руссы и отрезать немцам пути отхода со стороны Понгорода и Луги.

Приморская группа Ленинградского фронта должна была перейти в

наступление в юго-западном направлении с выброской воздушных десантов и лыжных отрядов, чтобы не позволить не желающим пленяться частям противника драпануть через Нарву.

Таким образом, в основе замысла лежала идея перерастания контрнаступления войск Волховского фронта, Ленинградского и Северо-Западного фронтов в мощную стратегическую операцию с участием более чем 80 расчетных дивизий, в ходе которой намечался ввод в боевые действия новых сил и полный разгром всех войск фельдмаршала Лееба.

Немецкая разведка внимательно отслеживала ситуацию. Ровно через десять дней после подписания директивы Ставки, служба радиоперехвата зафиксировала появление на волховском участке **крупного штаба**, «который, по-видимому, должен взять на себя общее руководство наступлением противника». Интересно, что для тех советских командиров, которые имели понятие о радиосредствах, верным признаком предстоящей атаки противника являлось внезапно наступавшее радиомолчание; для немцев — **возрастающая активность «засекреченных» переговоров об «огурцах», «коробочках» и «карандашах»**.

21 декабря 4-я армия освободила Будогощь. На другой день ее передовые части вышли к Волхову. Южнее, не встречая сопротивления, достигла реки полнокровная 372-я стрелковая дивизия прибывающей 59-й армии, где в течение двух дней она была истреблена собственным комдивом, иначе не скажешь.

Начфин 372-го полка Н.Ф. Казанцев вспоминает, как опытные командиры, проведя разведку, предложили, не мешкая, ночным рейдом обойти противника через слабо охраняемый участок и утром разгромить его ударами в фронта и с тыла. Но дивизией-то командовали не они, а «прошедший школу гражданской войны, имевший практику руководства полками и соединениями» (это согласно генеральским мемуарам), до армии работавший колхозным бригадиром (мемуары солдатские) полковник Н.П. Коркин. Вот что рассказывает Казанцев:

«Командир дивизии не согласился и приказал окопаться до утра. Потом отдал приказ наступать в 12 часов дня в лоб без артподготовки, и нашу дивизию на реке Волхов положили на 50 %. После этого дивизия отошла на свои рубежи... В этом бою наша сибирская дивизия потерпела полный разгром. Остались убитыми на льду Волхова около 4 тысяч боевых товарищей и мы не в состоянии были их похоронить. Две тысячи раненых отправлены в госпитали. Замечательные были командиры, политработники и солдаты, преданные Родине.

20 декабря 1941 г. получили приказ отвести нашу дивизию в тыл на формирование. По существу, мы не воевали, а позорно отходили в тыл. В 12 часов ночи прибыла новая дивизия, заняла наши рубежи, и мы отошли в лес, на 3 км от переднего края. Тут командир дивизии майор Коркин допустил еще одну ошибку, приказав не трогаться до утра. Несмотря на протесты командиров полков, комдив категорически запретил отход с передовой до утра, сказав, что «сибирская дивизия не может позорно отходить, крадучись, ночью. Наши солдаты стойкие, смелые, не трусы, смеясь (!!!), пойдут с передовой открыто, маршем, только днём». 31 декабря 1941 г. командир дивизии вызвал всех командиров полков и приказал им идти колоннами по шоссейной дороге на Гладь, где будет получено пополнение. В 10 часов утра наша дивизия двинулась. Командир дивизии во главе со штабом,

командирами полков и комиссарами, верхом на лошадях, повели дивизию походным маршем с передовой.

Полки шли на марше общей колонной среди белого дня. Немцы обнаружили это и выслали 3 бомбардировщика и 2 истребителя, которые начали нас бомбить. А колонна все двигалась по шоссе, и ни один офицер не подал команды, чтобы спасаться, хотя с обеих сторон был лес. Видимо, на самолетах кончились боеприпасы, они совсем обнаглели, низко спускались и стали нас «лыжами давить». «Спасайтесь!» — закричал, наконец, какой-то офицер из зенитчиков, стоявших в лесу. Сначала отдельные группы, а потом и все хлынули в лес».

Коркина с должности сняли, но лишь для того, чтобы через два месяца дать ему другую дивизию. Оно и понятно, в глазах высшего начальства всегда был плох не тот командир, который бессмысленно терял людей, а тот, который смел свое суждение иметь и приказы начальства обсуждать.

22—26 декабря немецкие войска заняли оборонительные позиции на западном берегу реки. Советские части сумели захватить три небольших плацдарма севернее Грузино и в районе устья реки Тигода, которые из-за малых размеров и открытого характера местности не могли служить для накапливания сил и дальнейшего развития наступления. Атаки с целью расширения этих плацдармов цели не достигли. В свою очередь немцам удалось удержать за собой два значительных плацдарма: у Киришей и Грузино. Армия Федюнинского к 28 декабря потеснила противника за железнодорожную линию Мга—Кириши.

• • •

К концу декабря германские дивизии снова оказались на том рубеже, с которого они начали наступление на Тихвин. План германского командования полностью изолировать Ленинград провалился. Было восстановлено сквозное движение по Северной железной дороге до станции Войбокало, а оттуда — до перевалочной базы на Ладоге. Потери немцев были велики.

Ну, а войска трех советских армий в наступательной фазе Тихвинской операции потеряли 49 тысяч человек убитыми и ранеными, 70 танков, 2293 орудия и миномета, 82 самолета. Эти цифры можно считать заниженными хотя бы уже потому, что потери 59-й армии они не учитывают. Между прочем, изображая карикатурных немцев в женских платках, замерзающих на русском морозе, советская пропаганда ни словом не обмолвилась о том, что все это время войска Мерецкова, за исключением свежих сибирских дивизий, воевали в летнем обмундировании.

Провал немецкого наступления на Тихвин стал тяжелым ударом и для финнов. Типпельскирх пишет:

«Они надеялись, что у Ладожского озера произойдет объединение немецких и финских сил и как следствие этого — полное окружение Ленинграда, которое вскоре приведет к падению города и сделает излишним финский фронт на Карельском перешейке. Провал немецких замыслов, кроме всего прочего, ухудшал положение финнов еще и потому, что они в ожидании быстрой и решительной победы над Советским Союзом, к которой

стремились всеми силами, мобилизовали всех, способных носить оружие. Это так тяжело отразилось на экономике страны, что финское командование было вынуждено уволить из армии большое количество людей и слить ряд частей».

К весне 1942 года с фронта было отпущено 180 тысяч человек. Ко всем печалям, 28 ноября Лондон предъявил Хельсинки ультиматум с требованием прекратить боевые действия против СССР, а 6 декабря, в день независимости Финляндии, Англия объявила финнам войну.

Полководец Мерецков по ходу Тихвинской операции сделал глубокомысленный вывод:

«Опыт проведенных боев показал также, что войска должны проходить специальную подготовку для действий в незнакомой (?) и трудной в климатическом и географическом отношении месте».

• • •

Ставка требовала без оперативной паузы продолжить наступательные действия и как можно быстрее преодолеть рубеж реки Волхов. Однако эшелоны с подразделениями 2-й ударной и 59-й армий начали прибывать в район Малой Вишеры только в конце декабря. Тылы и артиллерия отстали. Не довольствуясь директивными указаниями, Кремль 29 декабря направил на Волховский фронт известного «погонялу» Л.З. Мехлиса, который доставил Мерецкову личное письмо Сталина:

«Уважаемый Кирилл Афанасьевич! Дело, которое поручено Вам, является историческим делом. Освобождение Ленинграда, сами понимаете, — великое дело. Я бы хотел, чтобы предстоящее наступление Волховского фронта не разменялось на мелкие стычки, а вылилось бы в единый мощный удар по врагу. Я не сомневаюсь, что Вы постараетесь превратить это наступление именно в единый и общий удар по врагу, опрокидывающий все расчеты немецких захватчиков. Жму руку и желаю Вам успеха. И. Сталин».

Но сил для единого и общего удара у нового фронта не было. В первых числах января стало очевидным, что на сосредоточение резервных армий потребуется еще несколько дней. Прорыв с ходу не получился, противник основательно закрепился за рекой и организовал систему огня.

Срок перехода в наступление перенесли на 7 января 1942 года.

• • •

Смольный тем временем продолжал демонстрировать активность. «Будем воевать зверски на всех участках», — рапортовали Вождю Жданов и Хозин.

Поэтому 8-я армия упрямо атаковала Арбузове и рощу «Фигурная» с Невского «пятачка». Наконец, командующий фронтом согласился с предложением Военного совета армии нанести вспомогательный удар в десяти километрах к северу от Невской Дубровки. 25 декабря 4-я отдельная бригада морской пехоты предприняла попытку форсировать Неву в этом месте. Однако попытка успеха не имела, так же

как и наступление на главном направлении.

Немецкие историки скрупулезно подсчитали, что русские с 15 ноября по 27 декабря 1941 года атаковали небольшими боевыми группами 79 раз, в составе до двух рот — 66 раз, в составе батальона и выше — 50 раз. При отражении 16 танковых атак был уничтожен 51 танк. Из состава 1-й пехотной дивизии к середине декабря «выбыли» около 1500 человек.

55-я армия, получившая ближайшую задачу овладеть поселком Красный Бор, станцией Ульяновка, а затем продвигаться на Тосно, по-прежнему топталась у противотанкового рва.

За истекшие три месяца немцы возвели по обеим его сторонам три ряда проволочных заграждений и рогаток, установили минные поля, разместили множество огневых точек. Поселки Путролово, Ям-Ижору, Красный Бор, Феклистово, Никольское, расположенные на возвышенности, они превратили в мощные опорные пункты и обстреливали из них артиллерийско-минометным огнем Колпино, Понтонный, Саперный, где находились советские батареи, штабы, медсанбаты.

7 декабря 125-й стрелковой дивизии удалось ненадолго захватить 500 метров рва. При этом из 180 человек в строю остались 17. 18 декабря в противотанковый ров внезапной ночной атакой ворвался свежий лыжный батальон под командованием старшего лейтенанта А.Ф. Забары, но продержался только до утра. Полковник В.К. Зиновьев пишет:

«Утром 18 декабря, фашисты устроили вокруг захваченного участка рва настоящий огневой вал и бросили на наш лыжный батальон свои отборные подразделения головорезов. Ров был оставлен. Но «виноватого» в этом уже не нашли. Он был в госпитале...

И снова, как и раньше, ров переходил из рук в руки. Ночью мы вышибем гитлеровцев, а днем они снова его захватывают. Судьба лыжного батальона обострила во мне давно родившееся чувство неудовлетворенности тем, что происходит с нашими ударными частями. Вдуматься только! Одиннадцатого декабря мы отправили с фронта в Ленинград старшего лейтенанта Забару сформировать лыжный батальон, а уже через неделю после этого командование армии бросило необученную и не сплоченную часть в бой.

Еще раньше такое же произошло и в соседней дивизии. Левее от нас, ближе к Неве, ударная часть наступала на вражеские позиции при поддержке танков. Но местность там была болотистая, и танки застряли, не достигнув цели, а наступающие были остановлены огнем вражеской артиллерии. Выходило, что удар наносился не мощным кулаком, а растопыренными пальцами».

20 декабря на штурм рва пошла 268-я стрелковая дивизия при поддержке 84-го отдельного танкового батальона. Советская пехота выбила немцев из траншей и вышла к окраине Красного Бора, однако развития удар не получил. Подполковник Д.В. Иванов вспоминает:

«Наш полк должен был наступать во втором эшелоне, но из-за плохой разведки

огневых точек противника ход боя изменился. Первым прорвал оборону немцев в противотанковом рву 942-й полк. Ввод 947-го СП обеспечил развитие прорыва по фронту и закрепление плацдарма за рвом. Но дальнейший успех наступления развивать было уже нечем. Армейский резерв командование не вводило до тех пор, пока наша дивизия не овладеет северной окраиной Красного Бора. Противник успел создать здесь мощную линию обороны, устроил в большинстве домов огневые точки, и все попытки войти в Красный Бор успеха не имели. Дивизия понесла большие потери».

Следующей ночью противник вновь овладел рвом, а 21 декабря снова пошла в атаку 125-я стрелковая дивизия, снова захватила участок рва перед Красным Бором и держала его два дня. 22 декабря от прямого попадания артиллерийского снаряда в передовой наблюдательный пункт погиб командир дивизии генерал-майор П.П. Богайчук.

Как ни старались семь советских дивизий (72, 43, 70, 268, 85, 56, 125-я) ежедневными атаками «отвлечь» две дивизии противника, в конце декабря немцы отвели часть своих сил — 409-й полк 122-й пехотной дивизии и 407-й полк 121-й дивизии — к Волхову. Позиции южнее Колпино занял 1-й полк полицейской дивизии СС (почти одновременно позиции под Петергофом оставила 291-я пехотная дивизия). Это обстоятельство позволило 55-й армии занять и закрепить за собой участок рва от Ям-Ижоры до Октябрьской железной дороги. В ходе боев за противотанковый ров только в последнюю декаду декабря армия потеряла 25.234 человека!

Враг отошел на два километра к Красному Бору. 125-я стрелковая дивизия, которую принял генерал-майор И.И. Фадеев, немедленно получила приказ захватить этот небольшой, но хорошо укрепленный поселок.

Начались упорные бои за Красный Бор. Они оказались безуспешными: по-прежнему пехота шла на неподавленные огневые точки; взаимодействия с танками не было; пополнение вводилось в бой с ходу и погибало. Вот что вспоминает участник тех боев П.А. Чугуй:

«В конце декабря началось очень большое наступление на Красный Бор. Участвовали две роты 84-го батальона. Наступали слева от Октябрьской ж/д. Болото, за ним — противотанковый ров. Саперы сделали проход через ров, но он оказался слишком узким для КВ. Танки застряли, пехота понесла очень большие потери. Красный Бор остался у немцев».

Только санитарные потери 55-й армии в декабре 1941 года составили 41,6 %, таким образом, за месяц было выбито больше половины ее состава.

42-я армия, согласно донесениям штаба Ленфронта, то «приводила себя в порядок», то возобновляла наступление «с прежней задачей».

• • •

Всем этим лихорадочным атакам с целью скорейшего прорыва блокады была еще одна причина — ГОЛОД. Хотя данное обстоятельство не оправдывает бездарность исполнения.

В результате целого ряда просчетов руководства города и военного командования ленинградцы оказались в трагическом положении. До конца лета 1941 года не предпринималось практических шагов по эвакуации населения и накоплению запасов продовольствия. В июне и июле из Прибалтики были вывезены по железной дороге многие тысячи тонн зерна, но не в Ленинград, а на восток. Более того, продовольствие из города вывозилось. По указанию Жданова заворачивались обратно эшелоны, следовавшие в западные районы согласно мобилизационному плану.

В начале июля была предпринята попытка разгрузить Ленинград от лишних «ртов». Около 200 тысяч детей вывезли в районы Ленинградской области, но менее чем через месяц их пришлось спешно реэвакуировать обратно. В июле — августе из города на восток выехали 164 тысячи человек — в основном рабочие намеченных к эвакуации предприятий и члены их семей. Конечно, большинство рядовых граждан не могло тогда представить, что немцы окажутся у самых стен Ленинграда, но А.А. Жданову и М.М. Попову стоило проявить больше дальновидности. Прибывший в конце августа с правительственной комиссией начальник артиллерии Красной Армии генерал Николай Николаевич Воронов (1899—1968) отметил:

«К моему удивлению, город продолжал жить очень спокойно. Можно было подумать, что бои разворачиваются на ближних подступах к Берлину, а не под стенами Ленинграда. К эвакуации населения еще не приступали. Здесь явно недооценивали угрозы, которая надвигалась на город».

Всерьез вопросами эвакуации занималось лишь управление НКВД, но наследники Дзержинского решали свою узко-специфическую задачу: очистить Ленинград от «контрреволюционного и враждебно-настроенного элемента». Высылке в Омск, Новосибирск, Красноярск и Северный Казахстан подлежали 95 тысяч лиц финской и немецкой национальности, а также эсеры, троцкисты, дворяне, воры, проститутки и прочие потенциальные враги советской власти. Однако и эти планы в установленные сроки реализовать не удалось.

В результате к тому моменту, когда сомкнулось кольцо блокады, в Ленинграде и пригородах оказалось 2,8 миллиона человек гражданского населения, в том числе свыше 100 тысяч беженцев. Не менее 1,2 миллиона относилось к категории «несамодеятельного населения» (иждивенцев), из них около 400 тысяч детей. Между тем, запасов продовольствия по нормам, введенным 18 июля, было примерно на месяц. Все еще отсутствовал централизованный контроль над продовольственными запасами, которыми располагали многочисленные организации; по-прежнему работали рестораны, продавались продукты по коммерческим ценам.

Спохватившийся председатель Ленинградского исполкома Петр Сергеевич Попков (1903—1950) 6 сентября сообщил в ГКО, что продовольствия в городе осталось очень мало и просил ускорить его доставку. Но все сухопутные коммуникации были уже перерезаны. 9 сентября было принято решение о строительстве порта в бухте Осиновец на западном берегу Ладожского озера, у конечной станции пригородной железной дороги. Предполагалось, что через этот порт можно будет вывезти из Ленинграда капитальное оборудование, доставлять в город продовольствие и другое

снабжение. К концу сентября Осиновец должен был пропускать по 12 судов ежесуточно.

Однако атаки авиации противника, а также осенние штормы сильно затрудняли мероприятия, призванные надежно связать Ленинград с Большой землей. Немцы активно бомбили Осиновец, грузовую пристань Новая Ладога на южной стороне озера и все, что могло держаться на воде. Множество буксиров и барж пошло ко дну в первые недели после открытия Ладожской водного пути. Кроме того, осенняя навигация была очень короткой и закончилась 15 ноября.

За этот период удалось доставить в город 45 тысяч тонн продовольствия, 45 тысяч винтовок, 1 тысячу пулеметов, свыше 108 тысяч мин, а также две стрелковые дивизии и бригаду морской пехоты (общая численность 20 тысяч человек). Эвакуировали 33,5 тысячи жителей. Продуктов было явно недостаточно, они расходовались практически сразу. Да и не имело смысла завозить большие запасы в город, превращенный в «пороховую бочку» и, с точки зрения кремлевского руководства, обреченный.

С 16 ноября Ленинград мог снабжаться только по воздуху. Для этого выделили 50 транспортников «Дуглас» и 10 самолетов ТБ-3, загружавшихся прессованным мясом, комбижиром и концентратами (особые авиагруппы были сформированы гораздо раньше, но занимались они транспортировкой исключительно военных грузов). Их прикрывали 127, 154-й и 286-й истребительные полки. Подвоз продовольствия авиацией не удовлетворял и пятой части потребностей фронта и города.

С 12 сентября рабочие получали 500 грамм хлеба в день, служащие и дети — 300 грамм, иждивенцы — 250 грамм. Нормы последовательно урезались 1 октября и 13 ноября, а 20 ноября было проведено самое большое снижение продовольственных норм за все время: рабочим отныне полагалось 250 грамм хлеба, всем остальным — 125 грамм. Хлебом этот суррогатный «продукт», наполовину состоявший из хлопкового и льняного жмыха, отрубей и целлюлозы, можно было назвать лишь условно. Полагавшиеся по карточкам мясо и жиры не выдавались вообще.

Вечно живой Ильич, заранее давший ответы на все вопросы своих последователей, от распространения лотереи до изучения электрона, и здесь не оставил их без рекомендаций. Он давно уже выдал соответствующую инструкцию: «Когда речь идет о распределении продовольствия, думать, что нужно распределять только справедливо, нельзя, А нужно думать, что это распределение есть метод, орудие, средство для повышения производства. Необходимо давать государственное содержание продовольствием только тем служащим, которые действительно нужны в условиях наибольшей производительности труда, и если распределять продовольственные продукты как орудие политики, то в сторону уменьшения тех, которые не безусловно нужны и поощрения тех, кто действительно нужен».

В разряд «не безусловно нужных», обреченных на голодную смерть, в соответствии с заветами вождя мирового пролетариата, определили служащих, стариков и детей, «не повышающих производства». Рабочие карточки имела только треть населения.

Стремясь найти выход из положения, Военный совет Ленинградского фронта предложил организовать дорогу по льду Ладоги. Сталин санкционировал предложение, хотя отнесся к ему скептически, как к «малонадежному» и не имеющему серьезного значения. Трасса была опробована 22 ноября, когда толщина льда достигла 18 см. За первые две недели эксплуатации, под немецкими бомбами, на недостаточно прочном льду погибли 126 автомашин.

После падения Тихвина и выхода противника к станции Войбокало Сталин поставил крест на городе. Он приказал ленинградцам сформировать пять автотранспортных батальонов с лучшими водителями и передать их в распоряжение Верховного Главнокомандования. Одновременно в распоряжение Москвы были отозваны «дугласы». В конце декабря — начале января продовольствие в Ленинград вообще не поступало, магазины не открывались.

Реально легендарная Военно-автомобильная дорога № 102, известная как «Дорога жизни», начала функционировать лишь с середины января 1942 года, после поражения немцев под Москвой, визита Жданова в Кремль, выхода «Распоряжения Совнаркома СССР о помощи Ленинграду продовольствием» и восстановления железной дороги и взорванных мостов между Тихвином, Волховом и Войбокало. Тогда же началась массовая эвакуация гражданского населения.

К тому времени от голода уже погибли десятки тысяч жителей. По данным Управления НКВД, в ноябре от голода умерли 11 тысяч человек, в декабре — почти 53 тысячи, в январе, несмотря на прибавку 50—100 граммов хлеба, — 97 тысяч человек. Множились случаи смертности на улицах, нападений на магазины, убийства и ограбления граждан с целью завладения продуктовыми карточками. За этот же период было зафиксировано 413 случаев людоедства, настоящая охота велась на детей. Люди сходили с ума, теряли человеческий облик. Б. Михайлов, блокадник из числа «не безусловно нужных», написал:

«Блокада — это моральное и физическое уродование человека, его души и тела. Нет, не до животного, а до какого-то выродка, психического урода, все помыслы и действия которого сужаются до размеров пайка, куска дуранды, горсти хряпы. Как возможно, например, убедить мать, что она способна убить и съесть своего грудного ребенка! А такое рассказывали, и я верю... Я не жалею, что родился в такое лихолетье. Не жалею, что судьба бросала меня в самые-самые остроты войны. Предложи сейчас выбор — я бы прошел тот же путь, за исключением БЛОКАДЫ. Перед ней я, не задумываясь, выберу смерть».

О голоде в Ленинграде советское Информбюро не вещало, но «сюжет» использовало. Как раз в январе 1942 года оно поведало миру об «истекающем кровью, пухнущем от голода, мрущем от болезней населении Германии».

При этом высшие партийные и советские функционеры Ленинграда не считали зазорным заказывать себе на «Большой земле» зернистую икру, ромовые бабы и венские пирожные. Первый секретарь Ленинградского горкома и обкома ВКП(б) Алексей Александрович Кузнецов (1905—1950) на заседании бюро уговаривал партийную номенклатуру «войти в положение граждан города», подчеркивая, «ведь мы и лучше кушаем, спим в тепле, и белье нам выстирают и выгладят, и при свете мы».

Кроме «красных партайгеноссе» и сотрудников «органов», к числу «действительно нужных» относились высокопоставленные агитаторы типа придворного сталинского драматурга Всеволода Вишневского (1900—1951), любившего выступать перед народом со страстными речами на грани истерики. Как вспоминали очевидцы, ему хватило совести (или того, что у него было вместо нее) жрать бифштексы с белым хлебом — разумеется, исключительно в интересах дела, подчиняясь партийной дисциплине и решению политуправления флота — на глазах умиравшей от дистрофии жены.

Две реальности и их обитатели существовали параллельно, пересекаясь лишь на митингах и собраниях, где сытые разъясняли голодным их долг перед партией и Советской Родиной.

Страшен смысл отчетов городских служб и штабов, изложенных с сухой казенностью и бюрократической суконностью языка: «Уборка дистрофиков на улицах города (собрано 9207 человек)».

Город на Неве находился не только в немецкой военной, но еще и в информационной блокаде, установленной родной Советской властью. Она была настолько плотной, что вывезенные из Ленинграда летом 1941 года рабочие оборонных заводов завидовали оставшимся. Ленинградцы, давно съевшие всех ворон, истреблявшие и сушившие впрок кошек и крыс, изобретавшие рецепты приготовления блюд из кожи, столярного клея, трудно представить из чего еще, получали из-за Волги письма с жалобами на скудость жизни в эвакуации и с просьбами прислать шоколадных конфет!

Помимо нехватки продовольствия, в Ленинграде катастрофически не хватало топлива. Запасы угля и нефти кончились еще в конце сентября, утвержденный горисполкомом план заготовки дров был выполнен на 1 %. В октябре жилые дома остались без электричества и центрального отопления, остановилось большинство заводов. В ноябре перестали ходить трамваи, в декабре замерзли водопровод и канализация.

Отсутствие еды, света, тепла дополняли налеты немецкой авиации и непрерывные артиллерийские обстрелы. За три осенних месяца на город обрушилось более 10 тысяч снарядов и почти 68 тысяч бомб. В результате 3840 человек погибли, около 14 тысяч были ранены. Судя по тому, что безопасной считалась южная сторона улиц, финны город не обстреливали, а ведь именно угроза финских «дальнобойных орудий» стала официальным поводом для развязывания Зимней войны в 1939 году.

Неизбежно ухудшалось и продовольственное снабжение фронта, солдатские рационы тоже пришлось урезать. Красноармейская норма хлеба на передовой составляла 500 грамм, во втором эшелоне — 300. Раз в сутки выдавалась порция супа. Бойцы круглые сутки находились вне укрытий, которые в буднях бесконечных атак не удосужились построить, страдали от недоедания и обморожения. На 1 декабря 1941 года в войсках Ленинградского фронта, действовавших на блокированной территории, болели тяжелой формой дистрофии 6061 человек, на 1 января 1942 года количество больных возросло до 12604, к 1 февраля — до 13719 человек. Весной вследствие острого авитаминоза у многих началась цинга и «куриная слепота», в

сумерках на прифронтовых дорогах нередко можно было увидеть процессии, напоминающие известную картину Питера **Брейгеля:** один зрячий солдат медленно вел за собой вереницу других.

Сильно подрывало моральный дух солдат отсутствие табака. Знаменитый артист Юрий Владимирович Никулин вспоминал:

«Курильщики просто сходили с ума, и все мучительно думали, где достать хотя бы одну самокрутку. Жалели о том, как нерасчетливо курили в мирное время».

Лишь комсоставу иногда выдавали тонюсенькие папироски, замешанные пополам с листьями, называемые, нетрудно догадаться, «дистрофиками».

Ленинградский голодомор стал следствием организационных просчетов советской бюрократии, не имевшей привычки проявлять заботу о населении, большевистской убежденности, что «распределение есть метод повышения производства» и еще — повсеместным воровством. Достаточно сказать, что без всякой блокады голодали и умирали в 1942 году от дистрофии воины Калининского, Донского, Сталинградского и других фронтов.

Глава 6. ЭВАКУАЦИЯ ХАНКО (ноябрь 1941 года)

В ноябре 1941 года Балтийский флот провел операцию по эвакуации Ханко (Гангута), арендованной у Финляндии «под дулом пистолета» военно-морской базы, которая позволяла контролировать северную часть входа в Финский залив.

Сухопутную оборону полуострова составляли два оборонительных рубежа, перегородившие 22-километровый перешеек. Сектор береговой обороны располагал несколькими железнодорожными и стационарными батареями с орудиями калибром от 305 до 45 мм. Противовоздушная оборона состояла из двенадцати батарей 76-мм зениток и 11 истребителей. Охрану водного района осуществляли семь катеров-охотников.

На полуострове находилась 8-я стрелковая бригада полковника Н.П. Симоняка, усиленная артиллерийским полком, зенитным артиллерийским дивизионом, танковым и саперным батальонами. Общая численность гарнизона — 27 тысяч человек при 114 орудиях, 50 танках Т-26 и Т-37. Командиром ВМБ незадолго до войны стал генерал-майор СИ. Кабанов. Для захвата этой советской базы финны сформировали ударную группу «Ханко» в составе 17-й пехотной дивизии, с частями усиления и артиллерийской группировкой (153 орудия).

В ночь на 1 июля они попытались внезапным штурмом захватить полуостров, но были отбиты. В дальнейшем на хорошо укрепленном обеими сторонами перешейке — три советские оборонительные линии (третью возвели после начала боевых действий) и четыре финские — активных действий почти не было. Борьба свелась к систематическим артиллерийским обстрелам и высадкам небольших десантов на прилегающие к Ханко острова.

В августе в распоряжение генерала Кабанова прибыл из Палдиски 46-й отдельный стрелковый батальон (1100 человек), а из саперного батальона, инженерных частей и тыловых подразделений был сформирован 219-й стрелковый полк. Теперь 8-я бригада по силе равнялась стрелковой дивизии. 7 сентября в прямое подчинение командиру базы перешел гарнизон острова Осмуссар, насчитывавший около тысячи человек.

Генералу Кабанову были поставлены следующие задачи: а) не допустить прорыва вражеского флота через Центральную минно-артиллерийскую позицию в Финский залив и б) упорной обороной отвлекать как можно больше сил противника с Ленинградского фронта. Но, если отбросить патриотические сказки работников Главпура о «массовом героизме» защитников Ханко и о том, что «звание «гангутец» внушало ужас врагу», то останется голый результат: обе задачи решения не имели.

Во-первых, германские линкоры, крейсеры и эсминцы к **Кронштадту** не прорывались и прорываться не собирались. Вновь сошлемся на мнение адмирала Н.М. Соболева:

«Постановка немцами большого минного заграждения на Балтике свидетельствовала о том, что они не были намерены прорываться в Финский залив, берегли большие корабли для действий в Атлантике. Таким образом, создание минно-артиллерийской позиции у

входа в Финский залив не имело смысла. В очередной раз мы оказались в плену у шаблона».

Во-вторых, трудно представить, каким образом запертый на полуострове советский гарнизон мог отвлекать крупные силы от Ленинграда. И действительно, уже в августе большую часть 17-й финской дивизии командование перебросило на Карельский перешеек, а в районе Ханко остался один пехотный полк и несколько полевых батарей, на островах — береговые батареи, пограничники и отдельные батальоны. Значительно снизилась интенсивность артобстрелов и действий авиации.

Наконец, через четыре месяца осады штабу КБФ стало ясно, что никакого смысла в удержании Ханко нет. Флот не мог использовать полуостров в качестве оперативной базы, Центральная минно-артиллерийская позиция после оставления Таллина окончательно потеряла всякое значение, надвигавшийся ледостав ставил гарнизон в безнадежное положение полной утраты коммуникаций. 23 октября Ставка ВКГ приняла решение оставить полуостров.

Советские потери за 165 дней «героической обороны» составили 797 человек убитыми и около 1200 ранеными, потери противника — ясное дело — сочли «огромными».

Итак, эвакуации подлежали почти 28 тысяч бойцов и командиров с полуострова Ханко и острова Осмуссар. План предусматривал сделать это в два этапа. На первом несколько отрядов кораблей должны были вывезти части вторых эшелонов, тылы, технику и запасы продовольствия, на втором — войска передовой линии обороны. Материальную часть и объекты, не подлежащие эвакуации, следовало уничтожить.

Ввиду потери в ходе «успешного» Таллинского прорыва большинства мобилизованных транспортов и изначального отсутствия в составе флота специальных десантно-транспортных судов, войсковые перевозки решили осуществлять на боевых кораблях. Путь в 140 миль (260 км) от Гогланда к Ханко и обратно рекомендовалось преодолевать в темное время суток, поскольку истребительное прикрытие на переходе не предусматривалось.

Руководство операцией поручили командующему отрядом легких сил КБФ вице-адмиралу Валентину Петровичу Дрозду (1906—1943). За прикрытие отхода войск с оборонительных рубежей, посадку на корабли, снятие гарнизона с острова Осмуссар отвечал генерал Кабанов. На Гогланде, как и во время Таллинского прорыва, снова разворачивался аварийно-спасательный отряд И. Г. Святова.

Главную опасность по-прежнему представляли немецкие, финские и советские мины, которыми был нашпигован Финский залив. Между тем, «красные флотоводцы» по-прежнему боялись появления германских линкоров у стен «колыбели революции». Поэтому осень они посвятили созданию новой минно-артиллерийской позиции на подступах к Кронштадту. А всего балтийцы в 1941 году вывалили в море более 12 тысяч мин, почти все имевшиеся на складах запасы. Немцы тем временем продолжали минировать среднюю часть Финского залива.

Достоверные данные о минной обстановке в штабе Трибуца по-прежнему отсутствовали, тральной разведки и систематического траления штаб не организовывал, ибо не было такой возможности. Наставление по боевой деятельности тральных сил для надежной проводки одного отряда кораблей требовало привлекать наряд из девяти базовых тральщиков, между тем в составе Балтийского флота их осталось лишь семь, а из них только пять могли выйти в море. Маршрут движения, конечно же, проложили через «хорошо знакомое» заграждение «Юминда». Наступивший период штормов и появление льда тоже не способствовали проведению операции.

Лишь финские войска, якобы «непрерывно штурмовавшие» Ханко, не мешали эвакуации.

Первый контингент войск вывезли 26 октября. Отряд кораблей в составе трех тральщиков и трех катеров МО, под командованием капитана 3 ранга В.П. Лихолетова, ради ЭКОНОМИИ времени (!) следовал на Ханко без тралов. В итоге в районе острова Кери подорвался и затонул тральщик Т-203 «Патрон». Остальные доставили в Ораниенбаум батальон 270-го стрелкового полка с легкой артиллерией. Это позволило командованию флота доложить Военному совету Ленинградского фронта о готовности к проведению операции. 31 октября было получено «добро» на начало эвакуации.

К тому времени в Кронштадте сформировали отряд под командованием адмирала Дрозда: эсминцы «Стойкий» и «Сильный», минный заградитель «Марти», пять базовых тральщиков, шесть сторожевых и три торпедных катеров. Для оперативного обеспечения переходов на позициях в устье Финского залива находились подводные лодки С-9 и Щ-324, а в районе Таллина — лодка С-7.

В ночь на 2 ноября отряд кораблей двумя группами начал движение к Ханко. Основные силы совершили переход благополучно и приняли на борт 4246 командиров и красноармейцев и два дивизиона полевой артиллерии.

Задержавшуюся и вышедшую отдельно группу (тральщик, три торпедных и два сторожевых катера) атаковали немецкие самолеты. В результате все торпедные катера (ТКА-72, ТКА-88, ТКА-102) были потоплены, а поврежденный «охотник» отбуксирован на остров Лавенсари. Отряд Дрозда прибыл в Кронштадт 4 ноября без потерь, доставив 4246 человек.

Еще до его возвращения начал переход к Ханко отряд капитана 2 ранга В.М. Нарыкова в составе эсминцев «Суровый» и «Сметливый», четырех торпедных и четырех сторожевых катеров в обеспечении трех базовых тральщиков. Он без происшествий прибыл к месту назначения, принял более 2000 человек и вечером 4 ноября отправился в обратный путь.

Возле острова Найссар эсминец «Сметливый» вышел из протраленной полосы и захватил параванами сразу две мины. От их взрывов на корабле сдетонировал боезапас и он немедленно затонул. Погиб командир — капитан 2 ранга В.И. Маслов и вместе с ним около 400 офицеров, красноармейцев и краснофлотцев. С эсминца удалось снять 80 членов экипажа и 233 человека из числа эвакуированных. Их на тральщике Т-205 «Гафель» и трех морских охотниках вернули обратно в Ханко.

Остальные корабли отряда прибыли на Гогланд, доставив 1263 человека.

9 ноября тем же маршрутом отправился третий отряд под водительством командира линкора «Октябрьская революция» контр-адмирала М.З. Москаленко. В состав отряда входили лидер «Ленинград», эсминец «Стойкий», минный заградитель «Урал», транспорт «Жданов», пять базовых тральщиков, четыре катера-охотника. Переход начался в сложных погодных условиях, ветер усилился до семи баллов, корабли часто теряли друг из виду и не могли следовать за тралами. Два тральщика столкнулись, один из них получил серьезные повреждения. Командир отряда принял решение вернуться на рейд острова Гогланд.

Вечером 11 ноября корабли вновь вышли на Ханко в сопровождении только трех тральщиков, причем самые крупные единицы — «Урал» и «Жданов» — не имели параванов-охранителей. В ночь с 11 на 12 ноября лидер «Ленинград» захватил своим параваном две мины. От их взрыва корабль получил повреждения корпуса, пришлось встать на якорь. Остановился и следовавший ему в кильватер транспорт «Жданов» водоизмещением 3869 тонн. Адмирал Москаленко, не дойдя до Ханко 65 миль, повернул отряд на обратный курс для оказания помощи «Ленинграду». В это время командир лидера решил самостоятельно возвращаться в базу. Транспорт был поставлен лидирующим, а «Ленинград», на котором вышел из строя гирокомпас, лег ему в кильватер. В результате не располагавший никакими средствами защиты «Жданов» вскоре наткнулся на мину и через 8 минут затонул, его команду успел снять подоспевший «охотник». После ночных мытарств уцелевшие корабли вновь сосредоточились у Гогланда.

Вечером 13 ноября отряд Москаленко после переформирования снова вышел по прежнему пути. Теперь в его составе были эсминцы «Гордый» и «Суровый», минный заградитель «Урал», шесть катеров МО и четыре тральщика. К конвою присоединились следовавшие на боевые позиции подводные лодки Л-2 и М-98. Сразу после полуночи на траверзе мыса Юминда подорвался тральщик Т-206 «Верп». Спасая его команду, погиб на мине катер МО-301. Затем дважды подорвалась подводная лодка Л-2, с нее спаслись только три человека. От взрыва в параване тяжелые повреждения получил флагманский эсминец «Суровый», его пришлось затопить. Адмирал Москаленко перешел на борт сторожевого катера и в охранении двух тральщиков вернулся на Гогланд.

После этого в командование оставшимися кораблями вступил командир дивизиона минных заградителей капитан 1 ранга Н.И. Мещерский. По его приказанию отряд возглавил эсминец «Гордый» в обеспечении одного тральщика. Подводная лодка М-98 отделилась и пошла в район позиции самостоятельно. Через час она погибла со всем экипажем. Наконец, в 3.26 подорвался на двух минах и затонул эсминец «Гордый». В итоге утром 14 ноября на рейд Ханко прибыли только заградитель «Урал», тральщик Т-215 и три малых охотника.

Гибель третьего отряда кораблей несколько стимулировала мыслительную деятельность штабистов, которые решили все-таки изменить маршрут и воспользоваться северным фарватером, хоть и проходившим близко к финским шхерам, зато позволявшим обогнуть заграждение «Юминда». Ввиду низкой активности вражеской авиации к эвакуации привлекли мелкосидящие транспортные

средства, переоборудованные траулеры и малотоннажные суда.

До 29 ноября три отряда вывезли с Ханко около 9200 человек, 18 танков Т-26, 720 тонн продовольствия, 250 тонн боеприпасов. Одновременно производилась переброска на Ханко гарнизона острова Осмуссар. Из 29 кораблей и судов, участвовавших в перевозках в этот период, погибли на минах сетевой заградитель «Азимут» и два переоборудованных тральщика с 728 эвакуированными. На полуострове все еще осталось около 12 тысяч человек.

Для эвакуации последнего эшелона войск на Ханко 30 ноября прибыл отряд под флагом адмирала В.П. Дрозда в составе эсминцев «Стойкий» и «Славный», шести тральщиков, семи сторожевых катеров и турбоэлектрохода «Иосиф Сталин». На следующий день подошел последний отряд под командованием капитан-лейтенанта П.В. Швецова, в который входили канонерская лодка «Волга», сторожевик «Виртсайтис», два тральщика, два катера МО и транспорт № 538.

В ночь с 1 на 2 декабря был начат отвод войск с оборонительных позиций и посадка их на корабли. Последними отходили части прикрытия и саперы, минировавшие дороги и объекты базы. Финны никаких препятствий не оказывали. Тральщик «Гафель» снял с острова Осмуссар последних 340 его защитников.

С наступлением темноты 2 июня покинули Ханко тихоходные суда Швецова, взявшие на борт около 3000 человек. Отряд относительно благополучно дошел до Гогланда, потеряв на минах сторожевой корабль «Виртсайтис», людей с которого удалось снять.

В 22 часа ликвидированную базу оставил отряд Дрозда. Корабли были загружены сверх всякой нормы. Так, «Иосиф Сталин» принял на борт 5589 человек, 1200 тонн продовольствия, эсминцы — до 600 человек каждый, тральщики — по 300 человек и более. Во втором часу ночи 3 декабря на подходе к острову Найссар «Иосиф Сталин» подорвался на двух минах. Судно, потеряв ход и управление, начало дрейфовать на минном поле и вскоре раздался третий взрыв. Попытка эсминца «Славный» взять турбоход на буксир успехом не увенчалась. Вдобавок по конвою открыла огонь финская батарея 305-мм орудий с острова Макилото. Корабли отряда сняли с транспорта 1740 человек и продолжили переход.

Оставшихся на «Сталине» людей предполагалось снять силами отряда Святова, но спасатели, не имевшие тральных **средств,** пробиться к судну не смогли. Командующему флотом все, кто мог, проели плешь намеками, что судно с таким названием не должно попасть в руки врага, однако сделать уже ничего была нельзя. Трибуц доложил в Москву, что «Иосиф Сталин» погиб в результате тяжелых повреждений от подрыва на минах и детонации боезапаса. В действительности полузатопленный турбоход сел на мель у полуострова Сурупи и был захвачен финнами. По утверждению немецкого адмирала Фридриха Руге на нем были обнаружены «несколько тысяч трупов и живых людей».

В общей сложности в операции по эвакуации военно-морской базы Ханко участвовали 88 кораблей и судов, из них погибли 25 (в том числе 3 эсминца, 1 сторожевик, 5 тральщиков, 2 ледокола, 5 торпедных и 7 сторожевых катеров),

главным образом на минах. Потери на переходе составили около 5000 человек, в том числе 500 моряков. В Кронштадт и Ленинград были доставлены 22822 человека, 26 танков, 14 самолетов, 72 орудия, 56 минометов, 854 пулемета, около 20 тысяч винтовой, 1000 тонн боеприпасов и 1700 тонн продовольствия.

Сразу после окончания эвакуации Жданов и Хозин сообщили Сталину: «Несмотря на большие потери, считаем, что результат превзошел все ожидания».

Вслед за ними советская историография считает эту операцию весьма «успешной».

8-я стрелковая бригада вошла в состав 23-й армии и заняла оборону на Карельском перешейке. Одновременно по решению сухопутного командования, без какого-либо давления со стороны противника, были эвакуированы гарнизоны с островов восточной части Финского залива — Большой и Малый Тютерс, Бьерке, Гогланд, Соммерс. С них вывезли около 10 тысяч человек, которых сразу бросили в окопы. До окончания эвакуации с Ханко на Гогланде оставалось около 400 человек, 11 декабря их тоже сняли. При этом льды раздавили торпедные катера ТКА-12 и ТКА-42, катера-охотники МО-304, 305, 307, 313, 405, 406, 407.

Балтийский флот, запершись в Кронштадте и приготовившись к самоубийству, до весны отказался от любых активных действий в море.

На Ораниенбаумском пятачке в январе прибавилась 168-я стрелковая дивизия, 2-я и 5-я бригады морской пехоты стали 48-й и 71-й стрелковыми. На базе 3-го полка морской пехоты была сформирована 50-я стрелковая бригада.

Глава 7. ЗИМНЕЕ НАСТУПЛЕНИЕ РККА

(январь — февраль 1942 года)

5 января в Кремле состоялось заседание Ставки, на котором было принято решение о всеобщем наступлении Красной Армии на пространстве от Балтики до Черного моря, нанесении стратегического поражения Вермахту и выходе на государственную границу СССР. В разгроме Группы армий "Север», согласно этому грандиозному плану, главную роль должен бы сыграть Волховский фронт.

Войскам его правого крыла предстояло во взаимодействии с Ленинградским фронтом разгромить 18-ю немецкую армию и деблокировать Ленинград; войскам левого крыла ставилась задача во взаимодействии с правым флангом Северо-Западного фронта разбить 16-ю армию противника. Ленинградцам предстояло «содействовать Волховскому фронту в разгроме противника, обороняющегося под Ленинградом, и в освобождении Ленинграда от блокады».

Войска Северо-Западного фронта должны были ударом в направлении Старая Русса — Сольцы — Дно перерезать коммуникации новгородской группировки противника и нанести ей поражение.

Общее соотношение сил на северо-западном направлении складывалось в пользу Красной Армии. На 1 января германская группа армий «Север», по советским данным, имела 665 тысяч солдат и офицеров, 6 тысяч орудий и минометов, 160 танков и штурмовых орудий, 250 самолетов всех типов.

В войсках же Ленинградского, Волховского и Северо-Западного фронтов насчитывалось около миллиона человек, 9 тысяч орудий и минометов, не менее 400 танков. Ставка исходила также из того, что успешное развитие контрнаступления под Москвой не позволит германскому командованию усилить группу армий «Север» войсками, снятыми с других участков советско-германского фронта.

В подчинении генерала Мерецкова (Волховский фронт) находились 28 стрелковых и кавалерийских дивизий, 9 отдельных бригад, 25 отдельных танковых и лыжных батальонов: 242 тысячи человек, 2295 орудий и минометов, 220 танков. Фронт превосходил противника в людях как минимум в 2,2 раза, в танках — в 3,2 раза, в артиллерии — в 1,5 раза, в авиации — в 1,3 раза.

В 54-й армии Федюнинского было 11 дивизий, 2 «спешенные» танковые бригады и одна морская стрелковая бригада, 2 отдельных батальона (в сумме 83,5 тысячи человек), 1156 артиллерийских и минометных стволов, 18 танков.

В рвущихся им навстречу 8-й и 55-й армиях Ленинградского фронта насчитывалось 10 стрелковых дивизий, 1 стрелковая и 2 танковые бригады.

Шести советским армиям противостояли три германских армейских корпуса — 28, 1-й, 38-й, плюс «разгромленный» 39-й моторизованный корпус.

Наступление предстояло вести в пустынной лесисто-болотистой местности, в

условиях бездорожья, по глубокому снегу, прикрывавшему со времен ледникового периода незамерзающие хляби, что изначально исключало широкий маневр.

К назначенному времени Волховский фронт готов не был. Основной причиной являлась задержка сосредоточения войск. В 59-й армии к сроку успели развернуться пять дивизий, еще три находились в пути. Во 2-й ударной армии исходное положение заняли немногим более половины соединений, остальные следовали по единственной железной дороге. До линии фронта войска добирались с огромным трудом:

«Шли только ночью, днем укрывались в лесу. Чтобы пробить дорогу в глубоком снегу, приходилось колонны строить по пятнадцать человек в ряду. Первые ряды шли, утаптывая снег, местами доходивший до пояса. Через десять минут направляющий ряд отходил в сторону и пристраивался в хвосте колонны. Трудность движения усугублялась еще и тем, что на пути встречались не замерзшие болотистые места и речушки с наледью на поверхности. Обувь промокала и промерзала. Подсушить ее было нельзя, так как костры на стоянках разводить не разрешалось. Выбивались из сил обозные кони. Кончилось горючее, и машины остановились. Запасы боеприпасов, снаряжения, продовольствия пришлось нести на себе».

Добавим к этому 30—40-градусные морозы и строжайший запрет командования, вплоть до расстрела нарушителей, на разведение костров. С другого бока, можно было попасть под расстрел и за обморожение: мол, нарочно обморозился, подлец, чтоб с фронта дезертировать (генерал Гальдер, этакий дурень, как раз в то время мучился вопросом, как бы растолковать фюреру, что войска «не могут больше выдерживать морозы, превышающие 30 градусов).

Не прибыла авиация, в ВВС Волховского фронта насчитывалось 118 боевых самолетов, в их числе всего 6 бомбардировщиков и 19 штурмовиков. Отсутствовал санный транспорт и полевые кухни, крайне медленно проходило накопление боеприпасов и материально-технических средств. Спешно сформированный фронт практически не имел своего тыла,

К началу января войска имели не более одной четверти боекомплекта, вместо пяти, положенных для прорыва, и совершенно незначительные запасы продовольствия и фуража. Прибывающие соединения не имели оружия, средств связи, транспорта. Например, 378-я стрелковая дивизия была вооружена лишь 379 винтовками, 3 станковыми и 15 ручными пулеметами и 3 минометами. На всю 374-ю дивизию наличествовало 344 винтовки и 3 миномета. Тем не менее, их немедленно, «чтобы не терять времени», отправили в район сосредоточения в расчете на то, что немцы все равно отходят, а вооружение к началу наступления «будет подано». Ветеран 372-й дивизии вспоминает, как в ходе формирования 1236-го полка, ввиду отсутствия оружия, солдатам приказали смастерить деревянные трещотки, чтобы на тактических учениях имитировать ведение огня. Учеба быстро закончилась, а 30 % личного состава полка так и пошли в свой первый бой с трещотками.

Снабжение оставалось крайне неудовлетворительным почти все время. Не было ни одного полевого госпиталя. О противнике знали только то, что он есть и находится на западном берегу. Однако снова «тяжелое положение трудящихся Ленинграда требовало немедленных наступательных действий».

Да и не мог генерал армии Мерецков что-либо возразить «кремлевскому горцу», он боялся его до судорог. Как свидетельствует генерал В.Н. Никольский, работавший в то время в штабе Волховского фронта, при каждом вызове к прямому проводу командующий резко бледнел и не сразу подходил к телефону. Кирилл Афанасьевич был сломленным человеком. Сделав в 1930-е годы блестящую военную карьеру, дослужившись до должностей начальника Генерального штаба и заместителя наркома обороны, он был арестован в первый день войны.

Довольно скоро следователи НКВД сапогами и резиновыми дубинками выбили из Мерецкова признание в организации заговора с целью свержения рабоче-крестьянской власти, в шпионаже в пользу германской и британской разведок одновременно, а также показания на «соучастников» — Г.М. Штерна, А.Д. Локтионова, П.В. Рычагова, Д.Г. Павлова, Г.К. Жукова, М.П. Кирпоноса и многих других, вывших от боли в соседних камерах Сухановской тюрьмы (Штерн, Рычагов, Локтионов) либо уже сражавшихся с Вермахтом (Павлов, Жуков, Кирпонос). Этот страшный период своей жизни Мерецков потом зашифровал в мемуарах как службу в должности «постоянного советника при Ставке Главного Командования».

В сентябре 1941 года генерала, мечтавшего лишь о быстрой смерти, неожиданно переодели в новенькую форму и доставили к товарищу Сталину. Вождь поинтересовался здоровьем Мерецкова. Само собой, тот чувствовал себя хорошо и рвался в бой. Затем вождь «спокойно ознакомил» с военной обстановкой и направил, в компании с Л.З. Мехлисом, представителем Ставки на Северо-Западный фронт. Часть остальных «заговорщиков» расстреляли.

На фронте «красный профессор» преподал возвратившемуся в фавор генералу еще один наглядный урок: прибыв в разбитую противником 34-ю армию Мехлис приказал немедленно, перед строем офицеров штаба армии, расстрелять командующего артиллерией генерал-майора В.С. Гончарова «за дезорганизацию в управлении артиллерией армией и личную трусость». Что и было немедленно исполнено.

А Мерецков вскоре возглавил 7-ю армию, затем Волховский фронт. Он изо всех сил старался «оправдать доверие» и всегда помнил, что в любой момент снова может оказаться в чистых руках следователей-ударников вроде Шварцмана или Родоса. Поэтому командующий не только никогда не пытался оспаривать указания Москвы, но зачастую сам «бежал впереди паровоза», заваливая Генеральный штаб утопическими планами самых решительных самых наступательных операций, невзирая на потери и состояние вверенных ему войск.

7 января, не дожидаясь сосредоточения всех соединений, войска Волховского фронта, одновременно с Ленинградским и Северо-Западным фронтами, перешли в наступление. Основной удар с плацдарма в устье Тигоды наносила 4-я армия, которая обладала почти половиной артиллерии фронта и двумя третями бронетанковой техники. Соединения 59-й и 2-й ударной армий вводились в сражение последовательно по мере прибытия.

Наступление 54-й армии, в котором участвовали пять стрелковых дивизий, две бригады и три артполка РГК, двумя оперативными группами — синявинской и волховской — разворачивалось от Вороново в направлении Тосно. Навстречу ей

пробивалась 55-я армия Свиридова.

К 12 января красные флаги должны были взвиться над Любанью и Новгородом, но вышло иначе. Тяжелые бои продолжались несколько дней, однако прорвать оборону противника нигде не удалось. Артиллерия палила в белый свет, затем стрелковые, лыжные и саперные подразделения, раз за разом шли в лобовые атаки на огневые точки. Рассказывает бывший командир взвода управления 894-го артполка 327-й стрелковой дивизии П.П. Дмитриев.

«Артподготовка была явно недостаточной. На каждую гаубицу у нас было всего 20 снарядов. Расстреляв их, мы оказались безоружными и не смогли подавить огневые точки врага. Пехота, беззащитная перед ураганным огнем немецкой артиллерии, бьющей с высокого западного берега, полегла на волховском льду густыми черными точками: маскхалатов стрелкам не полагалось».

Боевые действия в очередной раз убедительно показали, что простым количественным превосходством германца не возьмешь. Войска не умели воевать. Вновь прибывшие дивизии не прошли полного курса обучения. Они были направлены на фронт, не получив навыков в тактических приемах и в обращении с оружием. А если винтовку боец получил лишь перед атакой, толку от неё в неумелых руках немногим больше, чем от трещоток, с которыми пошла в атаку 372-я дивизия (даже меньше: в первом бою, а он был ночным, «трещотники» оказали на немцев такое мощное психологическое воздействие, что вызвали у них панику и захватили опорный пункт).

Ряд частей и подразделений был полностью сформирован из жителей степных или среднеазиатских районов, многие из которых впервые в жизни оказались в лесах и, чтобы не потеряться, ходили в атаку «кучей». Бойцы лыжных батальонов «реагировали на местность» значительно лучше, но лыжами не владели и предпочитали передвигаться пешком. Командующий фронтом докладывал в Генштаб:

«Из семи лыжных батальонов, при проверке их оказалось, что личный состав трех батальонов совершенно не подготовлен к передвижению и ведению боя на лыжах».

Командиры не умели осуществлять управление частями и организовать взаимодействие между ними. Многие запрещали связистам включать рации, опасаясь, что немцы «запеленгуют» и «накроют» огнем. В штабах составляли планы и рисовали красивые карты разгрома врага с расчетным темпом продвижения по снежной целине до 4 километров в сутки, с прорывами, выходами на оперативный простор и хронометражем занимаемых «красными» рубежей. Противодействие «синих» в этих планах не предусматривалось.

Например, генерал-полковник И.С. Катышкин, бывший офицер оперативного отдела, без тени смущения сообщает, что «к положительным моментам» деятельности штаба 59-й армии в этот период следует отнести «вообще всю разработку плана разгрома чудовской группировки противника», в коем ясно просматривается «зрелось нашей тактической и оперативной мысли», а также разработку директив, инструкций и приказов.

«Но вот беда: доходили они до войск с большим опозданием... А что касается сосредоточения всей артиллерии на направлении главного удара, это решение подчас и вовсе не претворялось в жизнь... Мы тогда не очень-то и умели осуществлять подобное». Или того лучше: «об этом почему-то забывали».

Штабы не были сколочены, теряли управление почти сразу, как только войска приходили в движение, почти не имели технических средств связи, а там где они были — не знали как этой «техникой» пользоваться. А кроме того, вот еще какая вышла неожиданность: «противник своими настойчивыми контратаками всячески мешал нам претворить этот план в жизнь».

Короче говоря, штабы больше напоминали классы для умственно отсталых, чем «мозги армий». Нельзя же всерьез воспринимать рассуждения о том, что, работая «с перенапряжением», генералы «приобретали некоторый опыт руководства операцией», а работники оперативного отдела «набирались навыков в разработке и доведении до войск различных боевых документов».

И техника зачастую была еще та! К примеру, корректировщики огня 122-мм гаубиц, следовавшие в боевых порядках пехоты, получили новейшие «секретные» телефонные аппараты ТАТ отечественного производства, которые обеспечивали кое-какую слышимость на расстоянии до 100 метров.

Командующий 2-й ударной армией (Соколов), произведенный в полководцы с должности заместителя наркома внутренних дел, на военном поприще проявил себя полным кретином. Он понятия не мел даже о том, где находятся вверенные ему войска, зато сочинял для этих войск подобия ростопчинских афишек:

«Холоду не поддаваться, бабами рязанскими не обряжаться, быть молодцами и морозу не поддаваться».

Командующий Волховским фронтом (Мерецков), накопивший богатый опыт руководства армиями и округами, сражавшийся с «франкистами» и «белофиннами», тоже проявил себя, мягко говоря, недостаточно квалифицированным военачальником. Правда, в отличие от Жукова, после войны он это признал.

Фронт не имел выраженной ударной группировки, его войска были растянуты в один эшелон вдоль берега реки Волхов, ведя непрерывную разведку боем по всей 150-километровой линии с целью вскрытия позиций противника и поиска в них слабых мест. Второго эшелона не было вовсе, и наращивать удар с целью развития успеха в глубину было нечем. В резерве находилась одна дивизия и 3 (три!) танка. В случае прорыва вражеской обороны штаб фронта все надежды возлагал на обещанную товарищем Сталиным «свежую армию». Прозревший годы спустя Мерецков пишет:

«Между тем, основные силы надо было с самого начала сосредоточить на участке главного удара... Не удалось нам найти также правильную форму и верные способы оперативного взаимодействия между армиями Волховского и Ленинградского фронтов. Это можно объяснить отчасти и отсутствием тесного контакта между мною и командующим Ленинградским фронтом М.С. Хозиным. В результате удары фронтов пошли по расходящимся направлениям и не совпадали целиком во времени. Гитлеровцы получили

возможность отражать наши удары поочередно и осуществлять подвоз из тыла оперативных резервов».

Судя по всему, в **1942** году и Мерецков, и Хозин, отслужив в Красной Армии по 25 лет, мало что понимали в своей **профессии.** Дело усугублялось тем обстоятельством, **что,** действовали они порознь, и похоже, что вполне сознательно. Высший советский генералитет все еще пребывал в уверенности, что немцы почти разбиты, в условиях русской зимы не способны к серьезному сопротивлению, а потому каждый мысленно примерял на себя венок победителя и вертел дырки для орденов.

В результате уже на вторые сутки стало ясно, что наступление провалилось, едва начавшись. Советские части откатились на исходные рубежи. Военный совет Волховского фронта попросил Ставку отложить операцию еще на три дня, Сталин великодушно дал пять, разрешив перенести наступление войск фронта на 13 января. Сохранилась запись телефонного разговора между Ставкой и комфронта:

«По всем данным у вас не готово наступление к 11-му числу. Если это верно, надо отложить на день или два, чтобы наступать и прорвать оборону противника. Чтобы наступать и прорвать оборону противника, надо иметь в каждой армии ударную группу хотя бы из трех дивизий и надо, кроме того, сосредоточить 50-60 орудий в районе ударной группы каждой армии для поддержки ударной группы....

У русских говорится: поспешишь — людей насмешишь. У вас так и вышло, поспешили с наступлением, не подготовив его, и насмешили людей. Если помните, я вам предлагал отложить наступление, если ударная армия Соколова не готова, а теперь пожинаете плоды своей поспешности».

И хотя Мерецков прекрасно понимал, что для основательной подготовки операции требуется как минимум 15—20 суток, возразить он не посмел: «мы с радостью ухватились за предложенную Ставкой отсрочку». Так Верховный ли торопил командование фронта, или же сами генералы занимались очковтирательством, спеша порадовать Вождя успехами? Недаром маршал Иван Христофорович Баграмян (1897—1982) по поводу постановки войскам невыполнимых задач отметил, что «оптимизм центра во многом был навеян нашими довольно бодрыми донесениями».

Пока шло затянувшееся сосредоточение советских войск, противник готовился к обороне. Ближайшей оперативной задачей группы армий «Север» было закрепиться и удержаться на рубеже реки Волхов и линии железной дороги от станции Кириши до станции Мга.

Немцы ожидали наступление русских на подготовленных позициях, оборудованных системой узлов сопротивления и опорных пунктов, с большим количеством дзотов и пулеметных площадок. Передний край обороны проходил по западному берегу реки, поверхность которой перекрывалась плотной системой всех видов огня.

Второй оборонительный рубеж проходил по насыпи железнодорожной линии Кириши — Новгород. Он представлял собой линию укрепленных населенных пунктов с хорошо организованной огневой связью между ними. Все пространство

между Волховом и железной дорогой густо опутали проволочные заграждения, покрыли минные поля. В оперативной глубине крупные населенные пункты были превращены в мощные, по советским меркам, узлы сопротивления, подходы к ним преграждали высокие снежные валы, поливаемые водой.

Но по немецким стандартам, оборона только начала создаваться, была слаба и недостаточно оборудована. Вот как анализирует диспозицию Хартвиг Польман, бывший командир 284-го полка 96-й пехотной дивизии:

«К этому еще добавлялись непривычная дьявольская стужа при полном отсутствии зимнего обмундирования, тогда как противник был удобно одет, привычен к климату, фантастически неприхотлив по части питания и обладал многими другими преимуществами, к счастью, кроме одного — способности использовать эти превосходящие качества для достижения реальных результатов».

Позиции по Волхову занимали пять пехотных дивизий — 250-я (испанская), 126, **215,** 61, 21-я. От станции Кириши вдоль железной дороги на Мгу оборону против войск Федюнинского держали 11-я, 96-я и 269-я пехотные дивизии. Во втором эшелоне находились 291-я и 254-я пехотные дивизии и 9-й полк СС. Сильно потрепанные соединения 39-го моторизованного корпуса приводились в порядок, пополнялись техникой и людьми в районе Любани. В районе Еглино дислоцировалась 285-я охранная дивизия.

Самым перспективным направлением прорыва являлась железная и шоссейная дороги Москва — Ленинград. Естественно, именно здесь немцы создали множество огневых точек и сосредоточили основную массу артиллерии.

О внезапном нападении не могло быть и речи: о готовящемся наступлении знали все. Широкий маневр также исключался: отсутствие дорог и труднопроходимая местность приковывали войска к определенным направлениям. Советские полководцы решили перехитрить врага, действуя «по-суворовски» — штыком и гранатой через болота и непроходимые леса.

Для советских солдат нет преград

Генерала Соколова 10 января Ставка отстранила от командования. 2-ю ударную армию, на которую возлагались большие надежды, возглавил генерал-лейтенант Н.К. Клыков. Армия дополнительно усиливалась 259-й стрелковой дивизией, ствольной и реактивной артиллерией. 52-ю армию принял генерал-лейтенант В.Ф. Яковлев. Количество боеприпасов в войсках довели до одного боекомплекта на дивизию, что, конечно, было совершенно недостаточно, исходя не только из уставных норм, но и по причине полного отсутствия сведений о противнике. Ведение огня планировалось не по конкретным целям, а по площадям.

Качество войск лучше не стало. К примеру, формирование 59-й отдельной ударной бригады подполковника Черника началось в конце ноября 1941 года в Саратовской области, в двадцатых числах декабря она срочно была направлена на фронт без оружия и личного состава, по пути под Пензой в эшелоны загрузили призывников, с которыми командиры подразделений приступили к изучению уставов, а политработники разъясняли «требования партии к защитникам

Родины» и «воспитывали» презрение к смерти.

Под Москвой в течение недели бойцов учили в основном двум приемам — перебежкам и броскам в атаку, в Ярославле бригада получила пушки и минометы, в Будогощи, откуда начался шестидневный пеший переход к передовой, — зимнее обмундирование и уже в Малой Вишере — стрелковое вооружение. За день до начала наступления, без всякой передышки, после изнурительных ночных маршей, 59-я бригада заняла исходное положение во втором эшелоне 2-й ударной армии. Но эту бригаду, по советским меркам, можно было считать обученным соединением: ее солдаты три дня держали в руках винтовки и, что немаловажно, понимали русский язык.

Бывший начальник политуправления фронта генерал К.Ф. Калашников с гордостью рассказывает о том, как агитатор политотдела 59-й армии за пару часов обучил стрелять, разбирать и собирать винтовку две роты маршевого пополнения, укомплектованных таджиками и узбеками, никогда в глаза не видевших оружия:

«Самое поразительное: оказывается, начав обучать те маршевые роты, он и слова не знал по-узбекски и по-таджикски. — Как же вас понимали? — удивился я. — Какие же мы будем коммунисты, если нас люди не поймут? — просто ответил он».

Сразу и не поймешь, прочитав сей пассаж, то ли генерал был полным идиотом, то ли два его литературных редактора, или же они нас, читателей, таковыми считали. А «самое поразительное», что эти роты, не знавшие ни слова по-русски, «просто» пошли в бой в тот же день, сразу после «обучения». Впрочем, я бы удивился, если бы вышло иначе: «какие бы мы тогда были коммунисты»?

Ветераны рассказывают, как эти солдаты с «окраин южных советских республик» собирали для обогрева немецкие гранаты с деревянными ручками и кидали в костры. Стоило ли везти так далеко парней, которых при «кровавом царизме» не призывали в армию даже во время мировой войны, гнать через всю страну эшелоны, чтобы тупо и бездушно убить безо всякой пользы для дела.

• • •

13 января 1942 года в 9.30 утра началась «Битва на Волхове».

Советское наступление развивалось мучительно медленно. Немцы повсюду оказали упорное сопротивление. На участке 4-й армии они сами атаковали, и войска генерала Иванова вместо наступления вели оборонительные бои. 59-я армия, которая, нанося главный удар пятью дивизиями от Грузино, должна была разгромить вражескую группировку в районе Чудово и овладеть этим железнодорожным узлом, застряла на сплошных минных полях перед позициями 61-й пехотной дивизии противника, прикрытых убийственным пулеметным и минометным огнем. Батальонам не удалось даже зацепиться за противоположный берег.

Успех, обозначился только на направлении действий 2-й ударной и 52-й армий. К исходу второго дня их ударные группировки пересекли Волхов и овладели рядом населенных пунктов, вклинившись в немецкую оборону на стыке 126-й и 215-й

пехотных дивизий. Вспоминает бывший командир 327-й стрелковой дивизии генерал-майор И.М. Антюфеев:

«До переднего края противника было около 800—1000 метров. Глубокий снег, особенно в долине реки, мороз до 30 градусов, сильный пулеметный и минометный огонь противника, а у нас ни лыж, ни маскировочных халатов... Пространство до рубежа атаки бойцы вынуждены были преодолевать ползком, зарываясь в снег. Лишь около 14 часов роты первого эшелона вышли на рубеж атаки. Люди были настолько измотаны, что, казалось, не в состоянии сделать и шагу. Я вынужден был ввести в бой второй эшелон дивизии. И только вместе с ним поднялись в атаку подразделения первого эшелона. Оборона противника на участке Бор — Костылево была прорвана».

Левее успешно действовала 58-я стрелковая бригада полковника Ф.М. Жильцова, овладевшая населенным пунктом Ямно. Еще левее правофланговые соединения 52-й армии вышли на западный берег реки.

Для развития успеха с утра 15 января генералы Клыков и Яковлев ввели в бой вторые эшелоны своих армий, но сломить сопротивление врага не удавалось. Четыре дня понадобилось войскам 2-й ударной армии, чтобы преодолеть 8 километров до второй позиции немецкой обороны, оборудованной вдоль железной и шоссейной дорог Чудово — Новгород. Еще неделю они топтались на 12-километровом рубеже, безуспешно атакуя укрепленные пункты Мясной Бор, Мостки и Спасскую Полисть. Снарядов уже не хватало, в воздухе господствовала авиация противника. Боевые действия велись вслепую, немецкие позиции брали массой пока еще живой силы. Вот как описывает действия 59-й стрелковой бригады бывший начальник штаба батальона К.И. Штатное.

«Много часов подряд, до темноты, я со своими автоматчиками отвечал стрельбой на стрельбу немцев. Стрельба была неприцельной, так как мы не видели противника. Когда стемнело, стали стрелять в ту сторону, откуда летели трассирующие пули. С наступлением темноты страх напал на моих бойцов. Им стало казаться, что нас окружают, что они слышат лязг гусениц танков. От волнения у многих бойцов тряслись руки, что сказывалось на качестве выстрелов...

Вскоре бой затих. Меня вызвали в штаб бригады. Подполковник был уже пьян. Он приказал мне доложить о боевом состоянии батальона, я ответил, что ему это лучше известно, так как он самолично руководил боем, а я выполнял его же приказы об обороне левого фланга. На меня полилась матерная ругань, из кобуры был вытащен пистолет и наведен на меня. Однако выстрела не последовало, и я уцелел.

Спустя какое-то время я получил приказ продвинуться со своим батальоном и приданным мне отделением станковых пулеметов километра на два вперед. Никаких карт, никаких ориентиров! «Пойдешь прямо!» И всё! Мне уже все осточертело. Надоела эта пьяная ругань командиров, их безалаберность, а главное — напрасная гибель людей из-за бесцельного ведения боя. Вот и сейчас — никакой боевой задачи. Продвинуться и всё тут! Местность никому неизвестна. Куда я поведу людей? Кругом ночь, не видно ни зги!

Но приказ есть приказ. Собрав людей, я двинулся в направлении, куда вел до

этого стрельбу из автоматов. За мной потянули провод связи... Неожиданно ко мне явился сам начштаба бригады майор Старцев. Снова матерная ругань: меня вызывает подполковник (Через две недели тот же майор Старцев в госпитале в Боровичах подкатит на коляске — он был ранен в обе ноги — к моей кровати и скажет: «Эх, Штатное! За то, как мы воевали, нас нужно расстрелять!». Он будет говорить, конечно, о руководстве бригадой, а не о нас, подчинявшихся их приказам.)».

Подполковника Черника с командования бригадой сняли сразу после боя за Мясной Бор, в котором он потерял не только много красноармейцев, но и половину собственного штаба. Интересно, чему он учил китайских товарищей, у которых когда-то был советником? Или, наоборот, это они научили его так воевать?

Посоветовавшись со Сталиным, Мерецков «для глубокого развития прорыва» перебросил в полосу 2-й ударной армии 366, 382, 111-ю и 374-ю стрелковые, 87-ю кавалерийскую дивизию и 12 лыжных батальонов, сосредоточил более 400 орудий.

• • •

К этому времени 54-я армия Ленинградского фронта, перегруппировавшая силы и пытавшаяся осуществить прорыв в районе станции Погостье в общем направлении на Тосно, «израсходовала» 20 тысяч солдат, все боеприпасы и прекратила наступление.

Оттачивая до войны тактику блицкрига, Вермахт, в отличие от Красной Армии, не разбрасывался опытом Первой мировой войны. Немцы показали себя мастерами полевой фортификации, приспосабливаясь к любой местности, умело выбирая позиции и в кратчайшие сроки превращая их в неприступные крепости.

Такой непреодолимой преградой для советских войск стала насыпь железной дороги Кириши — Мга, обороняемая частями 225-й и 269-й пехотных дивизий и станция Погостье — исходная точка наступления армии Федюнинского. Противник, увеличив высоту железнодорожного полотна до трех метров, врыл в насыпь ружейные и пулеметные ячейки, соорудил площадки для противотанковых орудий (10—12 стволов на километр) и землянки для личного состава, укрытые рельсами и накатами бревен. Все это скрывал от взглядов советских наблюдателей маскировочный забор из ветвей и прутьев. Подступы были густо минированы и прикрыты несколькими рядами колючей проволоки. Ключевые пункты поддерживали мощные артиллерийские группировки, позади дороги курсировали самоходные установки.

Вообще-то Погостье, выбив оборонявший её пехотный батальон, 281-я Стрелковая дивизия заняла еще 17 декабря 1941 года. Однако, обнаружив на путях цистерну спирта, отважные воины быстро утратили боеспособность. Через день пьяных в дрезину героев разгромила сотня немецких автоматчиков при двух танках.

В январе станцию ежедневно атаковали полки 3-й гвардейской, 281, 265, 11-й стрелковых дивизий, затем — 311, 177, 80,' 198-я и 11-я стрелковые дивизии, 122-я и 124-я танковая бригады — безрезультатно и с большими потерями. Армия увязла в первой линии обороны врага.

Отдельные полки и лыжные батальоны преодолевали железную дорогу на менее укрепленных участках, но быстро отрезались фланговыми ударами, и вынуждены были прорываться обратно. Мат командарма гремел по всем линиям связи, долетая до передовой и немецких позиций: «Вашу мать! Вперед!!! Не продвинешься — расстреляю! Вашу мать! Атаковать!!!», но толку всё равно не было.

В железнодорожной насыпи вместе со своими «камрадами» сидел солдат 1-й роты 333-го полка 225-й пехотной дивизии Хендрик Виерс:

«Едва брезжил рассвет, толпой атаковали красноармейцы. Они повторяли атаки до 8 раз в день. Первая волна была вооружена, вторая часто безоружна, но мало кто достигал насыпи. 27-го красноармейцы четырнадцать раз атаковали нашу позицию, но не достигли её. К концу дня многие из нас были убиты, многие ранены, а боеприпасы исчерпаны. Мы слышали во тьме отчаянные призывы раненых красноармейцев, которые звали санитаров. Крики продолжались до утра, когда они умирали».

Некоторые немецкие пулеметчики от таких впечатлений тронулись умом.

Генерал Федюнинский пишет:

«Соединения и части армии в этот период вели бои местного значения. Наиболее активные действия проходили в районе Погостья, но удачными их признать было нельзя».

• • •

В конце января действовавшая в составе 54-й армии Синявинская оперативная группа (128, 294, 265-я стрелковые, 21-я танковая дивизии, 16-я танковая, 6-я морская бригады, 882-й артполк) была передана в развертываемую в этом районе 8-ю армию Ленинградского фронта. Управление армии передислоцировалось на Большую землю через Ладожское озеро 27 января, командующим армией назначили генерал-майора Александра Васильевича Сухом-лина (1900—1970). Он стал восьмым по счету командармом за восемь месяцев войны!

На невском оборонительном рубеже 1 февраля была вновь образована Невская оперативная группа под командованием генерала А.Л. Бондаренко. В районе Волхова на базе выведенной в резерв 3-й гвардейской дивизии началось формирование 4-го гвардейского стрелкового корпуса.

Бурная деятельность Мерецкова и Федюнинского особого впечатления на высшее германское командование, судя по записям начальника штаба ОКХ, пока не производила. Так, 19 января генерал Гальдер отметил, что «на фронте 18-й армии, также как будто ожидаются (!) крупные удары». Гораздо большее беспокойство вызывало продвижение 11 -й и 34-й армий Северо-Западного фронта к Старой Руссе и Демянску. Командующий группой армий «Север» предложил начать здесь немедленный отход но Гитлер категорически потребовал удерживать фронт на Валдайской возвышенности.

Не достигнув единства взглядов со свежеиспеченным Верховным главнокомандующим Вермахтом, генерал-фельдмаршал фон Лееб попросился в отставку, бросив напоследок: «Гитлер ведет себя в России так, как будто действует с

русскими заодно». Фюрер, и без того числивший Лееба в «неисправимых антифашистах», отставку принял, а затем уволил фельдмаршала в запас. Группу армий «Север» принял генерал-полковник Георг фон Кюхлер, в командование 18-й армией вступил генерал кавалерии Георг фон Линдеман.

•••

Только 24 января 366-я стрелковая дивизия полковника СИ. Буланова овладела Мясным Бором, ключевой позицией второго рубежа немецкой обороны. На следующий день, развивая наступление вдоль просеки, сибиряки заняли деревни Кречно и Новую Keресть. Немедленно Мерецков принял решение о введении в прорыв 13-го кавалерийский корпуса под командованием генерала Н.И. Гусева в составе двух кавалерийских и одной стрелковой дивизий. В директиве командующего фронтом № 0021 говорилось:

«Не позднее 27 января перехватить шоссе и железную дорогу Чудово—Ленинград и овладеть Любанью. С организацией обороны не связываться».

Но конники, едва выступив из мест сосредоточения, подверглись непрерывным ударам немецкой авиации, двигаться пришлось ночью, пешком по глубокому снегу, ведя коней в поводу. В прорыв корпус сумел войти лишь утром 26 января. К исходу дня 87-я кавалерийская дивизия полковника Д.М. Баринова внезапной атакой разгромила гарнизон противника в Ольховке, 366-я стрелковая 27 января заняла Финев Луг. За пять дней корпус продвинулся на 40 км и перерезал железную дорогу Ленинград — Новгород в районе станции Рогавка.

Однако лихого кавалерийского рейда на Любань не получилось. Глубокий снежный покров не позволял действовать вне дорог, а лыжных батальонов корпусу не придали. Господство немецкой авиации при полном отсутствии зенитных средств вынудило прекратить активные действия в светлое время суток. Пушек и минометов было недостаточно, 25-я кавдивизия полковника В.Ф. Трантина, именовавшая дивизией «легкого типа», вообще не имела артиллерии. Фактор внезапности отсутствовал. Опорные пункты приходилось брать внезапными ночными атаками в пешем строю. Корпус втянулся в безрезультатные затяжные бои, теряя маневренность и подвижность. Тылы остались на восточном берегу Волхова, а у генерала Гусева — почти 6000 лошадей, которых, в отличие от бойцов, надо было кормить в любом случае. Бывший рядовой И.И. Калабин размышляет:

«До сих пор недоумеваю, на что рассчитывало командование, загоняя коней в непроходимый лес, где ни дорог, ни тропинок, и снега лошадям по брюхо? Ведь достаточно было взглянуть на топографическую карту Новгородской области, чтобы понять: эти места за Волховом — настоящий край Мазая — топи да болота... На какую военную мощь рассчитывали, не ведаю».

Вслед за корпусом потянулись в прорыв войска 2-й ударной армии и артиллерия РГК. Наступление велось, по существу, с открытыми флангами, поскольку соседние армии значительно отстали.

По согласованию со Ставкой было принято решение о перенесении всех усилий Волховского фронта в направлении Спасской Полисти и Любани.

Приостановившая наступление 4-я армия расширила свой оперативный участок за счет 59-й армии, а последняя сдвинулась еще южнее, почти в тыл 2-й ударной. Таким образом, в направлении Спасской Полисти создавалась группировка войск трех армий: в центре на 15-километровом участке наступала 2-я ударная, справа и слева от нее — основные силы 59-й и 52-й армий, имевшие задачу расширить брешь.

Ширина прорыва по западному берегу реки Волхов достигла 25 км, но в районе Мясного Бора она сужалась до 3—4 км. В этой горловине развернулись кровопролитные бои. На правом фланге генерал Галанин шестью дивизиями безуспешно пытался прорвать вражескую оборону на 10-километровом участке Трегубово — Спасская Полисть, обороняемом 215-й пехотной дивизией генерал-лейтенанта Кнайсса. В течение нескольких недель не сдавала позиций в деревне Мостки сборная «бригада Кёхлинга». Потери 59-й армии в живой силе составили к концу месяца более 16 тысяч человек.

Такое же положение сложилось и на левом фланге, где 52-я армия в составе пяти дивизий, после многочисленных атак на деревни Копцы и Любцы, которые удерживала 126-я пехотная дивизия генерал-лейтенанта Лаукса, сама перешла к обороне.

В боях за деревню Копцы якобы совершили подвиг бойцы 225-й стрелковой дивизии сержант И.С. Герасименко, рядовые А.С. Красилов и Л.А. Черемнов, одновременно закрывшие собой три амбразуры вражеских огневых точек. Никаких подробностей этого ночного боя нигде не приводится, кроме довольно путаного донесения начальника политуправления фронта дивизионного комиссара Горохова:

«Разведчики Арсенин, Лифанов и Селезнев бросились к первому ДЗОТу и через дымоходные трубы и двери гранами стали уничтожать фашистский гарнизон (Довольно необычный способ вести разведку, но ясно, что действовала группа блокировщиков). По разведчикам открыли огонь из других, близко расположенных ДЗОТов. Заметив это Герасименко, Черемнов и Красиков (Красиковым он был и в выпущенной Госкиноиздатом листовке, потом оказался Красиловым) подбежали в к ним, забросали гранатами и через амбразуры вытащили пулеметы, чтобы применить их против врага. В это время разведчики подверглись новому обстрелу из трех ранее молчавших пулеметных точек, огонь которых мог вывести из строя всю группу.

Ближе всех других к этим пулеметным ДЗОТам были сержант Герасименко и его бойцы Черемнов и Красиков. По команде Герасименко каждый из них бросился к одной из точек, но гранат уже не было (Кончились у всех сразу?), а винтовкой не остановишь пулеметного огня (Неясно, куда подевались вытащенные из амбразур пулеметы). Медлить нельзя было, и у всех троих одновременно возникло одно решение — без всякой команды, не сговариваясь, они бросились на ДЗОТы и своими телами закрыли их амбразуры. Вражеские пулеметы замолкли. Остальные разведчики окружили ДЗОТы и взорвали их. Полтора часа еще длился бой.

Смело и беспощадно сражались разведчики, мстя за смерть боевых товарищей. Они уничтожили 55 солдат и офицеров и взорвали 6 ДЗОТов (Из красных бойцов, судя по рассказу, больше никто не погиб, или же погиб не так геройски).»

Сомнения вызывает то обстоятельство, что ни одной армии мира такого рода подвиги, противоречащие законам физики и человеческой психологии, оказались не по плечу. Пуля весом 12,8 грамма из пулемета MG-34 вылетает со скоростью 755 м/с, силу удара подсчитайте сами.

Писатель-фронтовик Виктор Астафьев, обсуждая с другим писателем-фронтовиком, Вячеславом Кондратьевым подвиг Александра Матросова сказал:

«Грудью на дзот, он конечно же не бросался... Амбразуру, ты знаешь, даже сытой комиссарской жопой не закрыть»...

• • •

А тем временем части 2-й ударной армии все дальше углублялись в леса и незамерзающие болота. Только вперед! Х. Польман пишет:

«Как ни странно звучит, но исход боя решался не в глубине территории у острия наступательных клиньев противника, врезавшихся далеко в леса тыла, какими бы угрожающими эти клинья не казались на карте, а на месте прорыва Волхова и у шоссе Новгород — Чудово, т.е. у населенных пунктов Мясной Бор, Мостки и Спасская Полисть. Это ясно сознавало командование группы армий «Север», которое в соответствии с этим планировало свои контрмероприятия. Это поняли также солдаты, унтер-офицеры и офицеры, которые с особой стойкостью и упорством сражались здесь за каждый квадратный метр земли.

Советское командование, несмотря на все усилия, явно недостаточно серьезно отнеслось здесь к немецкому сопротивлению и положилось на эффективность своего удара в глубину вместо того, чтобы сначала наступать по обеим сторонам шоссе на север и на юг».

Войска генерала Клыкова (12 расчетных дивизий), подгоняемые приказами командования фронта, не зная, что у них делается в тылу, пытались наступать веером по всей окружности освобожденной от врага территории. Плотность боевых порядков соответственно уменьшалась.

59-я стрелковая бригада после ожесточенных боев 28 января овладела Дубовиком, Большим и Малым Еглино. 87-я кавалерийская дивизия, 53-я и 57-я бригады втянулись в многодневные бои за село Ручьи в 25 км от Любани.

Продвижение во многом диктовалось условиями местности и упорством противника. Советские соединения имели успех, наступая на запад и северо-запад, где противника почти не было и где бороться им приходилось в основном с природой.

Зато стоило повернуть на восток, в сторону Любани и железнодорожной линии на Ленинград, достижения были незначительны. Получив отпор, войска Красной Армии обходили населенные пункты с запада, снова углубляясь в заснеженные дебри, порой просто бродили по лесам, не зная своих задач, не имея сведений ни о своих, ни о немецких частях.

Начальник политуправления Волховского фронта дивизионный комиссар

Горохов доносил:

«Так, в 53-й стрелковой бригаде, не только красноармейцы, но и командиры не знали боевой задачи, не знали населенных пунктов, на которые шло наступление».

Под Ямно сразу три стрелковые бригады, бодро шагавшие в колонном строю без разведки и без боевого охранения, в полной уверенности, что всё вокруг «уже наше», попали в организованный немцами огневой мешок.

В результате «броуновского движения» огромного количества соединений, частей, отдельных подразделений и тыловых учреждений, при характерном для Красной Армии того периода состоянии связи, штаб армии все в меньшей степени управлял процессом. Между прочим, еще в 1929 году Сталин объяснял инструкторам ЦК ВКП(б):

«При огульном продвижении... наступление должно неминуемо выдохнуться и провалиться. Огульное продвижение есть смерть для наступления».

Но, став Верховным Главнокомандующим, он забыл, чему поучал, видимо считал, что война — дело более простое, чем коллективизация. И кто бы решился его поправить?

Недостаток продовольствия в подразделениях восполняли кониной: почти вся артиллерия и техника была на конной тяге, а потери лошадей, которых из-за отсутствия фуража кормили березовыми ветками, были ужасающими. Один ветеран образно сказал, что «лошади дохли как мухи». На голодном пайке сидела не только ушедшая в прорыв 2-я ударная армия, но сидели стоявшие на месте соседи, сидел весь Волховский фронт. Неугомонный Горохов, проверив состояние 4-й и 52-й армий, бил тревогу:

«В армиях совершенно отсутствуют махорка, сахар, сухари, мясо, концентраты, мука. В 65 сд пища варится из одной крупы, отпускаемой в половинной норме. В 80 кд нет соли. Ухудшилось положение с фуражом, овес на исходе, сено израсходовано, конский состав сильно истощен. В 60-м артполку 124 лошади от истощения не могут перевозить материальную часть».

Потери Волховского фронта за январь составили 73 тысячи человек, но при этом, за счет новых пополнений, количество войск и техники не уменьшилось, а по артиллерии увеличилось в полтора раза. На 1 февраля насчитывалось 25 дивизий, 9 бригад, 36 отдельных батальонов — более 233 тысяч человек, 3196 орудий и минометов, 171 танк. Военно-воздушные силы фронта имели уже 313 боевых самолетов. Армейскую авиацию полководцы при подсчетах обычно «забывают», но у тружеников тыла собственная гордость, и они сообщили, что ВВС армий получили дополнительно 188 машин.

В мемуарах советских генералов, написанных на основе победно-героических сводок Совинформбюро и собственных лживых донесений, неизменно утверждается, что бои проходили с «большими потерями для обеих сторон». Это невозможно чисто теоретически, учитывая что «вооруженные до зубов» немцы твердо оборонялись на подготовленных позициях «в крепких оборонительных

сооружениях», а советские солдаты атаковали их в чистом поле «без достаточной огневой поддержки». Так, бывший «гвардейский минометчик» Н.И. Исаков вспоминает:

«Сколько я был в Мясном Бору — земли не видел, всюду трупы наших солдат. Убитого немца видел только раз, все ходили смотреть на него, как на диковину».

Да и могло ли быть иначе, если во главе армий стояли «полководцы» типа генерала Иванова, которому командующий фронтом вынужден был посылать такие вот телеграммы:

«Категорически запрещаю проводить широко практикуемые вами штыковые атаки против сильно укрепленных позиций противника без предварительной огневой подготовки и серьезного обеспечения атаки минометно-артиллерийским огнем».

Ну, а с «обеспечением», по мнению Мерецкова, можно было и в штыки ходить. Маршевые пополнения всё шли и шли, Россия большая. Когда винтовок не хватало, новобранцам выдавали палки с привязанными штыками. Известное дело: пуля — дура, штык — молодец!

Раненых в ходе боя не выносили, первичную помощь им никто не оказывал, поскольку, вопреки всем уставам и здравому смыслу, «отцы-командиры» ставили санитаров и санинструкторов в стрелковую цепь наравне с рядовыми бойцами. По этой причине, в первую очередь в 4-й армии быстро возник огромный некомплект младшего медперсонала. В конце концов, Мерецков, рискуя вызвать недовольство Ставки, вынужден был своим приказом отстранить Иванова от должности и назначить на его место генерал-майора П.И. Ляпина. Сталин таки выразил недовольство превышением полномочий, но решение командующего фронтом все же утвердил.

•••

55-я армия Ленинградского фронта шестью дивизиями (268, 43, 56, 70, 90, 125-я) при поддержке 124-й и 125-й танковых бригад и 86-го отдельного танкового батальона всю зиму вела бои наступательного характера в устье реки Тосны и в противотанковом рву, а также южнее Колпино за поселки Путролово и Ям-Ижору.

Вспоминает полковник В.К. Зиновьев из штаба 125-й стрелковой дивизии:

«Военный совет 55-й армии поставил перед нами задачу овладеть Красным Бором. Думаю, что дивизия могла бы выполнить приказ и взять Красный Бор. Противотанковый ров был уже в наших руках. А это был удобный рубеж для сосредоточения войск и наступления. Можно было ожидать, что соседние дивизии получат приказ облегчить нам выполнение задачи по захвату Красного Бора наступательными операциями, чтобы прикрыть наши фланги. Но соседние дивизии такого приказа не получили, и мы наступали с открытыми флангами.

Бросившись в атаку, наши части продвинулись вперед, но попали под перекрестный огонь противника и вынуждены были залечь на мерзлой земле, которую не выгрызешь, ни шанцевой лопаткой, ни зубами. Особенно большие поте-

ри понес 657-й стрелковый полк, которым командовал полковник Варюхин. Полк наступал в первом эшелоне и потерял столько бойцов и командиров, что стал небоеспособным. Об этом и доложил командир полка комдиву генерал-майору Фадееву Ивану Ивановичу.

— Повтори, что ты сказал! — воскликнул генерал. А я насторожился, прислушиваясь к их разговору.

— В полку осталось тринадцать активных штыков и один станковый пулемет, — говорил голос в трубке, которую генерал приблизил к моему уху.

— Не может этого быть! — воскликнул снова генерал...

Весь январь и февраль сорок второго года части дивизии вели, которые в сводках Совинформбюро назывались боями местного значения. Продвинулись мы почти до Красного Бора. Но это не только не улучшило, а даже ухудшило наше положение, потому части соседних дивизий по-прежнему оставались на месте. А полкам и батальонам нашей дивизии, выдвинувшимся вперед, пришлось теперь отражать атаки противника не только с фронта, но и с флангов, ибо мы сами, а точнее, по приказу командования армии, залезли в мешок.... При этом потери в людях были большие».

Попытки взять Красный Бор предпринимались и в марте. В итоге бывший командарм генерал В.П. Свиридов сделал вывод:

«Красноборская операция еще раз убедила нас в том, что наступление на одном направлении ограниченными силами при бездействии остальных участков фронта дает успех только в первые дни, когда в наших руках еще сохраняется преимущество внезапности и превосходство в силах».

Стоило ли «убеждаться» снова и снова в элементарных вещах, неоспоримо доказанных еще в ходе Первой мировой войны? Сколько бойцов погибло в ходе непрерывного штурма Красного Бора — одному Богу известно.

Активные действия в это же время развернули подразделения 13, 21-й и 189-й стрелковых дивизий 42-й армии па подступах к опорным пунктам Верхнее Койрово, Кискино, Туйполово, Синда, Венерязи, ничего не добившись территориально, но, конечно же, «уничтожив много вражеских солдат и офицеров».

• • •

Армия генерала Клыкова в начале февраля окончательно увязла в лесах и болотах, а 59-я армия Галанина лишь в середине месяца вплотную подошла к Спасской Полисти, но взять ее не смогла. Мерецков пишет:

«Название этого селения, возле которого полгода кипели ожесточенные бои, я никогда не забуду. Горловина прорыва расширилась, помнится, до 13 километров... Но на этом и закончились наши успехи по расширению прорыва. Несмотря на настойчивые атаки, войскам не удалось раздвинуть прорыв ни метр. Иногда приходилось вести даже оборонительные бои».

Все яснее становилось, что выйти к Кингисеппу и окружить 18-ю германскую армию не получится. При этом маршал ссылается на мощь немецкой обороны и намекает на некие шесть дивизий, «переброшенные из Франции, Дании, Югославии и самой Греции», которыми пополнилась группа армий «Север». Очень даже возможно, вот только Мерецкову эти дивизии никак помешать не могли. Более того, когда стало ясно, что наступление Волховского фронта выдохлось, немцы снимали отсюда свои соединения и перебрасывали их на юг.

Дело в том, что в это время критическая ситуация сложилась южнее озера Ильмень, в полосе 16-й германской армии, где войска Северо-Западного фронта под командованием генерал-лейтенанта П.А. Курочкина, окружив шесть дивизий 2-го корпуса генерала Вальтера фон Брокдорфф-Аллефельдта, организовали Демянский котел. Прибывавшие из Европы немецкие дивизии должны были закрыть образовавшуюся на стыке двух групп армий брешь. Кроме того, с целью деблокады демянской группировки 13 февраля в ставке фюрера было принято решение о формировании в районе Старой Руссы ударной группы под командованием генерала Зейдлиц-Курцбаха. В её состав вошли, в частности, 122-я пехотная и 18-я моторизованная дивизии, снятые с ленинградского и волховского направлений.

Из Москвы в штаб Волховского фронта шли телеграммы и звонки с требованиями активизировать наступательные действия, обвинениями в нерешительности и бездействии. Мерецков, в свою очередь, жаловался на нехватку танков, снарядов, авиации, усталость войск и низкое качество прибывающих пополнений, но в конце переговоров неизменно отвечал одно: «Будет выполнено!»

Сталин оказался заложником им же созданной системы. Каждый рвался первым доложить о взятии самой захудалой деревеньки, превращавшейся в сводках в мощный узел сопротивления противника, и никто не осмеливался огорчить Вождя дурными вестями. Врожденным пороком системы была, выражаясь армейским жаргоном, повсеместная «залепуха» снизу доверху, попросту — очковтирательство.

К примеру, генерал Катышкин сообщает, что выполняя задачу по расширению пробитой в немецкой обороне бреши, 59-я армия «очень скоро втянулась в полосу напряженных и затяжных боев». Правда сам он при этом не присутствовал, поэтому подчеркивает, что «данные, естественно, я черпал из документов», то есть из оперативных сводок.

Заглянем в те документы, куда генерал не мог заглянуть. Начальник Особого отдела НКВД Волховского фронта майор госбезопасности Мельников в докладной записке на имя члена ГКО товарища Маленкова «сигнализировал» об обстановке, сложившейся в армии генерала Галанина:

«Командование 59-й армии, зная о том, что 377, 372, 374 и 378 стрелковые дивизии активных действий не ведут и фактически занимают оборону, в оперативных сводках штаба действия этих дивизий отмечаются «активным сковыванием противника» и «ведением боевой разведки». Бездеятельность этих дивизий в оперсводках также называется «отражением контратак противника», не стыдясь сообщать, что **дивизии отбивают** контратаку **одного взвода противника.**

Из наиболее характерных примеров очковтирательства приводим следующие: 1269 стрелковый полк 382 стрелковой дивизии занимает линию фронта протяжением 18 километров, активных действий не ведет, занимает оборону. Штарм пишет, что полк активно сковывает противника. 377 стрелковая дивизия занимает фронт протяжением 13 километров, активных действий не ведет, занимает оборону.

Штарм в оперативной сводке пишет, что «377 дивизия ведет активную боевую разведку». Фактически для ведения разведки высылаются 2-3 человека. Части 372 стрелковой дивизии занимают фронт протяжением 4 километра, активных действий не ведут, ведут оборону. В оперсводке штарма докладывается, «части 372 дивизии блокируют противника»...

За последнее время в частях 59-й армии со стороны отдельных военнослужащих участились случаи морально-бытового разложения. Зачастую, используя свое служебное положение, командиры склоняют женский персонал к половому разврату, здесь же, в присутствии посторонних, решают боевые задачи. Отдельные командиры и комиссары частей, увлекаясь женщинами, систематически пьянствуют. В ходе боевых операций, вместо организации боем, отсиживаются в блиндажах...

Командир 1249 стрелкового полка 377 стрелковой дивизии майор Швагирев систематически пьянствует со своим помощником по хозчасти Савичевым. 19 февраля Швагирев, будучи в нетрезвом состоянии, площадной бранью отругал и три раза ударил по лицу политрука Носова. Швагирев в пьяном состоянии собрал весь командный состав полка, силами которого приказал взять ДЗОТ противника...

Командир 378 стрелковой дивизии полковник Дорофеев и комиссар дивизии Корнышев систематически пьянствуют и сожительствуют с женщинами. Будучи выпивши, Дорофеев заявлял командирам: «Здешние женщины проститутки, а вы, командиры, не теряйте этого случая»...

5 февраля во время наступления дивизии на командный пункт выехал начальник штаба и комиссар дивизии. Дорофеев же вызвал к себе в блиндаж девушку военфельдшера и пропьянствовал с ней четверо суток. Свой невыезд на командный пункт мотивировал болезнью.

Комначсостав в беседах между собой говорит: «Ну, как там наше пьяное командование, что решило?»... В момент выполнения боевой задачи частями дивизии по овладении д. Остров Дорофеев, Корнышев и начальник штаба Аксельрод на протяжении трех суток пьянствовали, не выходя из блиндажей.

Подобные факты морально-бытового разложения в частях 59-й армии не единичны. По нашей информации, командиры и комиссары частей и соединений мер к устранению подобных явлений не принимают, так как сами являются виновниками этого. О фактах морально-бытового разложения отдельных командиров и политработников частей 59-й армии неоднократно информирован Военный совет армии. Однако мер к пресечению безобразий не принял».

Конечно, такое поведение начальства деморализовало и разлагало подчиненных. Но, с другой стороны, кажется, было бы лучше, если бы эти «Дорофеевы» и «швагиревы» вообще не вылезали из своих блиндажей. Потому что, когда они, опохмелившись, брались «организовывать бой», выходило еще гаже (месяц спустя полковника И.П. Дорофеева накрыл шальной снаряд и он попал в святцы 59-й армии как командир, «не щадивший своей жизни во имя победы над врагом, за дело партии, за Родину»).

• • •

17 февраля на фронт прибыл представитель Ставки маршал Ворошилов. Он передал приказ, требовавший до начала марта любым способом выйти на железную дорогу Любань — Чудово. Затем маршал, по своему обыкновению, полез на передний край, заставляя обливаться холодным потом всех сопровождающих и оперуполномоченных.

Картины ворошиловских посещений описаны во многих мемуарах и выглядят всегда одинаково: в сопровождении очередного комдива маршал добирался под огнем до позиций передового батальона, там на виду противника, не кланяясь пулям и четко взяв под козырек, выслушивал доклад об обстановке, после чего по отечески беседовал с солдатами и обращался с призывами.

Вот, например, что вспоминает П.К. Кошевой, командир сражавшейся у Мясного Бора 65-й стрелковой дивизии:

«Вот и хорошо, — сказал маршал, услышав, что свои боевые задачи дивизия выполнила успешно. — А теперь поедем в любой батальон на передний край.

Мерецков и Яковлев стали подавать мне знаки, которые могли означать только одно: ни в коем случае на передовую представителя Ставки не вози.

— Не могу, товарищ маршал. Шоссе и железная дорога пристреляны противником. Там всегда, когда появляются люди, бьет артиллерия и бывает плотный пулеметный огонь. Боишься? — спросил К.Е. Ворошилов. — А я считал тебя человеком неробкого десятка. Пошли, пошли.

На передний край отправились мы вдвоем. Всем остальным маршал приказал остаться на моем КП... Маршал всем интересовался и отнюдь не собирался скрываться от пуль, которые то и дело свистели рядом с нами и вспахивали снег...

Мне очень нагорело тогда от К.А. Мерецкова за длительное пребывание с К.Е. Ворошиловым на переднем крае. Сам же маршал был крайне доволен и отбыл из дивизии в отличном расположении духа».

Неизвестно, что увидел «первый красный командир» из передовых траншей. Во всяком случае, грядущей военной катастрофы он не разглядел (хотя на Западном и Калининском фронтах безоглядные прорывы на узких участках уже привели к окружению 29-й армии генерала Швецова и 33-й армии генерала Ефремова). Так в отличном расположении духа он и укатил в Москву.

• • •

По опыту Тихвинской операции, приказом командующего фронтом были созданы временные оперативные группы. Соединения 2-й ударной армии, образовавшие фронт, обращенный на восток, были объединены в группу генерал-майора П.Ф. Привалова (191, 382-я стрелковые дивизии, 57-я стрелковая бригада.

Обеспечивать левый фланг армии и перехватить железную дорогу Ленинград — Новгород должна была оперативная группа Жильцова (23, 25, 58-я стрелковые бригады). На Финев Луг наступала группа Коровникова (327, 374,111-я стрелковые дивизии и 22-я стрелковая бригада). 4-я гвардейская дивизия и 59-я стрелковая бригада, действовавшие в направлении на Сенную Кересть, составили группу генерала А.И. Андреева.

В 59-й армии появилась оперативная группа под командованием генерал-майора П.Ф. Алферьева, на которого возложили персональную ответственность за взятие Спасской Полисти. У этой деревни без остановки вертелась «карусель» из советских соединений, поочередно бросаемых на штурм — 327-я стрелковая дивизия, 59-я, 57-я, 22-я отдельные бригады, 111, 92-я, 382-я 372-я, 374-я, 2-я дивизии...

Вспоминает бывший командир взвода из 382-й дивизии И.Д. Никонов.

«Наступление обычно велось четверо суток. Ночью ползали, проверяли, сколько осталось в живых. Подползешь, пошевелишь — живой или нет? Бывало, человек и не убит, а мертвый: замерз. Морозы в январе доходили до 40 градусов. В дни наступления пищи мы не получали. Когда наступление прекращалось, оставшихся отводили на исходные позиции и там кормили. Люди разводили костры и грелись, засыпали, частенько поджигая одежду и валенки. Приходилось ползти на передний край и снимать с убитых — нового взять неоткуда. Недоставало всего: продуктов, фуража, боеприпасов. Патронов выдавали по одной-две обоймы, их тоже добывали у убитых...

Перед немецкими позициями все было изрыто снарядами и устлано трупами наших бойцов, раненые пытались переползти через трупы и тоже умирали или замерзали. У нас траншей и даже ячеек никаких не было. Забирались в воронки и прятались за трупы...

Боевые действия под Ленинградом в первой половине 1942 г.

Стали выяснять, сколько у кого бойцов. В одном полку оказалось пять, в другом шесть, в нашем — семь человек. Всего на переднем крае осталось 35 штыков. А приказ тот же — наступать! Утром снова наступали. К полудню осталось: ты да я, да мы с тобой... Трупы с переднего края никто не убирал, они так и истлели, без вести павшие»...

Одни полки отправляли на переформирование, вместо них вводили в дело новые. В атаку поднимались каждый день, месяц за месяцем, но взять Спасскую Полисть так и не удалось.

Командование немецкой группы армий «Север» тоже практиковало создание боевых групп на отдельных участках. Только Мерецков занимался этим с целью хоть как-то наладить управление канувшими в «джунгли» массами войск и делегировать ответственность, а немецкие генералы — по скудости резервов.

В состав импровизированных соединений с переменным составом сводились отдельные штабы, батальоны и батареи, снимаемые со спокойных участков фронта. На «штопку дыр» в обороне бросали обозников и службы тыла, ремонтные, строительные и охранные части, даже выгруженных из поездов отпускники.

Так, после советского прорыва у Мясного Бора на правом фланге 38-го армейского корпуса на базе 20-й мотодивизии и других частей была сформирована боевая группа Яшке. В районе Луги, подчинив все формирования командиру 285-й охраной дивизии, командование 18-й армии создало боевую группу генерала фон Поло.

Прибывшие из Франции еще в начале декабря части 225-й пехотной дивизии, так напугавшие Мерецкова, составили группу фон Бассе, занявшую рубеж Еглино — Красная Горка. Внезапно пересаженная с почвы солнечного Виньякура в звеневшие от мороза волховские леса посреди января, в легких шинелях, неподготовленная тактически и психологически, эта дивизия несла большие потери, в основном от обморожений.

Один из ветеранов дивизии жаловался после войны нашему ветерану, что на обогрев ему давали всего восемь часов в сутки — два часа на позиции, час на отдых, и как мало тепла было в немецких деревянных бункерах с железной печкой. Наш, ночевавший в снегу и не всегда имевший возможность развести костер, его просто не понял.

Но в целом советские успехи на Волхове германский генштаб оценивал как тактические и не внушающие серьезных опасений. Главное — 215-я и 126-я пехотные дивизии с прибывавшими к ним подкреплениями твердо удерживали фланги прорыва, не позволяя свернуть немецкую оборону по Волхову.

• • •

23 февраля в частях, батареях, эскадрильях зачитали праздничный приказ наркома обороны СССР:

«Инициатива теперь в наших руках, и потуги разболтанной ржавой машины Гитлера не могут сдержать напор Красной Армии. Недалек тот день, когда Красная Армия своим могучим ударом отбросит озверелых врагов от Ленинграда, очистит от них города и села Белоруссии и Украины, Литвы и Латвии, Эстонии и Карелии, освободит советский Крым, и на всей советской земле снова будут победно реять красные знамена».

Глава 8. ЛЮБАНСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

(февраль — июль 1942 года)

Результатом ворошиловской инспекции явилась новая директива Ставки Верховного Главнокомандования от 26 февраля 1942 года. В ней уточнялись задачи 2-й ударной и 54-й армий. Обе армии теперь должны были наступать навстречу друг другу и соединиться в Любани не позднее 5 марта. С этого момента стратегическая операция по разгрому группы армий «Север» перешла в разряд самостоятельной фронтовой операции и стала именоваться Любанской. И задача теперь стала скромнее — окружить и уничтожить 1-й армейский корпус генерала фон Бота. Генерал М.С. Хозин пишет:

«Эта директива означала, по существу, отказ Ставки от своего первоначального замысла. Поняв, что для его выполнения не хватает ни сил, ни средств, Ставка предложила последовательно разгромить вначале Любань — Чудовскую, а затем уже Мгинскую группировку. Будь это решение принято вначале, то есть при организации операции, возможно, и исход ее был бы другим».

Для воздушного обеспечения операции привлекались восемь авиационных полков РВГК, дальнебомбардировочной авиации и ВВС фронтов.

Несколькими днями раньше Гитлер еще раз указал командующему группой армий «Север» на значение Ленинграда: «Ни метра назад! Самое важное — удержать Ленинград в кольце блокады». Было произведено перераспределение зон ответственности 18-й и 16-й армий. Генерал Линдеманн принял весь фронт до озера Ильмень, сосредоточив в своих руках руководство Волховской битвой.

Генерал Мерецков, выполняя указания Ставки, требовал скорейшего выхода частей 2-й ударной на железную дорогу Москва — Ленинград. В ответ Клыков докладывал:

«В воздухе все время господствует авиация противника и парализует действия войск. Дорожная сеть в плохом состоянии... Подвоз фуража, продовольствия, горючего и боеприпасов далеко не обеспечивает существующих потребностей. Для развития успешного наступления армии надо три свежие дивизии, дивизион ракетных установок, не менее двух автобатальонов, не менее трех дорожно-строительных батальонов, не менее пятнадцати бензовозов, сено, пополнить конский состав и прикрыть армию с воздуха».

Для прорыва к Любани в состав 13-го кавалерийского корпуса из 4-й армии была передана 80-я кавалерийская дивизия полковника Л.А. Сланова, а из резерва фронта — пополненная 327-я стрелковая. Этим частям было приказано «с ходу» овладеть Красной Горкой и выйти к Любани. За ними, развивая успех, в прорыв должны были войти 46-я стрелковая дивизия генерала А.К. Окулича и 22-я стрелковая бригада полковника Ф.К. Пугачева. Взятию «населенного пункта» Красная Горка, представлявшего собой хутор лесника на краю болота,

препятствовала сильно укрепленная насыпь железной дороги Чудово— Вейнмарн. И до нее еще надо было дойти. Вот что вспоминает В.П. Дмитриев.

«Путь пролегал по лесам и болотам, лишенным каких бы то ни было дорог. Передвигались только по компасу. Впереди топографы прокладывали маршрут. Глубокий снег, под ним — незамерзающие болота. Гаубица весом по 2400 кг тонули сразу на оба колеса. Лошади выбивались из сил. Люди — огневики и управленцы — надели лямки и совместно, с помощью подручных материалов тащили на себе через топи орудия. Скорость продвижения определялась метрами, и все же мы старались не отставать от пехоты. На всем пути следования встречалось очень много убитых лошадей — след, оставленный кавалерийским корпусом. Картина ужасная. Весь световой день — налеты немецкой авиации. Правда, бомбы, попадая в болото, рвались на большой глубине, а прямые попадания случались редко».

Сформированный генералом Гусевым передовой отряд, в составе 80-й кавдивизии и 1100-го стрелкового полка с двумя ротами танков, 26 февраля прорвался за насыпь, но главным силам, попавшим под сильнейшие атаки с воздуха и понесшим большие потери в конском со**ставе, этого сделать не удалось. На следующее утро противник** закрыл **брешь и восстановил прорванный участок** обороны у Красной Горки. Десять суток группа Сланова сражалась в окружении, не получая боеприпасов, продовольствия, не имея связи. В ночь **с** 8 на 9 марта, уничтожив **всю** боевую технику **и** тяжелое вооружение, **полковник с боем вывел остатки отряда обратно (так, из 1100-го полка** вышли всего **лишь 18 человек) и немедленно был снят с** должности за «самовольный **отход, вялые и нерешительные** действия».

Все дальнейшие атаки в сторону Любани противник успешно отбивал. 8 марта в журнале боевых действий 18-й **армии сообщается о 1093 пленных и 1556 убитых русских под Красной Горкой. Вскоре после этого 13-й кавалерийский** корпус вывели **в** тыл.

Столь же неудачной оказалась и Померанская операция, порученная 191-й стрелковой дивизии с целью выхода на Московскую железную дорогу в 5 км к юго-востоку от Любани. Дивизии предписывалось без артиллерии и обозов совершить скрытный марш через лесные массивы, ночной атакой захватить станцию Померанье и, организовав круговую оборону, держаться до подхода помощи. Комдив полковник А.И. Старунин пытался доказать командующему оперативной группой генералу П.Ф. Привалову невозможность проводить операцию без единого орудия, имея в ротах по 30—50 стрелков, с запасом продовольствия 5 сухарей на бойца, боеприпасов 5—7 патронов на винтовку и по одному диску на автоматы и пулеметы. Но на Привалова эти доводы не действовали. Бывший командир комендантской роты И.С. Осипов свидетельствует:

«Разговор закончил комиссар Алексеев, примерно так: «Хорошо, мы пойдем, но за последствия и нашу гибель Родина спросит с вас».

В ночь на 21 февраля полкам удалось просочиться через немецкие позиции. Однако в районе станции Померанье при выходе из леса колонна 191-й стрелковой дивизии была обнаружена авиаразведкой противника, после чего подверглась внезапному артиллерийскому налету. В результате была разбита единственная

рация и погиб един**ственный радист, довершили дело** немецкие пулемёты

Деморализованные полки укрылись в лесу, дороги назад уже не было. Вспоминает И.С. Осипов:

«Неудачи, понесенные потери, голод и холод сильно подорвали моральный дух не только бойцов, но и командиров. Бесконечное, бесцельное блуждание по лесам окончательно измотало **физические** и моральные силы людей. **Мы** потеряли боеспособность».

После того, как закончились боеприпасы и продовольствие, а связь ни с кем из своих так **и** не удалось установить, полковник Старунин решил свернуть «операцию». Он приказал командирам полков разбить подразделения на мелкие группы и выходить из окружения. Вырваться удалось только одному полку **и** комендантской роте. Судьба штаба дивизии неизвестна. Новый штаб набирал новый комдив, уже знакомый нам бывший колхозный бригадир — полковник Коркин.

В феврале Волховский фронт потерял еще 53 тысячи человек убитыми и ранеными, Ленинградский — 51 тысячу, Северо-Западный в боях за Демянск и Старую Руссу — 50 тысяч. Убыль личного состава в группе немецких армий «Север» составила 38,5 тысяч солдат и офицеров.

В начале марта 1942 года части 2-й ударной армии продвинулись на 75 км к западу, достигнув железнодорожной станции Рогавка, и на 40 км к северу, не дойдя 6 км до Лю-бани. Фронт армии растянулся на 200 км. Приказ наступать все дальше и дальше, невзирая на фланги, привел к образованию Любанской «бутылки» — территории площадью 3 тысячи квадратных километров с узкой горловиной в месте прорыва.

Этот четырехкилометровый коридор от деревни Мясной Бор до деревни Кречно, который немцы все время пытались перерезать, а русские силами 52-й и 59-й армий расширить, был единственной коммуникацией, обеспечивающей снабжение наступавших частей.

1 марта противник начал переброску сил к основанию горловины прорыва. Это снова не были дивизии из Дании или «самой Греции». Фон Кюхлер снимал войска из-под Ленинграда: оставив позиции в районе Урицка, к югу от места советского прорыва сосредоточивалась 58-я пехотная дивизии генерала Фридриха Альтрихтера, на северном фланге — полицейская дивизия СС генерала Вюнненберга, снятая с пулковского направления.

На состоявшемся 2 марта в ставке Гитлера совещании фон Кюхлер доложил план уничтожения советских войск. После совещания генерал Гальдер записал в дневнике:

«Решение: переход в наступление на Волхове... Фюрер требует за несколько дней до начала наступления провести авиационную подготовку (бомбардировка складов и войск в лесах бомбами сверхтяжелого калибра). Завершив прорыв на Волхове, не следует тратить силы на то, чтобы уничтожить противника. Если мы

сбросим его в болота, это обречет его на смерть».

• • •

54-я армия всю зиму штурмовала Погостье. Для нового наступления прибыли новые дивизии и маршевое пополнение, была создана ударная группировка из 12-и расчетных дивизий и 200 танков. Ставка усилила армию 4-м гвардейским стрелковым корпусом (стрелковая дивизия, 4 стрелковые и 1 танковая бригада, 3 лыжных батальона, дивизион реактивной артиллерии). Задача оставалась прежней: наступать в общем направлении на Любань.

Операция началась 28 февраля. Советские соединения, не считаясь с потерями, шаг за шагом, неимоверно медленно, но все же начали прогрызать немецкую оборону навстречу 2-й ударной армии. Сражение здесь развернулось жесточайшее. Наконец удалось взять Погостье и продвинуться на 12—15 км за линию железной дороги. Вспоминает бывший солдат 311-й пехотной дивизии Н.Н. Никулин:

«Бои за станцию Погостье продолжались несколько месяцев. Утром дивизии шли на штурм железнодорожной линии, сильно укрепленной немцами, и падали, сраженные пулеметными очередями. Вечером подходило пополнение. Наутро они снова шли в атаку и вновь падали, скошенные немецкими пулеметами. Так продолжалось день за днем.

Сильные снегопады покрывали поле сражения. Когда весною снег стаял, обнаружились штабеля убитых. У самой **земли лежали солдаты в летнем обмундировании, в** гимнастерках **и ботинках. На них громоздились морские пехотинцы** в бушлатах **и** широких черных брюках — клешах. Выше — сибиряки **в** полушубках и валенках, шедшие в атаку в январе — феврале 1942 года. Еще выше — «политбойцы» в ватниках и тряпичных шапках, выданных **в** блокадном Ленинграде. **На них тела в шинелях и маскхалатах, с касками на головах и без них. Здесь смешались погибшие многих дивизий...**

Много убитых я видел до этого и потом, но зрелище Погостья весной **1942** года было единственным в своем роде! Как символ жестокой борьбы возвышался над заснеженным полем моряк из морской пехоты, сраженный в момент броска фанаты. Он так и замерз в напряженной позе. Медные пуговицы **на** черном бушлате сверкали в лучах солнца. Был тут и пехотинец, который уже раненым стал перевязывать ногу и застыл, сраженный новой пулей. Бинт в его руках всю зиму трепетал на ветру... Это жуткое зрелище навсегда запечатлелось в моей памяти. В подсознании еще крепче: я приобрел неизменный, повторяющийся постоянно, сон — груда мертвых тел у железной дороги...

Погостье все же взяли. Сперва станцию, потом деревню, вернее места, где все это когда-то было. Пришла дивизия вятских мужичков, низкорослых, кривоногих, жилистых, скуластых. — «Эх, мать твою! Была не была!» — полезли они на немецкие дзоты, выкурили фрицев, все повзрывали и продвинулись метров на пятьсот. Как раз это и было нужно. По их телам в прорыв бросили стрелковый корпус, и армия двинулась вперед. И вновь на пути ее встали немецкие подкрепления. А Ставка гнала все новые дивизии в заранее обреченные на неудачу атаки. Выполнялась директива Великого Вождя Всех Народов и Мудрого Полководца, предписывавшая нанести поражение Германии в 1942 году».

Тактика, вполне достойная именоваться «трехрядкой Федюнинского», куда там баталисту Верещагину с его «Апофеозом войны».

К середине марта 54-й армии удалось продвинуться еще на 15 км, как скромно отметил командарм, — «ценой больших усилий». В журнале боевых действий армии приводится состав 11-й стрелковой дивизии на 13 марта: курсы младшего комсостава — 54 человека, заградительный отряд — 51, минометный дивизион — 25, 320-й стрелковый полк — 57, 163-й полк — 112, 219-й полк — 27 человек. Итого 326 «активных штыков», вместе с заградотрядом, который имел несколько другую специализацию, чем борьба с огневыми точками врага.

Однако советским генералам казалось, что долгожданный прорыв уже состоялся. Именно в этот день Хозин, находившийся в штабе Федюнинского, обсуждал планы дальнейших действий со Ждановым и Кузнецовым, которые требовали скорейшего «заворота на Тосно». Он уверенно обещал снять блокаду Ленинграда до наступления весенней распутицы:

а) выход к Любани — 4-5 дней — 19-20.03;

б) перегруппировка войск — два дня — 21—22.03;

в) начало наступления на Тосненском направлении — 23.03;

г) выход в район Тосно — 27—28.03. С товарищеским приветом ХОЗИН».

Обстановка в районе Погостья начала беспокоить германское командование, производившее в это время перегруппировку сил для проведения операции по «закупориванию» Любанской «бутылки». Соединение частей Клыкова и Федюнинского, которых разделяли 30 км, грозило окружением сразу шести немецких дивизий. За вторую половину месяца название русской деревни Погостье в дневнике генерала Гальдера упоминается одиннадцать раз» Но все обошлось: 269-я пехотная дивизия устояла. Затем подоспели подкрепления, и продуманными контрударами немцы к 30 марта стабилизировали положение. Через 20 лет генерал Федюнинский признался в своих мемуарах:

«Труднее всего мне было под Погостьем зимой тысяча девятьсот сорок второго года. Четыре месяца изнурительных, кровопролитных, а главное, малоуспешных боев в лесистом и болотистом крае между Мгой и Тихвином навсегда оставили у меня тяжелые воспоминания».

В марте 54-я армия понесла наибольшие потери (43 тысячи бойцов), не выполнив поставленной задачи, но отбив у противника 400 квадратных километров болотистого леса и две деревни — Зенино и Кондую. Фронт оказавшейся в «мешке» армии пролег по рубежу: ручей Дубок северо-западнее Погостья — деревни Веняголово — Макарьевская пустынь — Смердыня — Households Кородыня — Липовик — Дубовик и далее по железной дороге. Взять эти деревни не удалось, несмотря на многочисленные попытки.

59-я армия, исполняя директиву фронта перехватить шоссе и железную дорогу Чудово — Новгород севернее Спасской Полисти, пыталась встречными ударами

378-й и 111 -й стрелковых дивизий с запада и 377-й и 92-й дивизий с востока срезать немецкий «палец» — узкую полоску насквозь простреливаемых позиций, не превышавшую 3—4 километра в ширину, протянувшуюся от Трегубово к Мосткам.

2-я ударная армия 14 марта отбила Красную Горку, и это был последний успех РККА. Увлеченное организацией «прорывов» и «разгромов», ее командование не заметило, что противник готовит адекватный ответ.

• • •

15 марта немцы, завершив сосредоточение ударных кулаков, при поддержке авиации 1-го воздушного флота, начали операцию «Раубтир» и к исходу 18 марта встречными ударами с севера и юга перекрыли горловину в четырех километрах западнее Мясного Бора, перерезав коммуникации 2-й ударной армии. Теперь её связь с базами снабжения осуществлялась только по воздуху — легкими самолетами-бипланами У-2. Соединившиеся части Вермахта образовали боевую группу «Вюнненберг» и немедленно приступили к созданию отсечной позиции по рекам Полисть и Глушица.

Неприятно пораженный этими событиями Верховный Главнокомандующий приказал Мерецкову выехать в войска и лично организовать прорыв, а заодно «полностью разгромить и уничтожить контр-наступающие части врага». Начались жестокие бои по восстановлению коридора. Вот что вспоминал бывший командир спешно переброшенной из состава 4-й армии 376-й стрелковой дивизии генерал-лейтенант Г.П. Исаков:

«В течение 10 дней дивизия отражала контратаки превосходящих сил противника. Борьба за горловину шла не на жизнь, а на смерть. Я тогда был молодым командиром и, скажу откровенно, были такие критические минуты, когда, казалось, наступил предел — болота, вода, холод, непрерывные налеты пикирующих бомбардировщиков и шквалы пулеметного и артиллерийского огня по скучившейся, как на пятачке, ничем не прикрытой с воздуха группировке; всюду масса незахороненных трупов, своих и противника, — все это ложилось на плечи тех, кто нес ответственность за выполнение задачи и стоял насмерть».

Бросив в бой пять стрелковых дивизий, 7-ю гвардейскую танковую бригаду, две стрелковые бригады и все имевшиеся под рукой части, вплоть до курсов младших лейтенантов и учебной роты младших командиров, Мерецков частично выполнил сталинский приказ. Он доложил 29 марта, что «части противника, оседлавшие дорогу, отброшены в северном и южном направлениях».

На следующий день, продолжая радовать Кремль бодрыми донесениями, Военный совет фронта сообщил, что «ликвидация противника, прорвавшегося в стыке 52-й и 59-й армий, развивается успешно», и что утром 2 апреля 2-я ударная армия при поддержке 450 артиллерийских и минометных стволов и двух тяжелых гвардейских реактивных полков возобновит решительное наступление на Любань. Заодно пообещали в скором времени освободить Новгород.

В действительности очищенная от немцев «дорога» представляла собой узкую полоску леса и раскисших болот, пробираться по которой могли только

небольшие группы бойцов **и** подводы, **в основном ночью. Участники** сражения считают, что до **30** мая **1942** года, дня, когда «горловина захлопнулась намертво», **немцы** перекрывали **ее** не **менее шести раз. Генерал И.Т. Коровников вспоминал:**

«Коридор как бы пульсировал, то сужаясь, то расширяясь. Но в поперечнике он был уже не 11—14 километров,

а всего два с половиной — два, сокращаясь порою до нескольких сот метров. Прицельный огонь все чаще сменялся выстрелами в упор. Нередко завязывались рукопашные схватки».

Путь, пролегший к северу от Мясного Бора, красноармейцы называли «Чертов мост», а заболоченную местность между **речками Полистью и Глушицей — «Долина** смерти». По насквозь простреливаемому перешейку тянулись вереницы носильщиков, доставлявших снаряды **и** сухари. Это их имел в виду Мерецков, сообщая, что во 2-ю ударную армию «опять пошли транспорты с продовольствием, фуражом **и** боеприпасами».

Немецкие «зольдатен», сидевшие в «рукаве» отсечной позиции, поставили на въезде каллиграфически выполненный указатель: «Здесь начинается задница мира».

Где волны Волхова хрюкают день и ночь Где сталинский орган играет нам музыку, Где осколки свистят протяжно всю ночь, Это наше родное место — задница мира.

Кстати, пока Мерецков «успешно ликвидировал» противника под Мясным Бором, 24 марта западнее деревни Глушицы немцы окружили 378-ю стрелковую дивизию, которую после гибели Дорофеева возглавил полковник Г.П. Лиленков, и полк 111-й дивизии (переименованной к тому времени в 19-ю гвардейскую). Советские части заняли круговую оборону на лесном участке размером 1,5 на 2 километра, неся огромные потери от свирепых бомбежек **и** непрерывных артобстрелов, а **в** минуты затишья «политработники, руководители партийных организаций, проводили беседы с воинами». В такой позиции они пребывали ровно месяц, пока оставшиеся в живых «с разрешения командования», преодолев 8 километров по болотам, не вышли к Ольховским хуторам.

Насмерть стояли на рубежах любанской «бутылки» красноармейцы 2-й ударной армии, обороняя «освобожденный от гитлеровцев обширный лесисто-болотистый район» (!), где не было ни дорог, ни городов, ни стратегических объектов. Потери Волховского фронта в марте составили 40.679 человек.

• • •

Обещанное Мерецковым «решительное наступление» захлебнулось почти сразу. По донесениям проверяющих из вышестоящих штабов и политотделов можно сделать вывод, что войска на переднем крае, измученные тяжелыми боями, недоеданием, холодом, дезорганизованные, брошенные собственным командованием, лишь изображали активность:

«Проверял готовность частей 330 сд, включительно до батальона и обнаружил: 92 сп опоздал больше чем на 1,5 часа, т. к. в 8.00 людей стали кормить завтраком; в 46 сп батальон **первого эшелона получил** задачу **очистить лес, не сориентировался и стал наступать на КП дивизии (!). В 259 сп роты и батальоны плохо знали задачу, и при занятии исходного положения у одной из рот пулеметы были установлены в** нашу сторону. Кроме того, в 259 сп огонь артиллерии был спланирован сам по себе, **а** пехота наступала сама по себе. Фронт наступления каждой дивизии 200-500 м. Остальные участки командованием именованы сковывающими и никто на них не наступал... В процессе боя действиями пехоты никто не руководит, так как большинство командиров от дивизии до батальона сидят в землянках, за исключением 259 сп».

Собственную войну вели фронтовые и армейские артиллеристы. Они не знали, где находится противник, и знать не хотели, стреляли просто на звук или «в ту сторону», на головы «Гансов» или «Иванов» — как Бог положит, выбрасывая попусту сотни тонн драгоценных снарядов и беспрерывно жалуясь на нехватку боеприпасов. Какими-то своими интимными делами были заняты летчики:

«Стрельба по засеченным целям с наземным наблюдением в итоге дает бесцельный расход и перерасход снарядов. Звено корректировочной авиации артиллерийского отдела армии бездействовало.

За все время боевых действий (!) авиация не сделала ни одного фотоснимка узлов сопротивления и огневых точек противника, вследствие чего фотобатареи полковых РГК бездействовали. Артотдел армии, зная это, ни разу не поднял вопрос перед отделом ВВС о производстве фотосъемок с воздуха, а также о засечке огневых точек противника по огневым вспышкам ночью».

В результате получается картина «Штурм деревни Крутик 19-й гвардейской дивизией»:

«Перед началом наступления не были разведаны предполье, передний край обороны противника и его огневая система. Артиллерия не разрушила неприятельских укреплений и не подавила его огневых точек.

Наступающие **части оказались неподготовленными к преодолению инженерных препятствий противника в** полосе предполья. Например, 1218-й гвардейский стрелковый полк, достигнув проволочных заграждений, не смог их преодолеть из-за отсутствия ножниц для резки проволоки. Ножниц не оказалось **и** у приданного полку 697-го саперного батальона (!), **хотя на тыловых складах их имеется вполне достаточное количество. Из-за того, что не были сделаны проходы в заграждениях, 1218-му полку пришлось сделать** полукилометровый обход под огнем противника. Кроме того, саперы этого же батальона не обезвредили противопехотные **и** противотанковые мины, и минные поля противника не были преодолены...

Отсутствовало взаимодействие между родами войск. При атаке на деревню Крутик пехота 1218-го полка оторвалась от танков и залегла, оставив их без **поддержки. Прорвавшиеся в** деревню танки, вынуждены были вернуться, потеряв

три машины. Не могла удовлетворить всех заявок пехоты артиллерия сопровождения, так как не имела достаточного количества боеприпасов. Поэтому не были подавлены вражеские батареи зенитных орудий и крупнокалиберных пулеметов в деревне Заполье, которые беспрерывно вели огонь во фланг наступающему 1347-му полку.

В частях группы были случаи паники и провокации. Во 2-м батальоне 1347-го полка кто-то из бойцов крикнул: «Нас окружают!» Поднялась беспорядочная стрельба, среди бойцов появилась растерянность. На ликвидацию несуществующего окружения был брошен первый батальон, который в течение часа из-за этого был оторван от выполнения непосредственной боевой задачи. Так как к этому времени большая часть среднего командного состава выбыла из строя, возникшая паника ликвидировалась медленно, а непосредственные виновники ее остались необнаруженными».

Между тем командармы на основании допросов пленных, взятых из состава немецких сводных боевых групп, выявили невероятное количество «скованных» дивизий противника. После войны на собственные липовые донесения они будут ссылаться, как на архивные документы. Вот пример:

«О силах врага можно судить потому, что к концу апреля 1942 года войскам 59-й армии противостояли до десяти пехотных, одна моторизованная дивизия и три полка СС, под**держанные сильными артиллерийскими и минометными группами» (См. Архив МО СССР, фонд 416, опись 10437,** дело **13,** лист 8).

Тогда, конечно... 8 апреля командующий фронтом попросил у Ставки разрешения прекратить атаки. Ненадолго, дня на четыре.

В апреле наступила оттепель, затем пошли обильные дожди, смывшие протоптанные в снегу «колонные пути», единственная дорога, снабжающая действующую армию всем необходимым, превратилась **в** месиво, **а** окружающая местность — **в** сплошное болото. Озера, многочисленные речки **и** ручьи вышли из берегов. Вода затопила **позиции и землянки, солдаты переселились в шалаши и срубы, для пушек строились деревянные настилы. Окончательно замер автотранспорт. В войска доставляли только патроны** к стрелковому оружию **и** мины малого калибра. Артиллеристы целыми подразделениями снимались с передовой и отправлялись в тыл, чтобы обеспечить самих себя огнеприпасами: если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе. В.П. Дмитриев вспоминает:

«У орудий оставались только командиры орудий и наводчик, все остальные были на работах. Постоянно командировались команды на тыловые склады, а это 50-55 км туда и обратно. Но такой марш совершали за 5—6 дней. Наш один снаряд и заряд к нему весили около 30 кг. Значит, один человек мог принести максимально только один снаряд и заряд, а второй нес продовольствие, которое съедалось большей частью за время марша. Так что результат таких походов был крайне скромным».

По решению Военного совета фронта для подвоза продовольствия и вывоза раненых началось строительство узкоколейной железной дороги от Новой Керести к Мясному Бору. Прокладывали ее армейские и фронтовые дорожники, привлекая местное население. От позиций в тыл бойцы выводили лежневки. По

ночам они валили лес, прокладывали бревна через топи, укладывали на них деревянные настилы — всё это, за отсутствием крепёжного материала, без единого гвоздя. Ранее никакой осмысленной деятельности по созданию сети коммуникаций для снабжения и переброски войск не наблюдалась, авто-**дорожной службы не существовало, а построить фронтовую рокаду** так **и не собрались, поскольку никто не думал,** что сидеть в волховских болотах придется целых два года. О каком маневре силами и о какой внезапности могла идти речь, если, к примеру, на 15-км марш в собственном тылу от Мостков к **Глушице** 378-я стрелковая дивизия потратила десять суток!

Политуправление **фронта проявило инициативу и** провозгласило движение **по сбору «бесхозного и трофейного** имущества». Действительно, вместе с подснежниками вылезли горы разбросанного оружия и амуниции, в основном советского производства. В течение месяца по лесам было собрано: 8 орудий (три 76-мм, четыре 45-мм, одно 107-мм); 121 пулемет (34 станковых, **87** ручных), 43 миномета, 13 противотанковых ружей, **3737** винтовок, **187** автоматов, 7600 снарядов, более 7000 мин, 5180 гранат, 236.400 винтовочных патронов, 10.450 патронов ППШ, четыре автомашины, два самолета и многое другое. Всё своё, отечественное. Трофеев оказалось не в пример меньше: 2 танка, 2 автомобиля, 2 орудия, 5 мотоциклов, 4 велосипеда, 8 ручных и 4 станковых пулемета, 67.000 винтовочных патронов, 1100 противотанковых снарядов.

Ожила соответствующая рельефу фауна. Рассказывает И.И. Калабин:

«Проклятые комары, мухи, вши — враги наши ненавистные. Разве какой писатель станет их описывать, если его никогда не кусали? А я их до конца дней не забуду. Вшивость — дело не новое, но чтоб в таких масштабах... Серые дьяволы ели нас поедом, со злостью, сплошь покрывая тело и одежду. Их не давили — просто, если выпадала свободная минута, стряхивали на землю. Они, паразиты, ухитрялись внутри каждой пуговицы жить по 5-6 штук. Шутка ли — шесть месяцев без бани! И все шесть месяцев не раздевались».

Вот часть донесения заместителя начальника политуправления Волховского фронта бригадного комиссара Га-ненко в Главное политическое управление РККА:

«Бойцы частей 191-й дивизии поражены вшивостью на 70 %. В отдельном батальоне связи 366-й дивизии — на 60 %, в 1222-м полку той же дивизии — на 50 %. Примерно такое же положение в других соединениях...

На совещании армейских врачей по вопросу борьбы с эпидемиологическими заболеваниями в частях указывали, что большая завшивленность наблюдается в санбатах, госпиталях и что нечистоплотен часто и сам медперсонал... Многие командиры и бойцы по несколько месяцев не моются и не меняют белья. Дезинфекционные камеры в большинстве частей до сих пор не организованы. Санитарный контроль за чистоплотностью бойцов и немедленная обработка завшивленных не практикуются....

Интендантство инертно выполняет приказы об организации в дивизиях прачечных и об обеспечении частей мылом и бельем. В 225-й и 267-й дивизиях и 25-й бригаде совершенно нет обменного фонда белья, части 191-й дивизии имеют 25 %

потребного фонда. В частях 59-й армии нет даже машинки для стрижки волос».

Самых жирных кровососущих солдаты прозвали «КВ» — в честь танка. За вшами последовали вспышки тифа. Ухудшилось положение с питанием, конина кончилась:

«Сначала гибли от недоедания кони, потом люди их съедали. Недаром говорят: человек живучее собаки. И то правда: собака понюхает и есть не станет. Мы же всех дохлых лошадей из-под снега вырыли и съели. От того начались у солдат кишечные расстройства. Бывало, штаны спустить не успеешь. Настоящее бедствие!

Немцы все видели, ведь рядом были, за какой-нибудь речушкой в десяток метров шириной. Какие насмешки, унижения, какое издевательство приходилось от них терпеть — ни приведи Господь!.. Лошадей поели — снаряды таскаем на себе, по пояс в воде. Немцы играют на губных гармошках, песенки распевают, издеваются: «Русс, куп-куп!» Им что: они в деревнях, на сухом месте, а мы, Иваны, снова в дураках».

Появились случаи самоубийства. Боевые действия велись в основном в горловине «бутылки» и в полосе 54-й армии. Федюнинский до самого смещения с должности, сменяя обескровленные дивизии и выбитые танковые части, гнал и гнал свои войска через раскисшие болота на Любань.

Об этих боях у генерала не осталось «тяжелых воспоминаний», видимо потому, что он ничего не сумел добиться, командуя мощной группировкой, состоявшей из десяти дивизий (3-й гвардейской, 11, 80, 115, 177, 198, 281, 285, **294, 311-й), пяти стрелковых бригад (32, 33,137, 140, 6-й морской пехоты), четырех** танковых **бригад (16, 98, 122,** 124-я), отдельного лыжного, пяти артиллерийских и одного гвардейского минометного полка, отдельных танковых, лыжных, аэросанных батальонов.

Штаб Волховского фронта, накопивший «большой опыт», вновь готовил «общее **наступление». Командующий** уверял всех, что «оперативная обстановка **к** настоящему времени на любанском направлении наряду с наличием трудностей более благоприятна, чем в прежние периоды операций».

•••

Однако наступило время интриг и перетасовки генеральской колоды.

Сталин еще в марте решил, что руководство Ленинградского и Волховского фронтов надо менять. Он предложил возглавить Волховский фронт Ворошилову, однако маршал не пожелал взвалить на себя ответственность за «трудный фронт», прямо заявив, что боится «провалиться на этом деле». Верховный окончательно убедился, что в этой войне «первый красный офицер» ему не помощник. В Ленинград отправился генерал-лейтенант Л.А. Говоров. В Малую Вишеру в кампании с Ворошиловым, Маленковым и заместителем командующего ВВС Красной Армии генералом Новиковым 9 марта прибыл новый заместитель командующего Волховским фронтом, генерал-лейтенант Андрей Андреевич Власов (1901—1946).

В своих послевоенных воспоминаниях, давая оценки событиям и людям задним числом, с оглядкой на идеологический отдел ЦК КПСС, наши мемуаристы, упоминая Власова, рисуют портрет бездарности с моральным обликом потенциального предателя. Например, маршал А.М. Василевский сообщает:

«Власов, не выделяясь большими командирскими способностями, к тому же по натуре крайне неустойчивый и трусливый, совершенно бездействовал».

Маршал просто лжет. На момент назначения генерал Власов находился в зените славы, являясь одним из самых перспективных военачальников РККА. Командуя 20-й армией во время битвы под Москвой, за успешную операцию по освобождению Солнечногорска и Волоколамска он был награжден орденом Боевого Красного Знамени, повышен в звании и заслужил особое расположение Сталина. О нем много и лестно писали газеты, публиковали его портреты. Генерал армии Жуков высоко оценивал боевые качества Власова, его оперативную подготовку и организационные навыки. И приехал он на Волховский фронт «для применения опыта подмосковной победы».

Мерецков в своих мемуарах, естественно, тоже пишет, будто бы заместитель ему сразу не понравился:

«Этот авантюрист, начисто лишенный совести и чести, и не думал об улучшении дела на фронте. С недоумением наблюдал я за своим заместителем, отмалчивавшимся на совещаниях и не проявлявшим никакой инициативы. Мои распоряжения Власов выполнял очень вяло. Во мне росли раздражение и недовольство».

Впрочем, раздражение и недовольство Мерецков в самом деле **испытывал: ведь в ближайшей перспективе Власов** должен был занять его место, и оба генерала это знали. Например, сохранилась запись телефонного разговора Власова с Верховным Главнокомандующим, в котором он **просит оставить его в должности заместителя, так как у Мерецкова большой опыт* ведения боевых действий** в лесисто-болотистой **местности. Будучи в плену, Власов** тоже охарактеризовал Мерецкова нелицеприятно:

«Эгоист... Очень нервная, рассеянная личность. Спокойная беседа между командующим фронтом и командующими армиями была почти невозможна».

20 марта командующий фронтом отправил своего заместителя во главе специальной комиссии во 2-ю ударную армию, откуда тому не суждено было вернуться. 8 апреля, составив акт проверки, комиссия отбыла, а Власов остался, поскольку выяснилось, что генерал Клыков «тяжело болен». По версии Мерецкова, 54-летний командарм «серьезно хворал еще в феврале», это отражалось на исполнении им своих обязанностей, и «у меня не раз появлялась мысль о замене командарма». Однако тогда Кирилл Афанасьевич генерала Клыкова с армии не снял, а отстранил от должности совершенно здоровых начальника штаба и начальника оперативного отдела.

Начальник артиллерии генерал Дегтярев, опубликовавши свои воспоминания раньше Мерецкова, о маршальском диагнозе еще ничего не знал, поэтому отклоне-

ний в здоровье командарма Клыкова не заметил, а его снятие с должности напрямую связал с военными неудачами и работой проверяющих из штаба фронта:

«Был зачитан акт комиссии, и к вечеру она выбыла из армии. «Всё», — мрачно сказал Клыков, распрощавшись с нею, и машинально начал перебирать содержимое в ящиках своего рабочего стола. Предчувствие не обмануло его: несколько дней спустя он был смещен с поста командующего 2-й ударной армией».

16 апреля якобы больного Клыкова самолетом отправили в тыл. Закономерно возник вопрос, кому поручить руководство войсками 2-й ударной армии? В тот же день состоялся телефонный разговор А.А. Власова и дивизион**ного комиссара И.В. Зуева с Мерецковым. Зуев предложил назначить на должность командарма Власова, а Власов** — начальника штаба армии полковника П.С. Виноградова. Военный совет фронта поддержал идею Зуева.

Так «подлый предатель Родины» Власов с 20 апреля стал командующим 2-й ударной армией, оставаясь **одновременно заместителем командующего фронтом. Он получил войска, практически уже не способные сражаться, получил армию, которую надо было спасать. С середины** апреля хлеба выдавалось менее половины нормы, других продуктов вообще не было. Некомплект личного состава **в** дивизиях доходил до 70 %. Артиллерия была лишена снарядов. Обмороженные, изголодавшиеся, завшивевшие бойцы недели **и** месяцы сидели **в** болотных топях.

Власов не мог отказаться от назначения, хотя прекрасно понимал, в какую задницу его засунули. Бывший генеральский адъютант майор И. Кузин на допросе рассказывал:

«В беседе с Зуевым и Виноградовым Власов неоднократно говорил, что великие стратеги — это он по адресу товарища Мерецкова — завели армию на гибель. Власов по адресу Мерецкова говорил так: звание большое, а способностей... — и дальше недоговаривал, но давал понимать».

• • •

Мерецков в это время докладывал о «разрыве в обороне противника», о 75-тысячной группировке, которую он в скором времени окружит и истребит, но «запланированному наступлению не суждено было свершиться».

Генерал М.С. Хозин провернул свою комбинацию. Он доложил Ставке, что главной причиной провала Любанской операции является отсутствие взаимодействия между Ленинградским и Волховским фронтами:

«Мы действует разрозненно. В январе начал наступление Волховский фронт, Ленинградский фронт его не сумел по-настоящему поддержать, потому что войска 54 А были истощены в людском и материальном отношении. В феврале месяце истощился Волховский фронт. Ленинградский накапливал силы. В конце февраля и в марте месяце начал наступать Ленинградский фронт, но не поддержанный Волховским фронтом, также выдохся. На днях вновь начал наступать Волховский, Ленинградский не в состоянии поддержать, т. к. дивизии 54-й армии выдохлись. **Такое положение** в **дальнейшем** терпимым признать нельзя. Действия должны

быть одновременными, которые не позволили бы противнику маневрировать своими резервами и парировать наши удары».

Вывод: фронты необходимо объединить, доверив дело прорыва блокады **одному единоначальнику, конкретно** — генералу Хозину.

Маршал **Б.М.** Шапошников **выступил против этого** предложения, но Сталин встал на позицию хитроумного командующего, и 20 апреля была подписана директива о преобразовании Волховского фронта в оперативную группу в составе Ленинградского фронта. Генерал армии Мерецков, вместе **с** накопленным «опытом», направлялся на Западное направление, заместителем к Жукову. Уже 23 апреля генерал Хозин с «директивой **в** кармане и в весьма веселом настроении» появился в Малой Вишере.

Мерецков по пути к новому месту назначения побывал в Ставке и доложил Сталину о положении 2-й ударной армии:

«/Она/ совершенно выдохлась и в имеющемся составе не может ни наступать, ни обороняться. Её коммуникации находятся под угрозой ударов немецких войск. Если ничего не предпринять, то катастрофа неминуема».

Он сказал, что необходимо принять одно из двух решений: либо значительно усилить армию войсками и техникой, либо как можно быстрее отвести ее на линию дорог Чудово — Новгород. Кириллу Афанасьевичу пообещали учесть высказанные соображения.

Командующим Ленинградской группой войск стал генерал-лейтенант Л.А. Говоров. Назначения на Западный фронт получили генералы И.И. Федюнинский и И.В. Галанин. В командование 54-й и 59-й армиями вместо них вступили генерал-майор А.М. Сухомлин и генерал-майор И.Т. Коровников. 8-ю армию принял генерал-лейтенант Ф.Н. Стариков.

После проведенной организационной и кадровой реформы командующий объединенным фронтом и одновременно Волховской группой войск мог полностью сосредоточиться на любанском направлении. Для этого Хозин получил шесть армий и три корпуса! В сумме они имели 39 дивизий, 14 стрелковых и 6 танковых бригад, 15 отдельных батальонов, 24 отдельных артиллерийских и 7 гвардейских минометных полков, а всего 356 тысяч человек, 4328 орудий и минометов, 191 танк. И это несмотря на то, что с начала операции советские войска потеряли убитыми и ранеными 308.367 человек — почти 100 % от первоначального состава. Между тем, до сих некоторые наивные люди удивляются: как это мы могли потерять 27 миллионов убитыми?! Не может такого быть!

• • •

Ленинградцы пережили первую военную зиму, самую страшную. Наибольших размеров смертность достигла в начале февраля. В отдельные дни умирали 4500—4700 горожан. Всего в феврале умерли, по неполным данным, 96 тысяч человек.

На этот же месяц пришелся пик людоедства — 612 человек были арестованы «за

употребление в пищу человеческого мяса» (всего до весны 1943 года отловили более двух тысяч). В Сестрорецке и на станции Разлив в течение трех месяцев орудовала банда из шести женщин-людоедов.

Нынешняя германская Фемида полгода искала подходящую статью для каннибала-гомосексуалиста; советская, не мучаясь тонкостями юриспруденции «в условиях особой обстановки», всем лепила статью 59-3 УК РСФСР — бандитизм. Поначалу решением Военного трибунала их расстреливали поголовно. Позже стали различать убийства «с целью поедания мяса убитых» (расстрел) и просто «поедание трупного мяса» (в этом случае давали до 10 лет лишения свободы). Интересно, что среди лиц, привлеченных к уголовной ответственности за эти преступления 41 % составили пролетарии, а получавшие вдвое меньший паёк служащие — лишь 4,5 %.

Город был буквально завален трупами, в основном, «не безусловно нужных» граждан. Начальник Управления предприятий коммунального обслуживания исполкома Ленсовета А. Карпушенко сообщал:

«Если в декабре еще значительную часть умерших транспортировало на кладбище население, то в январе это резко сократилось. Приняло большие размеры такое явление, когда покойников стали в массовом порядке подбрасывать к больницам, поликлиникам, выбрасывать на лестницы, во дворы и даже на улицах города. Организации и предприятия вывозили из города трупы умерших людей и боясь, что администрация кладбищ от них не примет, за отсутствием документов, сваливали трупы незаметно для сторожей на кладбищах, или улицах вблизи них. На Кременчугской улице у наружных дверей покойницкой больницы им. Боткина, ежедневно беспорядочно в куче лежали подброшенные покойники. Кроме того, их можно было часто по утрам видеть выброшенными к воротам домов, на лестницах».

Аппарат треста «Похоронное Дело», несмотря на дополнительную выдачу работникам хлеба и водки, оказался к таким масштабам не готов: «За непринятие мер к заготовке нужного количества запасных траншей и упорядочению работы кладбищ» перед Новым годом был арестован и осужден на 8 лет лишения свободы руководитель треста Кошман. То было лишь начало:

«Последние дни января и февраль месяц были периодом, когда количество захоронений достигло наивысшей точки. В больницах, госпиталях, на эвакопунктах и в районных моргах скопилось большое количество трупов... В течение значительного количества дней февраля месяца только на Пискаревское кладбище привозили для захоронения 6—7 тысяч трупов в сутки...

3 февраля 1942 года Исполком Ленгорсовета принял решение об использовании под братскую могилу имевшегося на Богословском кладбище песчаного карьера, который был заполнен в течение 5-6 дней 60-ю тысячами трупов людей. Под захоронение были использованы и бомбовые воронки на Богословском кладбище, в которые захоронено около 1000 трупов. Позже было решено использовать под захоронение часть противотанкового рва расположенного рядом с карьером с северной стороны, где было тоже захоронено больше 10 тысяч покойников. На северной окраине Серафимовского кладбища, имевшиеся 18 волчьих ям,

подготовленных как противотанковые препятствия, были использованы под захоронения и в них было похоронено около 15000 трупов.

Но темпы поступления на кладбища трупов значительно обгоняли быстро нарастающие темпы заготовки траншей, а поэтому и проведение мероприятий по использованию под захоронение карьера и волчьих ям не устраняли диспропорцию между наличием готовых траншей и завозом на кладбище трупов.

На Пискаревском кладбище количество незахороненных трупов, сложенных в штабеля длиною до 180—200 метров и высотою до 2 метров, за отсутствием траншей, в отдельные дни февраля достигало 20—25 тысяч; на Серафимовском кладбище трупами был забит морг, церковь, и часть их лежала просто на кладбище. Штабель трупов около 5 тысяч лежал и на Большеохтинском кладбище, там же полностью был заложен трупами морг. На кладбище Жертв 9-го Января в сенном сарае лежало около 3 тысяч незахороненных трупов. Такое положение на кладбищах длилось до конца февраля месяца 1942 года».

Безусловно ненужными власти оказались всякие филологи, историки, искусствоведы и прочие интеллигенты-гуманитарии, их не эвакуировали и не кормили (подкармливали лишь академиков и членов-корреспондентов). В Ленинградском университете зимой 1941/42 года от голода и болезней погибли свыше 100 профессоров и доцентов. Политехнический институт потерял 46 докторов и кандидатов наук, Строительный институт — 38. Когда в апреле, наконец, вывезли Эрмитаж, служащие МПВО обнаружили в подвалах здания 109 трупов.

В марте в городе умерла еще 81,5 тысяча человек, в апреле — около 75 тысяч. Это данные из ежемесячных спецсообщений УНКВД, но они далеко не полны. Десятки тысяч ленинградцев погибли в ходе эвакуации или вскоре после нее. Тысячи трупов в укрытиях, траншеях, под снегом, были обнаружены лишь весной, во время генеральной чистки города, организованной для предотвращения эпидемий.

Сколько жителей Ленинграда и пригородов умерло от голода, достоверно никто до сих пор не знает, но сегодня все сходятся на том, что не менее одного миллиона человек. Тот же А. Карпушенко, подводя итоги своего секретного доклада, признавал:

«К сожалению в городе нет организации, которая могла бы назвать точную цифру, умерших в городе Ленинграде людей... Никто к таким размерам смертности и молниеносности ее роста не только не был подготовлен, но никто и никогда не мог мыслить о чем-либо подобном... По данным кладбищ города, далеко не точным, ими за период с 1/VII-1941 года по 1/VII-1942 года захоронено 1.093.695 покойников».

Одновременно вывозилось нетрудоспособное население, раненые, заводское оборудование, культурные ценности. В период с 22 января по 15 апреля из Ленинграда были эвакуированы 554 тысячи человек, в том числе только во второй половине марта — 48 тысяч финнов, немцев и «социально-опасных элементов», заботливо обеспеченных спецконвоем НКВД и деньгами на питание. За Ладогой голод для них заканчивался, но вследствие необратимых изменений, ленинградцы умирали тысячами на всем пути следования.

Общая численность населения сократилась до 1,1 миллиона человек.

Недоедание серьезно сказывалась на боеспособности войск фронта. За восемь месяцев, начиная с ноября 1941 года, только в госпитали фронтового и армейского районов поступило более 62 тысяч военнослужащих с диагнозом «алиментарная дистрофия», из них 12.416 человек скончались.

Однако город выстоял, опрокинув все расчеты германского генералитета.

Постепенно, с невероятными трудностями, налаживалась **работа Военно-автомобильной дороги. Перенос базыснабжения из Тихвина в Войбокало и Жихарево намного** сократил маршрут движения автомашин. 18 января впервые был выполнен **план** доставки грузов в Ленинград. Во второй половине января, в связи с наладившимся подвозом, **произошло заметное увеличение продовольственных запасов. С 24 января ленинградцы стали получать 400 грамм хлеба на рабочую карточку, 300 грамм — для** служащих, 250 грамм — по детской **и** иждивенческой карточкам. 11 февраля хлебная норма выросла еще **на 100** грамм. Были увеличены нормы снабжения другими продуктами питания. По карточкам стали выдавать мясо, сливочное масло, клюкву, сухой лук.

В середине февраля по решению **ГКО** была построена железнодорожная ветка Войбокало — Кобона, подводившая поезда вплотную к Ладоге. По ледовой дороге для Ленинграда доставлялось все больше грузов: в январе было перевезено около 53 тысяч тонн, в феврале — более 86 тысяч, **а** в марте — более 118 тысяч тонн. Это позволило сосредоточить в городе двухмесячные неприкосновенные запасы продовольствия **и** переходящие запасы на 6—8 дней.

В самый тяжелый для Ленинграда период решающую роль в снабжении города и эвакуации населения сыграла Дорога жизни. Только благодаря ей Ленинград сумел выстоять.

Дорогу обслуживали 17281 военнослужащий, 3624 автомашины, **147** тракторов, 960 лошадей. Всем этим хозяйством руководил капитан 2 ранга М.А. Нефедов. Наземную охрану трассы осуществлял отдельный стрелковый полк, основные силы которого были сосредоточены на льду Ладожского озера в 8—12 км от берега, занятого противником. Полк создал две оборонительные полосы, на которых были построены доты, укрытия из ледяных глыб, установлены пулеметные точки. Противовоздушную оборону коммуникации обеспечивали расположенные вдоль нее батареи 21-го зенитно-артиллерийского дивизиона (четырнадцать 37-мм автоматических пушек, до 40 пулеметных установок). С укреплением льда в районе **трассы удалось установить даже 85-мм орудия. Кроме того, были** созданы **кочующие группы из орудий малого** калибра и зенитных пулеметов, смонтированных на специальных салазках. Железнодорожные станции и базы на берегу Ладоги прикрывали специальные отдельные зенитные части **и** бронепоезда **ПВО. Небо** охраняли **пять полков** истребительной **авиации ВВС фронта, два полка КБФ,** авиация **ПВО. Контроль** за **ледовым режимом,** эксплуатацией трассы был возложен на гидрографическую службу Балтийского флота.

За весь период существования Дороги жизни по ней перевезли более 360 тысяч тонн грузов, в том числе 262 тысячи тонн продовольствия и 32 тысячи тонн

боеприпасов.

В середине апреля толщина льда на Ладожском озере стала быстро уменьшаться, на его поверхности появилась вода, особую опасность представляли скрытые под ней трещины. С 16 по 21 апреля автомашины двигались по сплошной воде. Одними из последних через Ладогу на восточный берег переправились 11 тысяч бойцов пополнения для 54-й армии. В 16 часов 24 апреля дорога была закрыта. Полным ходом шла подготовка к летней навигации.

Улучшились условия жизни. В значительной степени была восстановлена канализационная сеть и водопровод, открылись школы, возобновили работу некоторые кинотеатры. 15 апреля вновь пришли в движение трамваи. Городские «партайгеноссе», убедившись, что город устоял, взбодрились и тут же приступили к закручиванию гаек. Так, секретарь горкома Я.Ф. Капустин объявил:

«Получение ленинградцами среднемесячной зарплаты в условиях, когда абсолютное большинство предприятий бездействовало, развратило определенную часть людей, народ перестал уважать дисциплину».

Ну не в чем нельзя на неблагодарный народ положиться, развращался он в блокаде, пока разные Капустины и попковы, глаз не смыкая, об его счастье заботились.

• • •

В апреле начался ледоход на Неве. Он отрезал от левого берега гарнизон «пятачка» — 330-й стрелковый полк 86-й дивизии, под командованием майора С.А. Блохйна. Германское командование решило этим обстоятельством воспользоваться и ликвидировать Невский плацдарм. 24 апреля после сильной бомбежки и артиллерийской подготовки началась атака шести батальонов 1-й дивизии. Несмотря на отчаянное сопротивление защитников, получивших в подкрепление две роты 284-го полка, немцам удалось прорваться к Неве и изолировать гарнизон. Последнее, что видели с правого берега, это кусок масхалата, на котором крупными буквами было написано: «Помогите».

Унтер-офицер В. Буфф из 227-й пехотной дивизии, корректировавший в те дни артиллерийский огонь, записал в дневнике:

«Когда плацдарм был уже в наших руках, русские сделали безнадежную попытку переправиться через Неву на лодках, чтобы перейти в контратаку. То, что не было уничтожено при переправе, было завершено при высадке. Не знаешь, чему больше удивляться: безумству тех, кто отдал приказ на эту безнадежную операцию, или мужеству смертников, выполнявших его».

29 апреля «Невский пятачок» пал. Он обошелся Ленинградскому фронту в 140 тысяч погибших. Все они погибли совершенно зря.

• • •

Несмотря на то, что ни одна из операций зимней кампании не достигла поставленных стратегических целей, Сталин и его полководцы по-прежнему

думали, что Красная Армия достаточно сильна, чтобы могучими ударами разгромить Вермахт, который они считали уже не способным к серьезному сопротивлению. К такому выводу их подталкивали, с одной стороны, цифры значительного роста военного производства, а с другой — фантастические цифры немецких потерь, предоставляемые Разведывательным управлением Генштаба, видимо черпавшим эту информацию из победных реляций Совинформбюро.

Поэтому Ставка ВГК приняла решение продолжать всеобщее стратегическое наступление на всех направлениях. Планировались наступательные операции под Ленинградом, в районе Демянска, на Смоленском и Кур**ском направлениях, в Карелии,, на южном крыле советско-германского фронта с тем, чтобы в итоге выйти на линию** государственной **границы СССР.**

Карельский фронт, в частности, разрабатывал наступательную операцию по прорыву обороны финнов **на** медве**жьегорском направлении с выходом по северному берегу Ладожского озера в тыл войскам противника на Карельском перешейке.**

Гитлер свои планы на лето изложил в директиве № 41 от 5 апреля **1942** года: все силы бросить **на** юг, захватить индустриальный Донбасс, пшеничные поля Кубани, нефтеносные районы Кавказа **и** лишить Советский Союз жизненно необходимых для ведения войны **экономических центров. На севере следовало взять Ленинград, чтобы установить, наконец, связь с финнами. Но сначала две группы** армий должны были путем глубоких обходов уничтожить главные силы Красной Армии в районе Сталинграда и перейти Кавказский хребет:

«Окончательное окружение Ленинграда и захват Ингерманландии откладываются до тех пор, пока изменение обстановки в районе окружения или высвобождение других достаточных для этого сил не создадут соответствующих возможностей».

До наступления этого благоприятного момента в качестве программы-минимум намечались мероприятия по ликвидации ораниенбаумского плацдарма.

• • •

1 мая 1942 года Сталин обратился к вооруженным силам с приказом № 130. В нем говорилось:

«Всей Красной Армии добиться того, чтобы 1942 год стал годом окончательного разгрома немецко-фашистских войск и освобождения советской земли от гитлеровских мерзавцев».

Начало разгрому должны были положить Харьковская наступательная операция и уничтожение войск Манштейна в Крыму.

Военный совет Ленинградского фронта 2 мая доложил Ставке план действий на предстоящий месяц, в котором отмечалось, что «основная задача войск фронта — освобождение Ленинграда от блокады — будет выполняться путем проведения ряда последовательных фронтовых операций».

План предусматривал, что 2-я ударная армия временно переходит к обороне на

занимаемом фронте. Из ее состава выделяются 191-я и 259-я стрелковые дивизии и передаются в подчинение 59-й армии для создания ударной группировки на период проведения операции по ликвидации противника в районе Трегубово — Спасская Полисть.

Одновременно 2-я ударная армия ведет подготовку к продолжению Любанской операции, для чего в её состав включается 6-й гвардейский корпус (4-я и 24-я гвардейские, 165-я стрелковая дивизии, 24-я и 58~я стрелковые бригады, которые должны быть восстановлены к середине мая). Ориентировочно, 2-я ударная армия по готовности 6-го гвардейского корпуса должна была перейти в наступление в последней декаде мая, одновременно с 54-й армией.

Направление главного удара 2-й ударной намечалось из района Кривино — Ручьи на станцию Бабино, с тем, чтобы во взаимодействии с 59-й армией отрезать и ликвидировать чудовскую группировку противника. Для развития успеха намечалось использовать пополненный 13-й **кавалерийский корпус, 372-ю и 378-ю стрелковые** дивизии. Ставка предложения **фронта утвердила.**

Таким образом, ни о каком выводе 2-й ударной армии из мешка, в то время когда ее положение уже стало критическим, речи не шло, хотя армия оставалась ударной только по названию. Она даже **обороняться** могла **с трудом, Фактически в окружении, вместе с вошедшими в прорыв частями 52-й и 59-й армий, находились свыше 62 тысяч** человек без продовольствия **и 600 орудий** без снарядов. Снабжения практически не было, иногда «кукурузники» (самолеты У-2), несшие большие потери от немецких истребителей, сбрасывали бумажные мешки с сухарями, большая часть которых разбивалась или пропадала в болотах, **и** патриотические листовки:

«Трусов — пристреливать, храбрых — славить! Крушите немецко-фашистских захватчиков... Держитесь! Помощь к вам придет!»

Немцы вели свою пропаганду: развешивали на деревьях буханки хлеба и уговаривали сдаваться в плен: «Из ада в рай — одна дорога, к нам перебегай!», но перебежчиков было мало (по данным политотдела, на сторону врага в апреле ушли 47 человек, в мае — 17, дезертировали — 84).

Законченная узкоколейка действовала недолго. Немцы вскоре разбомбили паровозы-кукушки», и санитары вручную толкали вагонетки с ранеными, подкладывая трупы вместо вывороченных шпал. Тут только и выяснилось, что «армия не может продолжать дальнейшего наступления на Любань». Хозин, вникнув в обстановку, вынужден был отказаться от наступления и принимать меры к отводу войск. Он сообщил Сталину:

«Дальнейшее ведение операций 2-й ударной армией является мероприятием крайне рискованным и по своей необеспеченности стыка — весьма опасным».

Необходимо либо пополнить фронт резервами и для начала разгромить противника в районе Спасской Полисти, либо трубить отход и спасать войска. Сам Хозин склонялся к первому варианту, поэтому просил Москву «в срочном порядке дать» фронту не менее 100 танков и пяти авиационных полков. Но 13 мая

член Военного со**вета 2-й** ударной **армии И.В. Зуев вылетел в Малую Вишеру,** доложил о безвыходном положении армии **и** вернулся с директивой командования Ленинградского фронта № 00120 начать подготовку последовательного вывода соединений на заранее подготовленный рубеж. Отход начать по сигналу «Вперед».

•••

Советские «историки в погонах» датой окончания Любанской наступательной операции считают 30 апреля, тогда как операция по выводу 2-й ударной армии из окружения началась 22 мая. Соответственно с этим «летоисчислением» они и ведут подсчет потерь. Можно подумать, что три недели, разделяющие две даты, солдаты Волховского фронта отдыхали на лесном курорте или же, договорившись с немцами о перемирии, злостно саботировали исполнение приказа № 130. Ан нет, именно в этот период, по воспоминаниям рядового И.И. Беликова, погибла вновь прибывшая, заново сформированная 2-я стрелковая дивизия 59-й армии, которой поставили задачу без артиллерии, штыковой атакой (!) прорвать оборону противника у Спасской Полисти:

«Ранним утром 1 мая наш полк начал наступление. «Катюша» дала залп термитными снарядами, и одна из немецких огневых точек заглохла. Мы пошли в атаку. В первые же минуты боя были убиты комбат, начальник штаба батальона и мой командир взвода младший лейтенант Мирошников. Но все же наш полк углубился на 2 км в тыл фашистов. При этом мы захватили продовольственный склад. Он-то и оказался ловушкой - местом гибели моих однополчан. Когда мы голодные, как волки, набросились на еду, начались бомбежка и артобстрел. От нашего взвода из 25 человек, в живых осталось пятеро...

Когда стемнело, мы отползли на кладбище солдат нашего полка. Комиссар полка - в новой шинели, с тремя полевыми шпалами в петлицах - сидел под сосной. Сосну вывернуло взрывом, и голова комиссара лежала по одну сторону дерева, а туловище - по другую. Повсюду земля была перемешана с кровью. Живые, с оторванными руками и ногами, просят: «Браток, пристрели»...

На всем прорыве немецкой обороны — 500 м по фронту — был завал трупов и раненых. По утрам, когда не было, бомбардировки, мы занимали оборону на переднем крае. Ночью стаскивали трупы и делали из них настил, чтобы не лежать в болотной воде. Так прошло 10 суток. О нас вроде забыли: не доставляли ни еду, ни боеприпасы. На десятый день встал я рано и пошел поглядеть: не остался ли кто из наших! в живых? Меня заметили немцы и орут: «Иван, иди кашу кушать!» А стрелять не стреляли — совсем нас не боялись.

... Я спросил младшего лейтенанта, сколько осталось в нашем полку живых и кто теперь командир полка. Кукуев — грязный, голодный — отвечал, что у нас осталось всего 58 человек и он за командира. У нас не было ни снарядов, ни патронов, ни продовольствия, но покинуть передний край мы не могли. За нами, у шоссе Москва — Ленинград, стоял заградотряд. Уход с передовой карался расстрелом. Оставалось два пути: смерть или плен. Никто из наших бойцов не сдался...

Младший лейтенант Кукуев разрешил мне сходить в штаб дивизии и доложить командованию о нашем положении. Я добрался до штаба, разыскал начальника связи

дивизии майора Малофеева и рассказал об обстановке. А он спрашивает: «Имущество связи сохранили?». В то время за потерю имущества полагался расстрел: катушка кабеля ценилась дороже человеческой жизни...

Нашу дивизию пополнили, а фактически сформировали заново, и снова направили на прорыв».

Другие соединения вели ожесточенные и безуспешные бои за овладение Трегубово и Приютино. Только 13 мая 59-я армия получила приказ «прекратить активные действия и перейти к обороне».

Наконец, 14 мая Ставка дала директиву об отводе войск 2-й ударной армии «из занимаемого ею района». Речь шла не о выходе из окружения, а об организованном отступлении на выгодный для обороны рубеж Ольховка — озеро Тигода, перегруппировке и нанесении сильного удара с запада силами двух дивизий и четырех стрелковых бригад навстречу 59-й армии с целью ликвидации противника в выступе Приютино — Спасская Полисть. Генерал Коровин для реализации этой задачи должен был использовать шесть дивизий, две стрелковые и две танковые бригады. На подготовку и осуществление операции отводилось 7-10 дней.

Москва чем-либо помочь волховчанам не могла. Май 1942 года ознаменовался серией поражений Красной Армии на всех фронтах. В Крыму войска Манштейна разгромили три советские армии и захватили Керчь; под Харьковом танковые части Клейста завершали окружение двадцати семи дивизий Юго-Западного фронта; неудачей и огромными потерями закончились Ржевско-Вяземская (777 тысяч убитыми и ранеными) и Демянская (246 тысяч) операции.

В ходе последней — как контраст с судьбой 2-й ударной армии — фон Зейдлиц 24 апреля успешно деблокировал окруженную группировку Брокдорффа, причем немцы не стали выходить из котла, а отбив все советские атаки, прочно обосновались в Рамушевском коридоре длиной 40 километров, шириной 6-8 км, и удерживали Демянск до февраля 1943 года.

• • •

По инициативе Жданова Военный совет Ленинградского фронта принял решение об эвакуации вместе с отходящей армией и местного населения. В Смольном смутно представляли, как выглядит коридор на Большую землю, по которому предстояло выбираться тысячам стариков, женщин и детей. Из бодрых докладов военных там вполне могли предположить, что от Мясного Бора поезда ходят чуть ли не по расписанию. Жители деревень, не желая эвакуироваться, прятались в лесах и огородах. Оперуполномоченные их отлавливали, сжигали еще уцелевшие после боев и авианалетов дома, дабы не достались врагу.

Сигнал «Вперед» прозвучал только 22 мая. Части 2-й ударной армии последовательно снимались со своих позиций и двигались к Новой Керести, а далее к деревне Кречно и к Мясному Бору. Начальник тыла армии докладывал:

«Личный состав был измотан, выталкивая на себе материальную часть из болот к

узкоколейке и лежневой дороге. До этого в продолжение полутора месяцев армия находилась на голодном пайке. Никаких запасов боеприпасов и продовольствия в армии не имелось, так как подвоза не было из-за отсутствия горючего... На 30 мая на территории, занимаемой армией, находилось в платформах и в вагонах 1500 раненых, "~а~ 4500 человек гражданского населения в лесу в ожидании эвакуации».

Хозин же уверял:

«Отвод 2-й ударной **армии протекает планомерно, все ра**неные вывезены, имущество эвакуировано в тыл».

Однако этот запоздалый «маневр» войскам Волховского фронта не удался. Противник, четко отследив советские приготовления, немедленно развернул активные боевые действия по всему периметру. Помощник начальника управления Особого отдела старший майор госбезопасности Москаленко сигнализировал начальству:

«Хозин медлил с выполнением приказа Ставки, ссылаясь на невозможность выводить технику по бездорожью и необходимость строить дороги, к началу июня с. г. части не начали отводить, однако в Генеральный штаб Красной Армии за подписью ХОЗИНА и нач. штафронта СТЕЛЬМАХ прислано донесение о начале отвода частей армии. Как позже установлено, ХОЗИН и СТЕЛЬМАХ обманули Генеральный штаб, к этому времени 2-я ударная армия начинала только оттягивать тылы своих соединений. 59-я армия действовала очень нерешительно, предпринимала несколько безуспешных атак и задачи, поставленные Ставкой — не выполнил».

Тем не менее, к середине месяца успели вывести 13-й кавалерийский корпус (конники, доев своих скакунов, выходили с седлами на плечах) и 6-й гвардейский корпус, остатки 378-й стрелковой дивизии, танковые бригады, реактивные минометы, частично тяжелую артиллерию. Они начали движение первыми в соответствии с планом продолжения Любанской операции.

31 мая две немецкие дивизии (20-я моторизованная с севера, 58-я пехотная с юга) вновь перекрыли выход к Мясному Бору, «завязав» в мешке 9 дивизий и 6 бригад с тремя полками РГК 2-й ударной, 52-й и 59-й армий — около 50 тысяч человек. Из «котла» успели выскочить 191-я и 382-я стрелковые дивизии.

Энергичных мер по восстановлению коммуникации окруженной группировки со стороны советского командования своевременно предпринято не было (если не считать хозинской телеграммы Власову «организованно и решительно» нанести удар с запада на восток). Это позволило противнику организовать насыщенную огневыми точками оборону глубиной полтора километра по восточному берегу реки Полисть.

Выдвинутые 30—31 мая к реке 22-я и 57-я стрелковые бригады и 191-я дивизия преодолеть этот рубеж не смогли. 2-я ударная армия продолжала вести бой в полном окружении. Для обороны на севере и западе были оставлены наиболее боеспособные соединения — 267, 92, 327, 19-я гвардейская стрелковые дивизии, 23-я бригада — обеспечивавшие действия группы прорыва в составе 46-й и 382-й дивизий, 22, 25, 53-й и 57-й стрелковых бригад. По северо-западному берегу Замошского болота до Горенки занимала оборону 305-я стрелковая дивизия, своим левым

флангом наступавшая совместно с группой прорыва.

Действия советских частей парализовали немецкие пикировщики, безнаказанно висевшие в воздухе от рассвета до наступления темноты. Световой день составлял почти 20 часов. Потери были огромные. Красные авиаторы смогли выделить для прикрытия войск 10 истребителей.

Таким образом, действия группы прорыва вначале самостоятельно, а затем с частями 52-й и 59-й армий успеха не имели, хотя коридор немцы удерживали силами всего лишь одного полка! **Артиллерия окруженной группировки** (874 ствола) бездействовала ввиду отсутствия боеприпасов.

В начале июня на участках обороны армии начались ожесточенные бои. Противник сжимал кольцо, **нанося удары в направлениях Финев Луг и из района Пятилипы. 2-я** ударная **армия предпринимала отчаянные попытки вырваться из мешка.** Не стояла без дела и 4-я армия (44**,** 288, 310-я стрелковые дивизии), в которой вновь сменился командующий. Под водительством генерал-майора Н.И. Гусева весь июнь и первую декаду июля армия, усиленная 185-й и 195-й танковыми бригадами, по 50 танков в каждой, и артиллерией, пыталась ликвидировать волховский плацдарм противника у Киришей шириной пять и глубиной два километра.

Задача выполнена не была, хотя только с 4 по 15 июня по киришскому пятачку выпустили более 40 тысяч снарядов и мин, сильнейшие удары наносила авиация. По этой причине данная операция вычеркнута из советской военной истории, потери в ней неизвестны.

А что нам известно о боях 54-й армии в «погостьевском мешке»? Мы совсем забыли и о заново созданной 8-й армии (128, 265, 286-я стрелковые дивизии, 1-я стрелковая бригада, 107-й танковый батальон), неужели она с января ничего не делала? Быть такого не может, хотя в описаниях зимней кампании она практически нигде не упоминается, будто не было её вообще. Наличествует лишь одна фраза в энциклопедии: «Вела бои действия на мгинском направлении». Вела, значит. Понятно, что безрезультатные.

• • •

После майских поражений Красной Армии товарищ Сталин сильно разочаровался во многих своих полководцах, например, в Тимошенко, Кулике, Козлове, Мехлисе; затосковал, что нет у него «гинденбургов». Всего месяц понадобилось на то, чтобы уяснить: генерал Хозин тоже не Гинденбург. Командующий объединенным Ленинградским фронтом оказался не способен прорвать блокаду Ленинграда, не сумел справиться с руководством сразу **девятью армиями, тремя отдельными корпусами и двумя группами** войск, к тому же разделенными занятой противником территорией.

В принципе, при существовавшем в Красной Армии способе управления, это для любого генерала было запредельной задачей. Так ведь и не для того Хозин объединение затевал.

Командующий своих привычек не менял, по-прежнему выпивал бутылку водки в день, разделяя ее на обед, ужином и вечерний киносеанс. Член Военного совета фронта, армейский комиссар Александр Иванович Запорожец (1899—1959) сообщал «куда следовало», что каждый вечер у себя на квартире Хозин «смотрел кинофильмы в компании молоденьких телеграфисток» (в своих доносах Запорожец классифицировал это как «бытовое разложение», а Хозин в оправдательных письмах — как «человеческое отношение к маленьким работникам»).

Попутно комфронта увлеченно интриговал против Запорожца и начальника Особого отдела Мельникова. Он даже пытался игнорировать Смольный, напрямую из Малой Вишеры общаясь с Москвой и самостоятельно принимая принципиальные решения, в том числе по вопросам распределения городских ресурсов. Это оказалось последней каплей. Опытный партаппаратчик Жданов быстро и жестко пресек «грубейшую политическую ошибку», разъяснив Хозину, что он снова «не дотопал до существа».

Директивой от 3 июня командующим Ленинградским фронтом был назначен генерал Леонид Александрович Говоров (1897—1955) — совершенно уникальный по тем временам случай. Новый командующий являлся выпускником Константиновского юнкерского училища (в 1916 году) и бывшим колчаковским офицером, окончил две академии (Военную имени Фрунзе и Генерального штаба). Несмотря на такую биографию и даже на то, что жена его была княжеского рода, он в 1937—39 гг. по какому-то недоразумению не попал под трибунал. Вдобавок, Говоров был беспартийный, но этот изъян быстро исправили, уже через три недели командующий стал полноценным большевиком без всякого кандидатского стажа.

Затем Ставка признала ошибочным решение о ликвидации Волховского фронта. Генерала М.С. Хозина отстранили от занимаемой должности «за невыполнение приказа Ставки, отрыв от войск, бумажно-бюрократические методы управления», а также в связи с серьезным конфликтом с членами Военного совета, и вскоре отправился принимать 33-ю армию Западного фронта. Верховный явно пошутил, хоть и мрачно: армией командовал Мерецков.

8 июня Ставка восстановила Волховский фронт и генерала К.А. Мерецкова в должности командующего. Вместе с ним в Малую Вишеру прибыл заместитель начальника Генерального штаба генерал А.М. Василевский. Двум генералам была поставлена задача «вызволить 2-ю ударную армию из окружения, хотя бы даже без тяжелого оружия и техники».

Начиная с 10 июня крупные силы 59-й и 52-й армий, при поддержке 250 орудий и минометов, 60 танков, трех дивизионов реактивной артиллерии непрерывно атаковали вражеское кольцо извне. В непрекращающееся ни на минуту сражение были брошены 58-я и 24-я стрелковые, 7-я гвардейская и 29-я танковые бригады, 2, 374, 165-я стрелковые, 25-я и 87-я кавалерийские дивизии, отдельные батальоны других частей, курсы лейтенантов и резерв политработников управления фронта.

• • •

2-я ударная прорывалась им навстречу. Полковник Кресик докладывал:

«7 июня решением ВС армии, 80 % личного состава было поставлено в строй, включая артиллеристов и минометчиков. Однако успеха армия не имела из-за отсутствия боеприпасов и плохо организованного взаимодействия между частями, наступавшими с востока. Кроме патронов, 45-мм снарядов и 50-мм мин ничего не было... Личный состав получал по 30—40 грамм сухарей вдень, раненые — по 70—80 грамм на человека. Единственный продукт питания — конина. Однако из-за вражеской авиации нельзя было разводить костры, и конину ели в сыром виде, без соли. Истощение. Смертность в частях, особенно в госпиталях, и среди гражданского населения»...

Люди в ней пухли от голода. В пищу шли хвоя, листва, березовая кора, ольховые шишки, трава, ежи и лягушки, кожаные части амуниции:

«Голод заставил — и кирзовые сапоги пошли в дело. Думал ли я когда-нибудь в свои 23 года, что доведется съесть целую лошадь со всей амуницией, уздечкой и гужами? А ведь пришлось... Жить хотелось, а жизни не было. Умереть бы надо, да смерть не шла.

Голод духовно опустошает человека, превращая его в зверя-одиночку, бездумного и злобного, готового на любое насилие. Этот процесс идет постепенно, по нарастающей, разъедая человеческое достоинство. Человек меняется и внешне: с лица исчезает улыбка — появляется тоскливая хмурь, глаза шныряют по сторонам, зубы плотно сжаты, на щеках — ямы-провалы, речь отрывистая, как у косноязычного...

Голодный не вспоминает прошлого, не думает о будущем. Притупляется всё: чувство долга, любовь к ближнему, в соотечественнику, законы морали: остается одно страстное желание — есть! Не желание смерти, нет, а именно жизни. Как угодно, но жить! Жить физически, потому что духовно такой человек давно уже умер... Такова власть тела над человеком, и преодолеть ее — ох, как трудно!».

В армии были зафиксированы случаи людоедства.

К 14 июня, отбросив 327-ю стрелковую дивизию и 23-ю бригаду, противник овладел Финевым Лугом. 19-я гвардейская (бывшая 366-я) дивизия отошла в район Глухой Керести, но здесь оборонительный рубеж заранее подготовлен не был. На участке 92-й стрелковой дивизии немцы захватили Ольховку и вышли на рубеж ручья Омутного. В течение 17—20 июня арьергардные советские части были оттеснены на рубеж реки Трубицы и ручья Барская Канавка. Но если судить по воспоминаниям Мерецкова, то ему снова, как и в марте, удалось «пробить коридор»:

«Наконец немцы не выдержали. 19 июня 29-я танковая бригада прорвала немецкую оборону и вышла на соединение с войсками 2-й ударной армии. Через два дня ударом с востока и запада был пробит коридор шириною 300-400 метров вдоль железной дороги. Воспользовавшись этим коридором, на Мясной Бор из окружения вышла большая группа раненых бойцов и командиров.

Затем произошло то, чего я больше всего опасался. Части 2-й ударной армии, участвовавшие в прорыве, вместо того чтобы направить свои усилия на расширение прорыва и закрепление флангов, сами потянулись вслед за ранеными. В этот

критический момент командование 2-й ударной армии не приняло мер по обеспечению флангов коридора и не сумело организовать выход войск из окружения.

Немцы же, быстро разобравшись в обстановке, на второй день после массированного удара своей авиации и артиллерии снова заняли оборонительные сооружения по правому берегу реки Полисть и воспрепятствовали тем самым выходу наших войск»,

Странно лишь то, что и немцы, и сами окруженцы, якобы воспользовавшиеся коридором, этого не заметили. В радиограмме от 20 июня Власов и Зуев сообщали:

«Начальнику ГШКА. Начальнику штаба фронта. Копия: Коровникову и Яковлеву. Прошу понять, что части восточной группы настолько обескровлены, что трудно выделить сопровождение для танков. Оборона противника по реке Полисть не нарушена. Положение противника без изменений. Пехота 52-й и 59-й армий на реку Полисть с востока не вышла. Наши части скованы огнем противника и продвижения не имеют. Прошу указаний на атаку пехоты 52-й и 59-й армий с востока. Прорвавшиеся 11 танков не имеют снарядов».

Василевский по радио предложил прислать за Военным советом армии самолет и вывезти его членов из окружения, но Власов отказался категорически, заявив, что его место в своих войсках.

***

Только 22 июня шатавшимся от голода бойцам 2-й ударной удалось прорвать немецкие позиции со своей стороны. До полудня 23 июня из окружения вышло 6018 раненых и около 1000 относительно здоровых. Первых отправили в госпиталь, из вторых сформировали сводный отряд под командованием полковника Коркина, который снова погнали в Долину смерти.

Затем немцы заблокировали прорыв. Ударом в направлении узкоколейной железной дороги они прорвали фронт и овладели Новой Керестью. Район, занимаемый советскими войсками, сократился до такого размера, что немецкая артиллерия простреливала его на всю глубину. Узел связи был разбит, управление нарушено. Армия лишилась единственной площадки, где садились самолеты У-2 с продовольствием и боеприпасами. Вспоминает очевидец:

«Июнь. Северные белые ночи. Целые сутки висели над нами немецкие самолеты, сбрасывая сверхтяжелые бомбы, поливая из пулеметов. Не смолкая, гудела орудийная канонада. Можно оглохнуть от треска ломающихся, горящих деревьев, от грома и грохота артиллерийского огня, адской чечетки пулеметных очередей, надрывного воя мин. Каждая пуля — в цель, снаряд — в цель и бомба — тоже в цель, потому что скученность войск невероятная.

То уже не армия, а толпа базарная. Полная неразбериха, связь между частями потеряна, управление нарушено. Повиновения, даже уважения к командирам нет. Нет никакой информации о нашем положении, только вражеская пропаганда бесчинствовала...

Ни деревень, ни дорог, одни обломки утонувших в болоте стланей и бревенок, когда-то наведенных саперами, а теперь полностью разрушенных. Люди мечутся между ними, ища подходящего убежища. Лес горит, торф дымит... везде воронки, изуродованные деревья, кучи ненужных винтовок, искореженные бочки, вагонетки и трупы, трупы повсюду. Тысячи зловонных трупов, сплошь облепленных мухами, разлагающиеся на июньском солнце...

На каждой кочке, где посуше — раненые. Крики и стоны, мольбы о помощи. Кто пить просит, кто умоляет прикончить, и никому нет до них дела. По лесу бродят равнодушные, хмурые, полубезумные люди в ватных фуфайках и наглухо завязанных ушанках (все-таки меньше лезут комары и мухи), с красными, опухшими от бессонницы глазами. Какой сон может быть в кипящем аду?..

Часов почти ни у кого нет, счет времени давно потерян. День сейчас или ночь? Какой сегодня день, какое число? Что ждет нас — плен или попытка прорыва?»

23 июня немцы вышли к речке Глушице, 24-го июня заняли Дровяное Поле, перерезав лежневку и узкоколейку, по трассе которых были сосредоточены материальная часть и раненые. Дальнейшее продвижение противника приостановили группы поддержки, созданные из тыловых подразделений, занявших оборону по восточному берегу реки Кересть. В это время Мерецков вновь и вновь прорубал «виртуальные» коридоры:

«Наступила ночь на 24 июня. В 23.30 начали движение войска 2-й ударной армии. Навстречу им вышли танки 29-й танковой бригады с десантом на броне, поддержанные артиллерией 59-й и 52-й армий... К утру вдоль узкоколейки образовался небольшой коридор и появились первые группы вышедших из окружения бойцов и командиров. Они шатались от изнеможения. Выход войск продолжался до полудня, но затем прекратился. Немцам удалось взять под контроль дорогу.

К вечеру силами войск, действовавших с востока, снова был пробит коридор и расчищена дорога. По этому проходу, простреливаемому перекрестным огнем с двух сторон, в течение ночи и утра 25 июня продолжался выход бойцов и командиров 2-й ударной армии».

Сказки командующего фронтом подкрепляет в своих воспоминаниях представитель Ставки Василевский:

«В итоге нашим войскам удалось пробить узкую брешь и спасти значительную часть 2-й ударной армии».

Но изнутри кольца все выглядело иначе. Вот что докладывал офицер Генерального штаба при 2-й ударной армии майор П.Ф. Хамов:

«Намеченная в ночь на 24 июня атака группы прорыва совместно с восточной группировкой успеха не имела. В середине дня противник возобновил атаки на всем фронте, произведя **вначале сильную артиллерийскую и авиационную подготовку, прорвал нашу оборону на реке Кересть и группами начал выдвижение по узкоколейной железной дороге** (забитой эшелонами с техникой) и бревенчатой дороге

(забитой автомашинами, артиллерией)».

«24 июня 1942 г. 00.45. Прохода нет, раненых эвакуировать некуда — Вас вводят в заблуждение... Прошу Вашего вмешательства». — Это текст предпоследней радиограммы Власова.

Утром 24 июня вражеские автоматчики прорвались к штабу армии, и все командование перешло на КП 57-й стрелковой бригады, затем — 46-й стрелковой дивизии. Военный совет принял решение с наступлением темноты во что бы то ни стало разорвать кольцо и выйти из окружения. В группу прорыва на участке 382-й и 305-й стрелковых дивизий влился штаб армии.

Руководство частями прикрытия было возложено на заместителя командующего армией генерал-майора П.Ф. Алферьева, который из беспорядочно отходивших частей 327-й, 267-й стрелковых дивизий, 23-й бригады и частично 19-й гвардейской дивизии пытался организовать оборону с запада. Имущество, техника, документы были уничтожены. В 19.45 в штаб фронта ушла последняя радиограмма.

В 23.00 части 382-й стрелковой дивизии под сильным минометным и ружейно-пулеметным огнем противника начали наступление на восток севернее узкоколейной железной дороги. В полночь начал движение штаб армии. Во главе колонны шли два взвода роты Особого отдела, вооруженные двенадцатью ручными пулеметами, и взвод сотрудников Особого отдела НКВД с автоматами. Дальше двигались: начальник Особого отдела А.Г. Шашков, Военный совет, отделы штаба армии. Замыкал шествие взвод роты Особого отдела. Ураганным огнем из всех видов оружия немцы отбили атаку. К утру 25 июня боевые порядки армии были расчленены, управление войсками потеряно.

Капитан госбезопасности Колесников доносил «наверх»:

«С 22.06.42 г. по 25.06.42 г. из 2-й УА никто не выходил».

Мерецков с Василевским по этому поводу составили сводку для Генерального штаба, в которой утверждали:

«25 Июня к 3 часам 15 минутам согласованным ударом 2-й и 59-й армия оборона противника в коридоре была сломлена и с 1 часа 00 минут начался выход частей 2-й армии».

Этот коридор представлял собой четыре насквозь простреливавшихся километра узкой (250—300 м) полоски земли и болота вдоль железной дороги. Эти километры живой волной, где пешком, где ползком, под артиллерийским и минометным огнем противника преодолевали измученные, голодные, умиравшие на ходу люди, почти неспособные к сопротивлению, собиравшие все силы просто для того, чтобы сделать еще один шаг на восток. В отдельных местах немецкие пулеметы расстреливали их почти как в тире. Речка Полисть до берегов была заполнена трупами, живые ползли по телам мертвых.

Кое-кому из бойцов и начсостава удалось доползти. На генеральском языке это

и означало, что «оборона противника сломлена». Вот как «ломала оборону» 59-я стрелковая бригада в описании бывшего командира артвзвода И. Д. Елоховского:

«Отход начался 24-го в час ночи. Послышались выкрики: «Эх, погибать, так погибать, ребята! Впере-о-од!!!» Толпа хлынула вдоль узкоколейки. Валька прыгал рядом со мной. Споткнулся, упал, а меня людская лавина понесла дальше... Многих смела безудержная толпа. Знаю, что речки были на пути — Глушица, Полисть. Только я воды не помню: одни скользкие человеческие тела под ногами. Я всю войну прошел, но такого побоища больше нигде не видел. И никакого свободного «коридора»: немец и тут, и там — со всех сторон. И ты бежишь, и стреляешь на ходу куда попало. Мало кто жив остался... Из 59-й бригады вышло в тот день 32 человека».

А вот как «выходили» сестрички из медсанроты:

«Наконец дорогу нашли. О боже, что это была за дорога! Жидкая грязь по колено, кругом разбитая узкоколейка, все усыпано мертвыми телами, автоматами, различными вещами, даже патефоны валялись в грязи. Начался выход. Повсюду падали люди, появились раненые, сначала мы пытались их нести. Потом попали в такое пекло, что трудно описать словами. Все гремело, пылало, носились трассирующие пули. Казалось, наступил конец света. Невозможно было поднять головы, ползли по шею в грязи по-пластунски, а из кустарника раздавалось хоровое монотонное: «Рус, сдавайсь, рус, сдавайсь...» На глазах гибли те, с кем пережили весь ужас окружения. Живые ползли, каждый надеясь выжить, ведь за плечами всего 18-19 лет».

Крупный «специалист по коридорам» Мерецков не преминул подчеркнуть свою заслугу:

«Все, двигавшиеся в направлении узкоколейки, вышли из окружения, хотя потери от минометного и пулеметного огня в целом были большие (?!)».

Тонкое наблюдение: кто не умер, тот выжил.

• • •

Десятки тысяч солдат и командиров, штаб агонизирующей армии остались на клочке болот размером 2 на 2 километра у Новой Керести, подвергаясь со всех сторон уничтожающему огню противника. Здесь же уже больше месяца находились согнанные из деревень старики, женщины и дети. Вот что вспоминает Л.Е. Борисова, жительница деревни Финев Луг:

«От взрывов целые платформы с людьми в воздух взлетали. Много и жителей поубивало. Соседа всего изранило, матери его грудь оторвало. Однажды после бомбежки вижу: раненая женщина, обе руки оторваны, а ползет в бункер — там дети. Утром заглянула — и мать, и два мальчика мертвые... Мотались мы по лесу, мотались, а до Мясного Бора так и не дошли. Туманов (бывший начальник милиции из Рогавки) обходил всех и говорил, что уже не пройти: проход немцы перекрыли. Велел расходится по домам. Вернулись мы в Финевку — ни одного целого дома, все сожжены».

В середине дня 25 июня Военный совет армии принял решение оставшиеся части разбить на небольшие группы и выходить из окружения самостоятельно. На

этом организованные действия 2-й ударной армии закончились. Но ее остатки, группами и поодиночке, еще пытались пробиться к своим. Всего с 20 по 29 июня по «мерецковским коридорам» вышли примерно 7 тысяч человек, около половины из них имели ранения. По Василевскому — это «значительная часть армии», всего лишь месяц назад насчитывавшей более 50 тысяч бойцов. На 1 июля, по данным Генштаба, из частей 2-й ударной армии выбрались (выползли) 9600 человек. Вырвавшихся из Долины смерти встречали медики и интенданты, пытались лечить и кормить. Одни из-за слабости не могли есть, другие набрасывались на еду и умирали тут же. Тем временем Особые отделы заботились об «усилении чекистских мероприятий» с целью выявления агентов, «завербованных Абвером» в лесах и болотах из числа этих доходяг.

В Малой Вишере и в Москве напряженно ждали выхода Власова и штаба армии, но почти никому из них спастись не удалось. Через узкоколейку прорвался к Мясному Бору армейский разведчик А. Рогов. У болота Веретинский Мох партизаны Лужского отряда обнаружили начальника связи армии генерал-майора А.А. Афанасьева с четырьмя бойцами.

За командармом послали спецотряд Косицына, который не вышел обратно. Разведывательный отдел фронта забросил в немецкий тыл восемь поисковых групп. Район гибели армии прочесывали партизаны. Ленинградский штаб партизанского движения ежедневно обменивался с ними радиограммами:

«Великая честь найти и помочь Власову. Радируйте через каждые три часа. Передаю вам приказ Ставки Верховного Командования доставить Власова, Афанасьева, Виноградова самолетом, который будет подан по вашему требованию...».

На выполнение этой задачи Сталин велел «поставить всю авиацию» Волховского фронта!

Активный поиск вел и противник. Листовки с портретом Власова, тем самым, из газеты «Правда», немцы разбрасывали над деревнями, обещая крупную награду за помощь в поимке командующего армией. Но генерал Власов исчез...

• • •

28 июня, в день начала операции «Блау» — летнего наступления Вермахта на южном участке Восточного фронта — Гитлеру доложили о победном завершении Волховского сражения. Ему сообщали, что захвачены 649 орудий, 171 танк и 32.759 советских солдата. Среди них оказались тысячи раненых, а также 793 медработника (из 831 по списку) во главе с начсанармом военврачом 1 ранга К.К. Боборыкиным. В плен попали командир 327-й стрелковой дивизии генерал Антюфеев, командир 57-й стрелковой бригады майор И. Евстифеев, корреспондент газеты «Отвага» старший политрук Муса Джалиль*.

** Автор «Моабитской тетради», зачисленный в изменники Родины, а в 1956 году посмертно награжденный звездой Героя Советского Союза.*

Геббельс объявил о победе. Начальник Совинформбюро, генерал-лейтенант Александр Щербаков (1901-1945) в выступлении по радио 29 июня с негодованием опроверг «очередную фальшивку гитлеровских борзописцев». Он сообщил, что 2-я

ударная армия «отошла на заранее подготовленный рубеж», прорвавшиеся было на её коммуникации части противника «большей частью уничтожены», немцы потеряли только убитыми не менее 30 тысяч человек, наши части — до 10 тысяч убитыми и около 10 тысяч пропавшими без вести.

Гальдер записал в дневнике:

«На фронте группы армий «Север» волховскую группировку можно рассматривать как окончательно ликвидированную».

30 июня Гитлер произвел Георга фон Кюхлера в генерал-фельдмаршалы. Три дня спустя Георг Линдеманн получил звание генерал-полковника.

• • •

12 июля в деревне Туховежи Оредежского района генерал А.А. Власов сдался в плен немецкому патрулю под командой капитана фон Швердтнера. При командующем находилась в этот момент лишь повар-инструктор военторга М.И. Воронова — очередная ППЖ (походно-полевая жена). На следующий день Власова допрашивали в штаб-квартире Линдеманна. Германское информационное бюро передало сообщение о пленении крупного русского генерала за Волховом.

Советское руководство продолжало поиски до 17 июля. Но в 20-х числах над болотами, где скрывались кучки окруженцев, немецкие самолеты начали разбрасывать листовки с фотографией пленного Власова и призывами следовать его примеру.

Еще ничего не было известно о поведении генерала в плену, еще не вышла первая подписанная им листовка, лишь через полгода будет опубликовано знаменитое «Смоленское воззвание» Русского Комитета, призвавшего русский народ встать на борьбу против большевизма, Сталина и его клики вместе с национал-социалистической Германией Адольфа Гитлера. Но уже в конце июля красноармейцам на политинформациях стали рассказывать, что генерал Власов, получив приказ командования, ничего не предпринял для того, чтобы его выполнить, и сдался в плен вместе с армией.

3 марта 1943 года оккупационные газеты опубликовали знаменитое открытое письмо Власова «Почему я стал на путь борьбы с большевизмом». В нем, в частности, говорилось:

«Я был назначен заместителем командующего Волховским фронтом и командующим 2-й ударной армией. Пожалуй, никогда так не сказалось пренебрежение Сталина к жизни русских людей, как на практике 2-й ударной армии. Управление этой армией было централизовано и сосредоточено в руках Главного Штаба. О ее действительном положении никто не знал и им не интересовался. Один приказ командования противоречил другому. Армия была обречена на верную гибель.

Бойцы и командир неделями получали по 100 и даже 50 граммов сухарей в день. Они опухали от голода, и многие уже не могли двигаться по болотам, куда завело

армию непосредственное руководство Главного Командования. Но все продолжали самоотверженно биться. Русские люди умирали героями. Но за что? За что они жертвовали жизнью? За что они должны были умирать?»

После этого пришлось дать гнусному изменнику достойный отпор и глубже разобраться в проблеме. В июле 1943 года газета «За Победу!» напечатала от имени Главного политического управления:

«Гитлеровский шпион Власов *завел по заданию немцев* части нашей Второй Ударной армии в окружение, погубил многих советских людей, а сам перебежал к своим хозяевам-немцам».

На Власова свалили сначала гибель 2-й ударной армии, а затем и провал всей стратегической операции по прорыву блокады Ленинграда. Борзые агитаторы и бездарные генералы с радостью ухватились за эту версию, творчески ее развили. Дескать, Власов* родился в семье кулака, окончил духовную семинарию, обманным путем пролез в партию, выслужился в генералы по заданию немецкой разведки, выдал врагу секретные планы советского командования, открыл фронт и «перебежал к хозяевам» вместе с армией, которая составила ядро власовской РОА.

** Власов служил в РККА с 19 лет (с 1920 года). В Гражданскую войну командовал взводом, затем ротой. В 1929 г. окончил курсы «Выстрел», в 1935 г. — один курс Военной академии имени Фрунзе. С 1937 по 1942 гг. последовательно командовал стрелковым полком, дивизией, механизированным корпусом, 37-й, 20-й и 2-й Ударной армиями.*

Это объяснение устраивало всех: Мерецкова и Хозина, Василевского и Ворошилова, «коркиных» и «швагирёвых», а самое главное, лично товарища Сталина. Вот только ко всем бойцам и командирам 2-й ударной армии первого формирования на десятки лет прилепили клеймо — «власовец». Миф культивировался почти полвека, вплоть до самого развала СССР, и глубоко укоренился в массовом сознании. Ветераны сражений за Мясной Бор и Спасскую Полисть стеснялись признаться, что служили, а... знаем-знаем, в той самой, «власовской армии».

Советская власть и родное Политбюро совершили очередную подлость по отношению к защищавшим их гражданам, втоптав в грязь как мертвых, так и оставшихся в живых — ради сохранения иллюзии собственной непогрешимости. И это предательство совершил вовсе не Власов. В 1992 году ветеран 2-й ударной армии Г.А. Стеценко написал военкому Гатчинского района:

«Разве все мы, живые и мертвые, виноваты в том, что генерал Власов сдался немцам живым? Я был там до последнего дня и знаю, что никакой армии Власов не сдавал. Как знаю и то, что никто из нас, попавших в фашистский плен, не пошел туда добровольно. И какая наша вина в том, что взяли нас на болоте, погибающими от голода и ран?

Мучались и умирали в немецких лагерях за колючей проволокой не предатели — те устраивались получше. Голодные, обездоленные люди на клопиных нарах никого не предавали. На окраине Выры заросли густой травой рвы, где зарыты тысячи невинно замученных людей. Да разве только в Выре? А в Межно, Волосове, Луге? Разве правильно, что на тысячных могилах, где по несколько суток колыхалась земля

(ведь бросали туда и еще живых), нет и маленьких дощечек, напоминающих о том, что жили на земле эти люди?. Когда я пишу все это, мне кажется, что я пишу с того света. Услышит ли кто-нибудь?»

Разумеется, ответа бывший рядовой 22-й отдельной стрелковой бригады не дождался.

Лишь 24 января 1995 года президент России Б.М. Ельцин подписал указ, полностью реабилитировавший всех бывших военнопленных и репатриантов. Иначе говоря, власть ПРОСТИЛА невиновных. Самой просить прощения — такой привычки у нее никогда не было. Тем более, что она в России всегда преемственная, когда разговор идет о достижениях или победах, и всегда новая, ни за что не отвечающая, когда речь идет о подлости по отношению к своему или другим народам.

• • •

Рассмотрению итогов Любанской операции Мерецков, непосредственно ею руководивший, в своей книге воспоминаний уделил всего один абзац (!), ограничившись стандартным набором аргументов разбитых советских полководцев:

а) операция «имела большое значение» *(интересно, какое?);*

б) «наши войска сорвали наступление группы армий «Север» *(разве она собиралась наступать?);*

в) «оттянули на себя более 15 дивизий» *(имея под своим командованием 48 расчетных дивизий!);*

г) нанесли врагу «значительные потери» *(ничего не скажешь, «достойный итог» стратегической операции).*

Гораздо больше места бессменный командующий Волховским фронтом (единственный случай в сталинской кадровой политике, когда фронтом с момента создания до расформирования более двух лет командовал один и тот же человек) уделил психоанализу личности Власова, выискивая и находя в ней врожденную патологию — «эмбрион» измены:

«Возникает вопрос: как же все-таки случилось, что Власов оказался предателем? Ответ, мне кажется, может быть дан только один. Власов был беспринципным карьеристом. Его поведение до этого вполне можно считать маскировкой, за которой скрывалось равнодушие к своей Родине. Его членство в Коммунистической партии — не более чем дорожка к высоким постам. Его действия на фронте, например в 1941 году под Киевом и Москвой, — попытка отличиться, чтобы продемонстрировать профессиональные способности и поскорее выдвинуться».

На диагноз, поставленный маршалом, вскоре стали ссылаться другие «психоаналитики», не такие маститые, рангом пониже — генералы И.С. Катышкин, К.Ф. Калашников и прочие. Хоть умри, а лучше не скажешь: Власов «демонстрировал профессиональные способности из беспринципного карьеризма».

Вот это перл!

Между тем, сам Мерецков и его командармы в Любанской операции отнюдь не блистали. Закономерно возникает вопрос: они не проявили профессиональных способностей из принципиальных соображений, чтоб их не сочли карьеристами?

Про членство в партии можно не спрашивать — все они шагали по одной «дорожке». Всех их марксизм освободил от «химеры совести» и «так называемой морали».

Майор Кузин, стремясь хоть как-то реабилитироваться в глазах особистов, дал бывшему шефу самую негативную характеристику:

«Власов очень самолюбив, считал, что только он способный и может работать, а остальных командиров боесоединений называл лодырями и дармоедами... Власов был очень щедрый на государственные средства для расходования на свои личные нужды и экономный на свои личные... К подчиненным Власов очень требователен, а иногда даже жесток, это создавало видимость, что он дисциплинированный, но всему этому противоречие — его поведение к начальникам, вышестоящим над ним».

По мне — это типичный портрет подавляющего большинства и красных генералов, и номенклатуры (партийно-советских чиновников), и вообще всех «руководителей» той страны, где избирательное право наступало с шестнадцати лет, а к смертной казни приговаривали с четырнадцати, к тюремному заключению — с двенадцати. Точно такими же словами сослуживцы характеризуют Г.К. Жукова и А.И. Еременко, М.В. Захарова и В.Н. Гордова, В.Д. Соколовского и Ф.И. Кузнецова, И.И. Федюнинского и П.С. Пшенникова, многих-многих других.

Писатель Николай Коняев отметил:

«Прекрасной была цель. Освободить Ленинград, спасти от голодной смерти многие сотни тысяч людей... Полководец, совершивший это в январе сорок второго, стал бы народным героем. Но в январе сорок второго этому полководцу и нужно было быть народным героем.

Увы... Ни Кирилл Афанасьевич Мерецков, ни Михаил Семенович Хозин, ни Андрей Андреевич Власов явно не подходили на эту роль. Они не способны были возвыситься над заботами о собственной карьере, и в результате с ними случилось то, что всегда происходит с людьми, поставленными на гребне событий и не способными переломить течение».

•••

Авторы советских военно-исторических исследований, искусственно разделяя наступательные и оборонительные фазы Любанской операции, называют ее «не получившей полного завершения». Дескать, немцев чуть-чуть недоокружили и операцию на этом закончили. Между тем битва за Волхов имела вполне конкретное «полное завершение»: разгром советских войск и уничтожение половины состава Волховского фронта.

При этом кое-кому из этих историков, получившим, видимо, на полях сражений осколочно-пулевые ранения в головы, остатков ума хватило на то, чтобы гордиться удивительным в военном искусстве достижением:

«Советские войска захватили инициативу и заставили 18-ю армию противника вести оборонительные бои»!

Для сравнения привожу анализ операции, сделанный рядовым солдатом 839-го артполка:

«Почему гитлеровское командование не шло на прямое физическое уничтожение армии, а тянуло, тянуло, тянуло? Немцы воевали умело, по-умному, используя просчеты нашего командования. А бездарность нашего высшего эшелона была очевидной: Ставка во главе со Сталиным губила, не задумываясь, собственные войска, будто они состоят не из людей, а из насекомых. «Вперед! Ни шагу назад!» А что из этого выйдет и какой ценой — неважно.

Вот и получилось, что немцы истребили в новгородских лесах малыми силами войск и техники русские части, превосходящие численностью в несколько раз. «Отец всех народов» рассчитывал выиграть зимнее наступление за счет морозов и жестоко ошибся.

Но, когда пришла весна, а с ней распутица, почему тогда не образумились? Вскрылись болота — ни одна машина не пройдет. Тут бы опомниться и повернуть войска назад, да где там! Снова погнали вперед, к заветной цели — на Любань!»

Даже простая крестьянка, из погреба наблюдавшая штурм родной деревни, узрела очевидное — безграмотность и тупость советских военачальников, гробивших солдат с бездушием истинных большевиков:

«Много народа тогда полегло. Как, например, брали Финевку? Одна партия идет в атаку — перебьют. Других пошлют — и тех уложат. В «лоб» ничего не получалось. Взяли деревню и станцию, только когда в обход пошли — со стороны Керести. Немцы, наконец, побежали»...

В стратегическом плане, бездарно проведенная Любанская операция (или иначе — великолепно проваленная), поглотившая огромные военные ресурсы, повлекла за собой провал сталинско-жуковского плана по разгрому группы армий «Центр». Таково мнение противника:

«То, что немецкий фронт на Волхове привлек к себе очень значительные силы, безусловно, существенно облегчило положение ведущей тяжелые бои и неоднократно прорванной обороны немецкой центральной группировки войск. Те силы, которые советское командование ввело в использование при своем наступлении на Волхове, могли бы оказать значительное влияние на исход операции немецкой группы армий «Центр».

Сталин совершил ту же ошибку, что и Гитлер, — он хотел наступать везде и поэтому не добился решающей победы нигде».

• • •

В начале июля 1942 года «в вышедшей из окружения» 2-й ударной армии в составе семи дивизий, шести бригад и одного батальона числилось всего 10.898 воинов. Так, от 327-й стрелковой дивизии остались 292 человека, от 59-й отдельной стрелковой бригады — 159, от 57-й бригады — 99, а 19-я гвардейская дивизия состояла из 136 бойцов. Вся 46-я стрелковая дивизия уместилась в кузове одного грузовика; 92-ю дивизию, потерявшую Боевое Знамя, расформировали, так же как и 13-й кавалерийский корпус.

В бою погибли дивизионный заместитель командующего генерал-майор П.Ф. Алферьев, комиссар И.В. Зуев (по другой версии, он застрелился), начальник штаба армии П.С. Виноградов, так и не примеривший погоны генерал-майора, командиры дивизий полковники А.Н. Попов, Ф.Е. Черный, СИ. Буланов, А.Н. Ларичев. Не желая сдаваться в плен, покончили с собой начальник Особого отдела А.Г. Шашков, начальник политотдела И.П. Гарус, ряд других командиров и политработников. В котле сгинули целые части и штабы в полном составе. С момента установления полной блокады армия потеряла более 43 тысяч человек, из них 37,5 тысяч безвозвратно.

В командование 2-й ударной снова вступил столь удачно «заболевший» и столь же своевременно «исцелившийся» генерал Н.К. Клыков (доживший, дай Бог каждому, до восьмидесяти лет).

Общие потери трех армий Волховского фронта в ходе «операции по выводу 2-й ударной армии из окружения», закончившейся 10 июля 1942 года, составили почти 95 тысяч человек — всех их списали на Власова. В целом Любанская авантюра обошлась РККА в 403 тысячи убитыми и ранеными. Безвозвратно — 150 тысяч человек.

При этом потери 54-й и 4-й армий, все это время сражавшихся за Погостье, которое Гитлер приказал вернуть, и у Киришей, которые фюрер, полагавший, что оборона этой деревни стоит слишком много немецкой крови, предлагал эвакуировать, учтены только до апреля включительно — в соответствии с хитрой «хронологией», установленной «историками в погонах».

Глава 9. УСТЬ-ТОСНО — СИНЯВИНСКАЯ ОПЕРАЦИЯ (июль — октябрь 1942 года)

Обстановку в Ленинграде летом 1942 года можно было назвать относительно нормальной, насколько это возможно для любого прифронтового города.

Войска группы армий «Север» не имели в ближайшем будущем возможностей для ведения активных боевых действий и сидели в глухой обороне. Все стратегические резервы Германии и маршевое пополнение перебрасывались на юг для участия в «главной операции», дивизии группы фон Кюхлера пополнялись «во вторую очередь».

На Карельском перешейке стояла раздражающая наших активных генералов тишина, противостоящие стороны старались лишний раз друг друга не беспокоить. Вспоминает маршал-артиллерист Г.Ф. Одинцов:

«Продолжая знакомится с артиллерийскими частями фронта, я побывал в 23-й армии, которой командовал генерал-майор А. И. Черепанов... Меня поразила тишина, царившая в полосе этой армии. На южном крыле нашего фронта круглые сутки била артиллерия, стреляли минометы, слышалась пулеметная трескотня, а тут будто и войны нет. С начальником артиллерии армии полковником И.М. Пядусовым обошли всю нашу передовую у Белострова и не услышали ни одного выстрела. — Вы что, товарищ Пядусов, с противником уж не перемирие ли заключили? — укоряю начарта. — Нельзя давать ему спокойно жить!»

Заранее продуманная и хорошо подготовленная летняя навигация, открытая 25 мая, проходила успешно. Объем перевозок через Ладожское озеро составлял уже 7 тысяч тонн грузов и до 10 тысяч человек в сутки. Удалось даже наладить движение железнодорожного парома. Всего за навигацию 1942 года город получил более 790 тысяч тонн грузов, наполовину — продовольствие. Значительные запасы были созданы не только в Ленинграде, но и в Кронштадте, Ораниенбауме, на островах Финского залива.

Для пополнения Ленинградского фронта и Балтийского флота прибыли почти 300 тысяч военнослужащих, 202 танка, 631 орудие. Были эвакуированы 448 тысяч жителей. В июле по сравнению с январем смертность населения снизилась в 5,5 раза и составила 17.695 человек, в августе уменьшилась еще в 2 раза. Управление НКВД перестало фиксировать скоропостижные смерти на улицах.

Проблема голода была снята. Ленинградцы стали получать нормированные продукты наравне с жителями других городов страны. Солдатам на передовой полагались 800 граммов хлеба, обед и горячий приварок на завтрак.

По дну Ладоги, между восточным и западным берегами Шлиссельбургской губы, удалось проложить трубопровод, по которому в город ежедневно поступало 300—400 тонн горючего. Он вошел в строй 18 июня и был практически неуязвим для противника. Важное значение для дальнейшего улучшения положения

Ленинграда имела начавшаяся прокладка подводного электрокабеля от Волховской ГЭС. Городские предприятия выпускали автоматы, станковые и ручные пулеметы, пушки, танки, боевые катера, снаряды, мины — всего около 100 видов военной продукции.

Но Ленинград все еще оставался в блокаде, а вместе с ним непрерывно пополнявшиеся войска 42-й, 55-й, 23-й армий, Приморской и Невской оперативных групп. Из Архангельского военного округа прибыли части 79-го укрепленного района и заняли оборону в полосе 42-й армии; в районе Колпино, позади 55-й армии, окопался вновь сформированный 14-й укрепрайон.

Бронетанковые войска фронта в июле имели четыре бригады: 1-ю, 61-ю, 152-ю и 220-ю, два тяжелых танковых полка прорыва (31-й и 41-й), укомплектованных британскими машинами, и три отдельных танковых батальона (86, 118, 287-й). Кроме того, имелись фронтовые учебные части: 12-й танковый полк, курсы подготовки командиров танков. В боевом составе насчитывалось свыше 420 танков, около 40 — в учебных частях. Количество орудий и минометов, по сравнению с сентябрем 1941 года, выросло вдвое. **ВВС** фронта и КБФ в середине июля имели 340 самолетов.

В состав Волховского фронта на 1 августа 1942 года входили 33 стрелковые дивизии, 11 стрелковых, 1 воздушно-десантная, 7 танковых бригад, 1 укрепрайон, 4 отдельных танковых батальона, 28 отдельных артполков и 6 полков реактивных минометов. 14-я воздушная армия под командованием генерал-майора И.П. Журавлева, созданная на базе фронтовых ВВС, имела 116 боевых самолетов.

В немецкой группе армий «Север» насчитывалось 45 дивизий, в том числе 3 танковые и 4 моторизованные. В связи с начавшей сказываться в Рейхе нехваткой людских ресурсов, все пехотные дивизии группы подверглись сокращению на одну треть по сравнению со штатной численностью: вместо девяти в них теперь было шесть пехотных батальонов.

Новую наступательную операцию начали планировать практически сразу. Главный инженер фронта генерал-полковник А.Ф. Хренов вспоминает:

«Едва только завершился выход из окружения отдельных групп бойцов и командиров, не сумевших прорваться у Мясного Бора, а Ставка уже торопила с подготовкой новой наступательной операции».

Он же подтверждает, что об обороне не думали ни дня, организовывать ее не умели и не собирались:

«Начать с того, что на большинстве участков имелось всего по одному рубежу обороны, состоявшему из двух траншей (или, вернее, из того, что эти траншеи заменяло). А весь предшествующий опыт убеждал меня, что по-настоящему устойчивой может быть лишь оборона, располагающая, по крайней мере, двумя рубежами — передовым и основным. Но и те рубежи, что имелись, не отличались, на мой взгляд, достаточной надежностью.

Основа такой надежности — система, связывающая все позиции огневым взаимодействием. Я же видел повсюду отдельные, каждая сама по себе, артиллерийские,

пулеметные и минометные позиции. Подобное построение обороны оказывалось несостоятельным перед силой огня и внезапностью маневра гитлеровцев. Близость же неприятельского переднего края грозила тем, что каждая одиночная огневая точка без поддержки остальных могла быть легко блокирована и уничтожена».

Но никого сия проблема не волновала, немцев красные генералы не боялись, времени заниматься подобной «ерундой» у них не было. Советские войска и без того ни дня не сидели без дела, поскольку генералы были убеждены, что «оборона расхолаживает» солдата. Чтобы этого не случилось, а также с целью «обескровить противника», добиться «рассредоточения его группировки», создать «благоприятные условия» войска Ленинградского и Волховского фронтов, они активничали по всем направлениям.

Так, 42-я армия генерал-лейтенанта Ивана Федоровича Николаева (1890—1944), с 20 июля по 26 августа, и 55-я армия генерал-майора Владимира Петровича Свиридова (1897-1963), с 23 июля по 4 августа, атаковали противника на нескольких участках в районах Урицка и Колпино. Ценой больших потерь частям 268-й стрелковой дивизии при поддержке 220-й танковой бригады удалось освободить Путролово и Ям-Ижору.

4-я армия генерал-лейтенанта Николая Ивановича Гусева (1897-1962) силами **311,** 80, 44, 310-й стрелковых дивизий, 186-й и 195-й танковых бригад весь июль и август 1942 года наступала на Кириши, удерживаемые посменно менявшимися батальонами **11-й** и 21-й пехотных дивизий. Только за один день 11 июля по плацдарму было выпущено 9550 мин и снарядов, 29 июля израсходовали 2900 снарядов. Самой деревни уже не существовало, но неприступной позицией противника оставалась возвышенность с рощей «Высокая», господствовавшая над местностью и закрывавшая обзор на немецкие переправы через Волхов, развалины химкомбината, превращенные в узел круговой обороны.

Кириши стали одним из самых кровавых мест на Волховском фронте, через несколько дней боев здесь в батальонах оставались единицы активных штыков. Немцы тоже несли большие потери, называли плацдарм «вторым Верденом». Железным ломом, окаймляя линию немецких позиций, громоздились 170 сгоревших советских танков. Немцы вели к ним ходы сообщения и устраивали под днищем пулеметные гнезда.

• • •

Особых успехов никому достичь не удалось. Пользу этой мясорубки, если верить послевоенным сочинителям, командующие Красной Армии видели в том, что они «держали гитлеровцев в постоянном напряжении», проверяли наступательными способности своих войск и «как бы репетировали прорыв блокады».

Между тем Л.А. Говоров, грамотнейший генерал, первым из командующих Ленинградским фронтом озаботившийся реальной боевой подготовкой войск, издал разгромный приказ по итогам Урицкой операции:

«При проведении операции на Урицк 29.7.42 командованием, штабами и войсками 42-й

армии вновь повторен ряд крупных ошибок в подготовке боя, политическом обеспечении боя, управлении боем и организации взаимодействия родов войск, что вместе взятое привело к невыполнению частями боевой задачи.

Военный совет армии не принял мер к проверке системы управления боем 85-й стрелковой дивизии, не принял необходимых мер к устранению на месте выявленных в ходе боя ошибок в управлении, не проявил нужной требовательности и практически ничего не сделал для выполнения дивизией поставленной задачи. Военный совет позволил в течение всего боя вводить себя в заблуждение, не только не приняв мер к разоблачению лживых докладов, но даже не уловил явной неправдоподобности и противоречий в докладах исполнителей.

Не зная обстановки Военный совет армии пошел по пути представления Военному совету фронта лживых, непроверенных докладов об успешном выполнении 85 сд поставленной боевой задачи, в то время когда дивизия даже не приступала к выполнению ее.

Командование 85 сд, 59 и 109 сп проявило трусость, управляя боем из блиндажей и не имея наблюдательных пунктов, в которых видно было бы поле деятельности их войск. В дивизии не нашлось командиров и политических работников, которые вовремя сумели бы вскрыть невыполнение боевого приказа и личным примером на поле боя увлечь части и подразделения для выполнения проставленной задачи.

ПРИКАЗЫВАЮ:

Объявить выговор Военному совету 42-й армии — генерал-лейтенанту Николаеву и бригадному комиссару Панюшкину за вторично допущенные ошибки в руководстве операцией, в результате которых войска не выполнили поставленных им задач.

Лиц командного и политического состава 85 сд, явившихся основными виновниками невыполнения боевой задачи, с должности снять, лишить или понизить в воинских званиях, лишить орденов и медалей и направить во фронтовой штрафной батальон.

Младший командный и рядовой состав, проявивший трусость на поле боя, изъять из подразделений и направить в армейскую штрафную роту».

• • •

Одновременно шла подготовка новой операции по прорыву блокады, в которой должны были принять участие силы Ленинградского и Волховского фронтов во взаимодействии с Балтийским флотом. Районом боевых действий был избран разделявший советские фронты выступ южнее Ладожского озера. Общий замысел состоял в том, чтобы встречными ударами по кратчайшему расстоянию разгромить мгинско-синявинскую группировку противника и снять блокаду Ленинграда.

На этом пути советским войскам предстояло преодолеть хорошо подготовленную и сильно укрепленную оборону с большим количеством естественных и искусственных препятствий. За одиннадцать месяцев немцы прило-

жили много усилий, чтобы сделать выступ неприступным. По всем естественным рубежам, вдоль рек и озер, оврагов и болот, по высотам и в рабочих поселках они создали оборонительные позиции с множеством узлов сопротивления и опорных пунктов, с артиллерийскими и минометными батареями. Личный состав гарнизонов размещался в прочных блиндажах, был обеспечен надежной связью, передний край прикрывали минные поля и проволочные заграждения в несколько рядов.

В заболоченном грунте невозможно было вырыть траншеи, поэтому немцы, постоянно думавшие не только о завоевании новых территорий, но и об удержании захваченных, строили заборы. В грунт вбивали два ряда кольев, стягивали их проволокой. Колья оплетали ветвями и сучьями деревьев, а пространство между ними заполняли бревнами и мокрой землей. Получалась стена высотой 2— 2,5 метра и такой же толщины. Землю брали со стороны противника, создавая тем самым перед укреплением еще и глубокий ров, заполненный болотной водой. Забор имел огневые точки и бойницы для стрельбы.

Как показал опыт боевых действий, преодолеть такое препятствие оказалось чрезвычайно трудно. Обычно саперы подползали к забору, подкладывали под него мощный заряд и взрывом проделывали проход, в который устремлялась пехота. Иногда брешь пробивала артиллерия, выдвинутая на прямую наводку. Прорыв забора всегда требовал больших усилий, стоил много крови. К тому же за ним, как правило, обнаруживался еще один забор, замаскированные огневые точки и отсечные позиции. Но летом 1942 года советские военные инженеры отнеслись к такой «средневековой», к тому же, весьма трудоемкой фортификационной «конструкции» скептически.

Кроме того, сама местность здесь, по определению Мерецкова, для наступательных действий была «крайне мало пригодна». От побережья Ладоги до Синявино тянутся обширные торфоразработки, а южнее, в 1,5-2 километрах, начинаются сплошные труднопроходимые леса с болотистыми участками и топями. Почти единственное сухое место — известняковые Синявинские высоты, которые на 10—15 метров возвышаются над окружающей их плоской равниной. Здесь располагалась ключевая позиция противника с круговой обороной, с обзором и обстрелом на несколько километров. Все проходимые участки держали под огнем дзоты, артиллерийские батареи, они были густо минированы. Лучших условий для стороны, вынужденной обороняться небольшими силами, трудно придумать.

Манштейн не преминул отметить в своих мемуарах: «мы никогда не организовали бы прорыва на такой местности». В ответ на это Мерецков лишь развел руками:

«Конечно, торфяные болота севернее Синявино и сплошные леса южнее него представляли большие трудности, особенно при использовании тяжелого оружия и мощной техники. Но где найти местность лучше этой?»

На самом деле очень уж соблазнительной выглядела идея внезапным ударом преодолеть каких-то 16 километров, разделявших два советских фронта. Красные полководцы предполагали «при удаче» достичь Невы за двое-трое суток. Расчет делался на тактическую и оперативную внезапность, на то, что немцы, воюющие

«по правилам», такой «глупости» от противника не ожидают.

Выполняя указания Ставки, командующий Ленинградским фронтом генерал Л.А. Говоров решил нанести два удара силами 55-й армии и Невской оперативной группы: один — в направлении Тосно, другой — на Синявино, с целью соединения с войсками Волховского фронта. Остальные части фронта должны были вести активные наступательные действия на урицком и старопановском направлениях, не позволяя немцам маневрировать силами.

Кораблям Балтийского флота предстояло высадить десанты на противоположный берег Невы и Тосно, захватить мосты и переправы, обеспечить форсирование ударными группировками водных рубежей и развитие наступления. Авиация фронта насчитывала 185 исправных самолетов, Балтийского флота — 187.

Синявинская наступательная операция (август — сентябрь 1942 г.)

Решение командующего Волховским фронтом сводилось к тому, чтобы таранным ударом крупных пехотных масс проломить вражескую оборону на 15-километровом участке между Гонтовой Липкой и Вороновом, обойдя Синявино с юга, выйти к Неве в районе Отрадного, соединиться с Ленинградским фронтом и вместе с ним разгромить мгинскую группировку противника.

В районе предстоящего прорыва собирался 150-тысячный кулак из соединений 8-й армии генерала Старикова (128, 265, 11, 286, 327-я стрелковые, 3, 19, 24-я гвардейские дивизии, 1-я отдельная горнострелковая, 16-я танковая бригады, 107, 500, 502, 503, 507-й танковые батальоны); 4-го гвардейского стрелкового корпуса (259-я стрелковая дивизия, 22, 23, 32, 33, 57, 137, 140-я стрелковые бригады) и 2-й ударной армии генерала Клыкова (191-я и 374-я стрелковые дивизии), построенных в три эшелона. Суть идеи заключалась в том, чтобы высокими темпами пробиться к Неве до того, как прибудут немецкие подкрепления с других участков.

Поддержку первого эшелона должна была осуществлять мощная артиллерийская группировка, состоявшая из 12 артиллерийских и 9 минометных полков, 4 отдельных минометных батальонов, 3 гвардейских минометных полков М-13 и 7 гвардейских минометных дивизионов М-30. С учетом приданных средств, 8-я армия имела 1657 орудий и минометов и около 150 танков.

В районе Волхова командующий фронтом сосредоточил сильный резерв в составе пяти стрелковых дивизий и одной стрелковой бригады. В лесу возле станции Войбокало был оборудован вспомогательный пункт управления, куда перебрался штаб Мерецкова. Всего для прорыва к Ленинграду выделялись 14 стрелковых дивизий, 7 стрелковых и 6 танковых бригад, 7 отдельных танковых батальонов. План предусматривал также нанесение вспомогательных ударов в полосах действий остальных армий — 54-й, 4-й, 59-й и 52-й.

В состав 18-й армии генерала Линдеманна в середине августа входили 25 дивизий, в том числе одна танковая, одна горнострелковая и три охранные, 2-я пехотная бригада СС и легион СС «Норвегия». Оборону всего периметра шлиссельбургского выступа осуществлял 26-й армейский корпус (227 и 223-я пехотные дивизии и два охранных полка); от среднего течения Невы до Урицка

Ленинград окружал 50-й армейский корпус (полицейская дивизия СС, 121 и 215-я пехотные дивизий, бригада СС); Ораниенбаумский плацдарм блокировали части 58-й и 225-й дивизий.

Вокруг Погостья и у Киришей 28-й корпус — 96, 217, 93, 11, 21-я и 269-я пехотные дивизии. От плацдарма Грузино до Новгорода параллельно шоссе держали оборону 1-й и 38-й армейские корпуса, в них входили 61, 1, 291, 254, 212-я пехотные дивизии. В резерве находились 12-я танковая и 5-я горнострелковая дивизии. Испанцы от Новгорода передислоцировались в район Тосно.

• • •

В начале августа план наступления одобрила Ставка ВГК. Фронт получил большое количество маршевых рот, танков, артиллерии большой и особой мощности, реактивных минометов, снарядов и материально-технических средств, в том числе 20 тысяч автоматов по личному указанию Сталина. В течение месяца численность самолетов в 14-й воздушной армии была доведена до 330 машин.

Для создания ударной группировки на направлении главного удара штабу Волховского фронта необходимо было перегруппировать 13 стрелковых дивизий и 6 танковых бригад, свыше 20 артиллерийских полков, значительное количество специальных частей и подразделений — в условиях крайне ограниченной дорожной сети и в традиционно короткие сроки. Для обеспечения скрытности переброски сил на правое крыло фронта был осуществлен целый ряд маскирующих и дезинформирующих мероприятий. Например, часть войск под предлогом отправки к Сталинграду перевозили в эшелонах из Малой Вишеры в Тихвин кружным путем через Москву, Вологду и Череповец. Одновременно имитировалась подготовка крупной операции в районе Новгорода. Все распоряжения отдавались устно и только лично членам военных советов армий и командиров командирам корпусов, которые для этого вызывались непосредственно в штаб фронта.

Мерецков настолько всё «засекретил», что даже спустя много лет, описывая проводившуюся под его прямым руководством подготовку Синявинской операции, умудрился ни слова не сказать об имевшихся у него силах и о силах противника, а рассматривая ход сражения, не вспомнил ни одну из своих дивизий! Чего стоят мемуары полководца, в которых нет ни одной конкретной цифры, кроме высосанных из пальца немецких потерь, и никаких выводов, кроме глубокомысленного «что было, то было»!

Веской причиной в пользу скорейшего проведения наступательной операции советские «историки в погонах» называют необходимость упреждающего удара с целью срыва готовившегося немцами нового штурма Ленинграда. Бедняги совсем запутались и уже совсем непонятно: чего все-таки хотела советская Ставка: «прорвать блокаду» или «сорвать штурм»? Эту идею популяризировал опять проигравший сражение Мерецков:

«Только что закончилась тяжелая Любанская операция, оттянувшая от Ленинграда часть гитлеровских войск. Солдаты устали. Однако медлить было нельзя, поскольку гитлеровское командование готовилось к решительному штурму».

В общем, что так, что эдак, все равно надо было спешить.

Действительно, фюрер германской нации, убедившись, что выморить ленинградцев голодом и бомбардировками не получилось, склонялся к тому, что дело, начатое в сентябре 1941 года, необходимо довести до конца и «пройти оставшийся десяток километров». Однако он решил его отложить ради захвата бакинской нефти, установления связи с Турцией и прорыва на Ближний Восток.

Летняя кампания 1942 года складывалась для Вермахта исключительно удачно. Менее чем за месяц немецкие войска разгромили Брянский, Юго-Западный и Южный фронты, продвинулись на главных направлениях на 400 километров, захватили Донбасс, Ростов, Севастополь, развернули наступление в излучине Дона на Сталинград. В сражениях на юге Красная Армия потеряла 570 тысяч военнослужащих, 2436 танков, почти 14 тысяч орудий и минометов.

Дела шли настолько хорошо, что Гитлер собственными руками стал ломать продуманный до мельчайших подробностей план операции «Блау». Вообразив, что русские ввели в бой последние резервы и серьезного сопротивления оказать уже не способны, фюрер решил ускорить события и вместо предусмотренных последовательных операций — по овладению сначала Сталинградом, затем Кавказом — приказал провести одновременно два наступления по расходящимся направлениям.

Высвободившуюся после захвата Крыма 11-ю армию Манштейна (получившего за Севастополь звание генерал-фельдмаршала), которую согласно первоначальному плану предполагалось перебросить через Керченский против на Таманский полуостров, решили задействовать под Ленинградом. 19 июля генеральный штаб сухопутных войск информировал командование группы армий «Север»:

«В настоящее время имеются соображения... вместо наступления на фронте Кронштадтской бухты начать наступление на Ленинград с задачей овладеть городом, установить связь с финнами севернее Ленинграда и тем самым выключить Балтийский флот».

Окончательное решение верховного главнокомандующего вооруженными силами Адольфа Гитлера было оформлено директивой № 45 от 23 июля 1942 года:

«Группе армий «Север» к началу сентября подготовить захват Ленинграда. Операция получает кодовое название «Фойерцаубер» (позже — «Нордлихт). Для этого передать группе армий пять дивизий 11-й армии наряду с тяжелой артиллерией и артиллерией особой мощности, а также другие необходимые части резерва главного командования».

Так и получилось, что 12 августа вернувшийся в Крым из отпуска Манштейн узнал, что все разработанные его штабом графики форсирования Керченского пролива можно выбросить в мусорную корзину. Кстати, войска 11-й немецкой армии с середины июля «отдыхали от перенесенных ими тягот» и получали награды.

23 августа в ставке фюрера в Виннице состоялось совещание, посвященное подготовке наступления на Ленинград, на которое прибыл командующий группой

армий «Север» генерал-фельдмаршал Кюхлер. Гитлер подтвердил задачу: установить связь с финнами, овладеть городом и сровнять его с землей.

Организация штурма возлагалась на фельдмаршала Манштейна и штаб 11-й армии. Вместе с ними предстояло перебросить на север ветеранов крымской кампании — 24, 132, 170-ю пехотные, 28-ю егерскую дивизии и осадную артиллерию. В подчинение штабу 11-й армии переходили 12 дивизий, в том числе 12-ятанковая, и бригада СС, расположенные фронтом на север; штабу 18-й армии — соединения на волховском участке. Для прохождения испытаний в боевых условиях под Ленинград был направлен 502-й танковый батальон новейших тяжелых машин T-VI «Тигр».

Немцы также сделали запрос через своего представителя при финской ставке на предмет участия финнов в «совместном предприятии» и их перехода к активным действиям на Карельском перешейке. Ответ гласил, что «участие Финляндии в наступлении на город исключено».

От прямого штурма Ленинграда Манштейн отказался сразу. Вокруг города к сентябрю 1942 года была уже возведена глубоко эшелонированная система укреплений. Армейская оборона состояла из двух полос с промежуточными рубежами и отсечными позициями. Непосредственно за ними начиналась внутригородская система обороны (ВОГ), состоявшая из внешней полосы и шести городских секторов. Внешняя полоса ВОГ делилась на четыре района: южный, западный, восточный и северный, оборудованные укреплениями полевого типа. Городские секторы представляли собой систему опорных пунктов и включали подготовленные к круговой обороне здания и заводские территории.

За лето и осень 1942 года ленинградцы оборудовали более 8100 пулеметных и артиллерийских огневых точек, соорудили 17 км баррикад, 25 км противотанковых рвов, 52 км ходов сообщения. С кораблей на усиление обороны города передавалось 175 орудий малокалиберной артиллерии, для стрельбы по наземным целям в пределах городской черты привлекались 14 зенитных дивизионов. В результате территория Ленинграда и пригороды были превращены, по существу, в сплошной укрепленный район. В составе ВОГ находилось около 10,5 тысяч бойцов воинских частей, почти 3 тысячи человек из войск НКВД, более 2,2 тысяч моряков. По первому сигналу свои позиции должны были занять еще 4 тысячи работников милиции и до 10 тысяч добровольцев из рабочих отрядов. Манштейн пишет:

«На основе наблюдений нам стало ясно, что наша армия ни при каких обстоятельствах не должна быть втянута в боевые действия в черте города Ленинград, где бы наши силы быстро растаяли. Точку зрения Гитлера о том, что город можно принудить в сдаче террористическими налетами специально для этого предназначенного 8 авиационного корпуса, мы так же мало склонны были разделять, как и умудренный опытом командир этого корпуса генерал-полковник фон Рихтгофен».

Поэтому его замысел состоял в том, чтобы после мощных артиллерийских и авиационных бомбардировок силами трех корпусов прорвать советскую оборону южнее Ленинграда и продвинуться до самой окраины города. После этого два корпуса должны были повернуть вправо, с ходу форсировать Неву, обойти Ленинград с востока, лишив его всякой связи с Большой землей, и разгромить совет-

ские войска между рекой и Ладогой. Наступление было назначено на 14 сентября.

И вот парадокс: Мерецков, едва успев поставить читателя в известность о том, что «медлить было нельзя», буквально на следующей странице заявляет:

«К сожалению, в то время никто из нас не знал, что немецкое командование готовило в те же дни операцию по окончательному овладению Ленинградом... Впрочем, противник, в свою очередь, ничего не знал о подготовке нашего наступления. Следует признать, что обе стороны сумели осуществить подготовку операций скрытно, с широкими мерами маскировки и искусной дезинформацией».

Вершиной научного творчества четырех институтов, писавших советскую версию истории Второй мировой войны (в 12 томах), а также Историю Великой Отечественной войны (в 5 томах) стала следующая «нескладуха»: советская Ставка решила упредить наступление противника, не имея о нем ни малейшего понятия.

•••

Чтобы отвлечь внимание противника и сковать его силы на всем протяжении линии фронта первыми переходили к активным действиям армии на других направлениях. Так, в начале августа девять дивизий 59-й армии (2, 65, 191, 372, 374, 376, 377, 378, 382-я) при поддержке двух танковых бригад, трех артполков РГК и полка гвардейских минометов перешли в наступление с плацдарма на западном берегу Волхова, овладели опорным пунктом Дымно, но вскоре завязли у деревни Званки. И в дальнейшем, на протяжении почти полутора лет, армия генерала Коровникова «сковывала и отвлекала значительные силы противника» — обычно три пехотные дивизии.

15—17 августа войска 55-й армии Ленинградского фронта предприняли ряд безрезультатных атак в долине реки Большая Ижорка в направлении Октябрьской железной дороги.

Одновременно заканчивалась подготовка операции на левом фланге армии. Замысел состоял в том, чтобы силами 268-й стрелковой дивизии полковника СИ. Донского, при поддержке артиллерии и авиации флота, нанести удар по противнику, оборонявшемуся на западном берегу Тосны, форсировать реку и овладеть поселком Ивановское на противоположном берегу. Успешное осуществление этого замысла создало бы благоприятные условия для развития дальнейшего наступления на Мгу и Синявино.

В устье Тосны планировалась высадить тактический десант, который должен был внезапным ударом захватить и удерживать железнодорожный и шоссейный мосты до подхода танков и пехоты. Для участия в бою за высадку создали специальные группы флотской артиллерии и авиации, а также отряд высадки под командованием капитана 2 ранга А.М. Богдановича, в который входило до 38 различных катеров. В состав десанта выделили 280 бойцов из 942-го стрелкового полка дивизии Донского и 50 моряков Ленинградской военно-морской базы. «Билет им выписали» только в одну сторону, поскольку в случае неудачи 268-й стрелковой дивизии, обратную посадку на катера план не предусматривал.

Командующий Балтийским флотом адмирал В.Ф. Трибуц решил лично руководить «военно-морской операцией» с командно-наблюдательного пункта, оборудованного на берегу Невы:

«Отсюда шли мои приказания командующим артиллерией и авиацией об усилении воздействия на противника».

55-й армии генерала Свиридова на рубеже от Ям-Ижоры до Усть-Тосно противостояла полицейская дивизия СС под командованием генерал-майора Вюнненберга, со штабом в селе Никольском. Резерв дивизии составляли саперный батальон и две пехотные роты. В районе предстоящей операции занимал оборону 2-й батальон 1-го полка СС.

19 августа в 11.00 десятки советских орудий ударили по немецким позициям. Одновременно дальнобойные батареи и пушки кораблей Балтийского флота парализовали артиллерию противника в Красном Бору и Отрадном. С Невы прямой наводкой били эсминец, канонерские лодки и бронекатера. Сухопутные и морские летчики нанесли мощный бомбовый удар. После 70-минутной арт-подготовки вслед за огневым валом от завода «Ленспиртстрой» в атаку ринулась пехота, поддержанная танками.

В 12 часов из деревни Кормчино вышел отряд катеров и под прикрытием дымовой завесы неожиданно для немцев высадил десант на восточном берегу Тосны. Десантники, преодолев рывком 1200 метров, оседлали обе дороги, ведущие к мостам и начали продвигаться к Ивановскому. Следовавшие с автоматчиками саперы сразу же разминировали шоссейный мост, который немцы не успели взорвать. Полки 268-й дивизии захватили Усть-Тосно и частью сил переправились по мосту на восточный берег. К 15 часам было занято Ивановское, а передовые советские подразделения достигли станции Пелла.

Однако развития наступление не получило. Противник, опомнившись, непрерывно контратаковал, бросив в бой все резервы, вплоть до тыловых служб. Русские наращивали силы, высадив еще две волны десанта. Но захватить железнодорожный мост и продвинуться дальше на восток не смогли.

В первый же день сказались традиционные недостатки в организации операции: армия и флот «вели свои партии» порознь. Взаимодействия не было, поскольку не существовало в природе плана совместных действий. После высадки десанта, из-за отсутствия связи, артиллерия группы поддержки оказалась неспособной оказать ему реальную помощь в боях за расширения плацдарма. Бойцы рвались вперед, но не умели закрепляться на отбитой территории, оставляя в тылу и на флангах немецких автоматчиков и неподавленные огневые точки. Переводчик 947-го стрелкового полка И.М. Дунаевская записала в своем дневнике:

«Наступление идет с переменным успехом. Огромные потери. А чего можно было ожидать, когда пополнение прибыло перед самой операцией и было брошено в бой едва ли не с ходу: оно не участвовало в учениях, командиры не знают бойцов, бойцы — командиров и едва знакомы друг с другом! И все-таки наш напор велик: немцы трусят, местами их берут «на ура», но артобстрел с правого фланга, от железнодорожного моста, с фронта и с тыла, из Красного Бора, господствующего над

местностью, сводит наше продвижение вперед на нет. Тем временем- комиссар полка старший батальонный комиссар Рязанов «занимается личной профилактикой», то есть заранее ищет виноватых, готовясь к предстоящему разбору полетов».

Немцы прочно встали в оборону по обоим берегам реки южнее Шлиссельбургского тракта и артиллерийско-минометным огнем разрушили шоссейный мост, сделав невозможным проход на восточный берег, а с подходом батальона 151-го пехотного полка 61-й дивизии они вновь заняли свои траншеи в Усть-Тосно, восстановив прежний передний край.

Прорвавшаяся в Иваново советская группа — десантники старшего лейтенанта А.Е. Кострубо и 952-й полк майора АИ. Клюканова — оказалась отрезанной от основных сил. Дивизия Донского в течение дня потеряла половину личного состава; в 947-м стрелковом полку, отброшенном на исходные позиции, выбыло 70 %. Образовался еще один «пятачок» — Ивановский, имевший 600 м по берегу Невы до устья Тосны и 400 м до железной дороги, появилась еще одна «Долина смерти» — полоска земли между «бетонкой» и железнодорожной насыпью.

С западного берега пытались доставить на плацдарм продовольствие и боеприпасы, но редкие лодки достигали цели. Число защитников быстро таяло. К противнику прибыло подкрепление из 25-го полка 12-й танковой дивизии во главе с полковником Байером с задачей вернуть Ивановское. Немцы признали, что потери их двух батальонов за два дня жестоких боев «были велики»: 33 человека убитыми, 3 пропавшими без вести, 205 ранеными. 21 августа боевая группа Байера начала наступление с запада и в середине дня вновь захватила Ивановское.

Командующий 55-й армией решил 23 августа ввести в бой 136-ю стрелковую дивизию полковника Н.П. Симоняка, сформированную на основе 8-й гангутской бригады. Ей ставилась задача поддержать наступление 268-й дивизии, очистить от противника овраги на западном берегу, овладеть железнодорожным мостом. Задача осталась невыполненной. 342-й полк дивизии переправился на восточный берег реки выше по течению по наведенному саперами мосту, батальон 270-го полка с большими потерями был переброшен на плацдарм катерами-охотниками. Но и здесь добиться успеха в восточном направлении не удалось. Бывший командир роты 342-го полка вспоминает атаку своего 2-го батальона:

«На артподготовку отводилось очень мало снарядов. Она и проводилась всего пять—десять минут. Толку от нее было мало, скорее даже вред, так как стрельба с нашей стороны привлекала внимание противника. Мы шли в полный рост, насыпая вдоль насыпи., продвинулись метров на шестьсот — немцы начали обстреливать. Попробовали ползком, но впереди оказались минные поля и проволочные заграждения.

Пролетели два-три наших самолета. Ничего особенного не сделали, но вызвали своим появлением немецкую авиацию. Защиты от нее у нас практически не было. Если говорить честно, мы потеряли уже 70 % своего состава. Не осталось ни одного из командиров взводов, ротных — всего двое. К. вечеру из 460 человек в батальоне осталось: средних командиров 8, младших — 9, рядовых 23.

Мы продвинулись не более чем на 2 км от Тосны. В день отражали по пять-шесть

контратак эсэсовцев... В бой ввели 269-й и 270-й полки. Они до рассвета продвинулись дальше нас на километр. Мне кажется, операция не удалась потому, что наступали не сразу всей дивизией, а отдельными полками, и артиллерии было явно недостаточно».

С немецкой стороны наступление советского полка сдерживала пехотная рота 636-го охранного батальона, усиленная пулеметами, поддерживаемая танкистами 25-го полка и артиллерией. Немцам тоже приходилось несладко, правда, их «ужасающие потери» у нас могут вызвать лишь горький смех. Ветеран полицейской дивизии Ф. Хуземан пишет:

«23.08 в 11.50 — новая атака русских силами до двух полков на участке Гизеке *(западный берег Тосны),* которая закончилась полным уничтожением противника. В 14.15 русским удается прорыв на том же участке. В 17.00 они начали наступление на 1-й полк западнее устья Тосны, но были отбиты. В 23.00 русские снова атакуют, им удается прорыв, который в 23.50 был перекрыт. Атака — прорыв — контратака следовали друг за другом все воскресенье 23 августа. Убитых было не сосчитать. Специальные команды похоронили примерно 100 человек. На перевязочном пункте побывало 212 раненых».

Две советские дивизии за период с 19 по 25 августа потеряли более 5000 бойцов. По наплавному мосту отошел на западный берег 952-й стрелковый полк — тридцать оставшихся в живых «клкжановцев».

Последующие дни повторяли дни минувшие, общая картина сражения оставалась неизменной. До конца августа соединения Ленинградского фронта пытались развить успех на Мгу, атакуя вдоль Кировской железной дроги, но сделать этого не смогли. 2 сентября в дело были введены 43-я и 85-я стрелковые дивизии — с тем же результатом.

Из-за обоюдного истощения людских ресурсов бои на Тосне стихали, к тому же ввиду начавшегося наступления Волховского фронта немцам пришлось отвести 151-й пехотный полк и подразделения 12-й танковой дивизии. (Кстати о «ресурсах»: немецкий источник отмечает участие в боях с советской стороны подростков 15-16 лет, что подтверждают журналы безвозвратных потерь 55-й армии).

Генерал Говоров в очередной раз убедился, что «многие командиры и штабы забыли элементарные основы управления войсками и их организации, упустили из виду, что забвение этих основ может сорвать и загубить любую операцию», как бы хорошо она ни была задумана:

«Они становятся на путь вредного упрощенчества, механически перенося способы управления более простыми формами боя в обстановку сложного боя. Они пренебрегают знанием обстановки, без чего немыслимо какое бы то ни было управление боем. Не зная действительной обстановки и, следовательно, положение своих войск и войск противника, они лишают себя возможности организовать последующие этапы боя, пуская тем самым дело на пагубный самотек.

Все это неизбежно ведет к тому, что атака неуправляемых частей в ходе боя разбивается на несогласованные действия отдельных подразделений, наступление

теряет свою целеустремленность, нарушается система взаимодействия родов оружия, противник, в результате этого, получает в свои руки инициативу, и наши части, неся из-за неорганизованности большие потери, не выполняют боевой задачи, несмотря на превосходство в силах. Штабы же дивизий армий, утратив связь с войсками, теряют тем самым и влияние на ход и исход боя, превращаясь из штабов в места пребывания командиров, изолированных от своих войск и, следовательно, лишивших себя возможности командовать».

К 10 сентября фронт стабилизировался. В руках русских остались Усть-Тосно и небольшой плацдарм в Ивановском. Потери армии генерала Свиридова на всем фронте полицейской дивизии СС немцы, по данным, полученным от пленных и перебежчиков, оценили в 21 тысячу человек.

В приказе, посвященном итогам Усть-Тосненской операции, командующий Ленинградским фронтом дал беспощадно-точную оценку действиям 55-й армии, которая в широком смысле применима ко всей РККА:

«Для этой операции были определены 5 стрелковых дивизий, танковая бригада, отдельный танковый батальон, значительное артиллерийское и минометное усиление и ВВС фронта. Несмотря на превосходство над противником, поставленная задача армией не выполнена.

Основными причинами невыполнения задач являются:

Полная беспечность и безграмотность Военного совета и штаба армии, командиров и штабов дивизий в организации и ведении тактической разведки противника, в результате чего ни перед боем, ни в ходе боя, ни командарм, ни командиры дивизий не знали противника.

Командующий армией и командиры дивизий не умеют руководить артиллерией и минометами усиления и танками в современном наступательном бою. Огонь артиллерии и минометов не массировался на решающих направлениях. Тактические задачи артиллерии и минометов усиления ставились нецелеустремленно по этапам боя. Объекты огневого воздействия вообще не указываются артиллерии, выбор их представляется артначальникам самостоятельно. Минометный огонь, несмотря на неоднократные указания, массированно использован не был.

В результате непродуманного использования артиллерии и минометов огневая система противника на переднем крае, его минометные и артиллерийские батареи подавлены не были.

Ввод в бой танковых подразделений не был обеспечен рядом организационных мероприятий. Минные поля не были разминированы, в результате чего с вводом в бой танки несли потери на своих минных полях. Не были подготовлены дороги. У командира 268 сд была попытка решать задачи боем одних танковых подразделений, не увязав их действия с пехотой и не обеспечив артиллерийской поддержкой.

1. Штабы армий и дивизий оказались неподготовленными к управлению

войсками. Начальники штабов армий и дивизий не руководили деятельностью подчиненных отделов и начальниками родов войск, не ставили им конкретных задач ни при организации боя, ни в ходе его.

Выяснение обстановки, положения и действий своих войск проходило с таким запозданием, что отдельные частные успехи войск не были своевременно использованы и развиты. Контроля за выполнением отданных приказов организовано не было. Начальники штабов занимались лишь фиксацией событий, не контролируя фактического положения войск и правдивости поступающих донесений...

В проведенной операции войска армии понесли большие потери в личном составе убитыми и ранеными. Цифра потерь говорит за то, что у начальствующего состава армии притупилось сознание необходимости максимального сохранения личного состава армии. Пренебрежение к неоправданным потерям бойцов и командиров является характерной особенностью командования 55-й армии. Даже тогда, когда нет активных боевых действий, 55-я армия несет самые высокие потери среди армий и групп фронта. Достаточно указать, что в период с 6 по 9.9 армия потеряла убитыми и ранеными 3800 человек...».

Естественно, что командармы и комдивы шибко грамотного командующего не любили, прозвав Л.А. Говорова между собой «аптекарем».

•••

Как ни старался штаб Волховского фронта замаскировать свои намерения, полностью скрыть столь масштабные приготовления и перемещения войск от немецкой разведки было невозможно. Её донесения аккуратно фиксировал генерал Гальдер:

25 августа: «На Волхове противник переносит вперед свои командные пункты»

27 августа: «Множатся признаки близкого наступления русских южнее Ладожского озера».

27 августа в 6 часов утра Мерецков начал рубить шлиссельбургский выступ. После двухчасовой артподготовки, завершившейся мощным 10-минутным налетом реактивных минометов (стреляли, правда, привычным способом, по площадям, в том числе и орудия особой мощности) по всей линии от Ладоги до Вороново, перешли в наступление восемь дивизий 8-й армии.

Главный удар от Гайтолово наносил 6-й гвардейский стрелковый корпус, укомплектованный в основном курсантами пехотных училищ (до этого тоже надо было додуматься — сформировать стрелковые роты из без пяти минут офицеров). Первые два дня наступление развивалось довольно успешно. Преодолев Черную речку, взломав передний край обороны и вклинившись на стыке 227-й и 223-й пехотных дивизий противника на глубину 1—2,5 километра, соединения гвардейского корпуса под командованием генерал-майора С.Т. Биякова, отбивая непрерывные контратаки, хотя и медленно, но настойчиво прогрызали путь к Синявино, на подступы к которому вышли 29 августа. Вектор атаки пролегал вдоль

просеки высоковольтной линии электропередач.

Затем 3-я гвардейская дивизия полковника Н.М. Мартынчука нацелилась на рабочий поселок № 5, наступавшая в центре 19-я гвардейская дивизия полковника Д.Н. Баринова должна была взять Синявинскую высоту и поселок Синявино, 24-я гвардейская полковника П.К Кошевого — через сплошной лес и болота выйти к озеру Синявинское. Левее 265-я стрелковая дивизия полковника Б.Н. Ушинского овладела опорным пунктом Тортолово и 1-м Эстонским поселком. На правом фланге 128-я стрелковая дивизия полковника И.Б. Грибова с ходу взяла рабочий поселок № 8.

Противник использовал тактику обороны силами мелких групп, численностью не более роты. Он седлал тропы, удерживал опушки и поляны, широко использовал снайперов, которые выводили из строя офицеров, расчеты пулеметов и орудий. На флангах прорыва немцам удалось удержать опорные пункты в районе Мишкино, Поречье, и Гонтовой Липки. Жесткой обороной они сковали значительные силы атакующих, вынудили их вести многодневные кровопролитные бои.

Стремясь воспрепятствовать выходу соединений Волховского фронта к Неве на синявинском направлении и ликвидировать «весьма неприятный прорыв», германское командование спешно перебрасывало сюда дополнительные силы, в том числе прибывшую из Крыма 170-ю пехотную дивизию, части 121-й пехотной и 5-й горнострелковой дивизий. Они с ходу контратаковали. Немцы попытались также использовать «тигры», находившиеся в районе станции Мга. Однако танки, действовавшие на совершенно неподходящей для них местности, в условиях отсутствия мостов, способных выдержать их тяжесть, не смогли даже добраться до поля бои, пришлось отвести их назад.

На третий день советское наступление застопорилось. В первую очередь потому, что танки и пехота остались без артиллерийской и авиационной поддержки, в основном, из-за безграмотности начальников, не сумевших распорядиться свалившейся на их головы техникой.

Штаб артиллерии 8-й армии «не имел опыта управления большими массами артиллерии» (еще одна беда недоучек — дали слишком много пушек, а что с ними делать — не объяснили), поэтому этого самого управления он и не организовал. А начальник артиллерии фронта и его штаб вовсе не ломали себе голову подобными вопросами, доверив планирование, организацию и исполнение нижестоящим инстанциям. Никаких ударных группировок никто не создавал, все приданные армии Старикова для усиления 24 артиллерийских и гвардейских минометных полка равномерно распределили по дивизиям, с плотностью 70—100 орудий на километр фронта, хотя имелась полная возможность на направлении главного удара создать плотность 180 стволов на километр. Но принцип концентрации сил и средств никак не укладывался в генеральских головах.

После обработки переднего края обороны противника (400—1000 м) сопровождение наступающих частей и обеспечение боя в глубине даже не планировалось. Таким образом, пехота ушла вперед, артиллерия осталась на месте и бездействовала. Не могу сказать, чем занимались «соколы» генерала И.П. Журавлева, поскольку на третий день над полем боя их никто не видел.

Свидетельствует бывший комдив П.К. Кошевой:

«В этот день резко изменилась не только наземная, но и воздушная обстановка. С утра по нашим войскам стала действовать очень активно авиация противника. Она налетала группами по 5— 15 самолетов с интервалами от 20 до 60 минут... Авиация врага, появившаяся внезапно, висела над районом 1-го Эстонского поселка и Тортолово черной, ревущей массой. Бомбардировщики сменяли друг друга волна за волной в какой-то дьявольской карусели. Над полем боя стоял грохот разрывов тяжелых бомб и горький дым пожарищ».

С этого момента и до конца сражения немцы удерживали абсолютное господство в воздухе. В результате атакующие полки несли большие потери и быстро теряли боеспособность. Тем не менее, историографы 13-й воздушной армии, на своей шкуре эту «карусель» не испытавшие, нагло врут, будто бы на протяжении всей Синявинской операции «в целом в воздухе преобладала советская авиация», якобы уничтожившая 215 самолетов врага. Странно лишь то, что врагу это нисколько не мешало уничтожать советскую пехоту и танки.

Новоиспеченные автоматчики на радостях двое суток непрерывно строчили из своих ППШ и, расстреляв все запасы, остались без патронов:

«А получилось это потому, что на фронте впервые оказалось много автоматов... Как только начиналась атака, бойцы нажимали на спусковой крючок и без передышки выстреливали целые диски. Конечно, здесь сказывался и психологический фактор. С автоматом, прижатым к животу и непрерывно стреляющим, легче идти вперед».

•••

31 августа наступил момент шаткого равновесия. Первый эшелон углубился в оборону противника до семи километров, однако полностью израсходовал «психологический фактор». Потери 8-й армии за пять дней составили 16.185 человек. Немцы тоже не имели достаточно сил, чтобы восстановить положение. В этой обстановке Военный совет фронта принял решение о вводе в сражение с утра 1 сентября 4-го гвардейского стрелкового корпуса под командованием генерала НА. Гагена. Командующему Ленинградским фронтом было предложено использовать выгодный момент для нанесения встречного удара.

Но эти меры к лучшему обстановку не изменили. Гвардейский корпус попал под «дьявольскую карусель» еще в районах сосредоточения. Затем его соединения двинулись через обширные Синявинские болота, подчас по пояс в воде, прокладывая себе дорогу под непрерывным артобстрелом и бомбежками. Управление войсками то и дело нарушалось. Своя артиллерия и авиация развертывание корпуса прикрыть не смогли. В результате он понес большие потери до встречи с немцами.

К 4 сентября наибольшая глубина прорыва войск Волховского фронта через лесной массив между Мгой и Синявино (где у немцев опорных пунктов не было) составила 9 километров. До Невы осталось только шесть километров, но дальше не удалось продвинуться ни на один метр. Противник стянул в район прорыва прибывшие крымские дивизии, подразделения 121-й и 96-й пехотных дивизий с других участков фронта. В районе Тортолово появились танкисты 12-й дивизии из

группы Байера, высвободившиеся после боев за Ивановское. Х. Польман приводит в своей книге выдержки из захваченного дневника советского командира:

«4.09. Вчера был дан боевой приказ: прорыв на Ленинградское шоссе на Московскую Дубровку... похоже на то, что дальнейшее продвижение вперед без предварительного расширения вклинения на флангах — просто глупость. Однако наш 861 стрелковый полк по решению командира корпуса, генерал-майора Гагена, сегодня целый день атакует, но не сдвигается с места. До 18 часов полк потерял 65 % своего рядового состава и 100 % командиров».

Всего 294-я стрелковая дивизия потеряла в сентябре 6934 человека из 7288, вступивших в бой. Виноватым сделали генерала Гагена, не сумевшего «осуществить твердого руководства», и назначили вместо него генерал-майора Сергея Васильевича Рогинского (1901 — 1960), что в принципе ничего не меняло.

Ожесточенные бои продолжались на флангах образовавшегося прорыва, где войска из состава ударной группировки фронта, блокировав Мишкино, Поречье и рощу «Круглая» севернее Гонтовой Липки, вели борьбу за овладение этими опорными пунктами. В роще Круглой, ставшей еще одним кровавым символом Волховского фронта, размещался батальонный узел сопротивления 366-го полка 227-й дивизии под командованием полковника Венглера. Этот опорный пункт, ежедневно получая пополнения, ежедневно атаковали подразделения 3-й гвардейской стрелковой дивизии. В первый же день наступления в журнале боевых действий 13-го гвардейского полка появилась запись:

«Подразделения продвижения не имеют. В первой роте осталось 13 человек, во второй — 8, в четвертой и шестой — 20. Комиссар полка ранен, начальник артиллерии убит».

Особым «сюрпризом» для советских солдат стали немецкие деревоземляные заборы. В германских сводках данный опорный пункт получил прозвище «Нос Венглера» — по фамилии полковника. Фактически начинал повторяться сценарий Любанской операции: советские части сидели в лесах и болотах, немцы удерживали узлы сопротивления, истребляли пехоту противника авиацией и артиллерией, накапливая силы на флангах прорыва. Просека оставалась единственной линией снабжения всех советских войск. Но Военный совет требовал «усилить темпы» наступления и как можно скорее выйти к Неве.

• • •

5 и 6 сентября была произведена частичная перегруппировка войск Волховского фронта. 19-я и 24-я гвардейские стрелковые дивизии выводились из состава 6-го гвардейского корпуса. При этом дивизия Кошевого была развернута фронтом на юг и фактически перешла к обороне, а ее полосу севернее Синявинского озера заняла 259-я стрелковая дивизия, которой ставилась задача опрокинуть противника и наступать к Неве.

В прорыв входили 191-я стрелковая дивизия подполковника Н.И. Артеменко и 122-я танковая бригада подполковника А.В. Зазимко из фронтового резерва. Никаких сведений ни о противнике, ни о соседях они не имели, карт местности — тоже. Зато получили задачу: взять Синявино и соединиться с Ленинградским фронтом.

При передислокации практически все части этих соединений подвергались интенсивным налетам немецкой авиации. Вступив в бой за Синявино 7 сентября и продолжая нести большие потери, они вышли на юго-западный берег торфяного болота, но дальше немцы их не пустили:

«Сотни самолетов-бомбардировщиков постоянно находились над нашим расположением и бомбили, бомбили без конца».

Подполковник Артеменко погиб сразу, на третий день полегла треть 191-й стрелковой дивизии. Некоторого успеха удалось достичь на левом фланге 8-й армии, где 327-я стрелковая дивизия полковника Н.А. Полякова обходным маневром, взаимодействуя с 286-й стрелковой дивизией генерал-майора Б.М. Козика, овладела опорным пунктом Вороново и прочно в нем закрепилась.

8 сентября Военный совет Волховского фронта решил ввести в сражение третий эшелон — 2-ю ударную армию. Одновременно генералу Клыкову переподчинили 4-й и 6-й гвардейские корпуса, что окончательно запутало систему управления. Для усиления были выделены 18 артиллерийских и минометных полков, 3 гвардейских минометных полка и 14 дивизионов М-30. Всего в армии насчитывалось 1244 миномета и 563 орудия.* Но стрелковые соединения первых двух эшелонов были выбиты, в батальонах осталось 7—10 % первоначального состава, общие потери достигли 50 тысяч человек.

** При этом надо иметь в виду, что советская военная статистика сил противников никогда не учитывает 45-мм пушки и 50-мм минометы, а при оценке германской артиллерии всегда включает в ее состав 37-мм противотанковые пушки.*

Разгоралось упорное встречное сражение, некоторые участки переходили из руки в руки по несколько раз. И тут на сцене появился Манштейн. Еще вечером 4 сентября ему позвонил Гитлер. Он приказал немедленно принять на себя командование кризисным участком фронта и, задействовав прибывающие из Крыма дивизии, предотвратить назревающую катастрофу. Манштейн сформировал две ударные группировки и 10 сентября нанес контрудар под основание советского прорыва.

С юга наступал 30-й армейский корпус (24, 132, 170-я пехотные дивизии); с севера, через рощу Круглая, — 26-й корпус (121-я пехотная, 5-я и 28-я горнострелковые дивизии). Для Мерецкова и его штаба это стало полной неожиданностью, никаких оборонительных мероприятий на такой случай советское командование не предусмотрело. Между тем, противник теснил советские войска с флангов, превращая вбитый в немецкую оборону клин в «бутылку».

В ответ советское командование по-прежнему ставило исключительно наступательные задачи. На северном фланге 128-я, а после нее 376-я стрелковые дивизии безуспешно штурмовали Липку. В глубине прорыва немцы нанесли контрудар от Келколово, раскололи боевые порядки 4-го гвардейского корпуса и окружили 137-ю стрелковую бригаду. Из кольца она уже не вышла.

374-я стрелковая дивизия вместе с танкистами 29-й бригады прорвала вторую линию вражеской обороны восточнее Большого болота. Но дивизия теряла около 500

человек в сутки, к 20 сентября в ней осталось 764 бойца. Стрелковый корпус Рогинского имел всего лишь 853 активных штыка!

В горловине прорыва 3-я гвардейская дивизия, 53-я, 22-я и 137-я бригады с танками продолжали атаковать рощу Круглая. 286-я дивизия вела бои в немецких траншеях на северной окраине Мишкино. 265-я дивизия наступала юго-западнее Тортолово по реке Черная, но под непрерывной бомбежкой вынуждена была отойти. 16 сентября немцы вновь захватили 1-й Эстонский поселок, обороняя который полностью погиб 951-й стрелковый полк.

С 9 по 11 сентября генерал Говоров пытался организовать наступление в районе Московской Дубровки, чем-то «запало в душу» всем командующим это «неожиданное» для противника место. Основная цель состояла в том, чтобы прорвать вражескую оборону на левом берегу Невы, овладеть Мусталово и, развивая успех на Синявино, соединиться с частями Волховского фронта. В ударную группу были выделены 46, 86, 70-я стрелковые дивизии, 11-я стрелковая бригада.

Однако двум дивизиям первого эшелона, усиленными двумя батальонами фронтовых курсов младших лейтенантов, не удалось даже форсировать реку. Попав под удары артиллерии и авиации противника, ленинградцы вскоре лишились почти всех переправочных средств. Малочисленные подразделения, которым удавалось достичь противоположного берега, немцы сбрасывали в воду.

В первой половине месяца войсками Ленфронта предпринимались также попытки очистить от немцев район Ям-Ижоры, но и они оказались неудачными. 12 сентября Ставка своей директивой приказала операцию временно прекратить ввиду того, что Ленинградский фронт:

«Оказался неспособным толково организовать форсирование реки Невы и своими неумелыми действиями глупо загубил большое количество командиров и бойцов».

Общие потери в ходе трех попыток составили около 738 человек убитыми, 2245 ранеными, 230 понтонов и лодок. Говоров снял все командование Невской оперативной группы.

• • •

К 21 сентября после тяжелых боев Манштейну удалось замкнуть кольцо и перерезать единственную дорогу, по которой шло снабжение советских войск в «мешке» (в это время Мерецков докладывал Сталину очередной «план операции по разгрому Синявинской группировки противника и выходу на Неву, уверяя Верховного: «операцию считаю возможным провести наличными силами фронта»). В последующие дни он отразил все атаки русских с востока, имевшие целью деблокировать вновь оказавшуюся в «котле» 2-ю ударную армию. В описании Кошевого вырисовывается до боли знакомая картина:

«Наши попытки доставить боеприпасы и продовольствие днем на лошадях через лес и болота были сорваны противником. Группы подносчиков в два-три человека теперь пробивались с боем только ночью и нередко погибали на пути смертью

храбрых. Не удавалось регулярно снабжать войска с помощью самолетов У-2. Они могли действовать лишь по ночам, и грузы падали больше в зыбкие трясины, откуда извлечь их было невозможно...

На исходе 26 сентября поступила радиограмма прямо от командующего фронтом. Приказывалось стойкой обороной, особенно на левом фланге, не дать врагу распространиться на север. В заключение говорилось, что Родина нас не забудет».

По немецким данным, в окружение попали 7 советских дивизий, 6 стрелковых и 4 танковые бригады. Теперь Манштейн оказался наступающей стороной в условиях малопригодной для этого местности. Но он и не подумал гнать своих солдат в атаку в леса и болота, а тактически грамотно повторил любанский вариант ликвидации окруженной группировки:

«Так как весь район котла был покрыт густым лесом, всякая попытка с немецкой стороны покончить с противником атаками пехоты повела бы к огромным человеческим жертвам. В связи с этим штаб армии подтянул с Ленинградского фронта мощную артиллерию, которая начала вести по котлу непрерывный огонь, дополнявшийся все новыми воздушными атаками. Благодаря этому огню лесной район в несколько дней был превращен в поле, изрытое воронками, на котором виднелись лишь остатки стволов когда-то гордых деревьев-великанов».

Мерецкову тоже запомнился этот «непрерывный огонь», хотя, если судить по его воспоминаниям, никакого окружения не было и в помине:

«В те дни в районе охвата врагом наших войск создалась тяжелая обстановка. Соединения и части перемешались между собой, управлении ими то и дело нарушалось...

Штаб артиллерии армии осуществлял слабый контроль за использованием артиллерии РВГК, и она не всегда применялась по прямому назначению. Вследствие этого, борьба с вражеской артиллерией не была организована. Огонь артиллерии планировался, как правило, наспех. Не уделялось должного внимания и организации взаимодействия артиллерии с пехотой»...

Из 85 тысяч, числившихся в составе 2-й ударной армии перед началом операции, с учетом пополнения остались 30.988 человек. По всем этим причинам вечером 27 сентября командующий фронтом, не дожидаясь санкции Ставки, «с болью в сердце» отдал приказ о выводе войск, находившихся западнее Черной речки, на восточный берег, а бережливый (не к людям, к технике) генерал Клыков добавил от себя:

«Категорически запрещаю вывод без матчасти. Всех, вышедших без матчасти возвращать обратно».

По Мерецкову, к рассвету 29 сентября «основная масса» советских войск возвратилась «примерно на старые позиции». Он все-таки «забыл», что к тому времени и на восточном берегу уже были немцы: 22 сентября они отбили Тортолово и захватили высоты севернее его, 25-го штурмом взяли Гайтолово и проникли южнее. Правда, сплошного фронта не было, поэтому отдельным советским подразделениям через торфяники и заболоченные низины удалось выбраться к

своим. Без войск и без штаба выполз из окружения генерал Гаген. Разведчик 4-го гвардейского корпуса Г.Г. Борисов вспоминает:

«Числа 27 сентября мы получили приказ сняться с переднего края у озера Синявинское и прибыть в такой-то квадрат. Прибыли на место ночью... Нас, активных штыков при полевом штабе Гагена оказалось 16 человек. Вечером 28 сентября Гаген приказал создать две группы: одну из троих человек с задачей разоружить три сгоревших броневика, снять замки с орудий и пулеметов. Второй группе (тринадцать человек) принять последние самолеты с патронами и сухарями. Все, что не сможем унести, утопить в трясине. Если по возвращении штаб не застанем, мы должны рассчитывать только на свои силы. При выходе 29 сентября штаб корпуса нарвался на оборону немцев и почти полностью погиб. Гаген просидел почти сутки в воронке с водой; зная, что мы должны выходить следом, узнал нас и вышел с нами».

Сталин сквозь бодрые доклады разглядел, что Мерецков и Клыков снова завели 2-ю ударную армию в ловушку. Он потребовал точного доклада и принятия срочных мер для спасения войск:

«В продолжение нескольких дней командование Волховского фронта и 2-й ударной армии не может дать точного и ясного ответа о положении с проходами южнее дороги Гайтолово, Келколово. В результате такой преступной беспечности и лживой самоуспокаивающей и информации об обстановке создается впечатление, что ничего особенного не произошло, войска можно вывести про проходу южнее дороги Гайтолово, Келколово. На самом деле войска в этом проходе ввязываются в бой с какими-то неизвестными «мелкими группами» противника. Причем при наличии совершенно свежих, пополненных 314 сд, 73 сбр и пяти выходящих с запада дивизий, эти группы не уничтожаются, а продолжают закупоривать горловину и не допускают вывода войск 2-й уд. армии. Такое положение может существовать только в результате отсутствия управления войсками. Как видно, командование фронта и 2-й уд. армии не хотят признать всей серьезности обстановки западнее р. Черная, не хотят взять непосредственно на себя руководство выводом частей 2-й уд. армии, а отделываются оторванными от действительной обстановки приказами о якобы возможном выводе войск 2-й уд. армии в район восточнее Гайтолово.

Ставка Верховного Главнокомандования ПРИКАЗЫВАЕТ:

1. К 10.00 29 сентября 1942 г. по-честному донести об истинном положении частей западнее р. Черная и о наличии проходов в горловине юго-западнее Гайтолово.

2. Взять непосредственно на себя и свой штаб руководство выводом 2-й ударной армии в районе восточнее Гайтолово.

Подробный план вывода войск представить к 18.00 29 сентября 1942 г.»

По Манштейну, бои в котле закончились 2 октября. В ходе их немцы взяли 12 тысяч пленных, уничтожили 244 танка, свыше 300 орудий и 500 минометов. К тому времени в составе отведенных за западный берег шести советских дивизий (191, 259, 374, 294, 19-й гвардейской) и пяти стрелковых бригад (22, 23, 32, 33-й и 53-й) насчитывалось 14 тысяч бойцов и командиров и 112 полевых орудий

— в основном артиллеристы и тыловые подразделения. Мерецков отчитывался:

«Не исключается, что с западного берега будут еще выходить неорганизованным порядком отдельные лица».

В последующие десять суток «отдельных лиц» вышло еще 2909 человек. Согласно докладу командующего 2-й ударной армией Военному совета фронта, из 19-й гвардейской дивизии — 108 человек; из 374-й стрелковой — 687 (в том числе ПО раненых); из 191-й дивизии — 600; из 259-й — 659; из 22-й стрелковой бригады — 22; из 23-й - 100; из 33-й - 234; из 53-й - 211; из 132-й - 288 бойцов.

• • •

Новое наступление Невской оперативной группы Ленинградского фронта было назначено на 26 сентября. Форсирование планировалось осуществить на участке Анненская, 1-й городок тремя стрелковыми дивизиями и стрелковой бригадой.

В назначенный день ударная группировка при поддержке 117 боевых самолетов, сухопутной и морской артиллерии совместно с десантами морской пехоты начала форсирование Невы и быстро захватила плацдарм в районе Арбузово и Московская Дубровка. Одновременно 136-я дивизия 55-й армии наносила отвлекающий удар на Тосненском рубеже.

К концу первого дня на левый берег удалось перебросить отдельные полки 70-й и 86-й дивизий и батальон 11-й стрелковой бригады. Второй эшелон из-за сильного огневого противодействия переправиться не смог. Ожесточенные бои на возрожденном Невском «пятачке» продолжались до 6 октября. Расширить захваченный плацдарм, прорвать оборону на всю глубину и соединиться с Волховским фронтом не вышло.

Только за первые четыре дня операции советские части потеряли, по неполным данным, 8244 человека, израсходовали 133 тысячи снарядов и мин. После поражения волховчан продолжение атак против имевшего возможность беспрепятственно наращивать силы противника не сулило никаких перспектив. В связи с оперативной нецелесообразностью удержания плацдарма на восточном берегу, Ставка приняла решение об эвакуации. Когда все войска были уже сняты, с наступлением рассвета 9 октября разведка, высланная в район Московской Дубровки, противника не обнаружила. В связи с этим на левый берег Невы была переправлена усиленная рота 70-й стрелковой дивизии, которая заняла плацдарм: справа — овраги севернее Арбузове, по фронту до шоссе и слева — школа в Московской Дубровке. С 20 октября «пятачок» приняла 46-я стрелковая дивизия полковника Е.В. Козика.

Напротив обосновались части 170-й пехотной дивизии. Открывшийся им пейзаж, представлявший собой гигантский могильник, поразил даже видавших виды ветеранов штурма Севастополя. Историограф дивизии X. Кардель зафиксировал:

«Только старые командиры, познавшие бойню Первой мировой войны, могли

припомнить нечто подобное Невскому плацдарму. Лишь изредка торчал раздробленный пень дерева на земле, перепаханной тяжелой артиллерией, реактивными минометами и авиабомбами. Подбитые танки стояли возле глубоких воронок и окопов, ведущих к русским траншеям. Из стен окопов торчали руки и ноги убитых русских солдат. Всё остальное было засыпано землей после взрывов снарядов. Кругом были минные заграждения».

• • •

Таким образом, в ходе Синявинской операции Волховскому и Ленинградскому фронтам блокаду прорвать не удалось. Но случайно вышло так, что при этом была сорвана попытка германского командования организовать решительный штурм города. Это приписали себе в заслугу советские полководцы, а также летописцы славных дел «непобедимой и легендарной», сделав вид, что именно с такой целью операция и затевалась:

«Расчеты гитлеровского командования взять штурмом город Ленина потерпели полный крах».

В самом деле, «крах расчетов» и отказ от проведения операции «Нордлихт» немецкий генерал-фельдмаршал подтверждает:

«Если задача по восстановлению фронта 18 армии и была выполнена, то все же дивизии нашей армии понесли значительные потери. Вместе с тем была израсходована значительная часть боеприпасов, предназначавшихся для наступления на Ленинград. Поэтому о скором проведении наступления не могло быть и речи».

Можно было бы порадоваться успехам советской разведки, раскрывшей вражеские планы, или прозорливости военно-политического руководства, разгадавшего намерения Гитлера, если бы не одно но... Информацией о перегруппировке германских дивизий из Крыма под Ленинград, с указанием «нужно проверить» Генштаб Красной Армии поделился с фронтами только 14 октября. А версию об «упреждающем ударе» подкинул сам Манштейн, считавший, что русские своевременно отследили переброску войск 11-й армии, и потому написавший в своих мемуарах о действиях Волховского фронта следующее: «этим наступлением противник, очевидно, хотел упредить наше наступление». Вот только вышла его книга лишь в 1955 году.

До того времени пропагандисты Главпура и Агитпропа скармливали народным массам щербаковскую версию, согласно которой наступление на Синявино было предпринято с целью оттянуть часть сил Вермахта с южного участка фронта:

«Эта цель была достигнута. Несколько немецких дивизий, в том числе 4 пехотные дивизии, стоявшие в Крыму, а именно — 24, 28, 132 и 170, и предназначавшиеся для операций под Сталинградом и на Тереке, спешно были переброшены в район Синявино и здесь были разбиты или основательно растрёпаны советскими войсками».

В любом случае, сражение в Южном Приладожье из военной неудачи они превратили едва ли не в выдающуюся победу Красной Армии. Потери противника советские сводки оценили в 60 тысяч человек убитыми, ранеными и пленными,

200 танков, более 600 орудий и минометов и 260 самолетов. Маршал Мерецков, «уничтожавший» супостатов на бумаге с лихостью завзятого политрука, переплюнул даже Совинформбюро, сообщив, что немцы потеряли около 60 тысяч только убитыми и пленными, без учета раненых. Сталин сначала хотел Кирилла Афанасьевича с должности снять, но убедившись, что тот разбил и «растрепал» самого Манштейна, передумал.

Правда, в Берлине считали, что победу, притом немалую, одержали войска Вермахта, разгромившие в Синявинском котле 7 советских дивизий, о чем сообщили миру средства массовой информации Третьего Рейха. Разумеется, Москва назвала сообщение германского командования беспардонным враньем и предложила свою трактовку событий:

«Ни южнее Ладожского озера, ни в каком-либо другом месте гитлеровцы не окружали и не только ни одной дивизии, но даже ни одного советского полка».

Второго генерала Власова не нашлось, да и глупо бы выглядело — два раза наступать на одни те же грабли. Поэтому решили сделать вид, что немцы никого не окружали. Судя по публикациям в «Военно-историческом журнале», историки российского Генерального штаба и сегодня так считают.

В ходе неудавшегося прорыва блокады и «успешного» отступления, войска Мерецкова и Говорова потеряли более 40 тысяч человек безвозвратно и еще 73,5 тысячи ранеными, а всего почти 114 тысяч бойцов и командиров, из тех 190 тысяч, что начали сражение. Но у современных петербургских историков эти цифры вызывают сомнение как значительно заниженные:

«Ибо вряд ли учитывают несчетные пополнения, уничтоженные немецкой авиацией по дороге от места выгрузки до передовой, и пополнения, поступившие в дивизии входе боевых действий».

Кроме того, наши статистические исследования почему-то учитывают потери только НОГ, 8-й и 2-й ударной армий. Остальные шесть армий, беспрерывно наносившие «вспомогательные» и отвлекающие удары, участия в Синявинской операции вроде как вообще не принимали. Что касается территориальных приобретений, то «наши войска сохранили на собой захваченные у противника узлы сопротивления Вороново и Поселок № 8» — «по-честному» рапортовал Мерецков. Врал, конечно.

Немецкие потери в «Первом Ладожском сражении» составили около 26 тысяч человек.

Конечно, всё было не напрасно: во-первых, сорвали немцам штурм, во-вторых, врага «обескровили», в-третьих, опять многому научились:

«В ходе операции артиллеристы фронта, пройдя хорошую школу, получили первый опыт организации действий больших масс артиллерии в наступлении и управления ею в бою. Изучение этого опыта потребовало специальной подготовки артиллерийских частей и усиленного внимания к отработке вопросов организации и ведения артиллерийской разведки... а также оборудования наблюдательных пунктов, огневых позиций, укрытий,

землянок, планирования артиллерийского наступления, организации взаимодействия с пехотой и танками... Важное значение имело обучение артиллеристов ориентированию на местности (!!), определению точки стояния с использованием топографической карты, движению по азимуту».

Оценивая действия советских войск, ветеран полицейской дивизии СС Ф. Хуземан пишет:

«Тогдашняя тупость русского командования применительно к пехотному сражению была совершенно очевидна. Однако вскоре это изменилось, и мы на собственной шкуре почувствовали, сколь много противник позаимствовал из нашей тактики».

• • •

Едва подсчитав убытки, Мерецков заверил Ставку, что войска Волховского фронта будут «вести себя активно» и выдвинул «соображения» по проведению серии частных наступательных операций. Однако Сталин, далеко не уверенный в разгроме Манштейна и опасавшийся ударов противника «одновременно на направлениях Мга, Кириши», не исключавший даже попытки форсирования Невы, охладил пыл командующего.

3 октября он приказал никаких наступательных операций не затевать, а перейти к обороне. 5 октября Верховный определил, что Мерецкову опять нужна помощь Мех-лиса и вторично назначил Льва Захаровича членом Военного совета Волховского фронта, понизив в должности А.И. Запорожца.

Впору было не блокаду прорывать, а забирать войска от Ленинграда. Летом 1942 года Красная Армия потерпела ряд сокрушительных поражений: провалилась не только Усть-Тосно — Синявинская операция, кровавой баней обернулась проводимая Жуковым вторая Ржевско-Вяземская операция. А главной бедой стал полный разгром на юге, где 6-я армия Фридриха фон Паулюса вышла к Волге и вела бои на улицах Сталинград, где 1-я танковая армия Эвальда фон Клейста рвалась через Терек к бакинским нефтепромыслам. Советский Союз стоял на краю гибели.

Зато к осени 1942 года у высшего военного руководства окончательно выветрились шапкозакидательские настроения. Стало ясно, что войска надо обучать, операции тщательно готовить, что советские уставы и наставления не соответствуют реалиям современной войны, а среди генералов преобладают «гордовы».

Первым делом Верховный дал команду всем окопаться, и впервые за войну советские армии на всем протяжении советско-германского фронта приступили к созданию реальной обороны. Так, Западный и Калининский фронты, перенимая немецкий и вспоминая отечественный опыт, учились рыть траншеи, привязывать их к местности, создавать эффективную многослойную систему огня.

Конкретно Волховскому фронту директивы Ставки от 5 и 14 октября приказали немедленно приступить к постройке не менее чем трех-четырех оборонительных рубежей и к выселению из прифронтовой полосы на глубину 25 км всего

гражданского населения. Города и населенные пункты следовало приспособить к долговременной круговой обороне, превратив «каждый дом, каждую улицу, каждый квартал в крепость», особое внимание уделить использованию каменных зданий, подвалов, подземных коммуникаций, колодцев, заводских труб, созданию развитой сети связи и сигнализации, использованию инженерных заграждений. Для руководства обороной назначить комендантов гарнизонов «из стойких командиров». В рекомендациях явственно чувствуется опыт Сталинграда.

Генерал Хренов съездил к роще «Круглая», осмотрел немецкие укрепления и пришел к выводу, что «перенять и развить опыт противника было не грешно». Без жалоб на трудоемкость и нехватку инженерной техники, по всей линии фронта стали строить деревоземляные заборы с огневыми гнездами, убежищами для личного состава, складами и медпунктами. Совершенствовалась дорожная сеть. Заодно бойцам и командирам объяснили, что деревоземляной забор, так же как паровоз и аэроплан, — это «отечественная разработка», что «придумали» его призванные из запаса ленинградские инженеры, знатоки «старинного русского зодчества».

В Ленинграде по приказу Ставки укрепляли Невский рубеж, на базе Невской оперативной группы разворачивалась 67-я армия. Ее командующим назначили генерал-майора Михаила Павловича Духанова (1896—1969).

Генерал Хренов позже спрашивал сам себя:

«Оправдана ли была столь большая затрата сил и трудов на возведение укреплений, которые противник так и не попытался штурмовать? Не являлась ли эта титаническая работа напрасной перестраховкой, вызванной недостаточной способностью предвидеть ход событий? Отвечу сейчас, как и тогда: нет!...

Обстановка в целом могла обернуться так, что гитлеровцы, знай они о слабости нашей обороны, сконцентрировали бы силы на одном из участков и перешли к активным действиям. «Волховская засека» не давала им шансов на успех. Мы же, имея инженерное прикрытие, смогли в конце года вывести из обороны значительную часть сил, повысив этим наступательные возможности фронта».

И точно. 8 октября Сталин, в отличие от своих генералов никогда не прекращавший учиться, издал «Приказ о совершенствовании тактики наступательного боя и о боевых порядках подразделений, частей и соединений». В нем, в частности, он указал:

«По эшелонное построение боевых порядков подразделений и частей не только не соответствует требованиям современной войны, но приносит еще вред, так как оно ведет к ненужным потерям, обрекает значительную часть войск на бездействие и лишает наши войска возможности обрушиться на противника всей силой всех огневых средств». Приказ требовал прекратить ходить в атаки глубоко эшелонированной толпой, а разворачиваться в цепь, сосредоточивая в первом эшелоне максимум активных бойцов и огневых средств; командирам всем степеней для развития успеха или отражения внезапного удара противника иметь в своем распоряжении резервы, командирам не скакать с наганом в руке в боевых порядках, а управлять боем.

На следующий день Сталин подписал исторический приказ № 307 об установлении полного единоначалия и упразднении института военных комиссаров в Красной Армии.

В ноябре советское командование приступило к разработке новой, пятой по счету, операции по прорыву блокады Ленинграда.

Глава 10. БАЛТИЙСКИЙ ФЛОТ в 1942 году

После потери всех своих баз в Финляндии, Литве, Латвии и Эстонии, Балтийский флот оказался заперт в «маркизовой луже» — небольшом пространстве между Кронштадтом и Ленинградом.*

** Это название связано с титулом морского министра при царе Александре I, эмигрантом из Франции маркизом де Траверсе. В целях «экономии» он не разрешал судам Балтийского флота плавать дальше Кронштадта.*

Основные острова Гогландского плеса с конца 1941 года находились в руках противника, что обеспечивало устойчивость германо-финского противолодочного рубежа, призванного надежно преградить доступ советским подводным лодкам в Балтийское море.

Понимая значение этих островов, командование Балтийского флота предпринимало неоднократные попытки вернуть их. Так, 31 декабря 1941 года отряд морской пехоты в составе 170 человек под командованием полковника А.А. Баринова, выйдя с острова Лавенсари и совершив 43-километровый ночной переход по тонкому льду, занял остров Большой Тютерс. На рассвете 2 января 1942 года отряд снова совершил ночной бросок и внезапным ударом овладел островом Гогланд.

Однако в конце марта — начале апреля немецкие и финские отряды отбили их вновь, поскольку командование Ленфронта не нашло возможным своевременно выделить силы и средства для усиления гарнизонов. Новые запоздалые попытки советской стороны занять оба острова окончились неудачами, как скромно указывают историки отечественного флота, «из-за некоторых тактических ошибок» и тяжелых метеоусловий.

Таким образом, передовые позиции советских войск и Финском заливе находились всего в нескольких милях к западу от Кронштадта, на небольших островах Сескар и Лавенсари. Балтийский флот не располагал ни одной базой, которая бы не простреливалась вражеской артиллерией. Выходы из Ленинграда и Кронштадта находились под ударами германских орудий и были стеснены минными постановками. Советские надводные корабли не имели никаких шансов выйти в открытое море, да и смысла в этом никакого не было. Поэтому их включили в состав обороны осажденного города, а значительная часть экипажей сошла на берег, пополнив ряды пехоты.

Однако приказ Верховного Главнокомандующего об изгнании немецко-фашистских захватчиков с советской земли в 1942 году требовал от командования ВМФ внести свой вклад в «могучие удары». Нарком Н.Г. Кузнецов, в свою очередь, издал директиву, в которой подчеркнул необходимость активизировать наступательные действия на морских коммуникациях противника. Военный совет Балтийского флота, выполняя указания наркома, представил свои соображения на летнюю кампанию:

«Главной задачей флота на 1942 год является — нанести максимальный урон

противнику на его коммуникациях и закупорить финские шхеры минами. Большая протяженность продольной коммуникации Финского залива и необходимость в связи с этим иметь промежуточную маневренную базу для действий наших легких сил и выхода подлодок ставят перед флотом первоочередную задачу — овладение о-в Гогланд и о-в Б. Тютерс».

Основная роль в планируемой операции отводилась подводным силам. Несмотря на большие потери, в составе Балтийского флота еще имелась 51 субмарина. Лодкам предстояло прорвать противолодочные рубежи в Финском заливе, вырваться на просторы Балтики и нарушить там вражеское судоходство. Предполагалось непрерывно, в течение шести месяцев, вплоть до наступления ледостава, наносить удары по морским сообщениям на всем пространстве Балтийском море. Лодки должны были действовать в три эшелона, по 10—12 единиц в каждом.

План, разработанный штабом бригады подводных лодок под руководством капитана 1 ранга А.М. Стеценко, поначалу предусматривал оперативное обеспечение действий подводных лодок и даже их взаимодействие с авиацией. На ВВС флота возлагалась разведка системы дозорной службы и противолодочной обороны противника перед выходом лодок, нанесение ударов по неприятельским корабельным дозорам. План предполагал также наведение лодок авиацией на объекты атак.

Но эти предложения так и остались на бумаге, поскольку к тому времени почти вся морская авиация была задействована на сухопутных направлениях. Нереализованной осталась и идея создания специальной авиагруппы Резерва Главного Командования (5 бомбардировочных и минно-торпедных, 5 истребительных авиаполков). Она должна была наносить мощные удары по базам противника в Финском и Ботническом заливах, его надводным кораблям и конвоям, ослабляя тем самым его противолодочную оборону и обеспечивая условия для «работы» своих подводных сил.

В конечном счете, балтийским подводникам пришлось уходить в одиночное плавание, рассчитанное на максимальную автономность, до полного расходования торпед.

К 1 мая 1942 года к выходу в море технически были готовы 10 лодок. Их экипажи отрабатывали организацию службы, погружения и всплытия на вскрывшейся ото льда Неве между Литейным и Охтинским мостами.

• • •

Коммуникации на Балтийском море имели для Третьего Рейха огромное стратегическое значение. Они обеспечивали использование ресурсов Прибалтики, поставки до 80 % железной руды, а также промышленных изделий из Швеции, лесоматериалов и целлюлозы из Финляндии, переброску войск и вооружения на советско-германский фронт. Практиковались провоз стратегического сырья, закупленного Швецией в США и других странах для отправки его в Германию. Транспортные суда противника ходили в открытом море свободно, без охранения.

Немцы и финны заблаговременно осуществили меры с целью устранения подводной угрозы их судоходству. Уже в апреле на островах и побережье они установили артиллерийские батареи, посты наблюдения, радиопеленгаторные и гидроакустические станции. Чтобы усложнить навигационную обстановку, сняли ограждающие знаки, разрушили маяки и другие береговые ориентиры.

В первой декаде мая, едва Финский залив освободился ото льдов, они приступили к созданию двух рубежей ПЛО, основу которых составляли минные поля, и которые патрулировали катера-охотники, другие малые корабли. С воздуха водное пространство контролировали самолеты-разведчики. На отдельных мелководных участках были выставлены стальные противолодочные сети.

Первый рубеж перегородил Финский залив на рубеже Гогланд — Нарвский залив. Плотность заграждений здесь достигала здесь 170 мин на квадратную милю. Второй рубеж проходил от полуострова Ханко на финской стороне до острова Нарген возле берегов Эстонии.

В течение 1942 года немцы и финны выставили более 12 тысяч мин разных типов (включая донные и антенные) и минных защитников. Вместе с заграждениями 1941 года количество мин в Финском заливе превысило 21 тысячу. В прилегающих к заграждениям районах было развернуто свыше 100 различных кораблей и катеров. Эти силы и средства вкупе с минными позициями образовали единый противолодочный рубеж глубиною свыше 150 миль, по оценке адмирала Трибуца «равный десяти дуврским барражам» времен Первой мировой войны. Одновременно, стремясь помешать развертыванию сил Балтийского флота и окончательно его заблокировать, немецкая авиация производила постановку донных неконтактных мин в островном районе, на рейдах и фарватерах Кронштадта.

Тем не менее, за 6 месяцев (июнь — ноябрь) 1942 года командование Балтийского флота отправило на прорыв 35 подводных лодок. Выход каждой их них требовал больших затрат времени и сил. На переходе из Ленинграда в Кронштадт и далее до Лавенсари, который совершался в надводном положении, их прикрывали огнем и дымовыми завесами надводные корабли и катера. Авиация и артиллерия подавляли батареи противника на южном берегу.

Возле острове Лавенсари лодки производили полную зарядку аккумуляторных батарей и получали последние разведывательные данные. Там им постоянно угрожала авиация, поэтому все светлое время суток они лежали на грунте, к пирсам подходили только ночью. К западу от Лавенсари начинался самый тяжелый этап протяженностью около 200 миль (370 км), который лодки должны были преодолевать самостоятельно, без охранения и прикрытия, на возможно предельных глубинах, но не менее чем 10—15 метров от дна, чтобы избежать подрыва на донных минах.

Форсировав гогландскую противолодочную позицию, субмарины всплывали для зарядки аккумуляторов. Это был еще один «смертельный трюк»: в условиях «белых ночей» семь часов подряд находиться в надводном положении, грохотом дизелей привлекая к себе вражеские «охотники». Затем следовало преодолеть еще одну позицию и выйти в назначенный район.

Из-за вражеских минных постановок с воздуха, острой нехватки тральщиков,

организационных трудностей развертывание первого эшелона задержалось почти на месяц. Лишь 25 мая в море вышла М-97, которой была поручена разведка ПЛО противника на Западном Гогландском плесе. Фактически лодка до заданного ей района не дошла, никаких разведданных не добыла, за 12 суток плавания командир «малютки» капитан-лейтенант Н.В. Дьяков не сумел обнаружить ни противника, ни его оборонительных средств.

Первый эшелон начал развертывание 3 июня и закончил его 4 июля. Из 11 лодок, запланированных к выходу, отправились в море 9, достигли назначенных позиций 7 (Щ-303, Щ-304, Щ-317, Щ-320, Щ-406, «Лембит»). Подводная лодка Щ-405 (командир И.В. Грачев), следовавшая на Лавенсари без сопровождения, 13 июня погибла на переходе, предположительно, в результате аварии. Лодка М-95 (командир Л.П. Федоров) взорвалась на минах в районе Восточного Гогландского плеса два дня спустя.

Каждая из лодок, прорвавшихся в открытое море, находилась на позиции от пяти до семи недель. При действиях на коммуникациях в качестве основного применялся позиционный метод. Все семь командиров доложили о победах. За два месяца советские подводники, израсходовав 47 торпед, и, как правило, не наблюдая результатов атак, записали на свой счет около 20 потопленных и поврежденных судов противника. В ряде случаев одиночные транспорты они обстреливали артиллерийским огнем из своих 45-мм «пукалок».

Наибольшего успеха добилась Щ-317 капитан-лейтенанта Н.К. Мохова, первой преодолевшая противолодочные рубежи. Она действовала в шведских территориальных водах и потопила 3 транспорта, в их числе один шведский. Но 12 июля ее саму потопил глубинными бомбами шведский эсминец «Стокгольм». Еще 3 судна (в том числе 2 шведских) потопила С-7 капитана 3 ранга СП. Лисина, удостоенного за этот поход звания Героя Советского Союза.

Появление советских субмарин возле берегов Швеции, где германские суда ходили, словно в мирное время, без эскорта, с включенными ходовыми огнями, стало неожиданностью и для немцев, и для финнов и, естественно, для шведов. Считая блокаду достаточно действенной, торпедирование первых судов они классифицировали как подрыв на минах, поэтому вместо поиска и преследования лодок производили траление «опасных районов».

Разобраться в обстановке им помогло Совинформбюро, 11 июля сообщившее всему миру об успехах балтийских подводников. Противник предпринял срочные меры: увеличил состав сил ПЛО, ввел систему конвоев, перенес маршруты ближе к шведским берегам и в мелководные районы, увеличил плотность минных заграждений, усилил дозорную службу. Условия для действий подводных лодок начали резко ухудшаться.

•••

Северо-восточнее Гогланда находится небольшой остров Соммерс, игравший в системе противолодочной обороны противника роль передового поста наблюдения за движением советских кораблей и подводных лодок на Восточном плесе. На острове находился финский гарнизон: 92 человека, 12 орудий калибром

от 20 мм до 75 мм, 2 миномета, 12 пулеметов. Командир Кронштадтской военно-морской базы, капитан 1-го ранга Гордей Иванович Левченко, предложил командованию КБФ овладеть этим островом. *

** Г.И.Левченко (1897-1981) еще в ноябре 1941 года имел звание вице-адмирала и занимал должность заместителя наркома ВМФ. За провал обороны Керчи его в декабре 1941 г. исключили из партии и приговорили к 10 годам лагерей. Однако Сталин помиловал Левченко, ограничившись понижением в звании до каперанга. Поэтому Левченко, что называется, «лез из кожи вон», чтобы как-то себя реабилитировать.*

Его предложение было одобрено. Но, как абсолютное большинство советских морских и воздушных десантных операций первого периода войны, и эта была продумана настолько «чудно», что не могла не провалиться.

Высадка началась 8 июля. Ей предшествовал воздушный налет, который не причинил финнам сколько-нибудь серьезного ущерба, в силу отсутствия разведывательных данных об их обороне. Из 120 сброшенных бомб 37 упали в воду, остальные легли за пределами опорных пунктов противника. Из 256 советских десантников (с десятью пулеметами «максим») на остров попали 164 человека, еще 77 бойцов утонули или были убиты в момент высадки, а 15 человек остались на борту катера. Огневая поддержка десанта была столь же неэффективна, как и воздушная, по тем же причинам — отсутствие разведданных, связи, корректировки огня. В ходе ожесточенного боя морская пехота сумела захватить один из четырех опорных пунктов.

Финны вскоре после начала высадки направили на помощь своему гарнизону 2 канонерские лодки, 5 сторожевых катеров и авиацию. В 11 часов утра они доставили на Соммерс подкрепление — 109 бойцов. После этого на финской стороне оказалось как огневое, так и численное превосходство. Днем советское командование тоже подбросило подкрепление: 57 бойцов. Около 17 часов три торпедных катера подошли с ними к восточному берегу острова и начали высадку. При этом 13 человек утонули вместе с единственной радиостанцией. С берега были сняты 23 раненых десантника, но связь с десантом установить не удалось.

К вечеру в район прибыли 2 финских минных заградителя, а также немецкие корабли — 2 тральщика, плавбатарея и плавбаза. С советской стороны им противостояли канонерская лодка, сторожевик, 2 базовых тральщика, торпедные катера и катера-охотники.

К утру 9 июля все было кончено. 149 десантников сдались в плен, около 150 погибли. Балтийский флот потерял торпедные катера ТКА-22, 31, 71, 83, 113, 121 и малый охотник МО-306; серьезные повреждение получили канонерка «Кама» и один тральщик. На затонувших и поврежденных кораблях погибли до 100 моряков.

Потери финнов составили 21 человек убитыми, 63 ранеными. Несмотря на доклады советских моряков и авиаторов о потоплении и нанесении тяжелых повреждений десяти кораблям и катерам противника, в действительности ни финны, ни немцы не потеряли ни одного судна. Чтобы устранить угрозу новых высадок десантов на Сом-мерс, финны вскоре поставили восточнее и южнее его минные заграждения «Онтаярви» и «Норппе».

• • •

После возращения подводных лодок первого эшелона, с 9 августа началось развертывание десяти лодок второго эшелона, которым пришлось действовать в более сложных и опасных условиях. Три из них получили повреждения еще перед форсированием Гогландской позиции и вернулись на базу. Вместо них послали две другие.

В августе была предпринята попытка поддержать прорыв подводников силовой акцией. Предполагался выход отряда надводных сил к островам Гогланд и Большой Тю-терс для подавления сил ПЛО противника. Однако выход сторожевика «Буря» и тральщика «Фугас», в сопровождении сторожевых и торпедных катеров, закончился гибелью обоих кораблей на минах в ночь на 24 августа и отказом от продолжения этой попытки.

Район действий лодок второго эшелона (Л-3, М-96, М-97, С-9, С-13, Щ-407, Щ-309, Щ-310, «Лембит») охватывал широкую зону от Ботнического залива до острова Борхольм. Семеро из восьми командиров, прорвавшихся в Балтийское море, доложили об успехах. Особенно отличились Л-3 капитана 3 ранга П.Д. Грищенко, «уничтожившая» 6 транспортов и «вражеский миноносец новой постройки» (однако звание героя, как можно было ожидать, он не получил, а был снят с мостика по доносу своего комиссара); подводная лодка «Лембит» капитан-лейтенанта А.М. Матиясевича, «потопившая» торпедами 3 судна; С-13 капитан-лейтенанта П.П. Маланченко, «отправившая на дно» Ботнического залива 3 транспорта. В общей сложности результаты действий второго эшелона командование оценило в 14 «уничтоженных» фашистских транспортов. Были израсходованы 49 торпед. Список потерь пополнила М-97, пропавшая без вести в начале сентября.

• • •

Противник, стремясь перекрыть всю толщу воды, предпринял дополнительную постановку антенных и неконтактных мин. В сентябре финны установили сетевое заграждение в Северном Гогландском проходе и в районе отмели Калбодагрунд. Этот факт прошел мимо внимания флотской разведки, штаб флота по-прежнему рекомендовал командирам использовать Северный проход для прорыва. В Финском заливе и Аландском море заняли позиции финские субмарины. В светлое время суток они лежали на грунте и вели гидроакустическое наблюдение, а ночью галсировали в надводном положении. В Ботническом заливе действовала поисково-ударная группа ПЛО.

Военный совет КБФ принял решение начать выход подводных лодок третьего эшелона, не ожидая возвращения последних лодок второго эшелона. Во избежание международных осложнений приказ наркома ВМФ теперь запретил им атаковать корабли под шведским флагом и любые суда в шведских территориальных водах.

Первая группа лодок третьего эшелона (5 единиц) начала выход из баз 15—23 сентября, вторая (4 единицы) — 1—10 октября и, наконец, третья (7 единиц) — 17 октября - 4 ноября. При этом Л-3, Щ-303, Щ-320, Щ-406, М-96, С-9, С-13 и С-7 прорывались через противолодочную оборону противника по второму разу.

По рапортам командиров, подводным лодкам третьего эшелона «удалось уничтожить» 15—17 транспортов и несколько небольших боевых кораблей. С

победой возвратились: С-13 капитана 3 ранга В.А. Тураева, совершившая самый продолжительный боевой поход в годы войны (58 суток) и потопившая 3 транспорта; Д-2 капитана 3 ранга Р.В. Линденберга, отправившая на дно транспорт и повредившая железнодорожный паром «Дойчланд» (одновременно этот же паром числится «повредившимся» на минах, выставленных подводным заградителем Л-3); Щ-406 капитана 3 ранга Е.Я. Осипова, уничтожившая 3 судна; С-9 капитан-лейтенанта А. И. Мыльникова, потопившая транспорт и повредившая танкер.

Но в этот раз за мифические успехи пришлось дорого заплатить, половина лодок погибла. Пропали без вести при форсировании противолодочных рубежей Щ-302, Щ-304, Щ-306, Щ-320. Финские лодки и сторожевые катера потопили Щ-305, Щ-308, Щ-ЗП и Краснознаменную С-7. Командир последней, Герой Советского Союза СП. Лисин и три его матроса попали в плен. Балтийский флот лишился опытных экипажей, неоднократно форсировавших Финский залив. Погибли командиры Я.П. Афанасьев (Щ-304), И.М. Вишневский (Щ-320), Л.Н. Костылев (Щ-308), В.Д. Нечкин (Щ-302), А.С. Пудяков (Щ-311), Д.М. Сазонов (Щ-305), Н.И. Смоляр (Щ-306).

Сергей Прокофьевич Лисин прошел через финские, германские и, как полагалось «изменнику Родины», советские тюрьмы. Золотую Звезду ему вернули только в 1958 году.

• • •

Естественно, морские волки никак не могли в геройстве уступить «сапогам». О том, каким образом достигался неуклонный рост боевого счета и потопленного тоннажа балтийских подводников, сам Грищенко, будучи уже в отставке, поведал петербургскому автору Олегу Стрижаку:

«Самым темным и путаным делом был счет побед. Победа нуждалась в «подтверждении. В идеале, то бишь по инструкции, надлежало делать так. Командир проводит атаку, поражает цель. Затем приглашает к перископу двух надежных, проверенных свидетелей. Те смотрят в оптику на тонущую цель, оценивают её класс, водоизмещение и подтверждают, что цель затонула. О чем, за тремя подписями, пишется акт. И такие акты исправно писались всю войну и представлялись начальству, хотя последняя кошка на береговом камбузе знала, что это всё — враньё.

Хорошо, если попадется лодке одинокая беззащитная лайба. Можно всплыть и, покуривая, глядеть с мостика, как она тонет. Но серьёзные цели идут под охраной конвоев. Удалось командиру выйти на курс атаки незамеченным — его счастье. Но торпеда пошли — лодка себя обнаружила. Перископ вниз! Крутой дифферент на нос, и отваливаясь, поглубже и подальше. Корабли охранения сейчас вцепятся в тебя гидролокаторами, перепашут глубину сериями бомб.

И единственное «подтверждение» — слышали взрыв. Или два. Куда попала торпеда — в транспорт? В корабль охранения? В скалу? Это на лодке никому неизвестно. А если попали в транспорт — утонул он или нет? А если утопили транспорт — велик ли он был? Один командир знает. Командир его видел в перископ несколько секунд, сквозь дождь, туман или в ночной мгле. И командир по

возвращении рапортует: утопил сухогруз, двадцать тысяч тонн. Матиясевич Алексей Михайлович, знаменитый подводник (до войны капитан торгового флота), спорил с командирами лодок: «Нет сейчас на Балтике таких больших судов! Ну, четыре, ну, пять тысяч тонн. А ты загнул — двадцать!».

Командиры лодок на него обижались. Сам Матиясевич писал в своих донесениях честно: транспорт, примерно две тысячи тонн. За это на Матиясевича обижалось начальство. Начальство получало ордена за подчиненных, и ему нужны были «весомые» победы...

С презрением и насмешкой Грищенко и Матиясевич говорили о «выдающемся подводном асе», воспетом советской пропагандой, И.В. Травкине. Травкин имел на своем счету одиннадцать побед, носил Золотую Звезду. После войны оказалось, что победа у него всего одна, небольшое судно. Остальное — плод хорошо продуманной дезинформации. Травкин имел «надежных свидетелей», фельдшера и комиссара. Они глядели в перископ, подписывали акт. Только атака была ложной. Стреляли в берег, либо в чистое море. Экипаж догадывался, но помалкивал. Война дело такое, вякнешь лишнее—и пойдешь в штрафную роту, погибать в Синявинских болотах.

Кстати говоря, была еще одна причина для «преувеличения» результатов боевых походов: денежное вознаграждение! Так, за потопление вражеского миноносца или субмарины командиру советской лодки платили 10.000 рублей (при месячном окладе 1500 рублей); за транспорт — 3000 рублей; за сторожевик или тральщик — 2000 рублей; за баржу, буксир, шхуну — 1000 рублей. *

* См. Платонов А.В. Энциклопедия советских подводных лодок 1941-1945. СПб., 2004, с. 78.

Система работала и устраивала всех. Да и ладно: экипаж неделями сидел в «трубе», которая в любой момент могла стать и часто становилась общей могилой, каждая минута похода была связана со смертельным риском, — простим военморам их «шалости». Другое дело, что после войны из этой «липы» выросла развесистая «Летопись морской славы», под сенью которой похоронили настоящую историю советского флота.

Наступление зимы и приближение ледостава заставили к началу декабря прекратить действия подводных лодок на коммуникациях и вернуть их в базы. С июня по ноябрь 1942 года советские подводники, потеряв 12 субмарин, уничтожили на Балтике, по официальным данным, около 60 вражеских судов общим тоннажем до 150 тысяч тонн. **

** В течение года погибли М-95, М-97, С-7, Щ-302, Щ-304, Щ-305, Щ-306, Щ-308, Щ-311, Щ-317, Щ-320, Щ-405.

В действительности подводники КБФ, как установлено к настоящему времени путем сверки советских, немецких, финских и шведских документов, за весь 1942 год потопили своими торпедами 19 транспортов общим водоизмещением 47.183 брутто-регистровых тонн. Из них 5 судов (15.673 т) были нейтральные шведские, 6 — финские (12.420 т) и только 8 (19.090 т) — немецкие. Наиболее крупные среди них: германский пароход «Finnland» (5.281 т), тяжело поврежденный 14 сентября лодкол «Лембит» и затонувший через день; шведские пароходы «Lulea» (5.611 т) и

«C.F. Liljevalch» (5513 т).

Кроме того, на минах, выставленных советскими лодками, погибли две немецкие парусно-моторные шхуны (387 т) и немецкий транспорт «Hindenburg» (7.880 т). Но вместе с ним пошли на дно не стратегические грузы, а 880 (или даже тысяча) советских военнопленных, находившихся в его трюмах.***

*** *См.: Платонов А.В. Энциклопедия советских подводных лодок 1941-1945. СПб, 2004, с. 534-538.*

Правда, в сентябре у германского командования возникали трудности с организацией конвойной службы ввиду нехватки кораблей охранения, вследствие чего в немецких и финских портах скопилось много транспортов, ожидавших очереди.

Глава 11. ОПЕРАЦИЯ «ИСКРА» (12-25 января 1943 года)

Осенью 1942 года внимание всего мира было приковано к одной точке советско-германского фронта — Сталинграду. Город давно превратился в груды развалин, 62-я армия Василия Ивановича Чуйкова (1900—1982), истекавшая кровью, расчлененная натри части, удерживала лишь узкую полоску берега Волги. Обе стороны непрерывно наращивали силы, и Сталинград держался, превращаясь во «всепожирающий фокус», в котором сгорали батальоны, полки и дивизии Вермахта. Гитлер снимал их с других участков фронта, бросая в гремевшее на юге сражение.

С начала октября из группы армий «Север» начался отток самых боеспособных соединений. В район Сталинграда перебазировался 8-й авиакорпус, уехал за маршальским жезлом и вскоре тоже оказался под Сталинградом генерал Манштейн.

Из состава 18-й армии убыли 12-я танковая, 20-я моторизованная, 269, 93, 291, 58-я и 225-я пехотные дивизии. Взамен Линдеманн получил 69-ю пехотную, а также 1-ю, 9-ю и 10-ю авиаполевую дивизии. Формирование авиаполевых дивизий, ввиду больших потерь в сухопутных войсках, началось по инициативе Геринга во второй половине сентября 1942 года.

Первоначально они не имели полкового звена, а состояли из четырех стрелковых батальонов и артиллерийского дивизиона, комплектовались личным составом наземных служб ВВС и зенитной артиллерии, не имевшим навыков общевойскового боя, вооружение имели самое разное, в том числе трофейное советское. Таким образом, германская группировка под Ленинградом уменьшалась количественно и ухудшалась качественно.

К концу 1942 года основные силы Ленинградского фронта — 42-я и 55-я армии — оборонялись на рубеже Урицк — Пушкин — южнее Колпино — Пороги. Против них действовали 4 дивизии (215-я пехотная, 250-я испанская, 5-я горнострелковая, полицейская дивизия СС) и 2-я пехотная бригада СС. По оценке штаба фронта, — около 49 тысяч солдат и офицеров.

Тридцатикилометровую полосу вдоль правого берега Невы от Пороги до Ладоги, с небольшим плацдармом в районе Московской Дубровки, удерживала сформированная в октябре на базе Невской оперативной группы 67-я армия под командованием «опытного и очень подготовленного в военно-теоретическом отношении» генерал-лейтенанта Михаила Павловича Духанова (1896—1969).

В ее состав первоначально входили 45-я гвардейская, 46-я и 86-я стрелковые дивизии, 11-я и 55-я стрелковые, 35-я лыжная бригады, 16-й укрепленный район, 86-й и 118-й отдельные танковые батальоны, восемь артиллерийских и минометных полков. При этом 55-я бригада обороняла с юга военно-автомобильную дорогу, проходившую по льду Ладожского озера.

На противоположном берегу Невы окопались 170-я дивизия противника и охранный батальон (до 11 тысяч человек).

На ораниенбаумском плацдарме, осажденная 10-й и 9-й авиаполевыми дивизиями Люфтваффе (общей численностью до 10 тысяч), находилась Приморская оперативная группа генерал-майора А.Н. Астанина в составе 48, 42-й и 168-й стрелковых дивизий, 48-й (бывшая 2-я бригада морской пехоты), 71-й (бывшая 5-я бригада) и 50-й (сформирована на базе 3-го полка морской пехоты) стрелковых бригад.

На Карельском перешейке, на фронте протяженностью 75 км, прикрывая северные подступы к Ленинграду, в долговременных оборонительных сооружениях «прочно удерживали свои позиции» четыре дивизии 23-й армии генерал-майора А.И. Черепанова. Столь же прочно стояли напротив 15, 10, 2-я и 18-я дивизии финской оперативной группы, насчитывавшей около 30 тысяч человек, которые вовсе не планировали штурмовать этот укрепленный район.

Действия наземных войск обеспечивали три авиадивизии созданной в ноябре 13-й воздушной армии генерал-лейтенанта Степана Дмитриевича Рыбальченко (1903-1986) — 450 самолетов. Балтийский флот, базировавшийся в устье Невы и Кронштадте, прикрывал приморские фланги войск фронта и поддерживал их действия своей авиацией и огнем артиллерии.

Противовоздушную оборону города осуществляла Ленинградская армия ПВО. «Дорогу жизни» и перевалочные базы на берегах Ладожского озера прикрывали части отдельного Ладожского района ПВО.

Таким образом, кольцо блокады, в котором находились 30 советских дивизий, удерживали 7 немецких и 4 финские пехотные дивизии.

Волховский фронт в составе шести общевойсковых и одной воздушной армий (29 стрелковых, 1 артиллерийская, 3 авиационных дивизии, 1 укрепрайон, 8 стрелковых, 3 лыжные, 7 танковых бригад, танковый полк прорыва, 7 отдельных танковых батальонов, 29 отдельных артиллерийских и минометных полков, 4 полка и 4 дивизиона реактивных установок и т.д.), под неизменным командованием К.А. Мерецкова, действовал на позиции, неизменной с момента создания фронта — в 300-километровой полосе от Ладоги до озера Ильмень.

На фронте от Ладожского озера до Кировской железной дороги находились соединения 2-й ударной и 8-й армий. В 14-й воздушной армии насчитывалось 400 самолетов. На этом же рубеже, чуть западнее, с севера на юг окопались 9 дивизий противника (227, 1, 223, 69, 132, 61, 11, 217,21-я).

Всем войскам Ленинградского и Волховского фронтов противостояла 18-я полевая армия генерала Линдеманна. Она насчитывала 23 расчетные дивизии, в том числе 18 пехотных, 3 авиаполевые, 1 горнострелковую, плюс бригада СС и отдельные части двух охранных дивизий — ни одной танковой, ни одной моторизованной дивизии. Их, как и всю группу армий «Север», поддерживали 150—200 самолетов 1 -го воздушного флота.

• • •

22 ноября (под Сталинградом 19 ноября началась операция «Уран» по разгрому

группировки генерал-фельдмаршала В. фон Паулюса) Военный совет Ленинградского фронта доложил Ставке ВКГ свои соображения о боевых действиях на зимний период. В документе, в частности, говорилось:

«Ленфронт должен приступить к подготовке совместно с Волховским фронтом наступательной операции с целью прорыва блокады и достижения тем самым решительного изменения оперативного положения фронта...

Оценивая различные направления для нанесения удара, мы считаем наиболее выгодным организацию прорыва фронта противника на шлиссельбургском направлении с шириной фронта прорыва 10 км и для Волховского фронта соответственно на участке Липка — Мишкино с нанесением обоими фронтами удара на Синявино».

Эти предложения Сталин утвердил 2 декабря. Конкретные задачи войскам фронтов определяла директива Ставки от 8 декабря 1942 года:

«Совместными усилиями Волховского и Ленинградского фронтов разгромить группировку противника в районе Липка, Гайтолово, Московская Дубровка, Шлиссельбург, таким образом разбить осаду города Ленинграда, к исходу января 1943 года операцию закончить. Закрепившись прочной обороной на рубеже р. Мойка, пос. Михайловский, Тортолово, обеспечить коммуникации Ленинградского фронта...»

Говоров и Мерецков получили указания подготовить операцию с условным наименованием «Искра» к 1 января 1943 года. Координация действий обоих фронтов была возложена на представителя Ставки маршала К.Е. Ворошилова.

Созвездие красных стратегов не придумало ничего иного, кроме как собрать еще больше войск и техники и нанести мощный лобовой удар по кратчайшему расстоянию — через шлиссельбургский выступ. Только на этот раз решили пробиваться еще ближе к ладожскому берегу. Преодолев примерно по шесть километров, войска двух фронтов должны были встретиться в районе железнодорожной ветки, которая шла через рабочие поселки № 5 и № 1. Затем, повернув на юг, ударные группировки должны были выдвинуться на рубеж река Мойка — Тортолово, надежно обеспечив коммуникации Ленинградского фронта с юга.

После десятидневного отдыха, в первой половине февраля должна была последовать операция по разгрому противника в районе Мги и очищению Кировской железной дороги с выходом на линию Вороново — Сиголово — Войтолово — Воскресенское.

Естественно, условия местности за прошедшие месяцы не стали лучше, а немцы все свободное время, силы и умение вложили в совершенствование «приладожской крепости». Расположенные вдоль дорог рабочие поселки с каменными постройками они приспособили к круговой обороне, все пространство вокруг них превратили в сплошную укрепленную полосу с развитой сетью траншей, окопов, укрытий, блиндажей, железобетонных стенок, деревоземляных заборов и валов, насыщенную огневыми средствами и плотно минированную. По сути, вся территория выступа превратилась в сплошной укрепленный район.

Эту «проблему» планировалось решить просто и незатейливо: рвать вражескую оборону должны были 22 стрелковые дивизии, 14 стрелковых и лыжных, 7 танковых бригад, насчитывавшие более 300 тысяч бойцов и командиров, при поддержке 530 танков, 5300 орудий и минометов, 1000 самолетов 13-й и 14-й воздушных армий, ВВС Балтфлота и авиации дальнего действия.

Группировка противника в шлиссельбургско-синявинском выступе состояла из четырех дивизий 26-го армейского корпуса и одного полка 5-й горнострелковой дивизии; по советским данным — 60 тысяч человек, около 700 орудий и минометов, до 50 танков и штурмовых орудий.

• • •

В процессе подготовки к операции советская сторона применила оперативную «новинку»: впервые (!) за 16 месяцев блокады, после четырех неудавшихся попыток прорыва, командующие Ленинградским и Волховским фронтами встретились, согласовали свои действия, установили линии разграничения и сигналы взаимного опознавания. Они даже договорились о том, что если войска одного из фронтов не сумеют дойти до намеченной для них линии, то войска другого «не приостанавливают движения, а продолжают двигаться навстречу вплоть до соединения».

Обстановка на Ленинградском фронте к началу 1943 г.

Видя достойный пример начальства, стали дружить штабами авиаторы и артиллеристы. Первые распределили объекты для атак и разработали «челночный» способ действий, заключавшийся в том, что самолеты 14-й воздушной армии, нанеся удар по целям, садились на аэродромы Ленинградского фронта, где заправлялись, принимали бомбовый груз и вылетали для повторного удара. Аналогично поступала авиация 13-й воздушной армии. Вторые обязались помогать огнем друг другу и выполнять заявки стрелковых войск, независимо от фронтовой принадлежности. Впервые пункты управления воздушных армий расположились вблизи КП командующих армиями прорыва.

Необычным было еще и то, что на подготовку был выделен почти месяц, в ходе которого предстояло накопить силы и средства, произвести их скрытную перегруппировку и сосредоточение, «научить войска прорывать сильно укрепленные позиции на лесисто-болотистой местности, сколотить подразделения, отработать вопросы взаимодействия пехоты с авиацией, танками и артиллерией».

Для проведения учебных занятий и тренировок в тылу оборудовали учебные поля и специальные городки. Ленинградцы на Токсовском полигоне создали полосу обороны, схожую с той, которую предстояло прорывать. Здесь проводились полковые учения с боевыми стрельбами, пехоту тренировали следовать за огневым валом на расстоянии 100 метров. На участках Невы в городской черте отрабатывали способы преодоления поврежденных участков льда, штурма обрывистого, обледеневшего, укрепленного дзотами берега.

Аналогичную подготовку проходили войска и на Волховском фронте, где сформировали 83 штурмовых отряда, включив в них саперов, автоматчиков,

пулеметчиков, огнемётчиков, пушки и танки сопровождения. Особое внимание уделялось отработке приемов штурма деревоземляных заборов, торфяных, снежных и ледяных валов. Сложнее было с вопросами взаимодействия родов войск, их удалось более или менее согласовать только на начальный период боя.

Наиболее трудоемкой работой стала подготовка исходных районов для ударных группировок фронтов. Требовалось увеличить число траншей и ходов сообщения, укрытий для личного состава, отрыть и оборудовать огневые позиции для артиллерии, минометов, танков, устроить склады боеприпасов. Общий объем земляных работ на каждом фронте исчислялся сотнями тысяч кубических метров. Все работы выполнялись только вручную, в темное время суток, без нарушения обычного режима поведения войск, занимавших оборону, с соблюдением мер маскировки. Одновременно саперы строили дороги и колонные пути, гати и лежневки через болота, которыми изобиловали исходные районы, разминировали минные поля, готовили проходы в заграждениях.

Севернее Новгорода волховчане имитировали бурную деятельность, обозначая ложное сосредоточение большой массы войск и техники, регулярно проводили разведку боем.

На Ленфронте требовалось также изготовить средства для преодоления высокого берега Невы и участков поврежденного ледового покрова. Для этой цели сделали сотни щитов из досок, штурмовые лестницы, багры, веревки с крючками и «кошки». После рассмотрения ряда вариантов (в том числе создания канала во льду Невы с последующим наведением понтонного моста, либо армирования льда путем вмораживания в него тросов) решили переправлять через Неву танки и тяжелую артиллерию по деревянным «рельсам», уложенным на шпалы.

С15 по 18 декабря генерал Говоров провел военную игру по теме: «Прорыв общевойсковой армией подготовленной обороны противника с форсированием реки в зимних условиях». В основу игры легла «реальная обстановка» в полосе предстоящего наступления, насколько ее представляли в советских штабах, в основном, по данным аэрофотосъёмки.

Но в действительности и на этот раз информацию о немецкой обороне штабы имели довольно скудную. Возможно, для командующих фронтами было вполне достаточно взгляда на вражеские позиции с высоты птичьего полета. Мерецков, например, с гордостью сообщает, что аэрофотосъемка «дала богатый материал», но на уровне пулеметной амбразуры вид открывается несколько иной, и поиск вражеских дзотов с помощью самолетов — пустая трата горючего. Между тем, этим и ограничились. Исследователь операции «Искра» полковник В.М. Ярхунов пишет:

«Командиры частей и соединений не заботились о том, чтобы до начала наступления были полностью вскрыты характер обороны противника, ее сильные и слабые места, выявлены группировки, боевой состав и боеспособность противника.

Часто командиры в основу своих решений брали данные аэрофотосъемок, не уточняя их средствами наземной разведки. Это приводило, особенно в условиях лесистой местности, к поверхностному и неполному изучению противника.

В результате командиры подразделений и частей лишали себя возможности принять соответствующее обстановке решение. Недостатки в ведении разведки приводили к тому, что войска постоянно наталкивались на всякого рода неожиданности».

К концу декабря подготовка к операции была в основном закончена. Однако из-за внезапно наступившей оттепели, ледяной покров на Неве оказался недостаточно прочным, а болота — труднопроходимыми. Поэтому 27 декабря командующие фронтами обратились в Ставку с просьбой перенести начало наступления на 10—12 января 1943 года. Согласие было получено. Маршал Мерецков указывает, что правильнее было бы начать активные действия вообще в феврале, но в который раз «Ленинград не мог столько ждать».

•••

К ноябрю 1942 года город почти обезлюдел. В результате массовой смертности, эвакуации и дополнительных призывов в армию население Ленинграда за один год уменьшилось на 2 миллиона и составляло 650 тысяч человек, из них 80 % работали. Продовольственная проблема была решена, перебои в снабжении населения продуктами не наблюдались. По данным профессора А.П. Веселова, перед прорывом блокады 270 тысяч ленинградцев получали повышенную норму продовольствия, по сравнению с общесоюзной, кроме того, 153 тысячи человек посещали столовые с трехразовым питанием.

Смертность населения составляла примерно 3,5 тысячи человек в месяц. Осенью по дну Ладожского озера проложили кабель, по которому город получал электроэнергию от Волховской ГЭС. Горючее продолжало поступать по проведенному летом трубопроводу.

22 октября немцы попытались высадить десант на остров Сухо, батарея которого прикрывала ладожскую трассу, но совместными действиями гарнизона под командованием старшего лейтенанта И. К. Гусева, кораблей Ладожской флотилии и авиации флота были отбиты с немалыми потерями.

С середины декабря возобновилась работа ледовой военно-автомобильной дороги, которая функционировала круглосуточно. Было начато строительство 35-километровой железнодорожной эстакады через Ладожское озеро, днем и ночью непрерывно шла забивка многометровых свай, которые устанавливались через каждые два метра. В дневнике инструктора парткома Кировского завода Л.П. Галько есть запись от 27 декабря 1942 года:

«Побывал в городе. Попробовал бегло сравнить обстановку сегодняшнего дня с обстановкой 27 декабря 1941 г. Тогда на улицах везли на саночках завернутых в тряпье покойников. Народ еле ходил, падали от истощения, не работали водопроводы, не было освещения. Сегодня положение совершенно иное. Утром я ушел в город после завтрака и чувствовал себя сытым. У Нарвских ворот сел на трамвай (в прошлом году ходил с завода пешком). В трамвае народ оживленно беседует, чувствуется, что не голодны... С 15 декабря в ряде районов в жилых домах появился электросвет».

Поэтому, в принципе, если бы это пошло на пользу делу и позволило полностью

достичь поставленных целей, Ленинград мог подождать и месяц, и два. Во всяком случае, советские войска получили еще две недели на подготовку и возможность спокойно встретить новый 1943 год, а заодно подвести итоги года прошедшего. Если в целом для страны и Красной армии он был примечателен, с одной стороны, катастрофическими летними поражениями на юге, с другой — стратегической Сталинградской победой, то на северном крыле советско-германского фронта похвастать было нечем.

Немцы за весь 1942 год не провели здесь ни одной наступательной операции. Советские армии атаковали почти ежедневно. В итоге общие потери Ленинградского фронта составили более 319 тысяч убитыми и ранеными. Такой ценой удалось освободить поселки Путролово и Ям-Ижора, плюс к тому занять пропитанный кровью, нашпигованный металлом клочок земли у Московской Дубровки. Волховский фронт потерял 592 тысячи человек. Мерецков убеждает, что это нормально:

«В этом состоит одна из особенностей военной профессии. Для спасения миллионов бросаем в бой десятки тысяч людей, зная при этом, что многие тысячи погибнут. Когда военачальник планирует операцию, он не только понимает, что будут человеческие жертвы, но и предусматривает примерно возможные потери, так как не хочет просчитаться и понести потом в результате недооценки ряда факторов еще большие потери. Такова военная логика... Я всегда сильно переживал любые потери. Вынужден сказать здесь об этом, даже если кто-либо и расценит это как присущую мне слабость».

Всех их, конечно, абстрактно жаль, но своя рубашка ближе к телу. Из-за присущей командующему «слабости» и в силу «особенностей» его профессиональной подготовки Волховский фронт в 1942 году потерял 170 процентов первоначального личного состава (!) и стал абсолютным рекордсменом среди всех советских фронтов по такому показателю, как процент потерь к численности личного состава, обогнав даже Западный и Сталинградский!

Интересно, Мерецков это предусматривал, «планируя операции»? Итоги года были жалкие: взята деревня Погостье и оставлена деревня Гайтолово, а насчет спасенных им миллионов маршал (в описываемый период — генерал) явно «загнул».

• • •

Маршал Ворошилов рапортовал в Москву:

«Подготовка не вызывает никакого сомнения в успешном исходе операции. Об «Искре», по всем признакам, пока противник не смекает».

Но ворошиловское благодушие скорее настораживало, чем успокаивало Сталина, и он, на всякий случай, решил послать в Ленинград Г.К. Жукова, «посмотреть, все ли сделано». 10 января 1943 года представитель Ставки генерал армии Жуков прибыл на Волховский фронт, встретился с Ворошиловым и Ждановым, посетил командные пункты 8-й и 2-й ударной армий. На следующий день он заслушал доклады начальников родов войск о готовности к операции, сделал несколько замечаний о применении артиллерии и танков.

В ночь на 11 января войска заняли исходное положение. Ленинградский фронт главный удар наносил силами 67-й армии (командующий М.П. Духанов) по участку между 8-й ГЭС и Шлиссельбургом в направлении Марьино — рабочий поселок № 5 — Синявино. Общий замысел состоял в следующем:

Боевые действия 268-й стрелковой дивизии в районе 8-й ГЭС с 12 по 21 января 1943 г.

«Обороняя правый берег Невы и ледовую трассу оз. Ладожское частями 46-й стрелковой дивизии, 55-й стрелковой и 35-й лыжной бригад и 16-го укрепленного района, преодолеть реку Неву по льду, прорвать вражескую оборону на фронте Московская Дубровка, Шлиссельбург и, нанося главный удар в общем направлении на Синявино, уничтожить синявинско-шлиссельбургскую группировку противника и овладеть опорными пунктами Арбузово, отм. 22,4, Рабочий поселок № 1 и Шлиссельбург. В дальнейшем установить общий фронт со встречной ударной группировкой Волховского фронта и развивать удар на юго-восток».

Армия генерала М.П. Духанова имела в своем составе 7 стрелковых дивизий, 6 стрелковых, 2 лыжных и 3 танковые бригады, 28-ю артиллерийскую дивизию, 5-ю тяжелую гвардейскую минометную бригаду, 3 полка реактивной артиллерии, 22 артиллерийских и минометных полка, большое количество отдельных дивизионов и батарей. Общая численность войск составляла более 133 тысяч человек, 222 танка, 1873 орудия и миномета. Плотность артиллерии достигала 150 стволов на километр фронта, вдвое превышая такой же показатель во время контрнаступления под Сталинградом.

Чтобы надежно подавить живую силу и огневые средства противника на переднем крае и не повредить при этом ледовый покров на Неве, 286 орудий выставлялись на прямую наводку. Кроме того, для содействия войскам 67-й армии было привлечено 88 морских орудий калибром от 130 до 406 мм.

Оперативное построение армии намечалось в два эшелона: в первом 45-я гвардейская, 286, 136-я и 86-я стрелковые дивизии, 61-я танковая бригада, 86-й и 118-й танковые батальоны (140 легких танков, способных преодолеть реку без дополнительного усиления льда); во втором — 13-я и 123-я дивизии, 102, 123-я и 142-я стрелковые, 152-я и 220-я танковая бригады; в резерве — 11, 55-я и 138-я стрелковые, 34-я лыжная бригады.

46-я стрелковая дивизия и 35-я лыжная бригада занимали оборону на правом берегу Невы на флангах армии. Танки, ввиду малой глубины операции и неподходящей местности, командарм решил использовать для непосредственного сопровождения пехоты.

Этим силам противостояли 328-й пехотный полк 227-й пехотной дивизии генерала фон Скотти, 170-я пехотная дивизия генерала Зандера в полном составе и 100-й полк 5-й горнострелковой дивизии, имевшие до 30 танков, около 400 минометов и орудий. Оборонительный рубеж немцев проходил по левому берегу Невы, высота которого достигает 12 метров. Берег был искусственно обледенен, густо минирован, почти не имел удобных естественных выходов.

Немцы имели два мощных узла сопротивления. Один — сооружения 8-й ГЭС, кирпичные дома 1-го и 2-го городков; второй — многочисленные постройки Шлиссельбурга и его окраин. На каждый километр фронта приходилось 10—12 дзотов и до 30 орудий и минометов, а вдоль всего берега Невы протянулись траншеи полного профиля.

Средний оборонительный рубеж проходил через рабочие поселки № 1 и № 5, станции Подгорная, Синявино, рабочий поселок № 6, поселок Михайловский. Здесь имелись две линии траншей, синявинский узел сопротивления, отсечные позиции, а также опорные пункты. Этот рубеж являлся позицией дивизионных резервов (до одного полка) германской группировки.

С Синявинских высот хорошо просматривались южное побережье Ладожского озера (его оборонял разведывательный батальон 227-й пехотной дивизии), Шлиссельбург, 8-я ГЭС и рабочий поселок № 5. Вся местность, особенно на участке железнодорожной линии между Синявино и 8-й ГЭС, простреливалась фланкирующим и перекрестным огнем.

• • •

Волховский фронт, успевший получить еще пять стрелковых дивизий, основные усилия сосредоточил на своем правом фланге. Там главный удар наносила 2-я ударная армия (12 стрелковых дивизий, 4 стрелковые и лыжные, 4 танковые бригады, 4 отдельных танковых батальона, 21 артиллерийский и минометный полк, 2 инженерные бригады и 6 отдельных саперных батальонов). С декабря ею командовал генерал-лейтенант Владимир Захарович Романовский (1896—1967).

Армии предстояло прорвать оборону противника на участке деревни Липка — Гайтолово и, развивая наступление в направлении рабочий поселок № 8 — Синявино, соединиться с войсками Ленинградского фронта. С севера должна была совершить обход по льду Ладожского озера 12-я лыжная бригада и атаковать противника западнее деревни Липка. Фронт прорыва составлял 12 км, а главный удар армия наносила на 6-километровом участке. В дальнейшем предстояло развивать наступление в южном направлении.

Для усиления войск в декабре были сформированы четыре зенитные артиллерийские дивизии, десять минометных полков и два полка реактивной артиллерии; Ставка выделила более 80 эшелонов боеприпасов. К участию в операции привлекалось 2885 орудий и минометов, накопившие по 4—6 боекомплектов (тоже впервые). На каждом километре участка прорыва была достигнута плотность в среднем 160 стволов, на направлении главного удара — более 200, а на участке против рощи Круглая — 360 орудий и минометов. До 300 орудий выдвигались на прямую наводку.

2-я ударная армия строилась в два эшелона. Первый — 128, 372, 256, 327, 314, 376-я стрелковые дивизии, усиленные артиллерийскими полками и саперными частями, 122-я танковая бригада и 32-й гвардейский танковый полк прорыва, 501, 502, 503-й и 507-й танковые батальоны. Второй — 18, 191, 71, 11, 239-я стрелковые дивизии, 16, 98-я и 185-я танковые бригады. Общевойсковой резерв — 147-я стрелковая дивизия,

22-я стрелковая, 11, 12-я и 13-я лыжные бригады.

Действия 2-й ударной армии, насчитывавшей почти 140 тысяч человек, поддерживали 2100 орудий и минометов, более 500 реактивных установок М-8 и М-30, 217 танков. Здесь были сосредоточены 2-я артиллерийская дивизия РВГК, две тяжелые гвардейские минометные бригады М-30 и четыре гвардейских минометных полка М-13.

8-я армия генерала Старикова, численностью свыше 52 тысяч бойцов и командиров, своими правофланговыми соединениями (80, 265, 286, 364-я дивизии и 73-я морская стрелковая бригада) должна была прорвать оборону противника на участке Гайтолово — Мишино и наступать в направлении Тортолово — поселок Михайловский. Их поддерживали 785 орудий и минометов, а также 92 танка в составе 25-го полка прорыва, 107-го и 502-го танковых батальонов.

Против двух армий Волховского фронта оборонялись 227-я пехотная дивизия (без одного полка), 1-я пехотная, 374-й полк 207-й охранной дивизии и 425-й полк 223-й пехотной. Оборонительный рубеж противника проходил от деревни Липка через рабочий поселок № 8, рощу Круглая, Гайтолово, Мишино, Вороново и далее южнее.

По переднему краю обороны шла сплошная траншея, прикрытая минными полями, надолбами и проволочными заграждениями, на некоторых участках была отрыта и вторая траншея. Там, где болотистая местность не позволяла углубиться в землю, немцы возвели ледяные и насыпные валы, поставили двухрядные бревенчатые заборы. В особо мощные узлы сопротивления были превращены Липка, рабочий поселок № 8, роща Круглая, деревни Гайтолово и Тортолово.

• • •

В ночь перед наступлением советская авиация нанесла массированные удары по позициям противника в полосе прорыва, аэродромам и железнодорожным узлам. Во всех полках, батальонах и ротах прошли собрания и митинги личного состава.

В 9.30 утром 12 января 1943 года одновременно ударили 4800 стволов. Артиллерийская подготовка в полосе 67-й армии длилась 2 часа 20 минут, в полосе 2-й ударной армии — 1 час 45 минут. Стена огня и дыма, поднявшись над немецкими позициями, закрыла весь горизонт. Под занавес, несмотря на неблагоприятные метеоусловия, тысячи бомб сбросила авиация 13-й и 14-й воздушных армий.

В 11.15, включив на полную громкость громкоговорители с мелодией «Вставай, страна огромная», перешли в наступление волховские дивизии. Спустя 35 минут на невский лед под звуки «Интернационала» и под прикрытием огневого вала скатились передовые части ленинградцев.

Каждой советской дивизии первого эшелона был нарезан трехкилометровый участок прорыва, где одной стрелковой дивизии с приданным ей танковым батальоном противостоял один немецкий полк. Началась знаменитая русская атака: густыми цепями, волна за волной, до последнего солдата:

«Сомкнутым строем на одной линии они быстро шли через Неву по абсолютно ровному, покрытому снегом льду. Между ними было меньше метра. Впереди настоящие богатыри — моряки Краснознаменного Балтийского флота, за ними едва поспевали отряды саперов со своими миноискателями (в дивизиях 67-й армии штурмовые группы комплектовались из моряков)».

В окопах у Марьино бойцы 2-го батальона 401-го гренадерского полка наблюдали ту же картину.

«Они сошли с ума», — говорили там. Стрелки 240-го мотоциклетного эскадрона, державшие позицию на берегу справа от больницы городка, кричали друг другу: «Они думают, что убили нас всех!» И еще крепче ухватились за свои пулеметы...

Страшный вал огня русской артиллерии продвинулся далеко вглубь. Передовые наблюдатели немецкой артиллерии тем временем склонились над рациями, вызывая свои батареи и полки, передавая им новые цели: «Заградительный огонь в квадрат»...

Через мгновение снаряды полевых гаубиц и орудий завыли поверх немецкий позиций и обрушились на лед Невы, завеса огня и стали опустилась перед немецкими опорными пунктами... Застучали немецкие пулеметы. Ударили минометы, защелкали ружейные выстрелы. Как подкошенные, нападавшие упали на лёд. Многие снова поднялись. Побежали. «Ура!» Но только несколько человек достигли обледеневшего берега реки. Там они попали под прицельный огонь немецких пехотинцев. Они укрылись или погибли.

На льду появилась вторая волна. Потом третья, четвертая и пятая. Перед больницей и электростанцией на Неве большими черными грудами лежали убитые и раненые. Волна за волной захлебывались, в основном даже не доходя до разбитых стальных балок в крутом берегу». Советские командиры, изучившие оборону противника по фотосхемам, почти сразу «натолкнулись на неожиданности». На правом фланге, на участке наступления 45-й гвардейской стрелковой дивизии, которой командовал Герой Советского Союза генерал-майор А.А. Краснов, артиллеристы не сумели подавить долговременные огневые точки противника, поскольку не подозревали об их существовании. При форсировании реки полки понесли большие потери, из 30 машин 118-го отдельного танкового батальона противоположного берега достигло менее половины. За день упорных атак на позиции 399-го пехотного полка полковника Гризбаха дивизия Краснова овладела лишь небольшими участками первой оборонительной линии и незначительно расширила Невский плацдарм. Бои приняли затяжной характер.

Неудача постигла и левофланговую 86-ю стрелковую дивизию под командованием Героя Советского Союза полковника В.А. Трубачева, наступавшую на Шлиссельбург. Немцы встретили ее шквальным огнем артиллерии, минометов и пулеметов. Форсировавшие Неву севернее Марьино полки первого эшелона залегли на льду, не достигнув левого берега и понеся ощутимые потери.

268-я стрелковая дивизия под командованием полковника С.Н. Борщева, сменившего на этой должности генерал-майора СИ. Донскова, всеми полками успешно форсировала Неву и атаковала позиции 391-го пехотного полка. К исходу

дня советские части продвинулись на 3 км севернее 2-го городка, но окружить и уничтожить противника в здешнем узле сопротивления им не удалось.

Наибольшего успеха в первый день добилась 136-я стрелковая дивизия, которой командовал генерал-майор Николай Павлович Симоняк (1901—1956). Стремительной и дружной атакой ее полки с относительно небольшими потерями достигли восточного берега реки и почти с ходу овладели Марьино. Генерал Духанов привлек основную массу артиллерийских средств из армейской группы на поддержку частей этой дивизии и передал ей еще один танковый батальон. К вечеру генерал Симоняк захватил плацдарм в 3 км по фронту и в глубину.

Армейские саперы приступили к постройке ледяных переправ для средних и тяжелых танков. Дивизия Трубачева по приказу командарма отошла на исходные позиции, а к концу дня переправилась через Неву на участке 136-й стрелковой дивизии с тем, чтобы, развернувшись из-за ее левого фланга, утром повести наступление в направлении рабочего поселка № 3.

В ходе боевых действий в течение 12 января войска 67-й армии захватили в плен 33 солдата и офицера противника, потеряв до 3000 человек убитыми и ранеными. Особенно большие потери понесли фланговые дивизии. В районе Невского «пятачка» немцы ночью разбирали завалы из русских трупов, чтобы обеспечить сектора обстрела своим пулеметам.

Во 2-й ударной армии Волховского фронта наибольших успехов достигли части 327-й стрелковой дивизии полковника Н.А. Полякова. Они ворвались в рощу Круглая, потеснив 366-й полк 227-й пехотной дивизии, которым командовал по-прежнему подполковник Венглер. Отчаянно сопротивлявшиеся немцы подбили около 50 советских КВ и «тридцать четверок», еще 15 машин затонули в болоте.

Правее пыталась преодолеть систему обледеневших валов 256-я стрелковая дивизия полковника Ф.С. Фетисова, обеспечивая успех соседа. Еще севернее 372-я дивизия под командованием полковника П.И. Радыгина и 98-я танковая бригада весь день бились за рабочий поселок № 8, который оборонял 2-й батальон 374-го гренадерского полка под командованием майора Циглера. Карьеры торфоразработок даже в зимних условиях оказались совершенно непроходимыми для танков, которые так и не смогли развернуться из походного порядка в боевой.

К исходу первого дня наступления отдельным дивизиям армии Романовского удалось продвинуться на 2—3 км. Расстояние между 67-й армией и 2-й ударной сократилось до 8 км. Генерал Линдеман спешно выдвигал в район Мустолово — рабочий поселок № 6 — Синявино ближайшие оперативные резервы — части 96-й и 61-й пехотных дивизий. Советская авиация получила задачу воспрепятствовать подходу немецких резервов, однако с этой задачей не справилась.

• • •

С утра 13 января бои приняли особенно упорный и ожесточенный характер. Противник теперь оказывал не только огневое сопротивление, но и, опираясь на узлы сопротивления, непрерывно контратаковал, стремясь восстановить утраченное положение. Едва правофланговый полк 45-й гвардейской

дивизии попытался перейти наступление восточнее Московской Дубровки, как был атакован двумя батальонами противника. После того как полк отбил контратаку, немцы вскоре повторили ее, но уже с двух направлений и силой до трех пехотных батальонов. В итоге гвардейцы генерала Краснова отразили все атаки, но и сами не продвинулись ни на шаг. Не принес желаемых результатов второй день боев и 86-й стрелковой дивизии.

Ход боевых действий 67-й армии в январе 1943 г.

286-я стрелковая дивизия возобновила наступление, к 15 часам она продвинулась вперед на 1,5—2 км, однако в этот момент немцы, бросив в бой подоспевшие батальоны 96-й пехотной дивизии генерала Нёльдехена, батарею 88-мм зенитных орудий и полтора десятка танков, ударили ей во фланг из района 2-го городка и заставили отступить на исходные позиции.

Здесь были задействованы неудачно дебютировавшие в сентябре танки T-VI из 1-й роты 502-го танкового батальона. На этот раз они проявили себя с наилучшей стороны: по немецким данным, четыре «тигра» подбили 16 советских танков, потеряв при этом одну машину. Советская дивизия потеряла около полутора тысяч человек.

Приданная дивизии артиллерия не смогла оказать действенной помощи в отражении контрудара, так как ее передовые наблюдательные пункты все еще оставались на правом берегу Невы. Огонь велся по площадям, снарядов было израсходовано много, но боевой эффект оказался весьма низким и только «благодаря героическим усилиям нескольких батарей немецкие танки не прорвались к переправам».

Вследствие низкого уровня организации стрельбы по конкретным целям советская артиллерия отличалась фантастическим количеством расходуемых боеприпасов, отсюда, как следствие, испытывала постоянный снарядный голод. Прибывший на Восточный фронт из Ливии генерал Ф. Меллентин отметил:

«У них были пушки и снаряды, и они любили эти снаряды расходовать... Однако были у русской артиллерии и недостатки. Например, негибкость планов огня бывала иногда просто поразительной».

Лишь 136-я дивизия вновь сумела «прогрызть» за день еще 3 — 4 км в направлении рабочего поселка № 5. Вечером командарм-67 ввел в дело 123-ю стрелковую бригаду, чтобы прикрыть левый фланг генерала Симоняка. 284-й стрелковый полк 86-й дивизии, обходя с юга Шлиссельбург, вышел к рабочему поселку № 3.

В результате двухдневных боев войска 67-й армии захватили плацдарм до 10 км по фронту и 7 км в глубину. Однако почти все опорные пункты и узлы сопротивления оставались в руках противника.

Инженерные войска энергично строили ледяные переправы для тяжелой техники. Правофланговая была обнаружена немцами и разрушена артиллерийским и минометным огнем. Северную переправу удалось закончить,

но и она сразу выбыла из строя: первый же танк, нарушив правила преодоления реки, поломал ее и сам затонул.

Осталась центральная переправа в районе Марьино, вступившая в строй в ночь на 14 февраля. К рассвету по ней форсировали Неву тяжелые и средние машины 152-й танковой бригады полковника П.И. Пинчука. Одновременно генерал Духанов решил нанести удар со стороны Ладожского озера силами 55-й стрелковой бригады в направлении рабочего поселка № 3, с задачей содействовать частям 86-й стрелковой дивизии в окружении противника в Шлиссельбурге.

Немцы начали переброску к месту прорыва частей 5-й горнострелковой дивизии.

Соединения 2-й ударной армии тоже подверглись яростным контратакам. Особенно ожесточенное бои шли в районе деревни Липка, рабочих поселков № 7 и № 8. В этой обстановке генерал Романовский ввел в сражение в направлении рабочего поселка № 5 18-ю стрелковую дивизию генерал-майора М.Н. Овчинникова и 98-ю танковую бригаду подполковника Е.Г. Пайкина, а южнее рощи Круглая — 71-ю дивизию генерал-майора Н.М. Замировского.

Командиру 12-й лыжной бригады (ее ядро составляли матросы-североморцы) подполковнику Н.А. Себову была поставлена задача продвинуться от маяка Бугровского к южному берегу Ладожского озера, на Липку и рабочий поселок № 1. Для этого предстояло преодолеть около 6 км открытого пространства Ладоги и прорвать укрепления и заграждения противника на Ладожских каналах.

За первые два дня наступления войска Волховского фронта прорвали вражескую оборону на 10-километровом участке от Липок до Гайтолово, но не захватили ни одного опорного пункта. Ежедневно советские войска, участвовавшие в операции, теряли более 6 тысяч человек убитыми, ранеными, пропавшими без вести.

• • •

14 января 67-я и 2-я ударная армии ввели в сражение большую часть сил вторых эшелонов, но окончательно переломить обстановку в свою пользу не смогли. При этом соединения первого эшелона не сменялись, а просто уплотняли боевые порядки, сокращали полосы наступления и продолжали бой. Ярхунов пишет:

«Вывод войск в исходное положение совершался неорганизованно, нарушалась маскировка. Эти недостатки приводили к тому, что войска еще на исходном положении несли значительные потери и теряли необходимую силу удара до начала атаки... Некоторые командиры в начале боя выпускали из своих рук управление боем, переставали следить за обстановкой и ее изменениями и не отдавали войскам никаких распоряжений. Это приводило к тому, что войска действовали самостоятельно, управление боем нарушалось, что, естественно, кроме потерь и неудач, ничего существенного дать не могло».

Соединения второго эшелона использовались неудачно, по частям, на широком фронте, управлялись плохо и просто «ломили кучей». Так, на правом фланге 67-й армии, в полосе 45-й гвардейской дивизии, была введена в бой 13-я

дивизия, которой командовал полковник В.П. Якутович, а затем 142-я стрелковая бригада полковника Н.А. Кощиенко. Они атаковали на фронте от северной окраины Арбузова до Московской Дубровки, но успеха не добились.

Вступившая в бой севернее 2-го городка 102-я стрелковая бригада подполковника А.В. Балтука имела задачу обойти городокский узел с востока и соединиться с левофланговым полком 13-й дивизии. Но, встреченная сильным огнем противника, она осталась на исходном рубеже. На месте топтались части 268-й стрелковой дивизии.

123-я дивизия полковника А.П. Иванова с 152-й танковой бригадой перешла в наступление в направлении рабочего поселка № 6. Однако взаимодействие пехоты с танками и артиллерией не было налажено, орудия сопровождения и артиллерийские наблюдатели остались в тылу, тяжелые КВ пустили через болото, в итоге за день боя удалось преодолеть лишь один километр.

Основные бои развернулись на подступах к рабочему поселку № 5, обороняемому 374-м гренадерским полком фон Белова. Здесь, непрерывно атакуя и отбивая контратаки, сражалась дивизия Симоняка с приданной ей 61-й танковой бригадой. Счет отбитой у врага территории шел на метры. 123-я стрелковая бригада сидела в обороне на южной опушке рощи Лилия, прикрывая левый фланг 136-й дивизии.

Два полка дивизии Трубачева пытались замкнуть кольцо вокруг Шлиссельбурга, но залегли в снегу под немецким огнем на подступах к рабочему поселку № 3. Еще один полк топтался на месте у Преображенской горы, прикрывавшей подступы к городу с юго-запада.

2-й батальон 55-й стрелковой бригады, наступая со стороны Ладожского озера, к 10 часам преодолел заграждения противника на южном берегу и вышел к Старо-Ладожскому каналу. Однако поддержки не получил, был немцами окружен и в ночь на 15 января прорвался обратно.

Войска 2-й ударной армии вместе с введенными в бой соединениями второго эшелона (всего 9 дивизий и 3 танковые бригады) вели боевые действия на рубеже рабочий поселок № 7 — Липка, незначительно продвинувшись вперед. В рабочем поселке № 8 в полном окружении продолжал держаться батальон Циглера.

•••

15 января 67-я армия наступала только на главном направлении силами 136-й стрелковой дивизии и 123-й стрелковой бригады. Продвижения нигде не было. Остальные соединения армии отражали контратаки противника и закреплялись на занятых рубежах. Немцы, подтянув за ночь из района Погостье две полковые группы 61-й пехотной дивизии генерала Хюнера, с утра ввели их в бой в районе Синявино и рабочего поселка № 5.

На участке прорыва возникло положение шаткого равновесия. Мерецков и Романовский, в свою очередь, бросили на чашу весов 239-ю стрелковую дивизию генерал-майора П.Н.Чернышева из резерва фронта, 11-ю дивизию полковника Е.И. Марченко, две лыжные и одну танковую бригады.

Под Шлиссельбургом на командира 330-го полка 86-й стрелковой дивизии полковника Г.И. Середина снизошло озарение и он принял «смелое и весьма разумное решение»: обойти опорный пункт противника на Преображенской горе с востока и ударить немцам во фланг и тыл. Почему решение было разумным — понятно, умный в гору не пойдет, особенно, если гора утыкана огневыми точками, амбразуры которых глядят аккурат на запад. А вот смелость полковнику понадобилась, чтобы проявить самое наказуемое в СССР качество — инициативу. Начальство ведь приказало не обойти, а «овладеть». Но в результате смелости начальника уже к полудню 15 января полк Середина занял и гору, и юго-западные окраины города. На следующий день ударная группа 67-й армии ворвалась с запада в рабочий поселок № 5, правда, взять его не смогла.

На участке 2-й ударной армии 256-я дивизия Фетисова сделала рывок вперед, сломив сопротивление противника южнее поселка, прорвала второй оборонительный рубеж и овладела железнодорожной станцией Подгорная. Теперь фронты разделяло не более 2 км.

Германские части, находившиеся в районах Шлиссельбурга, Липки и в лесах южнее Ладожского озера оказались под угрозой окружения и уничтожения. В связи с этим особое значение для них приобретало удержание рабочих поселков № 5 и № 1, через которые проходила с севера на юг единственная дорога на Мгу. Здесь держали оборочу части 96-й и 61-й пехотных дивизий. Батальон майора Циглера, оставшись без боеприпасов и продовольствия, ночью скрытно оставил рабочий поселок № 8 и незаметно «просочился» через советское кольцо на юг.

Ожесточенные бои развернулись за Шлиссельбург, где засел 1-й батальон 328-го пехотного полка 227-й дивизии. Трое суток, борясь за каждое здание, город штурмовал 330-й полк, а 34-я лыжная бригада подполковника Я.Ф. Потехина наступала в это время вдоль узкоколейки, чтобы отрезать пути отхода немецкому гарнизону в юго-восточном направлении. Трудность здесь заключалась в том, что дорога была укреплена многочисленными дотами, а бригада Потехина, недавно сформированная из 17-18-летних ленинградских юношей и впервые брошенная в бой, имела для подавления огневых точек лишь 45-мм пушки и 82-мм минометы.

•••

На рассвете шестого дня операции «Искра» части 372-й стрелковой дивизии и 122-й танковой бригады подошли к рабочему поселку № 1 и узкоколейке южнее его. 18-я дивизия и 98-я танковая бригада приблизилась к рабочему поселку № 5, по которому вели непрерывный огонь более 500 орудий и минометов. 128-я дивизия в этот день сломила сопротивление противника в Липке. Успеху здесь способствовал обходной маневр 12-й лыжной бригады.

К исходу 17 января войска Волховского фронта захватили рабочий поселок № 4 и станцию Синявино. Коридор, разделявший войска Ленинградского и Волховского фронтов, стал совсем узким, менее одного километра. Но этот последний километр оказался самым трудным. Бой принял исключительно ожесточенный характер. Генерал Хюнер до последнего удерживал горловину, обеспечивая выход немецких частей из приладожской «бутылки» на юг, к Синявинским высотам.

Наконец, в 9.30 18 января 1943 года 123-я стрелковая бригада Ленинградского фронта после решительной атаки захватила рабочий поселок № 1, и ее первый батальон встретился с первым батальоном 1240-го полка 372-й стрелковой дивизии Волховского фронта. В это время части 136-й дивизии обошли рабочий поселок № 5 с юга и севера. И здесь в 11.45 произошла встреча воинов 269-го полка 136-й дивизии с передовыми подразделениями 424-го стрелкового полка 18-й стрелковой дивизии.

Подразделения 34-й лыжной бригады, отбив несколько контратак противника с юго-восточной окраины Шлиссельбурга, к 10 часам вышли к Старо-Ладожскому каналу. Развернувшись фронтом на запад, они заперли все выходы вражеским войскам, оставшимся в городе. Во второй половине дня в деревне Липки лыжники-разведчики встретились с бойцами 128-й стрелковой дивизии и 12-й лыжной бригады Волховского фронта.

Батальоны 330-го стрелкового полка 86-й дивизии и броневики из 61-й танковой бригады к 16 часам освободили Шлиссельбург. А к концу дня все южное побережье Ладожского озера шириной от 8 до 11 км было очищено от немецких войск. Правда, значительной части группировки противника (примерно 8000 солдат и офицеров), бросив тяжелое вооружение, удалось уйти из мешка на новую оборонительную линию, спешно создаваемую севернее Синявино и по рубежу реки Мойка. Этот рубеж уже заняли 2-й полк полицейской дивизии СС, егеря 5-й горнострелковой и развернувшиеся фронтом на север полки 1-й пехотной дивизии. На подходе была 28-я егерская. В район Мги и Синявино прибывала 21-я и 11-я пехотные дивизии.

По советским данным, немцы потеряли в шлиссельбургско-синявинском выступе более 13 тысяч человек убитыми и 1261 пленными. Трофеи составили 222 орудия, 178 минометов, 512 пулеметов, 9 бронемашин, 26 танков. В том числе один «тигр», который был захвачен в районе Рабочего поселка № 5 бойцами 18-й стрелковой дивизии и отправлен в Москву для детального изучения.

• • •

Вот что пишет маршал Г.К. Жуков, именно за «Искру» получивший высшее воинское звание:

Прорыв блокады Ленинграда 12-18 января 1943 г.

«По ходу операции наблюдательный пункт командующего 2-й ударной армией, где мы находились, переместился в район поселка № 1. Я увидел, с какой радостью, бросились навстречу друг другу бойцы фронтов, прорвавших блокаду».

Вообще, по версии маршала, всю операцию с момента ее начала до момента прорыва он находился на КП генерала Романовского. Якобы под его личным контролем и чуть ли не при личном участии был вытащен с нейтральной полосы ценнейший трофей — подбитый артиллеристами «экспериментальный образец нового тяжелого танка «тигр» № 1, направленный гитлеровским командованием на Волховский фронт для испытаний».

Но вот что интересно. Писать о своих победах всегда приятно, и мемуары об операции оставили многие советские генералы. Вот только Георгия Константиновича, как того крыловского слона, никто из них «не приметил». Например, генерал Калашников, начальник политуправления Волховского фронта вспоминает:

«Вечером 17 января на КП 2-й ударной армии, в нескольких километрах от поселка, приехали К.А. Мерецков, И.И. Федюнинский, В.З. Романовский, Л.З. Мехлис. Был там и я. Уточнялись детали встречи с войсками Ленинградского фронта».

Как ни странно, Жукова он не заметил. Ничего об участии Жукова не вспомнил и Мерецков. Ни разу, судя по всему, не видели Жукова ни заместитель командующего фронтом генерал Федюнинский, хотя не преминул отметить, что вечером 17 января «сидел в землянке генерал-лейтенанта В.З. Романовского», ни главный инженер фронта генерал Хренов. Все герои прорыва поместились в той землянке, кроме заместителя Верховного Главнокомандующего.

Зато на Ленфронте много и охотно вспоминают Ворошилова: учил бойцов бросать курить, проверял невский лед на проходимость танков, спокойно постоял под артобстрелом, дождался, пока разрывом убило «стоявшего неподалеку полковника», присутствовал на учениях и ходатайствовал перед Говоровым о выдаче красноармейцам дополнительной порции водки.

У загадки может быть только одна разгадка. Отсюда следует одно из двух. Либо все волховские генералы и маршал сознательно умалчивают о вкладе «величайшего», но опального при Хрущеве полководца в снятие блокады, что тоже определенным образом их характеризует. Либо Жукова на командном пункте Романовского не было, он это сочинил, что тоже вполне вероятно, учитывая привычку Георгия Константиновича приписывать лично себе все победы антигитлеровской коалиции во Второй мировой войне.

Около полуночи 18 января было передано официальное сообщение о том, что блокада Ленинграда прорвана. Этим же числом Г.К. Жукову присвоили звание Маршала Советского Союза, затем последовало награждение орденом Суворова I степени № 1. Ордена Суворова получили генерал армии Мерецков и генерал-полковник (с 15 января) Говоров. Орденом Кутузова I степени наградили генерал-лейтенантов И.И. Федюнинского и В.З. Романовского, генерал-майора М.П. Духанова. Отмечать победы салютами товарищ Сталин еще не придумал. Особо отличившиеся в боях 136-я и 327-я стрелковые дивизии преобразовали в 63-ю и 64-ю гвардейские, а 61-я отдельная танковая бригада стала 30-й гвардейской.

На этом месте Жуков и Мерецков резко обрывают свои воспоминания, хотя операция «Искра» была еще в самом разгаре и продолжалась до конца января. Ведь цели ее еще не достигнуты.

Как же «повернуть на юг и к исходу января выйти на линию»?... А никак. Ничего не вышло, поэтому дальше нашим орденоносцам вспоминать неинтересно.

• • •

19 января в состав войск 67-й армии для закрепления освобожденного района были переданы части 16-го укрепленного района и 125-й отдельный пулеметно-артиллерийский батальон. Они получили задачу, на случай возможных попыток противника восстановить блокаду, создать пять батальонных узлов сопротивления, подготовить к обороне рубеж: северная окраина 2-го Городка — рабочий поселок № 5. Восточнее аналогичные мероприятия проводил Волховский фронт. Одновременно ближе к передовой перебрасывались базы снабжения, прокладывалась дорожная сеть.

Войскам Духанова и Романовского в течение суток следовало произвести перегруппировку, повернуть на юг и развивать наступление на Мустолово — Синявино — поселок Михайловский с целью разгрома оперативных резервов противника и выхода к реке Мойка. В перспективе предстояло занять станцию Мга, очистить от врага Кировскую железную дорогу и прочно занять линию Вороново — Сигалово — Войтолово — Воскресенск.

На новом фронте от Невы до «Носа Венглера» генерал Линдеманн ввел в сражение части девяти дивизий — 61, 170, 227, 96, 223, 1-й пехотных, 5-й горнострелковой, 28-й егерской, полицейской дивизии СС и батальон испанцев. Правда, численность их полков сократилась до размеров батальонов, особенно велики были потери в офицерском составе.

Советское наступление возобновились 20 января 1943 года в 10.30 после 10-минутной артиллерийской подготовки. 67-я армия силами 46-й и 123-й стрелковой дивизии, 102, 123, 138-й и 142-й стрелковых, 152-й и 220-й танковых бригад наносила главный удар на Мустолово с ближайшей задачей овладеть городокским узлом сопротивления, Арбузово, рабочим поселком № 6.

Все атаки захлебнулись под огнем противника. Лишь в центре 123-я стрелковая дивизия, 142-я и 138-я бригады, преодолели северную часть синявинских торфоразработок и продвинулись вперед на 2 км. 2-й ударной армии силами 147-й, 239-й стрелковых дивизий и 16-й танковой бригады удалось занять рабочий поселок № 6 на своем правом фланге и организовать в нем прочную оборону.

Генерал Говоров принял решение бросить в бой все резервы Ленинградского фронта и распорядился передать в состав 67-й армии 224,142, 90-ю и 189-ю стрелковые дивизии, 250-ю и 56-ю стрелковые бригады, 1-ю Краснознаменную танковую бригаду. Одновременно на пополнение выводились 45-я и 63-я гвардейские и 268-я стрелковые дивизии.

(Еще раз по поводу того, мог ли Ленинград подождать, пока армия качественно подготовит и доведет до конца операцию. Бывший командир роты И.М. Душенов утверждает следующее:

«После прорыва нам дали много хлеба: по 900 г черного и 300 г белого. Мы отказались в пользу ленинградских детей. Нас и так стали хорошо кормить: щи, каша гречневая и рисовая, американская тушенка...».

Фактически Духанов получил новую армию и старую задачу — прорвать немецкую оборону на реке Мга и разгромить мгинскую группировку. Однако свежие

соединения находились в 30—80 км от района боевых действий и могли вступить в бой не ранее 25-го числа. Поэтому в период с 21 по 24 января 67-я армия продолжала попытки наступать в составе четырех стрелковых бригад и двух стрелковых дивизий.

Наконец, Духанов решил ввести в дело 11-ю и 55-ю стрелковые бригады, а также сформировать армейскую подвижную группу в составе 220-й танковой и 34-й лыжной бригад. По замыслу командарма, стрелковые соединения должны были прорвать оборону противника и обеспечить ввод в бой подвижной группы, которой предстояло стремительным ударом вдоль дороги от рабочего поселка № 6 овладеть Мустолово и отрезать пути отхода всей городокской группировке.

Однако 25 января части 11-й и 55-й бригад ничего прорвать не смогли, соответственно, не состоялся и рейд ударной группы. До конца месяца последовательно и безрезультатно в сражение были брошены 224-я стрелковая дивизия и 46-й танковые полк.

Соединения ударной группировки Волховского фронта (18, 256, 379, 239, 364, 191, 147, 80, 71-я стрелковые дивизии, 33-я стрелковая, 11-я лыжная, 16-я танковая бригады) вместе и порознь, сменяясь и перемешиваясь друг с другом до полной потери управления, штурмовавшие Синявинские высоты, всё ту же рощу Круглая и еще рощу Квадратная у рабочего поселка № 6, «вследствие сильного огня противника продвижения не имели и вели бой на прежних рубежах». Правда, квадратной рощей к концу месяца они все же овладели.

Противник перебросил под Синявино 11-ю и 21-ю пехотную дивизии, до предела оголив остальной фронт: от Новгорода до Погостья, под Ленинградом и Ораниенбаумом у Линдеманна осталось 14 пехотных дивизий. Но риск себя оправдал. Советские войска намертво завязли в немецкой обороне на рубеже севернее и восточнее 2-го Городка, южнее рабочего поселка № 6, севернее Синявино, западнее Гонтовой Липки и восточнее Гайтолово. Кроме того, они продолжали удерживать плацдарм на левом берегу Невы в районе Московской Дубровки.

На этом операция «Искра» считается законченной.

В ходе её не было достигнуто сколько-либо значительных чисто военных успехов. Войскам 67-й армии Ленинградского и 2-й ударной Волховского фронтов удалось продвинуться на 6—9 км и пробить вдоль берега Ладожского озера сухопутный коридор шириной от 8 до 11 км. Очистить от противника Кировскую магистраль не получилось. За каждый отвоеванный у врага километр пришлось заплатить полнокровной дивизией. 8-я армия Старикова не смогла сделать и шага. Советские потери за 19 суток составили более 115 тысяч человек убитыми и ранеными, 417 орудий и минометов, 41 танк (по немецким данным 225 танков) и 41 самолет.

Но политическое и символическое значение прорыв блокады имел очень большое. Именно поэтому битва за рабочий поселок № 5, в отличие от проигранного Любанского сражения, вошла в разряд стратегических операций Красной Армии!

18 января, как только в Ставку поступили сведения о прорыве блокады, ГКО дал указание прекратить сооружение свайно-ледовой железнодорожной линии через Ладожское озеро и направить все силы и средства на строительство новой железной дороги от Полян к Шлиссельбургу и временного свайного моста через Неву у Шлиссельбурга. Железнодорожную линию протяженностью в 35 км, названную Дорогой Победы, военные строители проложили через торфяные болота за 18 дней. Для экономии времени земляных насыпей не возводили, шпалы укладывали в утрамбованный снег. В 10 часов утра 7 февраля у перрона Финляндского вокзала ленинградцы торжественно встречали первый поезд, пришедший с Большой земли и доставивший 800 тонн сливочного масла.

Через две недели в Ленинграде начали действовать нормы продовольственного снабжения, установленные для крупнейших промышленных центров страны: рабочие стали получать по 700—600 грамм хлеба в день, служащие — по 500, дети и иждивенцы — 400 грамм. Увеличились нормы снабжения другими видами продовольствия.

•••

Однако немецкая артиллерия насквозь простреливала узкий коридор. Он не обеспечивал регулярного снабжения города, ибо путь проходил в 4—5 км от линии фронта:

«Составы приходилось водить под бомбежкой и артогнем. Осколки настигали и машинистов, и кочегаров, и кондукторов. Ремонт путей зачастую делался подручными средствами на живую нитку. С наступлением лета составы, вопреки всем существующим правилам и представлениям, двигались по ступицу в воде».

В результате артобстрелов и бомбардировок железнодорожное сообщение часто нарушалось, а с началом ледохода прекратил функционировать мост через Неву. Основные грузопотоки по-прежнему шли по Дороге жизни через Ладогу; до 30 марта по ней в Ленинград было доставлено более 214 тысяч тонн грузов. К тому же существовала угроза, что немцы сумеют восстановить положение. Населению знать об этом было не обязательно, но военные всё прекрасно понимали. И, наконец, если блокада действительно была прорвана, то почему все авторы говорят про «900 дней и ночей»? Мерецков пишет:

«Боевые действия Волховского фронта в 1943 году, после прорыва ленинградской блокады, проходили в условиях едва ли не труднейших из всех, выпавших на долю его воинов. С конца января и по декабрь этого года наши войска, сохраняя в большинстве случаев перевес на правом крыле фронта, в районе Гайтолово, Мишкино, Вороново, осуществляли серию местных операций с задачами, во-первых, сделать непробиваемой южную стенку коридора, который связывал теперь Ленинград и Приволховье; во-вторых, раздвинуть коридор, чтобы укрепить связь с Ленинградом и Балтикой, сделать её надежнее, лучше снабжать их и готовиться к последующим наступательным действиям....

И вот почти двенадцать месяцев два боевых соседа, оба наших фронта, вели то затухающие, то разгоравшиеся боевые действия в направлении на станцию Мга. Одновременно мы осуществляли вспомогательные операции на некоторых

участках».

Таким образом, и 1943 год стал для солдат Ленинградского и Волховского фронта годом непрерывных атак. Правда, маршал, как всегда, скромничает: задумывались операции вовсе не местные и не вспомогательные, а совсем даже наоборот. Другое дело — что из них получилось.

Глава 12. ПРОДОЛЖЕНИЕ

ОПЕРАЦИИ «ИСКРА» (февраль — апрель 1943 года)

В конце января стало очевидным, что усилия советских войск прорвать оборонительную полосу противника только ударами с севера являются безуспешными. Тогда в Ставке возникла идея фланговых ударов и выхода в тыл немецкой группировке в районе Мга — Мустолово — Синявино силами пяти-шести дивизий 55-й армии Ленинградского фронта из района Красный Бор — Ивановское (в направлении Мги) и силами шести дивизий 54-й армии Волховского из «погостьинского мешка» (в направлении Васькины Нивы — Шапки). Одновременно войска других армий должны были наступать на Мгу с севера.

По целям и задачам это была всё та же «Искра»; согласно официальной истории — ряд не связанных между собой армейских операций; по мемуарам советских маршалов-генералов — вовсе не было никакой операции. Так, бои местного значения.

На самом деле, задачи, поставленные Волховскому и Ленинградскому фронтам, являлись частью стратегического замысла, имевшего целью разгром всей группы армий «Север», освобождение Ленинградской области и создание предпосылок для выхода в Прибалтику.

В намечаемом наступлении должны принять участие более 400 тысяч солдат Северо-Западного фронта и специально созданная Особая группа под командованием «непотопляемого» генерала М.С.Хозина (1-я танковая, 68-я общевойсковая армии и Резервная группа), которой отводилась главная роль. После прорыва немецкой обороны южнее озера Ильмень Особая группа должна была нанести удар в северо-западном направлении, выйти в район Порхов — Дно — Струги Красные, перерезать коммуникации группы армий «Север», освободить Псков и совместно с 27~й армией нанести удар на Лугу.

Войскам правого крыла Северо-Западного фронта после овладения Старой Руссой предстояло во взаимодействии с 52-й армией Волховского фронта взять Новгород.

Группе Хозина предписывалось в это время овладеть районом Кингисепп, Нарва и отрезать пути отхода противника, ведущие в Эстонию. После этого оставалось «уничтожить волховскую и ленинградскую группировки» и собрать трофеи.

•••

Операция на окружение мгинско-синявинской группировки началась 10 февраля. От Колпино в направлении Тосно, после двухчасовой артподготовки, при поддержке 1-й Краснознаменной танковой бригады, 31-го и 46-го танковых полков атаковали 72,43-стрелковые и 63-я гвардейская дивизии 55-й армии Ленинградского фронта.

Их встретили подразделения 250-й испанской «Голубой» дивизии (по цвету мундиров, а не в силу сексуальных наклонностей) генерала Эстебана-Инфантеса. По данным Кареля, у испанцев на 30-километровом участке находились: 260-й пехотный полк (2500 человек), а также три батальона (общая численность до 2000 человек), несколько частей специального назначения, 24 орудия и ни одного танка; у русских — 33.000 человек, 60 танков, до 1000 орудий.

За три дня боев советским войскам удалось прорвать оборону противника, продвинуться на 4 км вдоль Московской железной дороги и овладеть населенными пунктами Красный Бор, Старая Мыза, Чернышево и станцией Поповка. На острие удара находилась гвардейцы генерала Симоняка. Как вспоминает И.М. Душевский:

«Комдив Н.П. Симоняк говорил: «Братцы, разобьем испанцев! Кто останется жив — все будете Герои Советского Союза». Мы налетели на них как коршуны, и через три часа Красный Бор был наш. Для моей роты эта операция оказалась самой удачной... Хотели нас наградить, да отменили. Как сказал командующий 55-й армией В.П. Свиридов, — взятие Красного Бора было операцией местного значения. Лишь немногие получили солдатские медали».

На захваченных позициях закрепились части 14-го укрепленного района. Немедленно в прорыв ввели подвижную группу под водительством заместителя командарма, генерал-майора И.М. Любовцева. Группа имела задачу ударом вдоль линии Октябрьской железной дороги овладеть Ульяновкой. Однако 222-й танковой и 34-й лыжной бригадам, входившим в состав группы, не удалось развить успеха. Причина:

«Из-за внезапно наступившей оттепели танкисты не могли действовать вне дорог, а лыжники превратились в обычных пехотинцев».

Врагу погода, разумеется, не мешала. Кроме того, даже по мнению «арийцев нордической расы», обычно с высокомерием относившихся к своим союзником, испанцы дрались геройски:

«Испанцы стойко сражались кинжалами, лопатами и ручными гранатами. Их исключительная доблесть заслуживает памяти потомков».

«Голубая» дивизия потеряла убитыми и ранеными более половины своего состава (около 3200 человек), но продержалась до подхода спешно переброшенной из района Чудово 212-й пехотной дивизии генерала Реймана. Немцы контратаковали и потеснили советские части назад. Введенная в сражение 268-я стрелковая дивизия Борщева не смогла переломить ситуацию. На левом фланге армии 43-я стрелковая дивизия полковника Я.П. Синкевича и 34-я лыжная бригада подполковника Я.Ф. Потехина, потеснив противника на 3—4 км, вышли на берег реки.

Итогом двухнедельных боев стало освобождение войсками Ленфронта Красного Бора, но прорыв на Тосно не удался. Советские потери немцы оценили в 11 тысяч человек убитыми.

Генерал Свиридов перенес усилия на свой левый фланг и 23 февраля предпринял попытку развить наступление с Ивановского плацдарма. По плану

удар с «пятачка» в сторону Ульяновки, Тосно наносила 43-я стрелковая дивизия. Одновременно в тыл противнику, в Ивановское, по льду Невы вышла 56-я отдельная бригада, сформированная из моряков Кронштадта, численностью 4800 человек под командованием М.Д. Папченко. Моряки ворвались в немецкие траншеи, захватили мачтопропиточный завод и церковь.

Знакомый уже противник, переформированный в 4-ю панцергренадерскую полицейскую дивизию СС, плюс части 2-й пехотной бригады СС, оказал сильнейшее сопротивление. Ожесточенный бой, длившийся один день, закончился гибелью десанта. Под убийственным огнем 43-я стрелковая дивизия в атаку так и не поднялась.

До января 1944 года позиции сторон здесь не изменились.

• • •

Наступавшая от Смердыни 54-я армия (115, 177, 198, 281, 294, 311-я стрелковые дивизии, 140-я стрелковая, 124-я танковая бригады, 6-я бригада морской пехоты), навалившись на 217-ю пехотную дивизию на фронте в 5 км, начала теснить немцев. Но внезапно она столкнулась с 96-й пехотной дивизией, переброшенную сюда с синявинского направления для отдыха и пополнения. Вместе с частями 61-й и 132-й пехотных дивизий полки генерала Нёльдехена приняли участие в отражении советской атаки. Продвижение армии Сухомлина за февраль составило 3—4 км.

По заведенной привычке превращать собственные поражения в победы, Мерецков уверяет, что 54-я армия «свою задачу выполнила». Оказывается, она «сумела отвлечь на себя фашистские войска, предназначенные для прорыва к Шлиссельбургу». В ходе «отвлечения» сам командующий фронтом, в компании с К.Е. Ворошиловым, как обычно потащившим всех на передовую, едва не угодил в плен к немцам.

Надо сказать, что командующий немецкой группой армий «Север» Линедманн в тот момент меньше всего думал о прорыве к Шлиссельбургу, поскольку 15 февраля южнее озера Ильмень шесть общевойсковых и одна танковая армия Северо-Западного фронта под командованием маршала С.К. Тимошенко начали операцию с целью разгрома

Боевые действия в феврале — декабре 1943 г.

16-й германской армии и выхода в тыл 18-й армии. Результатом этого наступления стала организованная эвакуация противником демянского мешка, который он удерживал в течение 17 месяцев, и установление линии фронта по реке Ловать.

Но это всё. Общее стратегическое наступление на северо-западном направлении провалилось. Особая группа войск генерала Хозина была расформирована. Забавно, как Мерецков, считающий свою задачу «выполненной», оценивает действия маршала Тимошенко:

«Я делаю такой вывод: хотя к тому времени Красная Армия уже добилась крупных успехов, нашим военачальникам еще было чему учиться в сложном искусстве ведения современной войны».

На северном фасе синявинского выступа 67-й армии Духанова, перешедшей в наступление 12 февраля, за пять дней ожесточенных боев удалось взять развалины 1-го и 2-го Городков и 8-ю ГЭС и продвинуться на 5 км к югу в район Арбузове Под угрозой окружения немцы оставили 17 февраля позиции перед Невским «пятачком». Закончилась эта легендарная и бессмысленная эпопея.

В надежде на прорыв блокады советские войска удерживали Невский плацдарм около 400 суток. Его перепахали разрывы снарядов и мин. После войны подсчитали, что здесь на каждый квадратный метр обрушилось до 12 кг металла. На каждом метре «пятачка» погибли 17 человек. А всего около 250 тысяч советских воинов. Этого количества было достаточно для комплектования, как минимум, 22 дивизий, или 3-4 общевойсковых армий. Плацдарм стал огромной братской могилой, так и не сыграв никакой оперативной роли.

На востоке, в полосе 4-й армии Волховского фронта, вновь была предпринята попытка сбросить немцев с Киришекого плацдарма. Намаявшись с рощей Высокая, военные инженеры вспомнили опыт Крымской войны и решили сделать под нее подкоп. Минную галерею две команды саперов 44-й дивизии, соблюдая строжайшие меры скрытности, вели с конца ноября 1942 года. После проходки 180 метров под землей в конце галереи устроили взрывную камеру, заложили более 30 тонн взрывчатки, смонтировали взрывные сети. И вот в 7 часов утра 23 февраля 1943 года роща Высокая и располагавшийся в ней немецкий опорный пункт взлетели на воздух. Советский штурмовой батальон одним броском, не встречая сопротивления, занял новую позицию, но на этом всё закончилось. Дальнейшее продвижение остановили контратаки противника.

27 февраля нарком обороны Сталин указал Жукову и Ворошилову:

«Главной причиной неудачи явилось то, что 67-я и 2-я ударная армии действовали порознь и каждая на своем участке обязывалась прорвать огневую систему противника, что привело к распылению сил и средств, к бесцельным большим жертвам в живой силе и технике».

Маршал Жуков, чьей задачей как раз являлась координация действий волховчан и ленинградцев, абсолютно ничего о своем участии в февральском прорыве не вспомнил. Его «размышлизмы» за этот период прошлого посвящены перипетиям Сталинградской битвы, в которой Георгий Константинович участия не принимал, и плавно перетекают к Курской дуге.

Директива Ставки наступление приказывала временно прекратить, 2-ю ударную армию, в целях централизации управления, передать в состав Ленинградского фронта, ликвидацию синявинской «болячки» поручить генералу Говорову, представительство — маршалу Ворошилову. Правда, ровно через неделю Сталин передумал и приказал вернуть армию Романовского обратно. В начале марта бои ненадолго стихли.

• • •

Но немедленно была задумана новая наступательная операция по разгрому мгинско-синявинской группировки 18-й армии путем нанесения более глубоких фланговых ударов. Волховскому фронту поставили задачу прорвать оборону противника на участке Вороново — Лодва и, развивая удар южнее Мги, соединиться с войсками Ленинградского фронта в районе Вайтолово.

Войска Говорова обязаны были проломить немецкие позиции у Красного Бора, овладеть Ульяновкой и Саблино с последующим продвижением к Вайтолово и во взаимодействии с войсками Мерецкова «уничтожить или пленить» вражескую группировку. На «Синявинском фронте» 2-й ударной и 67-й армиям приказывалось временно перейти к обороне.

Начало операции назначили на 14 марта 1943 года, завершить планировали не позднее 25 марта. Организация взаимодействия между фронтами и координация их действий возлагались на маршала Ворошилова.

Для выполнения поставленной задачи командующий Волховским фронтом выделил 8-ю армию в составе десяти стрелковых дивизий, двух стрелковых и двух танковых бригад, всей артиллерии усиления, которой располагал фронт. В своем резерве Мерецков оставил одну стрелковую дивизию и две стрелковые бригады.

Командарм-8 построил войска ударной группировки в два эшелона. В первом были пять стрелковых дивизий (286, 256, 378, 374-я и 265-я), четыре танковых полка (35, 25, 33, 50-й) и вся артиллерия усиления. Во втором — три стрелковые дивизии (239, 364-я и 64-я гвардейская) и две танковые бригады (122-я и 185-я). К северу от намеченного участка прорыва, от Воронова до Гайтолово, занимали позиции 372-я стрелковая дивизия и 58-я стрелковая бригада.

Перед армией генерала Старикова на участке прорыва оборонялись полки 223-й пехотной и 285-й охранной немецких дивизий.

От Красного Бора на противника должна была обрушиться 55-я армия, имевшая в двух оперативных эшелонах 9 дивизий (72, 291, 123, **131,** 46, 189, 224, 13, 268-ю стрелковые) и 6 бригад (56, 250-я стрелковые, 222, 152, 220, 30-я гвардейские танковые) и еще 31-й танковый полк прорыва!

Сложности в организации подвоза войск, боеприпасов и материальных средств в условиях начавшейся весны вынудили перенести начало наступления на 19 марта.

Наступление 8-й армии началось с артиллерийской подготовки продолжительностью 2 часа 15 минут. За три дня войскам удалось прорвать передний край обороны противника на фронте 7 км и продвинуться вперед от 3 до 4 км. Подвижный отряд в составе 191-го гвардейского стрелкового полка 64-й гвардейской дивизии и танкового батальона 122-й танковой бригады под командованием майор Рудько прорвался к железной дороге Мга — Кириши, но был отрезан. Немцы, перебросив к участку прорыва 11, 21-ю и 121-ю пехотные дивизии, непрерывно контратаковали, бои приняли затяжной характер. Ворошилов сообщал в Кремль:

«За 21 марта, несмотря на ввод двух свежих дивизий для развития прорыва, части 8-й армии за день боя продвижения не имели. Причины — огневое противодействие противника, а главное — плохая организация управления войсками. Две дивизии второго эшелона 20 марта были введены через боевые порядки войск первого эшелона. Ввод этих дивизий фактически не был организован и, вследствие отсутствия четкого руководства войска в лесу перемешались между собой, управление было потеряно.

Истинное положение командование армии установило только к вечеру 21 марта, получая до этого от дивизий донесения о продвижении с указанием пунктов, которые в действительности не занимались. Весь остаток дня 21 марта и ночь на 22 марта ушли на приведение в порядок перепутавшихся войск».

1 апреля Мерецков ввел в сражение из резерва 14-ю стрелковую дивизию и 1-ю отдельную стрелковую бригаду, которые совместно с 64-й гвардейской дивизией должны были овладеть карбусельским узлом сопротивления врага, создав тем самым условия для развития наступления всей ударной группировки армии. Однако возросшее сопротивление противника, перебросившего 69, 121, 21-ю пехотные и 5-ю горнострелковую дивизии, одолеть не удалось. Сутки спустя наступление 8-й армии окончательно захлебнулось.

Армия ленинградцев, продвинувшись по сигналу «Ураган» на 3—4 км в сторону Ульяновки, была остановлена 4-й дивизией СС, легионом «Нидерланды», ротой «тигров» и переброшенным на грузовиках прямо к полю боя батальоном 5-й горнострелковой дивизии. Затем подошли части 58, 170-й и 254-й пехотных дивизий. Из 500 принявших бой «фламандцев» уцелели 45 человек, но Саблино и Ульяновка оказались недостижимыми. П. Карель утверждает:

«Потери с русской стороны были еще более ужасающими. Во втором сражении на Ладожском озере пролились реки крови. Торфяное болото у Синявино, леса у Колпино и Красного Бора являли собой одно жуткое поле брани».

30 марта генерал Говоров доложил, что достиг весомых результатов: во-первых, сорвал германский удар, готовившийся на колпинском направлении (?), во-вторых, еще раз убедился «в исключительно важном значении в системе обороны противника ульяновского узла» (!), и попросил разрешение прекратить атаки по причине стремительно заканчивавшихся снарядов и солдат. Дескать, шесть дивизий 55-й армии нуждаются «в укомплектовании и приведении их в порядок».

Ворошилов в своем донесении Верховному от 1 апреля сообщил прямым текстом: из выделенных Ленинградским фронтом девяти дивизий остались три. По его мнению, следовало свернуть операцию и дать войскам хотя бы месяц на приведение себя в порядок, накопление боеприпасов и обучение пополнений элементарным приемам наступательных действий:

«Нужно научить хотя бы отдельные батальоны действиям в лесу».

Сталин согласился. 4 апреля армии получили приказ закрепиться на достигнутых рубежах и подготовить сильно эшелонированную оборону. «Историки

в погонах» утверждают, что это «позволило 8-й армии успешно отразить последовавшие с 11 апреля неоднократные атаки превосходящих сил противника (?!), в том числе 5-й горнострелковой и 69-й пехотной дивизий». Между прочим, генерал Стариков имел «всего-навсего» 14 дивизий (11 стрелковых, 1 артиллерийскую, 2 зенитные), 5 бригад (3 стрелковые, 2 танковые) и 20 отдельных полков (4 танковых, 15 артиллерийских и минометных).

Современные статистические исследования российских историков указывают советские потери только по операции «Искра», которую они считают завершенной 30 января 1943 года. При этом «армейские операции» Ленинградского и Волховского фронтов они в расчет не берут. Из доклада Ворошилова можно узнать лишь следующее:

«Потери в людях в обоих фронтах весьма велики, расход боеприпасов, по сравнению с достигнутыми успехами, большой, потери в танках значительные», и все это результат не только и, по-моему, даже не столько потому, что силен враг, сколько следствие того, что мы недостаточно хорошо подготовились к этой операции».

Немецкие военные историки вполне резонно полагают, что в период с 12 января по 4 апреля 1943 года вокруг Мги разворачивались три фазы Второго Ладожского сражения, в ходе которого потери двух советских фронтов составили 270 тысяч человек, 847 танков и 693 самолета. Если прикинуть по расходу бойцов в «Искре» — 6000 человек в день, то оно примерно так и выходит.

•••

В апреле наступило временное затишье. «Хитрый ярос-лавец» (Мерецков) немедленно принялся составлять новый план по разгрому мгинско-синявинской группировки противника. Уверяя Сталина, что враг «систематически ведет подготовку к штурму Ленинграда», и лишь активные действия Волховского фронта этот штурм «срывают», он просил еще танков, еще снарядов и пополнений, пополнений, пополнений. Пополнение генерал получил, но вместо танков — приказ совершенствовать оборону. Директивой от 16 апреля из состава Волховского фронта была выведена и передана Ленинградскому 2-я ударная армия. В начале мая в резерв Ставки отправилась 52-я армия.

Вместо Ворошилова представителем Ставки был назначен маршал С.К. Тимошенко. За провал стратегического прорыва в Прибалтику, стоивший потери более 100 тысяч бойцов и командиров Северо-Западного фронта, «красного маршала» перевели в «координаторы» до конца войны.

Обе противоборствующие стороны пережидали распутицу, совершенствовали оборону, а Мерецков «всё больше думал» над планами летней кампании. И как только командующий начал думать, а в этом деле главное начать, у него в голове забродили не Бог весть какие оригинальные, но вполне здравые мысли:

«Что необходимо для того, чтобы упредить вражеский удар по нашим войскам у Ладоги? Вовремя нанести контрудар (До преднамеренной обороны он еще не додумался, это выходило за рамки нашей доктрины — В.Б.). А что нужно сделать для подготовки

нашего наступления? Ослабить оборону противника. А как отвлечь его внимание от левого фланга фронта, если операцию придется проводить именно там? Конечно, привлекать внимание к правому флангу. А каким образом волховчанам оттягивать дивизии фашистов с других фронтов? Только уничтожая их соединения на нашем фронте. Наконец, как всего этого добиваться, сохраняя при этом свои войска? Переключиться на массированное использование нашей артиллерии и авиации».

Так, методом логического анализа, провоевав два года, генерал армии Мерецков додумался до массированного и систематического использования огневых средств с целью изматывания противника в ходе позиционной борьбы. Идея оформилась в план «Длительного артиллерийско-авиационного наступления в условиях собственной и вражеской стабильной обороны». Или проще — «мельница».

Политработник Калашников уверяет, что Волховский фронт, непрерывно нанося немалый урон противнику, сам потерь не имел, «так как действовала в основном артиллерия с закрытых позиций». Однако это утверждение не стыкуется с той задачей, которую настойчиво решали под его руководством политотделы соединений:

«Неутомимое воспитание у людей наступательного порыва».

Это значит, что советское командование по-прежнему неустанно реализовало принцип активной обороны, только артиллерии теперь было значительно больше, а на снарядах и бомбах можно было не экономить. Как сообщает Мерецков, на одних участках фронта проводилась по полной схеме массированная огневая подготовка с переносом огня, имитирующая начало наступления, на других — бойцов посылали в атаки без всякой огневой подготовки, чтобы не снижался «боевой тонус». Хотя он считает, что людские потери у него были «несущественные», Волховский и Ленинградский фронты теряли убитыми и ранеными в среднем до 2000 человек в сутки. Но в целом, «это нормальные боевые будни фронта, научившегося организовывать оборону».

«Мельница» работала с середины мая до начала июля. Сколько таким образом «перемололи» немцев — неизвестно, по утверждению Мерецкова, «тысячи солдат и офицеров». Сколько израсходовали снарядов — не сообщается, но и так ясно, что много. Зато совершенно точно, что генералы Вермахта не были настолько тупы, чтобы лишь через полтора месяца разгадать мерецковскую хитрость:

«К началу июля, понеся достаточно большие потери, фашисты поняли наконец наш замысел и научились довольно искусно отводить свои войска из-под огневых налетов. А мы в ответ прекратили операцию, посчитав, что она уже сыграла свою роль».

Думается, все было наоборот. Немцы владели искусством «отводить свои войска» с первого дня войны и довольно часто использовали этот прием. Скорее всего, в начале июля об этом догадалось советское командование и перестало выбрасывать боеприпасы на ветер.

Параллельно готовилась новая наступательная операция двух фронтов.

Германское военно-морское командование, учитывая уроки 1942 года, предприняло меры по подготовке к дальнейшему усилению противолодочных рубежей, поставив целью с началом весны «герметически» закупорить Финский залив.

В апреле противник поставил между островом Нарген и полуостровом Ханко двойные противолодочные сети глубиной до 60 метров, протяженностью по фронту около 30 миль. Сетевое заграждение дополнили минные банки. Были значительно уплотнены уже существующие минные поля. Чтобы обеспечить устойчивость противолодочных сетей в условиях непогоды, их не углубили до самого дна, а образовавшуюся придонную щель прикрыли 200 донными минами, исключавшими проход субмарин под сетью.

Работы были завершены до 9 мая. Всего немцы и финны поставили 9834 мины и 1244 минных защитника. Одновременно они произвели несколько активных минных постановок на Сескарском плесе, у острова Лавенсари и на подходах к Кронштадту.

Усиление противолодочного рубежа в Финском заливе весной 1943 года практически исключало использование подводных лодок Балтийского флота на морских коммуникациях. Советское командование имело об этом достоверные данные. Штабные учения показали, что ни одна лодка такой барраж не преодолеет, но как обычно подводникам поставили прежние задачи.

Первой на переходе в Кронштадт прямо в Морском канале на неконтактной мине подорвалась и затонула лодка Щ-323 капитана 2-го ранга А.Г. Андронова.

7—9 мая от Лавенсари отошла группа лодок в составе гвардейской Щ-303, краснознаменной Щ-406 и Щ-408. Вернулась только одна — Щ-303. Форсировав Гогландские минные поля, ее командир капитан 3 ранга И.В. Травкин попытался преодолеть Ханко — Наргенскую позицию. Лодка трижды попадала в противолодочные сети и, получив разрешение, чудом вернулась в Кронштадт. Две другие «щуки» — капитана 3 ранга Е.Я. Осипова (Щ-406) и капитан-лейтенанта П.С. Кузьмина (Щ-408) — были обнаружены противником и уничтожены ударами авиации и надводных кораблей.

Дальнейшие попытки форсировать Финский залив при такой плотности противолодочного рубежа не имели смысла. Чтобы обеспечить выход субмарин в Балтийское море, требовалось либо уничтожить противолодочный рубеж, либо создать обходной путь, что было возможно только в результате овладения южным или северным побережьем Финского залива.

Лодки уходили в поход одна за другой и не возвращались. Флотоводец Трибуц, не уступая в твердости сухопутным начальникам, посылал на прорыв новые экипажи. В августе с целью разведки обстановки западнее Гогланда вышли подводные лодки С-9 под командованием капитана 3 ранга А.И. Мыльникова и С-12 капитана 3 ранга А.А. Бащенко. Обе погибли на минах. Правда, лодки М-90, М-96 и М-102, выходившие на разведку Гогландского плеса и Нарвского залива,

благополучно возвратились в базу.

Рассказывают, что несколько старших офицеров Балтийского флота составили челобитную в Москву, которую с оказией тайно передали начальнику Главного морского штаба адмиралу И.С. Исакову. Тот доложил Сталину. Только после звонка Верховного командующий флотом, заслуживший среди подводников прозвище «Убийца», прекратил уничтожать свои подводные силы.

До октября 1944 года подводные лодки Балтийского флота, плотно заблокированные в восточной части Финского залива, в море больше не выходили.

Глава 13. МГИНСКАЯ ОПЕРАЦИЯ (июль — август 1943 года)

В конце мая 1943 года Говоров и Мерецков были вызваны в Кремль и получили приказ о проведении Мгинской операции. Замысел её сводился к нанесению встречных ударов войсками Ленинградского и Волховского фронтов по флангам мгинско-синявинской группировки противника с целью окружения и уничтожения.

Генерал Мерецков главный удар наметил силами 8-й армии Старикова, с востока на запад, в направлении Вороново — поселок Михайловский, Мга. Для обеспечения левого фланга ударной группировки готовился вспомогательный удар на Карбусель — Турышкино.

План генерала Говорова предусматривал овладение силами 67-армии Духанова Синявинскими и Келколовскими высотами, полное очищение от противника восточного берега Невы на участке Арбузово — Ивановское и установление общего фронта с 55-й армией и войсками Волховского фронта по линии Кировской железной дороги.

Чтобы встретится в Мге, солдатам Ленинградского фронта надо было преодолеть около 9 км, Волховского — 14 км, штурмуя вражеские укрепления, о которых возгордившийся своими успехами в строительстве «волховской засеки» генерал Хренов написал:

«Гитлеровская оборона, скажем прямо, ничуть не уступала нашей и имела достаточно большую глубину».

В общем, снова готовился лобовой штурм тех же немецких позиций и опорных пунктов, когда-то бывших русскими деревнями, с тех же направлений, по-прежнему — на Мгу. Вся разница — это новые «солдатики», новые «тридцать четверки» и выросшее на порядок, в качественном и особенно в количественном плане, артиллерийское, авиационное и инженерное обеспечение. Можно стопроцентно согласится с оценкой Польмана:

«Никаких новых идей и целей, никакой широты замысла и внезапности, а всего лишь продолжение второго Ладожского сражения, чего немецкое командование никакими контрмерами не могло предотвратить, ибо не располагало необходимыми для этого средствами».

И не требовалось от «красных гинденбургов» никакой «широты». Как утверждает Мерецков, Верховный Главнокомандующий в конце беседы подчеркнул:

«Главное для вас — не захват территории, а уничтожение немецких дивизий».

Основные события летней кампании ожидались в районе Курской дуги, а ленинградские дела Сталин отодвинул на второй план. Не слишком рассчитывая на то, что без пятикратного превосходства в силах над войсками Кюхлера удастся отбить у немцев Мгу, Верховный имел в виду стандартные задачи вспомогательных направлений: сковать, «обескровить», не позволить противнику перебрасывать

силы на центральный участок советско-германского фронта.

Элементарная военная арифметика давно подсчитала, что подобное «уничтожение» одной немецкой дивизии обойдется, как минимум в три своих, но высшее командование РККА подобное соотношение потерь устраивало. Экстенсивный метод ведения войны вполне сложился, машина смерти была отлажена и работала бесперебойно. Бывший солдат Н.Н. Никулин пишет:

«В пехотных дивизиях уже в 1941—42 годах сложился костяк снабженцев, медиков, контрразведчиков, штабистов и т.п. Людей, образовавших механизм для приемки пополнения и отправки его в бой, на смерть. Своеобразная мельница смерти. Этот костяк в своей основе сохранялся, привыкал к своим страшным функциям, да и люди подбирались соответствующие, те, кто мог справиться с таким делом. Начальство тоже подобралось не рассуждающее, либо тупицы, либо подонки, способные лишь на жестокость. «Вперед!» — и всё.

Мой командир пехотного полка в «родной» 311-й дивизии, выдвинулся на свою должность из командира банно-прачечного отряда. Он оказался очень способным гнать вперед без рассуждений свой полк. Гробил его множество раз, а в промежутках пил водку и плясал цыганочку.

Командир же немецкого полка, противостоявшего нам под Вороновым, командовал еще в 1914—1918 годах батальоном, был профессионал, знал все тонкости военного дела и, конечно, умел беречь своих людей и перебить наши наступающие орды... Великий Сталин, не обремененный ни совестью, ни моралью, ни религиозными мотивами, создал столь же великую партию, развратившую всю страну и подавившую инакомыслие. Отсюда и наше отношение к людям.

Однажды я случайно подслушал разговор комиссара и командира стрелкового батальона, находившегося в бою. В этом разговоре выражалась суть происходящего: «Еще денька два повоюем, добьем оставшихся, и поедем в тыл на переформировку. Вот и погуляем!». Солдаты всегда были навозом. Особенно в нашей великой державе и особенно при социализме.

Вспоминаю, как генералу Симоняку сказали: «Генерал, нельзя атаковать эту высоту, мы лишь потеряем множество людей и не добьемся успеха». Вечно пьяный Симоняк (ему на Ленинградском фронте доверили гвардейский стрелковый корпус) отвечал: «Подумаешь, люди. Люди — это пыль, вперед!...

Хозяин из Москвы, ткнув пальцем в карту, велит наступать. Генералы гонят полки и дивизии, а начальники на месте не имеют права проявить инициативу. Приказ «Вперед!» и пошли умирать безответные солдаты. Пошли на пулеметы. Обход с фланга? Не приказано, выполняйте, что велят. Да и думать и рассуждать разучились. Озабочены больше тем, чтобы удержаться на своем месте, да угодить начальству. Потери значения не имеют. Угробили одних, пригонят других. Людей много. А людей этих хватают в тылу, на полях, на заводах, одевают в шинели, дают винтовку и — «Вперед!». И растерянные, испуганные, деморализованные, они гибнут как мухи...

Удивительно разная психология человека, идущего на штурм и того, кто

наблюдает за атакой со стороны, когда самому не надо умирать. Тогда кажется все просто: вперед и только вперед!»

Теоретически предполагалось, что наступление советских войск вынудит германское командование стянуть в район мгинского выступа крупные силы, подставив их под сосредоточенные огневые удары мощных артиллерийских и авиационных группировок. По мнению советского командования, станция Мга должна была стать «магнитом, притягивающим к себе вражеские войска». Однако эта мысль своей «глубиной» больше напоминает известный анекдот, когда петух бежит за курицей и сам себя успокаивает: «не догоню, так согреюсь».

Кроме того, командующий Волховским фронтом, подозревавший вероломных германцев в подготовке наступления с целью выхода к Ладожскому озеру и восстановления блокады Ленинграда, как обычно, собирался этот штурм «сорвать». Мерецков неизвестно откуда насчитал в составе группы армий «Север» 68 дивизий и 6 бригад:

«А в целом Кюхлер, с учетом его резервов и войск, расквартированных на временно оккупированной советской территории в тыловой зоне его группы армий, мог рассчитывать на десятки дивизий».

Уточним: «в целом» Кюхлер мог рассчитывать на 46 имевшихся в его распоряжении на начало июля дивизий и одну бригаду. В составе 18-й армии Линдеманна, в основном за счет ослабления соседней 16-й армии, начитывалось 28 пехотных, авиаполевых, горнострелковых дивизий и латышская бригада СС. В резерве командующего группой армий «Север» имелась 18-я моторизованная, 388-я учебная и 223-я пехотная дивизии. Три охранные дивизии обеспечивали «новый порядок» в тыловой зоне.

В составе Волховского фронта, которому противостояли 15 пехотных дивизий противника, на 1 июля имелось 28 стрелковых и 1 артиллерийская дивизия, 6 стрелковых и 6 танковых бригад, 5 отдельных танковых полков и 6 отдельных танковых батальонов, а также 2 укрепрайона.

В районе задуманного советской Ставкой избиения немецких войск — в «бутылочном горле» — зарылись в землю семь дивизий 26-го армейского корпуса: на востоке, у Карбусели, Вороново и Гайтолово — 212-я и 69-я пехотные дивизии, вдоль Кировской железной дороги 1-я пехотная и 5-я горнострелковая. На севере, по обе стороны от «Носа Венглера» стояла 290-я, на Синявинских высотах — 11-я дивизия и на реке Мойка — 23-я пехотная дивизия. В резерве Линдеман держал 121-ю пехотную и 28-ю егерскую дивизии. Силы противника советская разведка оценивала примерно в 100 тысяч человек, 140-160 танков и штурмовых орудий.

Советское командование собрало в 67-й и 8-й армиях более 250.000 солдат и офицеров, 550 танков и самоходных установок.

8-я армия, получив дополнительные соединения из резерва Волховского фронта, имела в своем составе 11 стрелковых дивизий и 2 стрелковые бригады. Войска ударной группировки были построены в два эшелона: в первом — четыре стрелковые дивизии (184, 378, 256, 364-я), каждая из них усиливалась танковым

полком; во втором — также четыре стрелковые дивизии (379, 239, 165-я и 374-я) и две танковые бригады (16-я и 122-я). Резерв составляли 286-я стрелковая дивизия и 58-я стрелковая бригады. Прорыв намечался на участке протяженностью 13,5 км.

Начальник инженерных войск армии полковник Германович имел в своем распоряжении 11 дивизионных саперных батальонов, три инженерные бригады и два отдельных саперных батальона фронтового подчинения.

В 67-й армии, прорывавшейся на участке Арбузово, Синявино, насчитывалось 8 стрелковых и 2 кавалерийские дивизии, гвардейская танковая бригада, три отдельных танковых полка.

Поддержку и прикрытие наземных войск должны были обеспечить авиаторы 13-й и 14-й воздушных армий, а также соединения авиация дальнего действия — около 1000 самолетов (немцы имели 140 машин). Только Мерецкову было разрешено израсходовать на операцию 850 тысяч снарядов и мин — более тысячи вагонов. Наступление Ленинградского фронта предварялось десятидневной, Волховского — пятидневной обработкой немецких позиций, к которой только на участке 67-й армии привлекалось около 2900 орудий.

Летом 1943 года в советском Генштабе возникла мода присваивать крупным наступательным операциям фамилии русских полководцев. Так, войска Брянского и Центрального фронтов проводили операцию «Кутузов», завершившуюся освобождением Орла, заключительный этап Курской битвы назывался «Румянцев», Смоленская операция Калининского и Западного фронтов — «Суворов». Наступление Ленинградского и Волховского фронтов получило в честь автора известного прорыва название «Брусилов».

• • •

С 12 июля артиллерия Ленинградского фронта, согласно плану «подготовительного периода», приступила к планомерному разрушению сооружений вражеских опорных пунктов и узлов сопротивления, уничтожению огневых точек, подавлению «наиболее вредящих» его батарей, «изнурению» живой силы противника. С 17 июля в действие вступила артиллерия Волховского фронта.

Наконец, 22 июля в 6.35 утра, после мощнейшей полуторачасовой артиллерийской и авиационной подготовки, две советские армии двинулись на штурм. Огонь был настолько силен, что собственную пехоту напугал не меньше немецкой. Вспоминает бывший начальник оперативного отдела штаба артиллерии Волховского фронта полковник Д. Морозов:

«Через час после начала артподготовки густая пелена дыма и пыли заволокла местность. Когда огонь артиллерии был снят с первой траншеи противника и перенесен на триста-четыреста метров в глубину, то даже опытным офицерам казалось, что огневой вал остался на прежнем месте. Что же касается молодых пехотинцев, то они совсем растерялись и боялись голову поднять от окопа. Мы, артиллеристы, на этот раз, как говорится, перестарались. Прошло двадцать минут, а пехота не поднималась....

Нервничал командир дивизии генерал-майор Фетисов, и командующий артиллерией Кеременецкий. Да и как сохранишь спокойствие в такой обстановке. А пехота, оглушенная громом канонады, никак не могла понять, что огонь артиллерии давно уже снят с объектов атаки. Пришлось нам перенести огонь артиллерии еще глубже и резко ослабить его плотность.

Подошли танки. Вместе с ними пехота двинулась, наконец, вперед. Первая вражеская позиция была прорвана во многих местах... Вторую позицию, удаленную от первой на два—два с половиной километра, захватить с ходу не удалось. Слишком долго задержалась пехота с началом атаки, момент был упущен».

Снова, как и во всех предыдущих операциях, началось медленное кровопролитное «прогрызание» немецких укреплений.

На участке Арбузово — станция Синявино в первом эшелоне атаковали три дивизии 30-го гвардейского корпуса генерала Симоняка. Частично взломав передний край, они вклинились в немецкую оборону, но были встречены сильным огнем и яростными контратаками, а затем и вовсе отброшены на исходные позиции. Результаты пытавшейся содействовать 55-й армии были еще более мизерными.

В полосе 8-й армии события развивались аналогично, соединениям первого эшелона не удалось продвинуться дальше первой траншеи. В конце месяца в сражение были введены 379-я и 165-я стрелковые дивизии, сменившие 18-ю и 256-ю. Но и после этого положение не изменилось, советские войска топтались на месте, конечно, «перемалывая» по ходу дела силы противника. В схватку ступали все новые соединения. Бои разгорелись жесточайшие, пленных не брали.

Генерал Линдеманн почти сразу использовал свой резерв — 121-ю пехотную дивизию на восточном участке, 28-ю егерскую — западнее Синявинских высот. Пользуясь несогласованностью действий двух советских группировок, командующий 18-й армией успевал маневрировать силами, заменять потрепанные полки и удерживать позиции на обоих направлениях прорывов.

24 июля он снял из-под Ленинграда 58-ю пехотную дивизию генерала фон Граффена и бросил ее в контратаку между Невой и рабочим поселком № 6. При поддержке «тигров» немцы потеснили обратно части 67-й армии, но были остановлены сильнейшим фланговым огнем с западного берега. От Красного Бора была переброшена 254-я пехотная дивизия. Из состава 16-й армии фон Кюхлер передавал 126-ю пехотную дивизию, которая сменила 28-ю егерскую.

29 июля к операции присоединилась АДЦ. В её первом налете участвовали 333 самолета, в последующих — от 100 до 150. Мерецков сетует, что генерал-полковник А. Е. Голованов пожадничал и выделил фронту «не так уж много боевых машин». Зато бензин и бомбы расходовались неограниченно. В течение пятнадцати дней дальние бомбардировщики обрушивали удары с воздуха на коммуникации противника, начиная от Мги и Ульяновки и кончая Лугой, Нарвой и Псковом.

В ночь на 11 августа советская сторона задействовала еще семь дивизий. Так, генерал Стариков ввел в бой 256, 165-ю и 378-ю стрелковые. К исходу следующего

дня они заняли опорный пункт Поречье. 12 августа дальние бомбардировщики Голованова были перенацелены на центральный участок советско-германского фронта. Внезапно «сопротивление гитлеровцев возросло». Мерецков, по его собственному утверждению, был доволен:

«Оказалось, что гитлеровское командование целиком сняло из-под Ленинграда две пехотные дивизии, предназначенные для штурма города (в сентябре 1941 года фон Леебу не хватило для штурма 11 дивизий, в том числе трех танковых), и заткнуло ими дыру, чтобы локализовать прорыв, не дав ему превратиться в широкую брешь. Волховчане радовались этому и гордились: шутка ли, ведь срывался план фашистов вновь пробиться с юга к Ладожскому озеру и выполнялось указание Ставки о максимальном уничтожении гитлеровских войск!»

Сколько погибло собственных войск, маршал Мерецков никогда и нигде не вспоминал. Между тем, война, в зависимости от того, где находился очевидец, выглядит по-разному. Можно радоваться выполнению указаний Ставки, сидя в Малой Вишере в ста километрах от передовой, можно с НП дивизии ругать пехоту, которая не поднимается в атаку, а можно взглянуть с точки зрения «активного штыка», жизнь которого измерялась одной неделей, солдата, «ползущего на брюхе по фронтовой грязи».

Примерно в это время из района Погостье к станции Апраксин пост ночным маршем вышла и с ходу вступила в бой 311-я Кировская дивизия. Её бойцы не заметили ни «радостных лиц» волховчан, ни своей артиллерии, которая настолько «перестаралась», что к 17 августа исчерпала весь запас снарядов, отпущенных на операцию. Дивизия растаяла в три дня. Дневник сержанта 1067-го стрелкового полка разительно отличается от мемуаров гордого успехами маршала:

«15 августа. Подходим к передовой. Дивизия растянулась по траншеям. Как всегда путаница. То бежим, то ждем чего-то. Сравнительно тихо... укрылись в воронке... На дне воронки — каска. Пнул ее ногой — тяжело: в ней полчерепа, вероятно, с прошлого года. Идем дальше. Траншеи сходятся под железнодорожным мостиком, откуда один путь — в пекло. Навстречу ползут раненые, окровавленные и грязные с их желто-серыми лицами, запекшимися губами и лихорадочно блестящими глазами. Кряхтение, стоны, матерная брань...

Долго ли еще осталось нам жить? Говорят, в бой пойдем с хода, предыдущей дивизии хватило на два часа. «Бьёт!... Бьёт, стерва!» — отвечают раненые на расспросы... Земля ухабистая — воронка к воронке. Тяжело... Слух напряжен и болезненно ловит каждый шорох. Вот... Летит! Кубарем катимся в траншею, глубже, ниже, в яму, руками во что-то липкое... Грохот разрыва, падает земля. Пронесло. Встаем. Яма — сортир.

16 августа. Ночью закопались в землю недалеко от немцев. Сидим в ямах. Вылезти и встать нельзя — убьет. Кажется, ветер состоит из осколков. Чтобы чем-нибудь занять время, забыться, играем в тут же выдуманную игру: двое выставляют из ямы автоматы прикладом кверху, чей скорее разобьет, тот выиграл... Пушку разбило. Ствол загнут крючком.

В полдень идем с пакетом в тыл. Трое. Сперва ползком, как змеи, до траншеи, а

потом бегом, дальше. Ноги едва двигаются, дыхание с хрипом и свистом. Останавливаться нельзя. Те, кто пытался отдыхать, лежат теперь по обеим сторонам траншеи и кровь тонкими черными струйками стекает по глинистым стенкам, скапливается на дне липкими лужицами.... Начинается обстрел. Немцы, очевидно, нас заметили и бьют удивительно точно....

18 августа. С 14 числа не спал. Сидим в тех же ямах. Новую пушку закопали глубже прежней, и пока она цела. День назад прилетел из тыла наш снаряд и взорвался в пяти шагах от нас. Хорошо, что были в яме... Снаряд выворотил из земли покойника, еще свежего. Сегодня он греется на солнышке и попахивает. Здесь в земле целые наслоения. На глубине полутора-двух метров можно найти патроны, оружие, одежду, старые валенки. Все взметано...

Впереди, на нейтральной полосе, штук сорок танков. Одни рыжие, сгоревшие. Другие еще целые, но неподвижные — их расстреливают немцы из тяжелых мортир. Перелет — недолет, опять перелет. Трах! Многотонный танк разлетается в куски. Каково танкисту! Ведь он не имеет права покинуть подбитой машины.... Один танк стоит близко от нас, передом к нашим траншеям. Он возвращался из атаки, когда был подбит. Вокруг башни его намотаны человеческие внутренности — остатки десанта, ехавшего на нем в атаку. Снаряды, предназначенные немцами для этого танка, летят в нас. Глубже вжимаемся в землю...

От дивизии нашей давно остался один номер, повара, старшины, да мы, около пушки. Скоро и наш черед. Каша опять с осколками: когда подносчик пищи ползет, термос на его спине пробивает... Гимнастерка и штаны стали как из толстого картона: заскорузли от крови и грязи. На коленях и локтях — дыры до голого тела — проползал. Каску бросил, их тут мало кто носит, но зато много валяется повсюду. Этот предмет солдатского туалета используется совсем не по назначению. В каску обычно гадим, затем выбрасываем её за бруствер траншеи, а взрывная волна швыряет все обратно, нам на головы...

Покойник нестерпимо воняет. Их много здесь кругом, старых и новых. Одни высохли до черноты, голову, как у мумий, со сверкающими зубами. Другие распухли, словно готовы лопнуть. Некоторые неопытные солдаты рыли себе укрытия в песчаных стенках траншеи и земля, обвалившись от близкого взрыва, придавила их. Так они и лежат, свернувшись калачиком, будто спят под толстым слоем песка. Картина, напоминающая могилу в разрезе. В траншее тут и там торчат части втоптанных в глину тел; где спина, где сплющенное лицо, где кисть руки, коричневые, под цвет земли. Ходим прямо по ним.

20 августа. Около недели не смыкал глаз, да и не хочется. Последние дни — стрельба из пушки по площадям и по вспышкам, то есть в белый свет, ползание из конца в конец по передовой под обстрелом и кровь, кровь, кровь. Народа осталось совсем мало. Вечером приказ: выдвинуть пушку на острие прорыва для поддержки пехоты.

Настало наше время! Приказ надо выполнять! Ха! Там, где даже ночью опасно идти согнувшись, столпились мы кучей и во весь рост. Нас двадцать один — так много, потому что пушку надо нести на руках, настолько избита и вздыблена земля. До немцев меньше ста метров, я думаю, что они различают звездочки на наших

пилотках. Но почему они молчат?.. Ни одного выстрела, словно немцы удивлены нашей до дикости глупой безрассудностью, и с интересом ждут, что будет дальше... Неожиданно сзади хлопок, толчок в спину поднимает меня в воздух! Лечу и сотую долю секунды думаю «Конец!»...

22 августа. Очнулся в яме около другой пушки нашей батареи. Сюда меня притащили вчера. Оказывается, мы наехали на противотанковый фугас и взорвались. Из двадцати одного человека остались двое: я и один легко раненый. Семнадцать человек не нашли. Лишь случайно, метров за сорок от взрыва, обнаружилась нога с куском живота. Она упала на землянку командира пехотного батальона»...

Вопрос: кто кого в данной ситуации «перемалывал»? Противнику, как видим, снарядов хватало, он израсходовал их в восемь раз меньше, чем советские артиллеристы. Потому как немцы стреляли не в площадь, а в цель, не подавляли, а уничтожали, и никогда не занимались такой глупостью, как подсчет плотности артиллерийских стволов на километр фронта.

• • •

На заключительном этапе Линдеманн из района Киришей перебросил на грузовиках 61-ю пехотную дивизию, которая приняла полосу обороны 126-й дивизии у рабочего поселка № 6. По всему периметру «бутылочного горла» немцы прочно удерживали все позиции. В результате ожесточенных боев ударные группировки 67-й и 8-й армий в течение месяца лишь незначительно вклинились в оборону противника. Напряженность в ведении боевых действий стала ослабевать.

22 августа Сталин приказал дальнейшее наступление прекратить. Польман утверждает:

«Русское командование не сумело согласовать друг с другом свои наступательные операции на севере и на востоке таким образом, чтобы поставить немецкое командование в очень затруднительное положение. Впрочем, ожидать, что в третьем сражении на одном и том же поле боя появятся новые неожиданные идеи по части руководства боевыми действиями не приходилось».

Анализ бывшего полковника Вермахта совпадает с выводами командующего Ленинградским фронтом. Правда, генерал Говоров вину за неудачу свалил на генерала Мерецкова:

«Основной и главной причиной, определившей особый характер операции, явилась способность противника к непрерывному восстановлению обороны путем последовательной смены по мере уничтожения дивизий одного обороняющегося эшелона дивизиями второго, затем третьего эшелона и т.д...

Способность противника к непрерывному восстановлению обороны на синявинском направлении обусловлена не оправдавшимся расчетом на взаимодействие с соседним Волховским фронтом. Действия Волховского фронта не привлекли на себя оперативных резервов противника, что и позволило противнику часть сил снять с Ленинградского фронта и направить на Ленинградский фронт...

По плану операции предполагалось, что резервы противника будут рассредоточены между обоими фронтами. На самом деле все семь пд оказались перед Ленинградским фронтом».

Ну, что тут скажешь. Кюхлер и Линдеманн сражались без всякого плана, используя любую возможность для достижения победы, а этим деятелям кто мешал?

Впрочем, кто говорит о неудаче. Мерецков, к примеру, сообщает, что он «сковал» неизвестно откуда взявшиеся 68 дивизий и 6 бригад противника и «перемолол» части 21 дивизии.

При этом советские потери составили около 80 тысяч человек убитыми и ранеными, противника — около 20 тысяч. Красные командующие теряли 2660 солдат в сутки, Линдеманн — 670. Уложив четырех своих бойцов, убивали-таки одного немца. Значит, главная задача, поставленная Сталиным, действительно была выполнена:

«Соединения 18-й армии вследствие больших потерь уже не могли угрожать Ленинграду. Гитлеровское командование больше ее помышляло ни о восстановлении блокады, ни тем более о штурме города».

А Иванов русские бабы еще нарожают. Некоторую тревогу в Москве вызвал лишь фантастический расход боеприпасов. Начальник артиллерии Красной Армии генерал-полковник Николай Николаевич Воронов (1899—1968) направил на Волховский фронт своего представителя — разобраться, в чем дело. Но в ходе расследования стало известно, что товарищ Сталин положительно оценил результаты операции, в связи с чем расследование немедленно прекратилось. В директиве № 30175 Верховный отметил:

«Войска этих двух фронтов привлекли на себя значительные оперативные резервы противника, нанесли его войскам тяжелые поражения и тем самым выполнили часть возложенной на эти фронты задачи».

Про другую «часть» — станцию Мга — как-то забыли. Советские войска освободили ее лишь 21 января 1944 года. Не удивительно, что несмотря на все «достижения», Мгинскую операцию 1943 года генералы вспоминают неохотно, а иногда и вовсе делают вид, что ее не было. Например, генерал Борщев, командовавший дивизией, так и написал:

«Летом 1943 года мы вели тяжелые оборонительные бои (?) у Синявинских высот».

• • •

Впрочем, у Сталина были резоны для хорошего настроения. Лето 1943 года стало переломным в ходе Второй мировой и Великой Отечественной войны: советские армии начали движение на Запад.

Первыми победными салютами ознаменовалась победа в Курском сражении. В ходе грандиозной битвы удалось разгромить бронетанковые войска Вермахта, освободить Орел, Белгород, Харьков. Стратегическая инициатива окончательно перешла в руки Красной Армии.

Финляндия фактически прекратила боевые действия, её правительство, всё более убеждаясь в неизбежном крахе Тысячелетнего Рейха, предпринимало настойчивые попытки установить контакты с руководителями антигитлеровской коалиции, зондировало позиции Лондона, Москвы и Вашингтона на предмет условий заключения мира.

Англо-американские войска высадились на Сицилии и в Италии, открыв тем самым Второй фронт в Европе.

Постепенно изменялась в пользу РККА обстановка под Ленинградом, немецкий «нож», обильно орошаемый кровью, всё большее ржавел и затупливался. Положение войск генерал-фельдмаршала Кюхлера, измотанных непрерывными русскими атаками, значительно ухудшилось. Германское командование не могло усилить ее ни за счет стратегических резервов, ни за счет переброски сил из других групп армий.

В течение всего 1943 года группы армий «Север» для Гитлера словно не было. Если фюрер и вспоминал о ней, то лишь затем, чтобы забрать наиболее боеспособные дивизии. За второе полугодие Кюхлеру пришлось расстаться с единственной моторизованной и семью пехотными дивизиями, взамен он получил пять дивизий, имевших большой некомплект в личном составе и боевой технике. Верховное командование по-прежнему ставило задачу прочно оборонять позиции и продолжать блокаду Ленинграда, но в тылу группы армий, приблизительно по линии старой границы СССР с Прибалтикой, уже началось строительство нового оборонительного рубежа — линии «Пантера».

В заключение

К 30 января 1944 года советские войска прорвали оборону противника на фронте от Финского залива до озера Ильмень, нанесли поражение 18-й германской армии. На южном направлении удалось отбросить противника на 100 км от Ленинграда, на западном направлении — на 80 км. Армия Линдеманна распалась на две изолированные группировки: главную, отходившую к Луге, и западную, отступавшую к Нарве.

27 января в честь полного снятия блокады над Невой прогремел победный салют. И это была самая успешная фаза операции. Дальше немцы опять стали действовать «не по плану». В результате войска Волховского фронта не сумели в установленные сроки овладеть Лугой, что позволило противнику организованно отвести свои силы из мгинского выступа, из районов Чудово и Любани. Не смогли окружить врага в районе Тосно и Павловска войска Ленинградского фронта.

Весь февраль шли тяжелейшие бои севернее и восточнее Луги, немцев просто и незатейливо вытесняли с оккупированных территорий, а они планомерно отступили на запад и закрепились на заранее подготовленной линии «Пантера». Освободить Нарву, Псков и Остров не получилось, прорваться в Прибалтику — тем паче.

1 марта 1944 года наступление пришлось прекратить. В итоге были полностью уничтожены 3 немецкие авиаполевые дивизии, а еще 17 дивизий — разбиты. Но и советские потери превзошли все предыдущие «показатели» — 314 тысяч человек.

Полное освобождение Ленинградской области произошло лишь в июне — июле 1944 года, когда в ходе Выборгско-Петрозаводской операции Ленинградский и Карельский фронты нанесли поражение финской армии, потеряв при этом 96 тысяч солдат и офицеров. Красная Армия по-прежнему воевала большой кровью, по-другому она не умела и не могла.

Теперь возьмем перо, бумагу и произведем несложные арифметические расчеты.

Дабы нас не обвинили в том, что цифры «взяты с потолка», обратимся к известному статистическому сборнику российского Генерального штаба. * Вот что там сказано.

** См.: «Гриф секретности снят. Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и вооруженных конфликтах». М.: Воениздат, 1993.*

Потери Северного и Северо-Западного фронтов и Балтийского флота в Ленинградской стратегической оборонительной операции с 10 июля по 30 сентября 1941 года — 344.926 человек (из них 214.078 безвозвратные потери);

Потери Северного и Карельского фронтов в оборонительной операции в Карелии с 29 июня по 10 октября 1941 года — 130.000 (65.000 безвозвратные потери);

Потери 7-й Отдельной армии в 1942—1944 годы — 55.488(11.155);

Потери Волховского фронта в 1941—1944 годы — 965.857 (29.8623);

Потери Ленинградского фронта в 1941—1943 годах — 1.039.708 (199.407);

Потери Ленинградского и 1-го Прибалтийского фронтов и Балтийского флота в Ленинградско-Новгородской стратегической наступательной операции с 14 января по 1 марта 1944 года - 263.653 (64.675);

Потери Карельского и Ленинградского фронтов в Выборгско-Петрозаводской наступательной операции с 10 июня по 9 августа 1944 года — 96.375 (23.674).

Итого, согласно официальным и, по общему мнению, заниженным данным, — 2.896.007 человек убитыми, ранеными, пропавшими без вести с июля 1941 года, когда начались первые бои на Лужском рубеже, по август 1944-го. В том числе 876.612 человек — безвозвратно.

Это и есть те «многие тысячи», о которых писал Мерецков, положенные в землю ради спасения «миллионов». Маршал так и не понял, что более миллиона убитых и искалеченных только под его личным водительством солдат и офицеров через два — три поколения обернутся десятками миллионов не родившихся людей. Ведь на войне всегда гибнет наиболее здоровая и активная часть нации.

Добавим несколько иллюстраций к вышесказанному.

«По всем показателям мы должны были войну проиграть. Гитлер все рассчитал правильно, немецкий генеральный штаб четко осуществлял план войны. Противник допустил только одну ошибку. Он полагал, что первые месяцы войны сломят дух народа. Этого не произошло. Психологический фактор стал грозным оружием — единственным оружием, которого не было у противника.

Вспоминаю, как один из наших командиров-ополченцев Подрезов остался в окопе. Мы бежали, а он остался, сказав нам: «Больше не могу отступать. Стыдно». И отстреливался, пока его не убили».

(Из доклада писателя Даниила Гранина на торжественном заседании в Карлсхорсте).

«За день до моего ранения брал высоту один полковник. Он был в дрезину пьян, и как только подходило пополнение, посылал его в бой. И молодые, необстрелянные, плохо обученные, психологически еще неподготовленные ребята ложили свои головы. Полковник, оказывается, поспешил доложить, что высота взята. А это страшно — когда они о чем-то подобном раньше времени докладывают. Он знал, что ему уже «штрафной» не миновать, знал, что отрезвляться будет без погон и на скамье военного трибунала. Но до этого он же выбил пять-шесть русских деревень на высоте, которую так и не взял».

(Из интервью писателя Виктора Астафьева газете «Комсомольская правда»).

«Сегодня тебе повезло, смерть прошла мимо. Но завтра надо опять атаковать. Опять надо умирать. И не геройски, а без помпы, без оркестра и речей, а в грязи, в смраде. И смерти твоей никто не заметит: ляжешь в большой штабель

трупов у железной дороги и сгниешь, забытый всеми в липкой жиже погостьинский болот...

Чтобы не идти в бой, ловкачи стремились устроиться на тепленькие местечки: при кухне, тыловым писарем, кладовщиком, ординарцем начальника и т.д. и т.п. Но когда в ротах оставались единицы, тылы прочесывали железным гребнем, отдирая присосавшихся и направляя их в бой.

Оставались на местах самые пролазливые. Честного заведующего продовольственным складом, например, всегда отправляли на передовую, оставляя ворюгу. Честный ведь все сполна отдаст солдатам, не утаив ничего ни для себя, ни для начальства. Но начальство любит пожрать пожирней. Ворюга же, не забывая себя, всегда ублажит вышестоящего. Как же можно лишиться столь ценного кадра? Кого же посылать на передовую? Конечно, первого! Складывалась своеобразная круговая порука. Свой поддерживал своего. А если какой-нибудь идиот пытался добиться справедливости, его топили все вместе...

Надо думать, эта селекция русского народа — бомба замедленного действия: она взорвется через несколько поколений, в XXI веке, когда отобранная и взлелеянная большевиками масса подонков породит новые поколения себе подобных».

(Из «Воспоминаний» профессора Николая Никулина).

Вскользь упомянутые красными полководцами «тысячи» потерь специалисты не могут сосчитать до сих пор. Думаю, что это просто невозможно. Никакие статистические исследования, основанные «на донесениях фронтов, армий и других действующих группировок войск», не дадут точной цифры наших потерь. Поскольку сами эти донесения свидетельствуют лишь о полном пренебрежении к человеческой жизни и к человеческой смерти.

Так, весной 1942 года политрук Комков докладывал начальнику Политуправления Волховского фронта о проверке в 374-й стрелковой дивизии:

Учет убитых и похороненных, раненых и пропавших без вести за время боев отсутствует. Начальники штабов частей 1246,1242 не могли дать сведения на 28 марта 1942 г. о количестве убитых и похороненных, раненых и пропавших без вести...

Похоронные команды в соединениях, в частях не организованы. Похороны возложены в частях на трофейные команды, а при штабе соединения — на начальника АХЧ. Начальники трофейных команд о произведенных похоронах перед штабами не отчитываются.

Похоронные карты с отметкой братских могил и приложенным списком с похороненных в них не ведутся, как в соединениях, так и частях.

Описание местности братских могил, а также одиночных не ведется...

Красноармейские книжки рядовому личному составу не выданы, а также не имеется у командного состава удостоверений личности.

Уборка трупов производится несвоевременно, в виду чего при похоронах у

погибших не обнаруживается опознавательных документов, которые изымаются в момент гибели санитарами, товарищами или командирами»... А вот фрагмент из донесения начальника политуправления Волховского фронта начальнику Главного политуправления РККА:

«На участке 327-й дивизии 2-й ударной армии за 13 и 14 марта подобрали и похоронили 31 труп, из них опознано только 7 трупов. У остальных не оказалось никаких документов...

По 259 сд той же армии с начала февраля подобрано и погребено 248 трупов, 169 из которых — без установления личности. Кроме того, во время марша подобрали и похоронили 57 трупов из различных частей, также без установления личности.

В 1248-м полку 376 сд 52-й армии по списку значится погибших 450 человек, а работники штаба полка определяют число погибших в 750 человек. Списки раненых и пропавших без вести не составлены. В 38-м полку 65-й дивизии списки личного состава не заведены....

В 1248-м полку за все время войны послано извещений на 170 человек. В 1250-м полку той же 376-й дивизии родственникам убитых не выслано ни одного извещения. В части обнаружено 33 письма родственников военнослужащих, в которых они просят сообщить о судьбе близких. Хотя многие письма получены давно, они до сих пор оставлены без ответа»...

Их никто и никогда не считал. Их даже не хоронили. Трофейные и хозяйственные команды, мобилизованные «гражданские» — все они занимались «очисткой местности от трупов». Павших помнили и помнят лишь те, кто сумел выжить, вопреки стараниям Мерецкова, Жукова, Федюнинского, Хозина и прочих таких же.

«Мы помним вал из трупов почти в человеческий рост, который приходилось преодолевать, бросаясь в атаку на Синявинские высоты. Мы помним болото перед деревней Гай-толово, забитое мертвыми телами. По ним, как по гати, бежали атакующие. Мы помним Круглую рощу, знаменитую когда-то на Волховском фронте: около нее полегли дивизии 2-й ударной армии...

Мы помним дом отдыха в селе Вороново, высоту «Лесную» — «высоту смерти», как ее называли солдаты... Можно было бы долго перечислять названия высот и опорных пунктов. Потери около каждого из них превышали, к примеру, жертвы Бородинского сражения»...

Невский пятачок, Синявино, Гайтолово, Тортолово, Мишкино, Вороново, Поречье, Корбусель, Погостье, Кириши, Мясной Бор и многие другие места, сметенные с лица земли деревни, говоря словами «волховчанина» Д. К. Жеребова, представляют собой «гигантское ожерелье кладбищ, охватывающих Санкт-Петербург с востока в радиусе шестидесяти — ста километров».

После войны память о них, а заодно о военных неудачах и страшных потерях, планомерно уничтожали бульдозерами, производя мелиоративные работы, высаживая сады, возводя на костях дома отдыха и народнохозяйственные объекты.

Например, в бывшей деревне Гайтолово, на месте жесточайших боев, воинская часть, «наследница славных традиций», построила в 1990 году свиноводческий комплекс с отстойником для навоза. На возмущенное письмо участника войны в Министерство обороны последовал глумливый ответ, что «ветераны тоже любят свинину».

Такое же отношение советская власть проявила к потерям гражданского населения: главная задача была не сосчитать, а скрыть. Поэтому уже в феврале 1949 года был фактически разгромлен Музей обороны Ленинграда.

Памятный знак на одном из немецких кладбищ под Санкт-Петербургом. Надпись на камне гласит:

Путник, остановись в благоговении

И скажи Родине, что ты видел Нас, лежащими здесь!

Мы погибли по закону долга!

Разница в отношении к мертвым особенно хорошо стала видна после крушения Советского Союза и пресловутого «железного занавеса». Германия по сей день хоронит своих павших воинов. Так, у деревни Сологубовка создан мемориальный комплекс, где перезахоронены останки примерно 60 тысяч солдат Вермахта. Для их поиска и погребения немцы за вознаграждение нанимали местных жителей.

У победителей же, как и прежде, есть более интересные занятия. Кости павших красноармейцев сгребают на свалки и помойки. Лишь отдельные энтузиасты собирают их и хранят в мешках по сараям и амбарам — на похороны у государства денег нет.

Использованные источники

Барбашин И.И., Харитонов А.Д. **Боевые действия Советской Армии под Тихвином в 1941 году.** М.: Воениздат, 1958. - 80 с.

Беляев С, Кузнецов **П. Народное ополчение в обороне Ленинграда.** Л.: Лениздат, **1959. — 132** с.

Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов. СПб: «Полигон», 2004. — 768 с.

Борщев С.Н. **От Невы до Эльбы. Л.:** Лениздат, 1970. — 384 с.

Василевский А.М. **Дело всей жизни.** Минск: «Беларусь», 1984. - 542 с.

Гальдер **Ф. Военный дневник. Том 3 (в** 2-х книгах). М.: Воениздат, 1971.

Заслон на реке Тосне. Сборник воспоминаний защитников Усть-Тосненского рубежа в 1941-1944 гг. (Составитель И.А. Иванова). СПб: «Политехника», 2003. — 336 **с.**

Дважды Краснознаменный Балтийский флот. М.: Воениздат, 1990. - 342 с.

Дегтярев **Г.Е. Таран и щит. М.:** Воениздат, 1966. Дзенискевич **А.Р.** и др. **Непокоренный Ленинград.** Л.: «Наука», 1970.-416 с.

Иванова **И.А. Усть-Тосно — Синявинская операция 1942 года.** Рукопись.

Иноземцев **И Г. Под крылом — Ленинград. Боевой путь ВВС Ленинградского военного округа, Ленинградского фронта и 13-й воздушной армии в годы Великой Отечественной войны.** М.: Воениздат, 1978. — 272 **с.**

История Второй мировой войны 1939-1945. В 12 томах. М.: Воениздат, 1975.

История ордена Ленина Ленинградского военного округа. М.: Воениздат, 1974. — 612 с.

Калуцкий Н.В. Огонь — на себя! М.: Воениздат, 1981. — 206 с.

Карель П. Гитлер идет на Восток. 1941—1943. М.: «Изо-графус» — «Эксмо», 2003. — 558 с.

Карпов В. Маршал Жуков. Его соратники и противники в дни войны и мира (Литературная мозаика). М.: Воениздат, 1992. - 462 с.

Катышкин И.С. Служили мы в штабе армейском. М.: Воениздат, 1979. — 208 с.

Коньков В.Ф. Время далекое и близкое. М.: Воениздат, 1985. - 208 с.

Коняев Н. М. Два лица генерала Власова. Жизнь, судьба, легенды. М.: «Вече», 2001. — 462 с.

Коровников И.Т. и др. На трех фронтах. Боевой путь 59-й армии. М.: Воениздат, 1974. — 327 с.

Кошевой П.К. В годы военные. М.: Воениздат, 1978. — 283 с.

Крылов В.А. Обыкновенные гвардейцы. М.: Воениздат, 1971.-262 с.

Ленинградская битва 1941—1944. Сборник статей. /Составители Г.И. Вавилина и др./ СПб: «Иван Федоров», 1995. - 204 с.

Ломагин Н.А. Неизвестная блокада. В 2-х томах. СПб: «Нева»/М.: «Олма-пресс», 2002.

Любанская наступательная операция. Январь — июнь 1942 года. Боевые действия второй ударной армии. /Сост. К.К. Крупица, И.А. Иванова/. СПб: ИНКО, 1994.-127 с.

Маннергейм К.Г. Воспоминания. Минск: «Попурри», 2004.-512 с.

Манштейн Э. Утерянные победы. Смоленск: «Русич», 1999. - 670 с.

Мерецков К.А. На службе народу. М.: Воениздат, 1983. - 432 с.

Мильченко Н.П. Залпы над Невой. М.: Воениздат, 1983.-256 с.

Мощанский И., Хохолов И. Невский бастион. Ленинградская стратегическая оборонительная операция 10 июля — 30 сентября **1941** года. М.: ПКВ, 2002. — 72 с.

На Волховском фронте **1941-1944.** М.: «Наука», 1982. — 398 с.

Невский пятачок. Л.: Лениздат. 1977. — 368 с.

Непокоренный плацдарм. Воспоминания участников обороны Ораниенбаумского плацдарма **1941—1944.** Л.: Лениздат, 1987. — 302 с.

Никулин Н.Н. Воспоминания о войне. Рукопись.

Одинцов Г.Ф. Повелители огня. Л.: Лениздат, 1980. — 296 с.

Окороков А.Д. Слово, ведущее в бой. М.: Воениздат, 1980.-452 с.

Павлов Д.В. Ленинград в блокаде. М.: Воениздат, 1961.-200 с.

Пантелеев Н.А. Морской фронт. М.: Воениздат, 1965. — 318 с.

Платонов А.В. Энциклопедия советских подводных лодок. **1941-1945.** М: «АСТ»/СПб: «Полигон», 2004. — 592 с.

Польман X. Волхов. 900 дней боев за Ленинград **1941-1944.** М.: «Захаров», 2000. — 128 с.

Россия и СССР в войнах XX века. Потери Вооруженных сил. Статистическое

исследование. /Под ред. Г.Ф. Кривошеева/. М.: «Олма-пресс», 2001. — 608 с.

Русаков З.Г. Нашим морем была Ладога. Моряки Ладожской военной флотилии в битве за Ленинград. Л.: Лениздат, 1989. — 174 с.

Советская военная энциклопедия. В 8 томах.

Танкисты в сражении за Ленинград. Л.: Лениздат, 1987.-336 с.

Трагедия Мясного Бора. Сборник воспоминаний участников и очевидцев Любанской операции (Составитель И.А. Иванова). СПб: «Политехника», 2001. — 360 с.

Трибуц В.Ф. Балтийцы сражаются. М.: Воениздат, 1985.-464 с.

Федюнинский **И.И. Поднятые по тревоге. М.:** Воениздат, 1961. —248 с.

Хренов А.Ф. **Мосты к победе. М.:** Воениздат, 1982. — 350 с.

Черепанов А.И.. М.: Воениздат, 1984. — 304 с.

Чероков **В.С.** Для **тебя Поле ратное моё, Ленинград!** М.: Воениздат, 1978. — 206 с.

Широкорад А.Б. Корабли **и катера ВМФ СССР 1939—1945 гг.** (Справочник). Минск: «Харвест», 2002. — **944** с.

Щеглов Д. **В ополчении.** М.: Воениздат, 1960. — 286 с.

Ярхунов В.М. Через Неву (67-я **армия в** боях **по прорыву блокады** Ленинграда). М.: Воениздат, 1960. — 96 с.

Коротко об авторе

Владимир Васильевич Бешанов родился в 1962 году. В 1984 году окончил Калининградское высшее военно-морское училище. В течение восьми лет проходил службу на кораблях Северного и Черноморского флотов. В 1992 году, будучи капитан-лейтенантом, уволился в связи с «украинизацией» Черноморского флота и вернулся в родной Брест. С 1996 года преподает военную историю в Брестском педагогическом университете и пишет книги.

К настоящему времени он опубликовал следующие работы:

Шестьдесят сражений Наполеона (2000)

Люди-лягушки: История подводных диверсионных средств и сил (в соавторстве) (2000)

Танковый погром 1941 года: Куда исчезли 28 тысяч советских танков? (2000)

Энциклопедия авианосцев (2002)

Год 1942 — «учебный» (2002)

Десять сталинских ударов (2003)

Ленинградская оборона (2005)

Кадры решают всё! (2006)